



LELAND STANFORD JUNIOR
ORGANIZED 189

ІСТОРІЯ

КАГО НАРОДА.

IV.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

IV.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.
IV.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

Сочиненіе

Николая Полеваго.



ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед-Хирург. Академіи.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 4 дня, 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ, И. Снегиревъ.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА

КНИГА IV.

Отъ нашествія Монголовъ до утвержденія Великаго Княжества за Княжествомъ Московскимъ, или до кончины Князя Іоанна Калиты (съ 1236-го до 1341-го года): *первая половина* владычества Татаръ надъ Русью.

СОДЕРЖАНІЕ.

Георгій и Ярославъ Всеволодовичи — Александръ и Андрей Ярославичи — Михаилъ Черниговскій — Димитрій и Андрей Александровичи — Даніилъ Галицкій—Михаилъ, Димитрій и Александръ Тверскіе—Георгій и Іоаннъ Даніиловичи — Θедоръ Ярославскій—Довмонтъ Псковскій — Ананія, посадникъ Новгородскій — Кириллъ, Митрополитъ Владимірскій, и Петръ, Митрополитъ Московскій — замѣчательнѣйшіе представители сего періода.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Если Исторія есть бесѣда ума съ памятью, на развалинахъ царствъ и гробахъ народовъ, то справедлива-ли послѣ сего унылая дума, тревожащая душу, при созерцаніи того времени въ *Исторіи Русскаго народа*, которое мы предпринимаемъ описывать?

Ужасенъ былъ праотцамъ нашимъ 1237-й *годъ*, предвозвѣщенный, какъ они думали, страшными небесными и земными чудесами и знаменіями (1); ужасны были и *два столѣтія*, за нимъ слѣдовавшія... *двѣсти лѣтъ* рабства, страха смертнаго, гибели въ прошедшемъ, безнадежности въ будущемъ! Чей умъ не поколебался-бы, чье сердце не содрогнулось бы, созерцая въ XIII, XIV-мъ и даже въ половинѣ XV-го вѣка судьбу Руси! Дивиться-ли

(1). *Ист. Русскаго народа*, т. III, прим. 307.

послѣ сего, что праотцы наши, цѣлыми поколѣніями, отъ колыбели до гроба, неся тяжкія цѣпи рабства иноплеменниковъ, чуждыхъ родомъ, нравами, обычаями, отвратительныхъ по религіи и ужасныхъ дикою грозою владычества, наполнили преданія своего времени какою-то грустью безнадежности, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-то ужасомъ, выражающими состояніе души, подобное тому, въ которомъ бываютъ обитатели города, пораженнаго тлетворною язвою? Иго, наложенное иноплеменникомъ, всегда тяжко; но живые завидуютъ мертвымъ, если повелители-иноплеменники — варвары свирѣпые, чуждые самой начальной гражданской образованности, и въ дикой гордости почитающіе себя чѣмъ-то высшимъ противъ несчастнаго раба своего. Тогда — нѣтъ мѣры скорби и позору, для людей подвластныхъ имъ!

Но мы, потомки отстрадавшихъ праотцевъ, съ безстрастіемъ разсматривая прошедшіе вѣка ихъ, соболѣзнуя сердцемъ бѣдствіямъ отцовъ нашихъ, въ тоже время должны созерцать бытіе предковъ съ другой точки зрѣнія.

Таже *необходимость* событій, какая раскрылась передъ нами въ Удѣльномъ періодѣ, раскроется для насъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ Монгольскаго владычества надъ землями Русскими.

Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, необходимъ по таинственнымъ судьбамъ Провидѣнія, для того, чтобы переживъ оный, Русь явилась *самобытнымъ государствомъ* въ ряду другихъ государствъ. Изображая періодъ Удѣловъ, и находя, что сущность его заключается въ развитіи общественности по дикимъ странамъ Сѣвера (2), мы видѣли въ событіяхъ его какое-то распаденіе цѣлости народной, какое-то стремленіе частностей къ самобытному образованію. Въ періодѣ владычества Монгольскаго найдемъ совсѣмъ другой порядокъ дѣйствій: мы увидимъ, какъ объятыя внезапною бурею бѣдствій, и залитыя потоками крови, самобытныя частности станутъ исчезать постепенно; какъ въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится остатокъ древней Руси; какъ все будетъ потомъ стремиться къ сему остатку прежняго, или, лучше сказать, къ сему зародышу новаго; какъ Провидѣніе явитъ намъ людей сильныхъ духомъ, какъ всѣ прежнія частности Руси постепенно будутъ ими соединяемы, и по глаголу Бога, раздѣлятся воды отъ суши и будетъ свѣтъ— возстанетъ изъ мѣлкихъ *Русскихъ Княжествъ* великое *Россійское Государство.*

Не унывать, но поучаться должно человѣку, созерцая такое дивное устройство судебъ

---

(2). Ист. Р. Н. начало III-го Тома, стр. 9—15.

Божіихъ, и тѣмъ поучительнѣе подобное зрѣлище жизни человѣка, утучняющей ниву жизни Человѣчества, когда для сего соединяются дѣйствователями Европа и Азія, народы идутъ отъ песчаныхъ пустынь далекаго Востока въ лѣса и дебри Волжскіе и Днѣпровскіе, и рука Провидѣнія пишетъ Исторію ихъ огромными, могущими чертами, являя потомъ совсѣмъ новый народъ, совсѣмъ новое образованіе. Мы увидимъ судьбу такого новаго образованія, новаго народа въ Руси — судьбу великую! Разсматривая событія отъ пришествія Нордманновъ, или Варяговъ, къ Славянамъ, до нашествія Монголовъ на Русскія земли, мы видѣли начало и жизнь *Русскаго народа*. Со времени нашествія Монголовъ, до низверженія рабства, ими наложеннаго, мы увидимъ начало и жизнь *Русскаго государства*.

Сей великій періодъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 лѣтъ (3), подобно періоду Удѣловъ, самъ собою, естественно, дѣлится также на двѣ половины: первую — до основанія самобытности *Московскаго Княжества*; вторую — до основанія самобытности *Россійскаго государства*. Разница та, что въ періодѣ жизни *Русскаго народа*, мы видѣли сначала безпрерывное возвеличеніе, и дѣйствователей силь-

---

(3) Считая съ 1237-го по 1462-й годъ, т. е. начало царствованія Іоанна III-го.

ныхъ духомъ, подвизавшихся для возвеличенія Руси; потомъ находили постепенный упадокъ, униженіе: мужи сильные умалялись, исчезали, или бездѣйствовали, и тѣ, которые еще *не угашали духа*, оказывались безсильны противъ потока событій, ихъ увлекавшаго. Противное увидимъ въ періодѣ жизни *государства Россійскаго*. Первая половина его представитъ намъ еще болѣе глубокое паденіе духа, еще большее бездѣйствіе общественной силы; мужей крѣпкихъ духомъ не будетъ вовсе, или силу души будутъ они показывать только въ безстрашіи мученичества, только въ самоотверженіи предъ гибельною кончиною. Но чудно все станетъ оживать передъ нами во второй половинѣ сего періода! Отколѣ явятся новые люди, и отколѣ новая сила! Какіе смѣлые подвигоположники возстанутъ на дѣло Провидѣнія! И что всего изумительнѣе: Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ и безсильныхъ къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души, и — возвеличится *Россія*!...

Мы сказали, что въ слѣдующемъ послѣ Удѣловъ періодѣ, рука Провидѣнія писала Исторію Руси огромными, могущими чертами: судьбы его соеди-

нили здѣсь Европу съ Азіею; ставили въ рядъ Европейскихъ народовъ новый, сильный и могущій народъ; сливали Русь съ Европою, дотолѣ отъ нея отдѣльною, и между тѣмъ достигшею совершенно новаго образованія. Пока въ горнилѣ двухъ-вѣковаго бѣдствія перегорала Русь — Европа кончила *періодъ Среднихъ вѣковъ*, и вступила въ вѣкъ новаго бытія, до насъ продолжающійся.

Сіе воззрѣніе на Исторію, уже знакомое мыслителямъ другихъ странъ Европы, для насъ такъ еще ново, что Историкъ Русскій принужденъ останавливаться, и, убѣждая другихъ въ истинѣ сего воззрѣнія, предварительно долженъ опровергать ложныя мнѣнія, поселенныя издревле младенчествомъ умственныхъ понятій. Не страшась превратнаго истолкованія словъ нашихъ, не внимая воплю предразсудковъ, всегда упрямыхъ и упорныхъ, въ заблужденіи, мы уже опровергали и — смѣемъ думать — *опровергли* ложныя понятія, какія составляли донынѣ, изъ грубыхъ преданій, народная наша гордость, и не понимавшая сущности дѣлъ слѣпая любовь къ отечеству Историковъ нашихъ, о началѣ Русскаго народа, о событіяхъ до періода Удѣловъ, особенно о о самомъ періодѣ Удѣловъ. Необходимо и здѣсь начать наше повѣствованіе опроверженіемъ.

Изумляясь исполинскому *началу Руси*, дивному, безпримѣрному въ лѣтописяхъ другихъ странъ и народовъ; полагая, что *Русь* въ самомъ началѣ уже образовала собою обширное, могущественное и *единовластное государство*, представляли намъ до нынѣ періодъ Удѣловъ волненіемъ бунтовщиковъ противъ Великихъ Князей, главныхъ повелителей и единовластителей Русскихъ странъ. Вопреки явному обличенію дѣлами, Историки мечтали видѣть сіе основаніе въ жизни Русскихъ странъ, и думали, что оно ослабило наконецъ силы Руси, хотя и неразрушило системы единовластія. Несправедливость сихъ предположеній уже обнаружилась передъ нами, въ безпристрастномъ и вѣрномъ изложеніи событій. Нашествіе Монгольскихъ ордъ, и иго рабства, наложенное ими на Русь, подавали поводъ къ новымъ заблужденіямъ Историковъ. Не простирая взора за предѣлы Руси, какимъ-то *отвратимымъ* зломъ почитали они сіи бѣдствія, и горевали о судьбѣ Руси, увѣренные, что *безъ междоусобій удѣльныхъ* Руссы могли-бы разбить полчища Монголовъ, и отвратить грозу власти ихъ (*).

---

(4). Не говоримъ о другихъ, у которыхъ являлась сія, впрочемъ общая всѣмъ Русскимъ Историкамъ мысль, и обращаемся къ Карамзину. «*Еслибы Россія,*

Сказать: *что было, то долженствовало быть*, значило-бы впасть въ фатализмъ, недостойный Исторіи. Мы не довольствуемся имъ—нѣтъ! Вопрошая умъ нашъ, при повѣркѣ событій не одной Руси, но всей Европы и Азіи въ XIII-мъ вѣкѣ, мы узнаёмъ, какъ малъ и недостаточенъ былъ обзоръ тѣхъ людей, чье мнѣніе о періодѣ Монгольскаго владычества мы теперь изложили. Исторія двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, посредницею коихъ была Русь, вѣчное поприще перехода народовъ изъ Азіи въ Европу, представляетъ намъ совсѣмъ новый взглядъ на періодъ Монгольской власти.

Въ сей періодъ всколебались волны послѣдняго великаго движенія народовъ; онѣ обхватили пространство отъ острова Явы до Новгорода, отъ береговъ Корейскихъ до береговъ Адріатическаго моря, и отъ Индіи до Перми. Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно,

---

говоритъ онъ, «*была единодержавнымъ* государствомъ (но она *не была* имъ), отъ предѣловъ Днѣстра (но Днѣстръ былъ *внѣ* древней Руси) до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона (но Донъ *не былъ* Русскимъ), Сулы, то она *спаслась-бы*, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго» (Ист. г. Р., Т. III, 225). Слич. еще Т. IV, стр. 17, 18. гдѣ Карамзинъ разбираетъ причины успѣховъ Монгольскихъ полчищъ въ Руси, находя главную въ томъ, что Русскіе Князья *не хотѣли соединиться для ихъ отраженія*...

какъ ужасны буря, потопъ, землетрясеніе: кровь и слезы обильно лились въ сей періодъ на берегахъ Инда, Гоангъ-го, Аракса, Волги, Одера и Дуная. Думать, что сила какого нибудь Юрія, или хитрость какого нибудь Даніила, могли отвратить сію грозу отъ земель Русскихъ, и при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать въ прошедшемъ тайнъ жизни Человѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ — было-бы несообразно съ великимъ назначеніемъ Исторіи.

Отвергнемъ-же малодушныя сѣтованія, и раскроемъ скрижали Исторіи съ тѣмъ безпристрастіемъ и хладнокровіемъ, съ какимъ уже читали мы ихъ донынѣ. Страсть удѣлъ Поэта, но не Историка.

Вначалѣ сообразимъ прежніе выводы наши.» «Новый порядокъ дѣлъ произошелъ отъ того, «что съ униженіемъ достоинства Великаго «Князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право «обладать благословенными горами Кіева, яви-«лась самобытная жизнь частей (5)» — таковъ былъ первый выводъ нашъ. Мы указали послѣ сего на гибель Половцевъ, какъ будто« очищавшихъ поприще чему-то грозному, чему-то

(5). См. Ист. Р. Н. Т. III, стр. 12, 13.

« страшному, темнѣвшему въ дали степей Во-« сточныхъ (6); » на ослабленіе Полоцка, породившее Литву; на защиту Руси отъ Венгріи и Польши Галичемъ; на явленія частныхъ силъ — Рязани, Мурома, Курска, Новгорода Сѣверскаго, и, наконецъ, Владиміра Залѣсскаго, съ которымъ гнѣздо будущихъ событій отодвинулось въ Сѣверъ (7). Въ заключеніе, мы сказали, что *повѣсть о второй половинѣ періода Удѣловъ рѣшитъ намъ то, что еще кажется неяснымъ въ событіяхъ первой половины;* что мы увидимъ въ ней « ниспроверженіе, уже « не Великаго Княжества — оно пало съ смер-« тію Мономаха — но даже самаго мѣста, гдѣ « оно существовало — *Кіева*, дотолѣ только « для Половцевъ не бывшаго предметомъ бла-« гоговѣнія; увидимъ, какъ разгаръ страстей « доведетъ до рѣшительнаго раздѣленія сѣверъ, « югъ, всѣ части Руси; унизитъ характеръ « однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго вре-« мени Руссовъ; сдѣлаетъ другихъ какими-то « странствующими Рыцарями чести и удальст-« ва, и доведетъ наконецъ всю Русь до крова-« вой бани очищенія (8). »

---

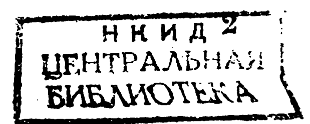
(6) Ист. Р. Н. Т. III стр. 13.
(7) Ист. Р. Н. Т. III стр. 13, 14.
(8) Ист. Р. Н. Т, III стр. 14, 15.

И не все-ли это показала намъ вторая половина періода Удѣловъ? Сообразимъ здѣсь главныя черты событій съ 1157-го по 1236-й годъ. Въ это время два поколѣнія перешло по лицу земли: умерли дѣды, отжили отцы, жили внуки.

Прежде всѣхъ погибъ *Олеговичъ* (Изяславъ, въ 1161 г.) и скончался *Мономаховичъ* (Ростиславъ, въ 1167 г.), послѣдователи старой системы: *преобладанія надъ другими посредствомъ званія Великаго Князя* (9). Въ Кіевѣ сѣлъ Мстиславъ Изяславичъ. Личный врагъ его, Андрей Боголюбскій, отринувшій старую систему и образовавшій отдѣльную силу въ Суздальской области, принялъ старшинство надъ союзами Смоленскихъ Ростиславичей и Черниговскихъ Олеговичей. Кіевскій Князь вскорѣ палъ отъ соединенной ихъ силы. Андрей господствовалъ послѣ сей побѣды, объявилъ Кіевъ удѣломъ своимъ, и назвалъ себя Великимъ Княземъ (10). Мгновенный порывъ самовластія взволновалъ тогда душу Андрея. Такъ-же, однимъ ударомъ, хотѣлъ онъ сломить Новгородъ, какъ сломилъ Кіевъ и Мстислава; но силы его сокрушились о грудь Новгородскую, и въ не-

---

(9) Ист. Р. Н. Т. III, стр. 24, 25.
(10) Въ 1169. году.



доумѣніи остановился онъ, думая видѣть въ неудачѣ своей прещеніе судьбы (11). Между тѣмъ Олеговичи и Мономаховичи ссорились и коварствовали. Еще разъ Андрей испыталъ силы. Мужественный Ростиславичъ, Мстиславъ Храбрый, оказалъ явное презрѣніе къ его власти, и разбитіе полчищъ Андрея и его союзниковъ совершенно укротило горделивые порывы Суздальскаго Князя (12). Вскорѣ погибшій отъ рукъ убійцъ, онъ оставилъ на поприщѣ дѣйствій *Олеговичей*, мѣлкихъ, но сильныхъ коварствомъ, и *Ростиславичей*, крѣпкихъ рукою Мстислава Храбраго. Олеговичи дѣйствовали неутомимо; смуты, междоусобія, все казалось позволеннымъ сему союзу Князей Олегова рода, руководимому Святославомъ Черниговскимъ. Святославъ вмѣшался въ споры за Суздальское наслѣдство, и въ тоже время искалъ Кіева. Достойный его соперникъ, *Мономаховичъ*, Всеволодъ добылъ Суздаль себѣ. Тогда захотѣлъ возвыситься надъ всѣми Мстиславъ Храбрый, одушевилъ собою Новогородцевъ, побѣдителей Боголюбскаго, но — гробъ отверзся передъ нимъ въ самомъ началѣ его поприща (13). *Святославъ и Всеволодъ*, равно

(11) Въ 1170 году. См. Ист. Р. Н., т. III, стр. 60.

(12) Ист. Р. Н., т. III, стр. 69.

(13) Въ 1180 году. См. Ист. Р. Н., т. III, стр. 102,—105.

неспособные къ великимъ подвигамъ, но равно хитрые, остались на свободѣ, довольствовались взаимнымъ опасеніемъ, и дозволяли другъ другу уничтожать мѣлкихъ Князей. Это разъединяло Русскія земли. Нѣсколько лѣтъ, отдѣльно, Всеволодъ душилъ свободу Новгородскую, жегъ Рязань, иногда билъ Волжскихъ Булгаровъ, и сими дѣйствіями поддерживалъ названіе Великаго Князя. Въ сіе время слабѣлъ Полоцкъ, возставала Литва, вгнѣздился въ Ливонію Орденъ Меченосцевъ — порожденіе современной идеи Крестовыхъ походовъ. Съ Половцами Руские полевали, не сражались, и Святославъ дѣйствовалъ отдѣльно на Югѣ, какъ Всеволодъ на Сѣверѣ: владѣлъ Кіевомъ, ссорился, мирился съ Ростиславичами, всего хотѣлъ, не имѣлъ духа ни на что рѣшиться, и умеръ, когда въ Галичѣ, посреди смятеній, какимъ подвергла сію область смерть долголѣтняго, умнаго сына Владимiркова, явился Князь грозный и умный Романъ (14). Немного времени держалъ онъ въ рукахъ своихъ управленіе южною Русью. Съ погибелью его снова ожила мѣлкая крамола; Олеговичи и Ростиславичи отнимали Кіевъ и иные города другъ у друга; малодушничали, хитрили, и, при политикѣ Суздальскаго Князя, брали поперемѣнно пер-

(14) Въ 1187 году. Романъ является съ 1197 года.

венство. Олеговичамъ надлежало наконецъ перемочь. Но здѣсь явился человѣкъ *безъ страха и укоризны*, истинный рыцарь духомъ: мы говоримъ о *Мстиславѣ Удаломъ* (15). Разъединенная Русь залушалась его воли и меча. Но Удалый былъ уже чуждъ мысли о Великокняжествѣ, и представилъ собою только зрѣлище великодушнаго самоотверженія для пользы другихъ—миря наслѣдниковъ Всеволода Суздальскаго, храня свободу Новгородцевъ, безопася Псковъ и Новгородъ отъ Меченосцевъ, защищая Галичъ отъ Польши и Венгріи, уничтожая крамолу Олего держа въ повиновеніи Ростиславичей — явленіе высокоое, удивительное, какими нерѣдко знаменуется послѣднее издыханіе государствъ и народовъ!

Тогда загремѣли первые громы Востока, разразившагося страшным тучами, которыя вихрь побѣдъ понесъ во всѣ стороны. Предъ мощью одной изъ нихъ палъ силою и душею Мстиславъ Удалый, какъ доказательство ничтожества мудрости и силы человѣческой предъ судьбами Бога (16). Съ изумленіемъ видѣли потомъ современники удаленіе грозной тучи варваровъ, и даже не замѣтили кончины Удалаго.

(15) Съ 1209 года. См. всю III-ю главу III-го Тома Ист. Р. Н.

(16) Битва на Калкѣ, 1224 года.

Мѣлкая крамола снова овладѣла умами, и доводила до рѣшительнаго безумія. Сынъ Всеволода, добрый Георгій, хранилъ только Суздаль, укрѣпляя союзъ съ племянниками. Свобода Новгородская боролась съ притязаніями Олеговичей, главнымъ представителемъ коихъ явился Михаилъ Черниговскій. Онъ и Ярославъ, братъ Георгія, дѣйствовали равно въ Кіевѣ и Новгородѣ. Михаилъ овладѣлъ наконецъ Галичемъ, столь тяжкимъ его роду, гдѣ аристократія вельможъ свирѣпствовала подобно демократіи вѣча Новгородскаго, и гдѣ сражались между собою въ одно время Венгрія, Польша, сынъ Романа Даніилъ, и Олеговичи. Какъ ничтожна Исторія сего времени: не было вѣры въ клятву, ни союза между Князьями и дружинами; пріѣздъ или отъѣздъ Князя означалъ завоеваніе или потерю Княжества!... Ярославу достался наконецъ Кіевъ; Даніилъ скрывалъ свои замыслы на Волыни; потомки Ростислава безпокойно владѣли Смоленскомъ; остальные Олеговичи тѣснились въ своихъ удѣлахъ, Черниговѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Рязани, Курскѣ, и такъ-же держались за Галичъ, какъ Ярославъ за Новгородъ.

Не явно-ли все это доказывало совершенное паденіе самой идеи Великаго Княжества? На минуту вспыхнувъ въ душѣ Боголюбскаго, она не являлась уже болѣе, и сдѣлалась тщетнымъ

названіемъ, которое принималъ тотъ, кому оно нравилось. Свирѣпство вражды выведено было притомъ изъ всѣхъ предѣловъ: и прежде Василько былъ ослѣпленъ, и жестокъ былъ на мщеніе Мономахъ; но сколько такихъ злодѣйствъ совершалось въ это время, и какъ равнодушно смотрѣли на нихъ современники! Вспомните ослѣпленіе племянниковъ Всеволодомъ, и погубленіе имъ Рязани; убіеніе Олеговичей въ Галичѣ; жестокость Романа; убійства въ Рязани; позоръ Кіева, ограбленнаго, опустошеннаго нѣсколько разъ... Но вотъ главное: разрушеніе идеи Великаго Княжества, при свирѣпыхъ страстяхъ и хладнокровной жестокости, породило двѣ другія идеи. Въ душахъ малосильныхъ явилась мысль объ укрѣпленіи коварствомъ, убійствомъ, политикою, частныхъ владѣній, и утвержденіи себя союзомъ родичей: таковы были Святославъ и Всеволодъ, державшіеся на Югѣ и Сѣверѣ Руси. Въ душахъ сильныхъ явилась другая мысль: о какомъ-то владычествѣ крѣпостью меча, безъ основанія отдѣльнаго частнаго владѣнія—такъ мыслили два Мстислава, отецъ и сынъ, отличенные названіемъ *Храбраго* и *Удалаго*, какъ будто и современники думали, что надобно отличить особыми названіями сіи новые, дотолѣ незнаемые характеры. Гдѣ первые губили, тамъ другіе возставляли; гдѣ одни коварствовали, тамъ другіе бились. И, при малѣйшемъ удоб-

ствѣ, тѣхъ и другихъ равно облегала и икрушила мѣлкая крамола подручныхъ Князей, безпрерывно болѣе и болѣе дробившая Княжества Удѣльныя.

Мы изложили уже состояніе Европы въ половинѣ XII-го столѣтія; показали, что кромѣ Ордена Меченосцевъ, сего вліянія идеи Крестовыхъ походовъ на дѣла Руси, и кромѣ вмѣшательства Польши и Венгріи въ дѣла Заднѣпровскихъ областей, Европа была совершенно отдѣльна отъ Руси, какъ основаніемъ своихъ обширныхъ политическихъ движеній, такъ своею вѣрою и своимъ образованіемъ. Дѣйствія Меченосцевъ, и проповѣдниковъ и воителей Датскихъ и Шведскихъ, ограничивались только столкновеніемъ съ Новгородомъ, Псковомъ и Полоцкомъ. Дѣйствія Венгріи и Польши касались только Волыни и Галича. Завоеваніе Царяграда Латинскими Крестоносцами отдѣлило жизнь Греціи отъ жизни Руси (17).

Такъ приготовилась Русь къ новому періоду, къ *кровавой банѣ очищенія* — какъ мы говорили выше. Здѣсь новый періодъ Исторіи Русскаго народа.

Мы описали уже начало гибельнаго переворота, долженствовавшаго совершиться мечами Азій-

---

(17) Ист. Р. Н. Т. III, стр. 15—22.

скихъ ордъ — несчастную битву на Калкѣ, и слѣдствія оной. Но мы говорили такъ, какъ говорили о семъ наши предки: ихъ слова, ихъ ужасъ, при появленіи неизвѣстныхъ дотолѣ варваровъ, ихъ горесть, при пораженіи Мстислава Удалаго, ихъ недоумѣніе, когда опять исчезли *языки незнаемые въ странахъ невѣдомыхъ*, представили мы (18). Теперь, обозначивъ происшествія, и разсмотрѣвъ сущность событій въ земляхъ Русскихъ, узнавъ отношенія Руси къ Европѣ, изложивъ дѣеписаніе съ того времени, когда начался Русскій народъ и прекратились переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, до тѣхъ поръ, когда Русь провела самобытно уже *два періода*, и снова должны были начаться переселенія въ Европу изъ Азіи, *переселенія послѣднія*—обратимся на Востокъ. Таинственная завѣса, закрывавшая Востокъ и Азію, раздралась снова въ сіе время для Европы и для Руси (19).

Не на мѣлкое начало Чингисова владычества должны мы обратить вниманіе наше — обзоръ событій будетъ въ такомъ случаѣ малъ и ограниченъ — но на общность Исторіи Азійской. Всего чаще происходитъ ошибочность мнѣній отъ

---

(18) Ист. Р. Н., Т. III., стр. 291 — 306, особенно прим. 288, 290 и 306-е.

(19) Ист. Р. Н., т. I, стр. 33 — 38, 50 и 51.

того, что люди, привыкшіе въ современномъ видѣть только часть событій (когда конецъ ихъ теряется въ будущемъ, а страсти затмѣваютъ начало), переносятъ сей образъ воззрѣнія и къ прошедшему.

Азія, обширнѣйшій изъ всѣхъ земныхъ материковъ, окруженный морями со всѣхъ четырехъ сторонъ, огромная толща земель, лежащая подъ всѣми климатами, отъ жаровъ экватора до вѣчныхъ льдовъ полюса, широко примкнутая къ Европѣ Уральскою и Кавказскою полосами земли, разнообразимая льдомъ и солнцемъ, произведеніями и мѣстностью, искони была (какъ мы уже говорили) «разсадникомъ племенъ, пересаждаемыхъ рукою Провидѣнія въ Европу, гдѣ суждено было имъ созрѣвать и давать плодъ, въ общественной и умственной жизни». Такъ древле переселились изъ Азіи въ Европу Индо-Германскія, Индо-Славянскія и Пелазгійскія племена; такъ шли потóмъ въ Европу племена *Саковъ* и *Монголовъ*, и преображали судьбы царствъ и народовъ (20).

Таковы слѣдствія; но не здѣсь заключались начало и причины народныхъ и родовыхъ переселеній и смѣшеній: они были производимы географическими и этнографическими причинами.

---

(20) Ист. Р. Н., т. I, стр. 31, и слѣд.

Разсматривая Азію, въ отношеніи географическомъ, видимъ громадныя возвышенія горныхъ хребтовъ, которыя, отъ главнаго узла Гиммалайскаго развиваются изъ средины Азіи во всѣ стороны, и дѣлятъ такимъ образомъ безмѣрное пространство ея на нѣсколько великихъ плоскостей, различныхъ климатомъ и родовымъ образованіемъ (21).

Сѣверъ Азіи представляетъ собою широкій объемъ земель, пологихъ къ Ледовитому морю, подверженныхъ холоду, степныхъ, лѣсистыхъ, обильныхъ звѣрями. Средина есть высокая горная плоскость между Алтаемъ и Тавромъ, отдѣленная песчаною степью Гобійскою отъ вос-

(21) Кажется, никто лучше знаменитаго Геерена не объяснилъ дѣленія Азіи горными хребтами, и слѣдующихъ изъ того физическихъ различій. См. его: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt (Геттингенъ, 4-е изданіе, 1824 года, Часть I. Allgemeine Vorerinnrunge. Сущность сего отдѣленія Геереновой книги изложена нами въ особенной рецензіи (см. Моск. Тел. 1832 г. т. XLIII стр. 544 — 559, т. XLIV, стр. 83 — 106, и т. XLV стр. 70 — 85). — Слич. съ Гееренομъ изслѣдованія Гумбольдта въ его Fragmens de Géologie et de Climatologie Asiatiques (Парижъ, 2 т. in-8°), статьи: о *горныхъ цѣпяхъ и волканахъ средней Азіи*, и о *Температурѣ и Гидрометріи Азіи*. Переводъ второй изъ сихъ статей въ Моск. Телегр. 1832 г., книжки 13 и 14-я.

точнаго склона земли, и примкнушая къ западному нисшему протяженію. Южный наклонъ отъ Гиммалаевъ заключаетъ зъ себѣ два Индійскіе полуострова; Западное протяженіе вмѣщаетъ въ себѣ Малую Азію, Аравійскій полуостровъ и земли Каспійскія; Восточное Китай и земли Сѣверо-Востока.

Страны, самыя обильныя всѣми дарами природы, составляютъ такимъ образомъ Западный, Южный и Юго-Восточный уклоны Азіи. Здѣсь-то была колыбель общественнаго и умственнаго образованія человѣческаго, начало столькихъ религій, знаній, идей, общественныхъ дѣленій и образо ваній, переходившихъ въ самыя вещественныя формы, и самые высокіе символы. И все это было проявляемо въ исполинскихъ объемахъ родовъ, царствъ, народовъ (22).

---

(22) См. Малтебрёнево дѣленіе Азіи въ Précis de la Géographie universelle, т. III. Слич. вышеупомянутыя сочиненія Геерена и Гумбольдта. О началѣ идей и знаній превосходно пишетъ Гееренъ. Противоположности Азіи: грубое Шаманство и асцетизмъ Будды; философическая религія Китайцевъ и чувственная Мугаммеданъ; высокая, цвѣтистая Поэзія Индіи и Словесность Китая. Этнографическія различія: Монголъ и Арабъ, Китаецъ и Турокъ, Тунгузъ и Индіецъ. Въ общественной жизни: шатеръ Араба и юрта Тунгуза, Вавилонъ и Пекинъ, Харохорумъ и Дели. Испо-

Естественное положеніе гористой и степной средины Азіи не допускало подобнаго развитія духа и общественности, между туземцами сей части земель. Напротивъ, оно вело ихъ къ пастушеской, полудикой, воинской жизни. Кочуя по степямъ своимъ, подвергаясь дѣйствію неблагодарной природы, чувствуя лишеніе удобствъ, естественно стремились они, при умноженіи своемъ, оставлять неблагословенную отчизну, и, подобно бурнымъ потокамъ, нѣсколько разъ сливались съ горныхъ вершинъ и степей своихъ на Югъ, Западъ, Сѣверо-Востокъ и Юго-Востокъ Азійскій. Темны остались для насъ повѣсти о нападеніи ихъ на Востокъ и Югъ; но на Западъ извѣстны со временъ древнѣйшихъ. Знаемъ, что сходя въ сіи страны, нападали они на туземныхъ народовъ, ослабленныхъ благословеннымъ климатомъ, образованіемъ, удобствами жизни; они терзали ихъ, покоряли и частію оставались на завоеванныхъ развалинахъ, образуя собою новыя царства, частію возвращались въ свои родныя степи, съ новыми понятіями и удобствами жизни. Они начинали тамъ новую жизнь, смѣшивались, сражались между собою, и гибли милльонами, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ выра-

---

линскія формы Азіи: полчища Персовъ, Турковъ, Монголовъ; народонаселенія городовъ Индіи, Персіи, Китая считаемое милльонами.

зительнѣе являются сіи перевороты, тѣмъ они громаднѣе, и тѣмъ непонятнѣе для насъ, въ мракѣ временъ и миѳическихъ преданій: идеи превращались въ религіи царства въ роды, раздвиженіе простиралось отъ одного края Азіи до другаго, отъ Сѣвера до Юга, отъ Востока до Запада (23).

---

(23) Сличая извѣстныя намъ историческія эпохи, находимъ слѣды ихъ въ нынѣшней этнографіи Азіи. Но сколько загадокъ Историческихъ, коихъ Этнографія представляетъ явные слѣды и доказательства, Исторія не знаетъ! Племена Турецкія въ глубокомъ сѣверѣ — Якуты, Остяки, Вогулы, Самоѣды; не говоримъ о Хазарахъ, о слѣдахъ Монгольскаго рода въ Америкѣ; въ горныхъ ущельяхъ Гиммалаевъ и лѣсахъ Индіи находимъ остатки совсѣмъ безвѣстныхъ Исторіи народовъ. Политическіе перевороты занесли ихъ въ сіи затишья, и — вѣка прошли, такъ, что они, чуждые всему міру, дожили до нашего наблюдательнаго любопытства. Таковы въ Индіи народы, живущіе въ горахъ: Touppahs, Garrow, Coucis, Cyaumis, Cattiywar, Gonds, Chotisghour, Wadasse, и народы живущіе въ Китаѣ: Miaosse, Lolos, Mienting, Haïnan. Самая исторія Китая — кому она вѣдома (разумѣемъ древнѣйшую)? Если *Киргизы* были нѣкогда побѣдительнымъ народомъ, если имя *Аваровъ* сохранилось только въ маленькихъ племенахъ Кавказскихъ, если слѣды сношенія древнихъ Мексиканцевъ съ Европою остались только въ ихъ іероглифахъ, то какъ разрѣшить загадку окоренномъ *Семитическомъ* языкѣ, или языкѣ *Фригійскомъ*? Ка-

Такъ сіи двѣ, боровшіяся между собою стихіи Азійскаго дѣленія человѣческаго рода, на Юго-Западѣ и Юго-Востокѣ Азіи явили мистику Буддизма, многосложность Индійской миѳологіи, магизмъ Персовъ, фатализмъ Сарациновъ, философическую духовность Китайцевъ. Такъ, среди древнѣйшихъ народовъ, аборигеновъ Азіи, образовались въ сихъ странахъ земледѣльческая осѣдлость Турецкихъ племенъ, отшельническая жизнь Тибета, неподвижная общественность Китая, дѣленіе на касты Индійцевъ; образовались и родовыя дѣленія Монголовъ и Турковъ, Китайцевъ и Индійцевъ, и основывались и падали попеременно владычество и сила Ассиріянъ, Вавилонянъ, Персовъ, Парѳянъ, Сарациновъ, Монголовъ и Турковъ, произведшія между прочимъ два великія переселенія народовъ въ Европу, и отбросившія обломки родовъ въ Сѣверъ и Югъ Азіи, въ Африку, и даже въ Америку (24).

кіе сильные, вовсе исчезнувшіе для Исторіи народы говорили ими нѣкогда, оставивъ для изслѣдованій Исторіи только темные обломки?

(24) См. Ист. Русск. Нар., Т. I. стр. 32, 33, 39, и прим. 27-е и 32-е. Развитіе было на Западѣ, Востокѣ и Югѣ Азіи. Постепенное образованіе народовъ: родъ *Тунгузскій*, аборигенъ Азіи, родъ *Монгольскій*, средній, родъ *Турецкій* на Западѣ, родъ *Китайскій* на Востокѣ, родъ *Индійскій* на Югѣ; развитіе духа: *Шаманство* составляетъ первую, грубую, мистиче-

Казалось, что къ XIII-му вѣку кончились сіи страшныя потрясенія Азіи. Подобно тому, какъ угасшіе волканы природы Азійской оста-

---

скую религію; *Буддизмъ* вторую, духовную (разумѣемъ здѣсь древнѣйшій Буддизмъ — ненынѣшні й Шигемунизмъ. Новѣйшія открытія доказали, что начало было въ немъ, а Индійская Миѳологія, пестрая и многосложная, была уже позднѣйшимъ слѣдствіемъ). На Югѣ сія религія поэтизируется въ религіи *Браминовъ*; на Востокѣ переходитъ въ Философію *Китайцевъ*; на Западѣ очищается огнемъ *Маговъ*, духовностью *Халдеевъ*, и падаетъ въ чувственность *Мугаммеданства*. Безбожіе Китайцевъ и фатализмъ Мугаммеданъ — вотъ двѣ противоположныя точки. Касты Индійскія, гражданственность Китая, жречество Тибета, суть соединеніе идей званія съ народностью. Имена народовъ въ Азіи дѣлались символами: *Казакъ* значитъ *воина*; Китайцы перемѣняли имена своимъ подвластнымъ народамъ, придавая имъ особенный смыслъ; Монголы называли Мугаммеданъ *Таджиками* (Tadjiks), и это имя осталось навсегда именемъ Бухарцевъ (см. Voyage à Boukhara, Барона Мейендорфа, Парижъ 1826 г. стр. 189 и слѣд.) Европа была тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вполнѣ развивались художественное, общественное и умственное направленіе человѣка. Мишеле думаетъ всю Исторію Человѣка основать на этомъ Европейскомъ развитіи, какъ *борьбѣ Человѣка съ Природою, и побѣдѣ духа надъ вещественностью* (см. его Introduction à l'histoire universelle, Парижъ 1831 г.). Такъ; но Мишеле слишкомъ частно глядитъ на Исторію, ведя человѣка изъ Индіи въ Персію, Египетъ, Іудею, Грецію, Римъ, и оканчивая Евро-

вались уже неизмѣнны въ горныхъ образованіяхъ (25), такъ родовое дѣленіе древнихъ аборигеновъ Азіи, Монгольскихъ, Турецкихъ племенъ, и народовъ Запада, Юга и Юго-Востока Азійскаго, было подвержено только частнымъ измѣненіямъ, но не могло, по видимому, ожидать переворотовъ всемірныхъ. Уже Европа была полна народами — древній міръ ея былъ сокрушенъ, новый образовался; переселенія, нашествія кончились. Мѣсто истребленій заступили завоеванія, мѣсто нашествій войны и походы. Но судьбы Бога, являемыя въ великихъ, исполинскихъ переворотахъ, еще не вполнѣ тогда совершились, и древній порядокъ дѣлъ начался снова: въ Средней Азіи возсталъ народъ, дотолѣ ничтожный, пронесъ имя свое повсюду, означилъ его въ Исторіи рѣками крови, и заставилъ трепетать за все, что вѣками созидаемо было въ Азіи и Европѣ. Сей народъ былъ—*Монголы* (26), послѣдніе выходцы изъ

ною современною За его обзоромъ остаются *вся Азія сѣверная и средняя, Африка и Америка;* впереди его обзора — *все будущее*. А безъ всего этого будетъ-ли Исторія *всеобщею*?

(25) См. вышеупомянутое сочиненіе Гумбольдта, Fragmens de Géologie, т. I.

(26) Карамзинъ писалъ: *Моголы*. Такъ по приозношенію Арабовъ, Турковъ и Персіянъ. Мы принимаемъ собственное произношеніе Монгольское—Mongol, *Монголъ*.

степей средней Азіи, хлынувшіе на Востокъ, Западъ, Югъ Азійскій, и на Сѣверо-Востокъ Европы. « Отъ начала міра варвары никогда не были столько сильны, какъ нынѣ Монголы, уничтожающіе царства подобно тому, какъ былинку исторгаютъ: до толикой степени возвысилось ихъ могущество! Для чего Небо попустило имъ свирѣпствовать такимъ образомъ?» (27) Такъ думалъ житель Китая, когда Европеецъ съ ужасомъ писалъ, что Монголы хотятъ покорить власти своей цѣлый міръ, и никакая сила не остановитъ ихъ хотѣнія, кромѣ единой воли Божіей (28).

Для совершенія такихъ событій, для того, чтобы изъ ничтожныхъ Монголовъ содѣлать завоевателей полуміра, слѣдовало явиться въ міръ избранному Провидѣніемъ человѣку. Такъ лучи свѣта собираются въ одну точку, дабы произвести огонь и пламень: передъ сею точкою крѣпчайшій алмазъ превращается въ уголь. Явился избранникъ: это былъ Монгольскій Ханъ *Темудзинъ*, принявшій въ послѣдствіи

---

(27) Слова изъ Китайской Всеобщей Исторіи: *Тхунъ-цзянь-ганъ-му*. Іакинѳъ, въ *Исторіи первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова*, стр. 140.

(28) Объ ужасѣ Европейцевъ, мнѣніи, что Монголы предтечи Антихриста, и что они непобѣдимы, см. ниже.

громкое имя *Чингисъ-Хана*, или *Повелителя сильныхъ* (29).

---

(29) Правописаніе *Азіятскихъ*, и вообще *иностранныхъ* именъ, до сихъ поръ составляетъ вопросъ нерѣшенный. Если слѣдовать *выговору*, то какъ выразить, напримѣръ: Wordsworth, Hummel? И должно-ли, вопреки уже принятому правописанію, употреблять: *Пари*, *Исіодъ*, *Рома*, *Кіобенгафнъ*, вмѣсто: *Парижъ*, *Гезіодъ*, *Римъ*, *Копенгагенъ*? Еще болѣе трудности въ Азіятскихъ именахъ. Кромѣ того, что произношеніе ихъ невыразимо Европейскими буквами, сколько различныхъ авторитетовъ встрѣчается! Имя Монгольскаго завоевателя пишутъ: Gengiskan, Genghiskan, Zingiscan (по Дегиню, и другимъ), Djenguyz-Khan (по Ланглесу), Tchinggis-Khan и Tchinghis-Khan (по Клапроту и Абель-Ремюза); Tchinguiz-Khan (по Оссону, и другимъ), *Батый* писали: Bathi, Batou, Batu, Bathi, Basthi. Мы рѣшились держаться средины: не совсѣмъ обезображивать Восточныя имена, и не писать ихъ однакожь такъ, какъ многіе писали, стараясь выразить сколько можно ближе произношеніе Восточное. О. Іакинѳъ пишетъ: *Тэмуцзинъ*; Карамзинъ писалъ: *Темучинъ*, слѣдуя общему прежнему правописанію оріенталистовъ. Имя: *Чингисъ-Ханъ* значитъ: le Khan des Puissants, и составлено изъ Монгольскаго слова: *Чинъ*, puissant, а *Гисъ* означаетъ множественное число сего слова. *Темудзинъ* значитъ: *воинъ*, и происходитъ отъ Монгольскаго слова: *Тема*, (guerre) — См. Histoire des Mongols, соч. Оссона (Парижъ, 1824 г. 2 ч. in-8 ч. I, 70. Имя Сочинителя не означено на книгѣ, но его сказываетъ Клапротъ въ своихъ Mémoires relatifs à l'Asie, томъ II, стр. 337).

Испытавшая множество внутреннихъ переворотовъ, извергнувшая изъ себя столько многочисленныхъ народовъ, средняя, степная Азія издревле была мѣстомъ кочевья собственно небольшихъ, разныхъ племенъ, подъ собирательными именами являвшихся другимъ народамъ, и въ другихъ странахъ (30). Соединяемые и раздѣляемые различными междоусобіями, они представляютъ намъ смѣшеніе варварскихъ именъ, тѣмъ болѣе затруднительное, что преданія объ нихъ въ послѣдствіи обезображивались или чрезмѣрными преувеличеніями, или чрезмѣрнымъ униженіемъ, смотря потому, какъ, кто и когда повѣствовалъ объ оныхъ (31).

---

(30) Такъ поколѣніе Монголовъ принадлежало къ *Татарамъ* собственно, а имена Турковъ, Пареянъ, Персовъ, и проч., были имена различныхъ, вмѣстѣ соединенныхъ народовъ. Мы называемъ нынѣ Татарами множество племенъ разнородныхъ. Войска *Египетскія* у Мугаммеда-Али состоятъ изъ Арабовъ, Курдовъ, Мамелюковъ, Абиссинцевъ, Негровъ, и проч. Надобно различать собирательныя имена отъ собственныхъ: *Россія, Индія*, суть имена собирательныя, въ отношеніи къ именамъ: *Рускій, Маратть.*

(31) Главное затрудненіе, и въ событіяхъ, и въ самыхъ именахъ, происходитъ отъ того, что свѣдѣнія надобно почерпать изъ разныхъ источниковъ, напримѣръ: *Китайскихъ, Мугаммеданскихъ, Европейскихъ*. Китаецъ пишетъ: *Хойхоръ, Кангюй, Буругъ, Сяго, Гинь, Хуньсюй, Сяньюнъ, Гуй-фанъ*,

Имя *Монголовъ*, сдѣлавшееся съ XIII-го вѣка собирательнымъ родовымъ именемъ всѣхъ Калмыкообразныхъ племенъ Средней Азіи, имено-

---

Янь-юнь, Хунну, Гунну, и первое значитъ *Уйгуръ*, два другіе *Киргизъ-Кайсакъ*, четвертое *Тангутъ*, пятое *Манджуръ*, а всѣ остальныя *Монголію*. Разбирая Мугаммеданскія извѣстія, сбиваетесь въ *Чурге, Огузахъ, Капчакахъ, Сельджукахъ, Узбекахъ;* въ извѣстіяхъ Древнихъ являются намъ: *Согдіана, Массагетія, Бактріана, Париканія, Октокорибантія;* въ извѣстіяхъ путешественниковъ Среднихъ временъ, не знаете, какъ распредѣлить *Кара-Сарациновъ*, *Бурутабетовъ*, *Пороссинтовъ*, *Бастарковъ*, *Брутаковъ*. Надобно-бы ожидать рѣшеній отъ новѣйшихъ географовъ и оріенталистовъ; но географы и оріенталисты вдаются въ системы, гипотезы, и не соглашаются до того, что карта и этнографія одного совсѣмъ не походятъ на карту и описаніе другаго. Приведемъ въ примѣръ споръ Гг. Клапрота и Абель-Ремюза съ одной, и О. Іакинѳа и Г-на Шмита съ другой стороны; обѣ стороны обвиняли взаимно другъ друга; споръ породилъ цѣлыя книги, но—совсѣмъ еще не рѣшенъ. Прибавьте: сколько лжей и нелѣпостей надобно прежде всего разрѣшить въ разныхъ источникахъ, Китайскихъ, Турецкихъ, Византійскихъ, и проч.; какъ быстры и всеобщи были измѣненія въ Исторіи Азійской; какъ притомъ измѣнялись, перемѣнялись, исчезали имена, названія, самые языки народовъ; вспомнимъ еще рѣдкость книгъ и рукописей Восточныхъ, и трудность читать ихъ. Только послѣ всего этого можете оцѣнить весь трудъ, и всѣ препятствія, какія представляютъ намъ Исторія и Географія Азіи. Впрочемъ

ванныхъ въ древнія времена отъ Китайцевъ *Сѣверными варварами* (32), было однакожь извѣстно Китайцамъ съ древнихъ временъ, какъ имя отдѣльнаго народа; такъ называлось одно изъ небольшихъ племенъ, составлявшихъ кочевое населеніе *Татана*, или степей и горъ на югъ отъ Байкала, по рѣкамъ Селенгѣ, Орхону, Толѣ, Онону и Керулану; здѣсь существовало оно, вмѣстѣ съ тремя другими племенами ро-

---

главныя основанія уже извѣстны, начало всему положено, и нерѣдко мѣлочи и самолюбіе составляютъ все основаніе ученыхъ противорѣчій.

(32) Если и допустить гипотезу Г-на Клапрота, что подъ именемъ *Сѣверныхъ варваровъ* (*Пе-ти*, см. Journal asiatique, 1830 г.), и потомъ *рабовъ* (Recherches sur les langues Tartares, Аб. Ремюза, Парижъ, 1820 г. т. I, стр. 10), Китайцы разумѣли *не одних Монголовъ собственно*, но смѣшивали и древнѣйшихъ народовъ, *Тунгузскаго*, и, временно приходившихъ, *Турецкаго* поколѣнія, то симъ не опровергаются вышеприведенныя названія *страны*, какъ обиталища дикихъ Ордъ, на сѣверъ отъ Китая собственно, отгороженнаго *Великою стѣною*. Калмыкообразными племенами называемъ мы вообще народы Монгольскаго сложенія тѣла, широколицые, узкоглазые, скулистые, скудобородые. Такія физіогноміи, мы, Руские, обыкновенно называемъ *Калмыцкими* (въ Сибири *Карымскими*). Симъ именемъ (*Калмакъ*, *Калмукъ*, *Калмыкъ*) народы Турецкаго образованія называютъ Монгольцевъ.

дичей: *Татарами*, *Тайгутами* и *Керэ* (33). Каждымъ поколѣніемъ владѣли отдѣльные Ханы, маленькіе деспоты, и восмнадцатый Ханъ съ начала самобытности Монгольскаго племени

---

(33) Слово: *Татанъ* надобно отличать отъ словъ: *Татаръ* и *Тата*; первое, значащее *шатеръ*, или собраніе шатровъ, означало всѣ народы Монгольскіе; второе, собственно одно изъ Татаньскихъ поколѣній, родичей Монголамъ-собственно. Какъ называли себя потомъ побѣдоносные воины Чингисовы? *Монголами*. Отъ чего-же получили они имя и названіе: *Татаръ*, какъ донынѣ называемъ мы остатки Золотой Орды, и какъ назвали наши предки своихъ повелителей, съ самаго перваго ихъ появленія? Странно сказать, но — *этотъ вопросъ остается донынѣ нерѣшеннымъ*. Наши нынѣшніе Татары суть народы *Турецкаго* поколѣнія, и сами себя называютъ *Турками*; они оскорбляются названіемъ Татаръ, что значитъ у нихъ, по ихъ изъясненію, *воръ* (Клапротъ, Mém. rel. à l'asie, т. I, стр. 474). Какимъ образомъ *изъ Монголовъ* орды Батыя, Чагатая, Гулагу, сдѣлались *Турками*, подобно ордамъ Хубилая, сдѣлавшимся *Китайцами*, мы изъяснимъ далѣе. Но всѣ изъясненія оріенталистовъ: почему Монголовъ съ самаго начала ихъ появленія назвали Руссы *Татарами*, кажутся намъ *неудовлетворительными*. (См. для примѣра, изъясненія О. Іакинѳа, *Записки о Монголіи*, т. I, стр. 221 — 226, Клапрота, Mém. relatifs à l'Asie, т. I, стр. 461 — 476). Изъ всего выходитъ, что названіе сіе такъ-же ошибочно, какъ названіе *Татаріи* придаваемое Географами Азійскому Туркистану, но отъ чего оно произошло — *не знаемъ*?

былъ *Юссугай-Багадуръ* (34). Монгольское поколѣніе считалось самымъ бѣднымъ и ничтожнымъ изъ всѣхъ Татановъ (35). Въ Февралѣ 1155-го года—памятнаго для Руси вступленіемъ на Великокняжескій престолъ Георгія, *послѣдняго* изъ Князей, основывавшихъ пребываніе свое въ Кіевѣ—родился у Юссугая сынъ. Сражаясь въ то время съ однимъ изъ сосѣднихъ племенъ, Юссугай получилъ извѣстіе о рожденіи сына, и чудномъ знаменіи, какое при томъ замѣтили: новорожденный младенецъ держалъ въ сжатой рукѣ своей кусокъ запекшейся крови. Юссюгай наименовалъ новорожденнаго *Темудзиномъ*, поимени побѣжденнаго имъ въ то время Татарскаго Хана (36). Тринадцати лѣтъ остался послѣ смер-

---

(34) Впрочемъ, эта родословная можетъ быть ложна, ибо смѣшивается со множествомъ басенъ. Она основана на преданіяхъ, а можно-ли на преданіяхъ основать что либо, если они объемлютъ цѣлыя сотни лѣтъ? (См. подробности родословной въ Hist. des Mongols, ч. I, стр. 20, и слѣд., и ч. II, стр. 679.

(35) Въ примѣръ приводятъ между прочимъ то, что лишь у знатныхъ Монголовъ были желѣзныя стремена.

(36) Годъ рожденія Темудзина есть только *вѣроятность*; извѣстія объ этомъ разногласны; выбираемъ достовѣрнѣйшее, выведенное изъ года смерти и числа лѣтъ жизни Темудзиновой. Знаменіе при рожденіи его можетъ быть сказка; но оно общее повѣрье всѣхъ Азіятцевъ. (См. О. Іакинеа, *Исторія Хановъ*, стр. 8. Оссонъ, Hist. des Mongoles, ч. I, стр. 30).

ти родителя своего Темудзинъ, старшій изъ пяти сыновей Юссугая. Только уму и личной отважности матери своей, Ханьши Улунъ - Иги, Темудзинъ и братья его были одолжены сохраненіемъ небольшаго наслѣдія отцовскаго (37). Подверженные нападеніямъ сосѣдей, не обезопасенные уже крѣпкою рукою храбраго воителя, каковъ былъ Юссугай, подвластные Темудзина говорили ему : « Твой родитель скончался ; глубокое озеро пересохло ; крѣпкіе камни раздробились — не удерживай насъ, если мы для собственнаго спасенія оставляемъ тебя» — (38) и они удалялись въ кочевья другихъ Хановъ.

Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, Темудзинъ самъ началъ править Монголами, и воевать окрестные народы. Но неудачи многократно заставляли его смирять дерзкіе порывы отваги и честолюбія. Однажды онъ былъ полоненъ Яргупаемъ, Ханомъ племени Тайджутовъ. Побѣдитель надѣлъ на шею его тяжелую *кангу*, или колодку. Темудзинъ не могъ снять ея, но искалъ случая спастись, и бѣжалъ, не смотря на тяжесть колодки. Его преслѣдовали, и онъ принужденъ былъ укрыться въ болото. Одинъ изъ

---

(37) Монголы собственно раздѣлялись еще на множество мѣлкихъ поколѣній.

(38) I. Іакинѳъ, *Исторія Хановъ*, стр. 9.

Тайджутовъ замѣтилъ его тамъ, но сжалился надъ его несчастною участью, не сказалъ товарищамъ, вытащилъ потомъ Темудзина изъ болота, когда товарищи удалились, снялъ съ него кангу, и укрылъ его въ своей юртѣ. Подозрѣвали, что Темудзинъ спасенъ кѣмъ нибудь изъ Тайджутовъ. Строгое изысканіе сдѣлано было по всѣмъ юртамъ. Спаситель Темудзина испугался, и спряталъ бѣднаго Хана Монгольскаго въ большую кучу шерсти, лежавшую въ его юртѣ. Осмотрщики не оставили ни одного мѣста безъ старательнаго разысканія, и нѣсколько разъ палками тыкали въ шерсть, гдѣ скрывался жалкій плѣнникъ; но онъ не былъ найденъ, и слѣдующею ночью, получивъ отъ спасителя свою кобылу, оружіе, и нѣсколько кусковъ жареной баранины, успѣлъ убѣжать и благополучно достигнуть своихъ улусовъ (39).

Въ другой разъ Темудзина захватило въ полонъ племя Меркитовъ. Онъ успѣлъ выкупиться изъ плѣна (40). Наконецъ, отважность едва было не погубила Темудзина. Настала зима, шелъ сильный снѣгъ, когда Темудзинъ ѣхалъ по степи, возвращаясь въ улусъ свой, съ двумя своими друзьями, Бургуджеемъ и Бургуломъ.

---

(39) Рашидъ, въ *Собраніи Лѣтописей*, сочиненномъ въ началѣ XIV-го вѣка, въ Персіи (см. Оссона Hist. des Mongols, ч. I, стр. 32.

(40) Тамъ-же стр. 34.

вались уже неизмѣнны въ горныхъ образованіяхъ (25), такъ родовое дѣленіе древнихъ аборигеновъ Азіи, Монгольскихъ, Турецкихъ племенъ, и народовъ Запада, Юга и Юго-Востока Азійскаго, было подвержено только частнымъ измѣненіямъ, но не могло, по видимому, ожидать переворотовъ всемірныхъ. Уже Европа была полна народами — древній міръ ея былъ сокрушенъ, новый образовался; переселенія, нашествія кончились. Мѣсто истребленій заступили завоеванія, мѣсто нашествій войны и походы. Но судьбы Бога, являемыя въ великихъ, исполинскихъ переворотахъ, еще не вполнѣ тогда совершились, и древній порядокъ дѣлъ начался снова: въ Средней Азіи возсталъ народъ, дотолѣ ничтожный, пронесъ имя свое повсюду, означилъ его въ Исторіи рѣками крови, и заставилъ трепетать за все, что вѣками созидаемо было въ Азіи и Европѣ. Сей народъ былъ—*Монголы* (26), послѣдніе выходцы изъ

тою современною За его обзоромъ остаются *вся Азія сѣверная и средняя, Африка* и *Америка;* впереди его обзора — *все будущее.* А безъ всего этого будетъ-ли Исторія *всеобщею*?

(25) См. вышеупомянутое сочиненіе Гумбольдта, Fragmens de Géologie, т. I.

(26) Карамзинъ писалъ: *Моголы.* Такъ по произношенію Арабовъ, Турковъ и Персіянъ. Мы принимаемъ собственное произношеніе Монгольское—Mongol, *Монголъ.*

степей средней Азіи, хлынувшіе на Востокъ, Западъ, Югъ Азійскій, и на Сѣверо-Востокъ Европы. « Отъ начала міра варвары никогда не были столько сильны, какъ нынѣ Монголы, уничтожающіе царства подобно тому, какъ былинку исторгаютъ: до толикой степени возвысилось ихъ могущество! Для чего Небо попустило имъ свирѣпствовать такимъ образомъ?» (27) Такъ думалъ житель Китая, когда Европеецъ съ ужасомъ писалъ, что Монголы хотятъ покорить власти своей цѣлый міръ, и никакая сила не остановитъ ихъ хотѣнія, кромѣ единой воли Божіей (28).

Для совершенія такихъ событій, для того, чтобы изъ ничтожныхъ Монголовъ содѣлать завоевателей полуміра, слѣдовало явиться въ міръ избранному Провидѣніемъ человѣку. Такъ лучи свѣта собираются въ одну точку, дабы произвести огонь и пламень: передъ сею точкою крѣпчайшій алмазъ превращается въ уголь. Явился избранникъ: это былъ Монгольскій Ханъ *Темудзинъ*, принявшій въ послѣдствіи

---

(27) Слова изъ Китайской Всеобщей Исторіи: *Тхунь-цзянь-ганъ-му*. Іакинѳъ, въ *Исторіи первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова*, стр. 140.

(28) Объ ужасѣ Европейцевъ, мнѣніи, что Монголы предтечи Антихриста, и что они непобѣдимы, см. ниже.

громкое имя *Чингись-Хана*, или *Повелителя сильныхъ* (29).

---

(29) Правописаніе *Азіятскихъ*, и вообще *иностранныхъ* именъ, до сихъ поръ составляетъ вопросъ нерѣшенный. Если слѣдовать *выговору*, то какъ выразить, напримѣръ: Wordsworth, Hummel? И должно-ли, вопреки уже принятому правописанію, употреблять: *Пари*, *Исіодъ*, *Рома*, *Кіобенгафнъ*, вмѣсто: *Парижъ*, *Гезіодъ*, *Римъ*, *Копенгагенъ?* Еще болѣе трудности въ Азіятскихъ именахъ. Кромѣ того, что произношеніе ихъ невыразимо Европейскими буквами, сколько различныхъ авторитетовъ встрѣчается! Имя Монгольскаго завоевателя пишутъ: Gengiskan, Genghiskan, Zingiscan (по Дегиню, и другимъ), Djenguyz-Khan (по Ланглесу), Tchinggis-Khan и Tchinghis-Khan (по Клапроту и Абель-Ремюза); Tchinguiz-Khan (по Оссону, и другимъ), *Батый* писали: Bathi, Batou, Batu, Bathi, Basthi. Мы рѣшились держаться средины: не совсѣмъ обезображивать Восточныя имена, и не писать ихъ однакожь такъ, какъ многіе писали, стараясь выразить сколько можно ближе произношеніе Восточное. О. Іакинѳъ пишетъ: *Тэмуцзинъ*; Карамзинъ писалъ: *Темучинъ*, слѣдуя общему прежнему правописанію оріенталистовъ. Имя: *Чингисъ-Ханъ* значитъ: le Khan des Puissants, и составлено изъ Монгольскаго слова: *Чинъ*, puissant, а *Гисъ* означаетъ множественное число сего слова. *Темудзинъ* значитъ: *воинъ*, и происходитъ отъ Монгольскаго слова: *Тема*, (guerre) — См. Histoire des Mongols, соч. Оссона (Парижъ, 1824 г. 2 ч. in-8 ч. I, 70. Имя Сочинителя не означено на книгѣ, но его сказываетъ Клапротъ въ своихъ Mémoires relatifs à l'Asie, томъ II, стр. 337).

Испытавшая множество внутреннихъ переворотовъ, извергнувшая изъ себя столько многочисленныхъ народовъ, средняя, степная Азія издревле была мѣстомъ кочевья собственно небольшихъ, разныхъ племенъ, подъ собирательными именами являвшихся другимъ народамъ, и въ другихъ странахъ (30). Соединяемые и раздѣляемые различными междоусобіями, они представляютъ намъ смѣшеніе варварскихъ именъ, тѣмъ болѣе затруднительное, что преданія объ нихъ въ послѣдствіи обезображивались или чрезмѣрными преувеличеніями, или чрезмѣрнымъ униженіемъ, смотря потому, какъ, кто и когда повѣствовалъ объ оныхъ (31).

---

(30) Такъ поколѣніе Монголовъ принадлежало къ *Татарамъ* собственно, а имена Турковъ, Пареянъ, Персовъ, и проч., были имена различныхъ, вмѣстѣ соединенныхъ народовъ. Мы называемъ нынѣ Татарами множество племенъ разнородныхъ. Войска *Египетскія* у Мугаммеда-Али состоятъ изъ Арабовъ, Курдовъ, Мамелюковъ, Абиссинцевъ, Негровъ, и проч. Надобно различать собирательныя имена отъ собственныхъ: *Россія, Индія*, суть имена собирательныя, въ отношеніи къ именамъ: *Рускій, Маратт*.

(31) Главное затрудненіе, и въ событіяхъ, и въ самыхъ именахъ, происходитъ отъ того, что свѣдѣнія надобно почерпать изъ разныхъ источниковъ, напримѣръ: *Китайскихъ, Мугаммеданскихъ, Европейскихъ*. Китаецъ пишетъ: *Хойхоръ, Канеюй, Вурутъ, Сяго, Гинь, Хуньсюй, Сяньюнъ, Гуй-фанъ*,

Имя *Монголовъ*, сдѣлавшееся съ XIII-го вѣка собирательнымъ родовымъ именемъ всѣхъ Калмыкообразныхъ племенъ Средней Азіи, имено-

---

Янь-юнь, Хунну, Гунну, и первое значитъ *Уйгуръ*, два другіе *Киргизъ-Кайсакъ*, четвертое *Тангутъ*, пятое *Манджуръ*, а всѣ остальныя *Монголію*. Разбирая Мугаммеданскія извѣстія, сбиваетесь въ *Чурге, Огузахъ, Капгакахъ, Сельджукахъ, Узбекахъ*; въ извѣстіяхъ Древнихъ являются намъ: *Согдіана, Массагетія, Бактріана, Париканія, Октокорибантія;* въ извѣстіяхъ путешественниковъ Среднихъ временъ, не знаете, какъ распредѣлить *Кара-Сарациновъ, Буртабетовъ, Поросситовъ, Бастарковъ, Брутаковъ*. Надобно-бы ожидать рѣшеній отъ новѣйшихъ географовъ и оріенталистовъ; но географы и оріенталисты вдаются въ системы, гипотезы, и не соглашаются до того, что карта и этнографія одного совсѣмъ не походятъ на карту и описаніе другаго. Приведемъ въ примѣръ споръ Гг. Клапрота и Абель-Ремюза съ одной, и О. Іакинѳа и Г-на Шмита съ другой стороны; обѣ стороны обвиняли взаимно другъ друга; споръ породилъ цѣлыя книги, но—совсѣмъ еще не рѣшенъ. Прибавьте: сколько лжей и нелѣпостей надобно прежде всего разрѣшить въ разныхъ источникахъ, Китайскихъ, Турецкихъ, Византійскихъ, и проч.; какъ быстры и всеобщи были измѣненія въ Исторіи Азійской; какъ притомъ измѣнялись, перемѣнялись, исчезали имена, названія, самые языки народовъ; вспомнимъ еще рѣдкость книгъ и рукописей Восточныхъ, и трудность читать ихъ. Только послѣ всего этого можете оцѣнить весь трудъ, и всѣ препятствія, какія представляютъ намъ Исторія и Географія Азіи. Впрочемъ

ванныхъ въ древнія времена отъ Китайцевъ *Сѣверными варварами* (32), было однакожъ извѣстно Китайцамъ съ древнихъ временъ, какъ имя отдѣльнаго народа; такъ называлось одно изъ небольшихъ племенъ, составлявшихъ кочевое население *Татана*, или степей и горъ на югъ отъ Байкала, по рѣкамъ Селенгѣ, Орхону, Толѣ, Онону и Керулану; здѣсь существовало оно, вмѣстѣ съ тремя другими племенами ро-

---

главныя основанія уже извѣстны, начало всему положено, и нерѣдко мѣлочи и самолюбіе составляютъ все основаніе ученыхъ противорѣчій.

(32) Если и допустить гипотезу Г-на Клапрота, что подъ именемъ *Сѣверныхъ варваровъ* (*Пе-ти*, см. Journal asiatique, 1830 г.), и потомъ *рабовъ* (Recherches sur les langues Tartares, Аб. Ремюза, Парижъ, 1820 г. т. I, стр. 10), Китайцы разумѣли *не однихъ Монголовъ собственно*, но смѣшивали и древнѣйшихъ народовъ, *Тунгузскаго*, и, временно приходившихъ, *Турецкаго* поколѣнія, то симъ не опровергаются вышеприведенныя названія *страны*, какъ обиталища дикихъ Ордъ, на сѣверъ отъ Китая собственно, отгороженнаго *Великою стѣною*. Калмыкообразными племенами называемъ мы вообще народы Монгольскаго сложенія тѣла, широколицые, узкоглазые, скулистые, скудобородые. Такія физіогноміи, мы, Рускіе, обыкновенно называемъ *Калмыцкими* (въ Сибири *Карымскими*). Симъ именемъ (*Калмакъ*, *Калмукъ*, *Калмыкъ*) народы Турецкаго образованія называютъ Монгольцевъ.

дичей: *Татарами, Тайгутами* и *Керэ* (33). Каждымъ поколѣніемъ владѣли отдѣльные Ханы, маленькіе деспоты, и восмнадцатый Ханъ съ начала самобытности Монгольскаго племени

(33) Слово: *Татанъ* надобно отличать отъ словъ: *Татаръ* и *Тата*; первое, значащее *шатеръ*, или собраніе шатровъ, означало всѣ народы Монгольскіе; второе, собственно одно изъ Татаньскихъ поколѣній, родичей Монголамъ-собственно. Какъ называли себя потомъ побѣдоносные воины Чингисовы? *Монголами*. Отъ чего-же получили они имя и названіе: *Татаръ*, какъ донынѣ называемъ мы остатки Золотой Орды, и какъ назвали наши предки своихъ повелителей, съ самаго перваго ихъ появленія? Странно сказать, но — *этотъ вопросъ остается донынѣ нерѣшеннымъ*. Наши нынѣшніе Татары суть народы *Турецкаго* поколѣнія, и сами себя называютъ *Турками*; они оскорбляются названіемъ Татаръ, что значитъ у нихъ, по ихъ изъясненію, *воръ* (Клапротъ, Mém. rel. à l'asie, т. I, стр. 474). Какимъ образомъ *изъ Монголовъ* орды Батыя, Чагатая, Гулагу, сдѣлались *Турками*, подобно ордамъ Хубилая, сдѣлавшимся *Китайцами*, мы изъяснимъ далѣе. Но всѣ изъясненія оріенталистовъ: почему Монголовъ съ самаго начала ихъ появленія назвали Руссы *Татарами*, кажутся намъ *неудовлетворительными*. (См. для примѣра, изъясненія О. Іакинѳа, *Записки о Монголіи*, т. I, стр. 221 — 226, Клапрота, Mém. relatifs à l'Asie, т. I, стр. 461 — 476). Изъ всего выходитъ, что названіе сіе такъ-же ошибочно, какъ названіе *Татаріи* придаваемое Географами Азійскому Туркистану, но отъ чего оно произошло — *не знаемъ*?

былъ *Юссугай-Багадуръ* (34). Монгольское поколѣніе считалось самымъ бѣднымъ и ничтожнымъ изъ всѣхъ Татаровъ (35). Въ Февралѣ 1155-го года—памятнаго для Руси вступленіемъ на Великокняжескій престолъ Георгія, *послѣдняго* изъ Князей, основывавшихъ пребываніе свое въ Кіевѣ—родился у Юссугая сынъ. Сражаясь въ то время съ однимъ изъ сосѣднихъ племенъ, Юссугай получилъ извѣстіе о рожденіи сына, и чудномъ знаменіи, какое при томъ замѣтили: новорожденный младенецъ держалъ въ сжатой рукѣ своей кусокъ запекшейся крови. Юссюгай наименовалъ новорожденнаго *Темудзиномъ*, поимени побѣжденнаго имъ въ то время Татарскаго Хана (36). Тринадцати лѣтъ остался послѣ смер-

(34) Впрочемъ, эта родословная можетъ быть ложна, ибо смѣшивается со множествомъ басенъ. Она основана на преданіяхъ, а можно-ли на преданіяхъ основать что либо, если они объемлютъ цѣлыя сотни лѣтъ? (См. подробности родословной въ Hist. des Mongols, ч. I, стр. 20, и слѣд., и ч. II, стр. 679.

(35) Въ примѣръ приводятъ между прочимъ то, что лишь у знатныхъ Монголовъ были желѣзныя стремена.

(36) Годъ рожденія Темудзина есть только *вѣроятность*; извѣстія объ этомъ разногласны; выбираемъ достовѣрнѣйшее, выведенное изъ года смерти и числа лѣтъ жизни Темудзиновой. Знаменіе при рожденіи его можетъ быть сказка; но оно общее повѣрье всѣхъ Азіятцевъ. (См. О. Іакинѳа, *Исторія Хановъ*, стр. 8. Оссонъ, Hist. des Mongoles, ч. I, стр. 30).

ти родителя своего Темудзинъ, старшій изъ пяти сыновей Юссугая. Только уму и личной отважности матери своей, Ханьши Улунъ - Иги, Темудзинъ и братья его были одолжены сохраненіемъ небольшаго наслѣдія отцовскаго (37). Подверженные нападеніямъ сосѣдей, не обезопасенные уже крѣпкою рукою храбраго воителя, каковъ былъ Юссугай, подвластные Темудзина говорили ему : « Твой родитель скончался ; глубокое озеро пересохло ; крѣпкіе камни раздробились — не удерживай насъ, если мы для собственнаго спасенія оставляемъ тебя» — (38) и они удалялись въ кочевья другихъ Хановъ.

Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, Темудзинъ самъ началъ править Монголами, и воевать окрестные народы. Но неудачи многократно заставляли его смирять дерзкіе порывы отваги и честолюбія. Однажды онъ былъ полоненъ Яргутаемъ, Ханомъ племени Тайджутовъ. Побѣдитель надѣлъ на шею его тяжелую *кангу*, или колодку. Темудзинъ не могъ снять ея, но искалъ случая спастись, и бѣжалъ, не смотря на тяжесть колодки. Его преслѣдовали, и онъ принужденъ былъ укрыться въ болото. Одинъ изъ

---

(37) Монголы собственно раздѣлялись еще на множество мѣлкихъ поколѣній.

(38) І. Іакинѳъ, *Исторія Хановъ*, стр. 9.

Тайджушовъ замѣшилъ его шамъ, но сжалился надъ его несчасшною учасшью, не сказалъ шоварищамъ, вышащилъ пошомъ Темудзина изъ болоша, когда шоварищи удалились, снялъ съ него кангу, и укрылъ его въ своей юршѣ. Подозрѣвали, чшо Темудзинъ спасенъ кѣмъ нибудь изъ Тайджушовъ. Сшрогое изысканіе сдѣлано было по всѣмъ юршамъ. Спасишель Темудзина испугался, и спряшалъ бѣднаго Хана Монгольскаго въ большую кучу шерсши, лежавшую въ его юршѣ. Осмошрщики не осшавили ни одного мѣсша безъ сшарашельнаго разысканія, и нѣсколько разъ палками шыкали въ шерсшь, гдѣ скрывался жалкій плѣнникъ; но онъ не былъ найденъ, и слѣдующею ночью, получивъ ошъ спасишеля свою кобылу, оружіе, и нѣсколько кусковъ жареной баранины, успѣлъ убѣжашь и благополучно досшигнушь своихъ улусовъ (39).

Въ другой разъ Темудзина захвашило въ полонъ племя Меркишовъ. Онъ успѣлъ выкупишься изъ плѣна (40). Наконецъ, ошважносшь едва было не погубила Темудзина. Насшала зима, шелъ сильный снѣгъ, когда Темудзинъ ѣхалъ по сшепи, возвращаясь въ улусъ свой, съ двумя своими друзьями, Бургуджеемъ и Бургуломъ.

---

(39) Рашидъ, въ *Собраніи Лѣтописей*, сочиненномъ въ началѣ XIV-го вѣка, въ Персіи (см. Оссона Hist. des Mongols, ч. I, сшр. 32.

(40) Тамъ-же сшр. 34.

Двѣнадцать Тайджутовъ встрѣтились съ ними. Темудзинъ бросился на непріятелей своихъ, и двѣнадцать стрѣлъ полетѣли въ непріязненныхъ Монголовъ. Двѣ стрѣлы попали въ ротъ и въ горло Темудзина. Онъ упалъ съ лошади; кровь запеклась у него въ горлѣ, душила его; онъ валялся на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, и Тайджуты удалились, не обращая вниманія на беззащитныхъ своихъ непріятелей. Бургуджей развелъ огонь; парами воды изъ растопленнаго снѣга отмочилъ онъ горло Темудзина; но несчастный Ханъ былъ безъ чувствъ, и цѣлую ночь стоялъ надъ нимъ Бургуджей, по поясъ въ снѣгу, держа надъ тѣломъ его войлокъ, и согрѣвая его огнемъ. Когда разсвѣло, едва могли посадить Темудзина на коня, и довезти его въ улусъ, слабаго и безчувственнаго (41).

Описываемъ сіи ничтожныя подробности, дабы показать неисповѣдимые пути Провидѣнія. Кто-бы могъ подумать, что этотъ бѣдствующій, ничтожный повелитель маленькаго кочеваго племени Монголовъ, живущаго въ глуши Байкальскихъ странъ, на вершинахъ Онона и Толы, предназначенъ былъ покорить полъ-міра, уничтожить сильныя царства, составить государство, превосходившее обширностью имперіи Александра и Цезарей, и ужаснуть именемъ

---

(41) Тамъ-же, стр. 33.

своимъ, не только современниковъ, но и потомство, ибо и мы не можемъ безъ содроганія читать лѣтописей объ немъ, писанныхъ кровью и слезами народовъ? Но такъ было, и съ изумленіемъ повторяемъ мы вѣрныя преданія прошедшаго.

Какимъ образомъ Темудзинъ могъ достигнуть своего предназначенія? Непостижимыя удачи и случаи, правда, способствовали постепенному его усиленію; но должно сказать, что основаніе всего заключалось въ могущественномъ геніи Темудзина, неизмѣняемой волѣ его, передъ которою уничтожались всѣ препятствія, и неистощимыхъ средствахъ, какія умѣлъ онъ изобрѣтать для достиженія своей цѣли. Цѣль жизни его составляло ненасытное желаніе власти. Онъ увѣрилъ самого себя, и говорилъ другимъ, что Богъ предалъ ему во власть всѣ царства міра сего, и предназначилъ его покорить вселенную. Сила, храбрость, трудъ, пренебреженіе опасностей, измѣна, вѣроломство, убійство, хищеніе—Темудзинъ почиталъ все позволеннымъ. Варварство его заставляетъ содрогаться; смѣлость предпріятій изумляетъ. «Какое величайшее наслажденіе въ жизни человѣка?» спрашивалъ однажды Темудзинъ, въ старости, покоривъ сотни народовъ, владѣя полу-міромъ, упившись кровію, и испепеливъ цѣлыя царства. « Прекраснымъ весен-

нимъ днемъ ѣхать на охоту, на хорошемъ конѣ, держа на рукѣ сокола; любоваться его отвагою, и видѣть, какъ бьетъ онъ на воздухѣ птицъ,» отвѣчалъ ему спаситель его Бургуджей, въ то время уже сильный полководецъ и вельможа Темудзина. Другіе говорили о другихъ наслажденіяхъ жизни. «Нѣтъ!» отвѣчалъ Темудзинъ — «величайшее наслажденіе для человѣка: побѣждать непріятелей, гнать ихъ передъ собою, отнимать у нихъ то, чѣмъ они владѣютъ, видѣть стыдъ и слезы побѣжденныхъ, ѣздить на ихъ коняхъ, упиваться сладострастіемъ въ объятіяхъ женъ и дочерей ихъ (42).»

Прежде всего Темудзинъ усилилъ деспотизмъ свой надъ маленькимъ племенемъ, доставшимся въ его наслѣдство. Онъ учинилъ волю свою надъ подвластными совершенно безотчетною и неограниченною, и ввелъ между ними строгое воинское устройство (43). По мѣрѣ покоренія окрестныхъ племенъ, онъ соединялъ съ родичами своими побѣжденные народы; удалялъ ихъ отъ излишествъ; пріучалъ къ трудамъ, пере-

---

(42) Рашидъ (Оссонъ, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 305.

(43) Рашидъ (Оссонъ, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 308. Вообще въ окончаніи сей части собрано Автором много подробностей о распоряженіяхъ и законахъ Темудзина).

несенію голода, жажды, опасностямъ, дѣятельности; подавалъ примѣръ собою; презиралъ добычею, раздавая ее своимъ воинамъ по дѣлежу, оставляя себѣ обыкновенную часть. Онъ умѣлъ избрать людей въ начальники; ввелъ между ими взаимную отвѣтственность; властвовалъ ужасомъ, но не щадилъ наградъ и пожертвованій (44). Съ каждою побѣдою, воинъ Темудзина ждалъ всѣхъ наслажденій, какія только считаетъ благополучіемъ дикій варваръ. Неистовствуя среди пожаровъ и гибели, онъ готовился на новые труды, и честолюбіе его удовлетворялось въ тоже время добычею, наградою, униженіемъ побѣжденнаго. Воины Темудзина имѣли право надъ жизнію и смертію побѣжденныхъ, изъ которыхъ набирались новыя дружины, долженствовавшія сражаться за Темудзина, и, по мѣрѣ трудовъ и вѣрности, вступавшія во всѣ

---

(44) *Десятникъ* отвѣтствовалъ за свой десятокъ, *сотники* за свои десятки, *тысяцкіе* за свои сотни, *десяти-тысяцкіе* (*темники*, какъ называли ихъ Руссы отъ слова: *тма* — 10,000) за свои тысячи, и такъ далѣе; власть ихъ, ничтожная передъ высшими имъ, дѣлалась неограниченною къ нисшимъ. О выборѣ Темудзиномъ полководцевъ и людей, см. Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 294, 305. «Отъ того именно,» говорилъ Темудзинъ, «мое могущество прибавлялось ежедневно, какъ новый мѣсяцъ; Богъ подкрѣпилъ меня, и земля покорилась мнѣ.»

права Монгола (45). Когда, усиленныя таким образом побѣдою, войска Темудзина двигались вперед, ведя в рядах своих новых товарищей, побѣжденная ими страна оставалась под властію и стражею части прежних войск, и угнетаалась деспотизмом выше всякой мѣры; властители ея были посылаемы повергнуться перед троном Темудзина в юртѣ его, постоянно остававшемся посреди степей Монгольских (46); малѣйшее сопротивленіе наказывалось огнем и мечем; тяжкая подать лишала туземцев имѣнія и средств защиты, когда учрежденіе сообщеній Монголіи с новопокоренною землею, и безпрерывные переходы войск, дѣлали невозможным освобожденіе, если-бы и удалось мужеству, или отчаянію, истребить оставленное Монголами, сторожевое войско. Горшій плѣн, смерть и гибель горшая ожидали несчастных побѣдителей (47).

(45) Их одѣвали в платье Монгольское, и брили им головы по Монгольски; от того всѣ воины Темудзина казались однородны по виду.

(46) *Юрта,* Монгольское названіе шалаша, или кочевой кибитки; собраніе юрт именовалось *Орда* (или *Орду*); юрта принимается в значеніи собственной земли Хана, и, в противоположность тому, окрестныя земли подвластных, и сами подвластные, именовались: *Улус*.

(47) Темудзин учредил быстрое сообщеніе, или почты, между своим улусом и всѣми покоренными

Всѣ войска Темудзина устроивались на Монгольскій образецъ: всѣ воины его были всадники, легко вооруженные, имѣвшіе съ собою дорожный запасъ, пріученные къ ѣздѣ и движеніямъ, вмѣстѣ и по одиначкѣ (48). Они дѣйствовали изъ засадъ, розсыпью, обманомъ, и вдругъ кидались въ отчаянный бой, густыми толпами, разсѣвались, если не могли сломить непріятеля, соединялись, когда непріятель думалъ, что они бѣгутъ, съ новою яростію нападая на него, и осыпая его стрѣлами, кои пускали съ изумительною мѣткостію (49). За ними гнали стада жи-

---

ему странами. «Пощада только покорному; смерть противнику; гибель возмутившемуся» — таковъ былъ коренной законъ Темудзина (Оссонъ, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 303, 304).

(48) Оссонъ, Hist. des Mongols, ч. I, съ 289 стр. и далѣе. Слич. описанія Плано-Карпини (Русскій переводъ Д. И. Языкова, *Собраніе путешествій къ Татарамъ*, т. I, (Спб. 1825 г.). Приводя слова Плано-Карпини, мы будемъ ссылаться на сей переводъ, при которомъ приложенъ и Латинскій подлинникъ.

(49) При осадѣ Ольмюца Монголами, едва показывался изъ осажденныхъ кто-либо на стѣнахъ, его мѣтко поражало множество стрѣлъ; осажденные забавлялись наконецъ тѣмъ, что выставляли на копьѣ куколъ, и нѣсколько стрѣлъ немедленно вонзалось въ эти куклы. Такъ Горцы Кавказскіе мѣтко стрѣляютъ нынѣ изъ ружей своихъ, а Киргизы изумля-

воинныхъ для пищи, везли войлочные шатры для пристанища; жены, дѣти, плѣнницы, плѣнники влеклись повсюду за Монгольскимъ войскомъ. Дикое народонаселеніе это могло проникать въ безплодныя степи, перекочевывая въ нихъ множество дней, перенося терпѣливо голодъ и жажду, зной и холодъ; могло и прожить нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, учредивъ свое становище, гдѣ ему было любо. Осаждая городъ, Монголы употребляли множество стѣнобитныхъ орудій, опустошали окрестности, лишали осажденныхъ подвоза припасовъ, огораживали ихъ тыномъ, обманывали притворнымъ удаленіемъ, бѣгствомъ, старались выманить изъ города, и вдругъ потомъ нападали съ отчаянною дерзостью. Въ другомъ случаѣ, они не давали отдыха, смѣняясь на безпрерывномъ приступѣ, сражаясь день и ночь. Такъ и въ открытомъ боѣ — натискъ, ударъ, или обманъ, отступленіе, были равно ихъ средствами, смотря по удобству и положенію дѣла. Они ломили грудью слабые отряды; заводили на засады, обходили съ тылу, пробираясь черезъ лѣса и горы, или вбродъ переплывая рѣки на легкихъ коняхъ своихъ, стараясь раздѣлить непріятеля, когда встрѣчали его въ силѣ огром-

---

ютъ мѣткостью стрѣлъ. Монголы удивляли безстрашіемъ при переправахъ. Этимъ выиграли они главное сраженіе, на рѣкѣ Сайо, въ Венгріи.

ной и превосходной. Вступая въ землю какую нибудь, они раздѣлялись на корпуса, и дѣйствовали вдругъ во многихъ мѣстахъ (50). Кажется, что имъ извѣстно было и огнестрѣльное оружіе (51). Они не жалѣли хитростей и средствъ самыхъ безчеловѣчныхъ: гнали передъ собою несчастныхъ плѣнниковъ, идя въ битву, или на приступъ; умерщвляли ихъ въ виду братій и друзей; заключали договоры, и нарушали оные подъ какимъ нибудь ничтожнымъ предлогомъ — словомъ: разсмотрѣніе военной Тактики введенной Темудзиномъ, достойно особеннаго любопытства, доказываетъ удивительный военный геній сего варвара, понявшаго всѣ средства дѣйствія, мѣстность своей страны и

(50) Этотъ маневръ видѣнъ во всѣхъ походахъ Монгольскихъ. Такъ въ Руси, они шли къ Новгороду и къ Владиміру; потомъ двинулись тремя отрядами въ Венгрію и двумя въ Польшу. Ихъ извороты и хитрости оставались потомъ наслѣдствомъ у Крымскихъ Татаръ, и Бопланъ описывалъ ихъ съ удивленіемъ (*Описаніе Украйны*. Русскій переводъ, Спб. 1832 г.).

(51) Нѣтъ сомнѣнія, что до Бертольда Шварца былъ извѣстенъ порохъ на Востокѣ. Половцы употребляли огнестрѣльное, какое-то орудіе (Ист. Р. Н. т. III, прим. 109). Въ Лигницкомъ сраженіи Монголы изумили Нѣмцевъ какими-то огненными машинами; тоже говорятъ Мугаммедане, описывая пораженіе храбраго Желаледдина.

духъ своихъ воиновъ. Съ такими пособіями, кто могъ ему прошивиться, когда притомъ Темудзинъ каждый разъ готовъ былъ положить на вѣсы счастія свою голову, не думалъ о жизни своихъ воиновъ, о выгодахъ подвластныхъ своихъ, и поставлялъ каждаго между рѣшеніемъ: *покорность или гибель?* Союзниковъ у него не было: миръ только побѣжденному — было его правиломъ, и союзъ, который иногда предлагалъ Темудзинъ, былъ только отсрочкою, доставлявшею ему средства обмануть непріятеля и вѣрнѣе погубить его (52). Онъ извлекалъ пособія даже изъ суевѣрій народныхъ. Сначала былъ у него сообщникомъ колдунъ, уважаемый Монголами, и съ презрѣніемъ прогналъ его потомъ Темудзинъ, когда онъ былъ ему не нуженъ болѣе (53). Надобно-ли

(52) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто еще незанимался полнымъ изложеніемъ Тактики Темудзина. Отважность его равнялась только съ изобрѣтательностью средствъ. Замѣтимъ, касательно вѣроломствъ и обмановъ, что общее повѣрье Азіятцевъ извиняетъ и дозволяетъ ихъ въ отношеніи къ противнику и иноплеменнику, и столь-же строго запрещаетъ къ единовѣрцу и родичу. Темудзинъ жестоко наказывалъ прелюбодѣяніе и воровство между своими подвластными.

(53) Этотъ колдунъ назывался Gucukdjou, и именовался еще *Сыномъ неба*. Онъ, на курилтнѣ 1206-го, возвѣстилъ опредѣленіе Божіе, по коему Темудзинъ назвался Чингисъ-Ханомъ. Чучи, сынъ Темудзина выгналъ потомъ колдуна пинками (Оссонъ, Hist. des Mon-

было ужаснуть непріятеля —Монголы назывались человѣкоядцами, ругались вѣрѣ непріятельской, оказывались варварами неслыханными (54); надобно-ли было обольстить—Темудзинъ являлся кроткимъ, уважающимъ религію другихъ (55), щадившимъ храбраго врага Такъ дѣйствовалъ Темудзинъ, и покорялъ страны и народы, коихъ самыя имена дотолѣ были ему неизвѣстны. Нерѣдко, приходя въ новую страну, Монголы спрашивали: « Какая это земля? « За тѣмъ слѣдовалъ вопросъ: « Знаетъ-ли она великаго Чингисъ-Хана? — Покоритесь ему, или мы и сами не вѣдаемъ, что̀ съ вами будетъ—единому Богу сіе извѣстно! « Покорность значила немедленную отдачу десятины съ имѣній, снабженіе войсками, отправленіе Царя къ Темудзину, повиновеніе произволу Монголовъ, выдачу аманатовъ, отданіе красавицъ, для звѣрскаго на-

---

gols, к. I, стр. 70, 71 и 310). Темудзинъ увѣрялъ, что имѣетъ непосредственное внушеніе Бога. Онъ долго молился, отправляясь въ 1211 г. на Китай, и три дня постился на уединенной горѣ, сбираясь воевать Западъ (см. далѣе). Темудзинъ положилъ для Монголовъ закономъ множество суевѣрныхъ обычаевъ.

(54) Въ Венгріи Монголы нарочно обвѣшивали коней своихъ отрубленными членами непріятелей, увѣряя, что ѣдятъ ихъ.

(55) Впрочемъ, это было коренымъ закономъ Темудзина. См. далѣе объ отношеніяхъ Монголовъ къ Русскому Духовенству.

слажденія варваровъ, и рабовъ, для ихъ прислуги. За отрицательнымъ отвѣтомъ — смерть и опустошеніе слѣдовали немедленно; пощады не было, и остальные Туземцы должны были становиться въ ряды Монголовъ и идти противъ братій своихъ. Встрѣчался-ли городъ укрѣпленный, Монголы покоряли его, потомъ жгли, не позволяя возобновлять укрѣпленій, и располагались сторожевымъ войскомъ среди развалинъ и пепелищъ, увѣдомляя Темудзина о новомъ завоеваніи, посылая къ нему добычу, богатства, красавицъ и плѣнниковъ.

Безпрерывно двигаясь для новыхъ завоеваній, Монголы обыкновенно останавливались зимовать въ покоренныхъ земляхъ, откармливали лошадей, готовили оружіе. Въ это время вожди должны были ѣздить къ Темудзину, гдѣ на великомъ совѣтѣ, или *курилтаѣ*, отдавали ему отчетъ, получали новыя повелѣнія, тѣшились охотою, слушали чтеніе его законовъ и повелѣній, дивились его мудрости и презрѣнію богатствъ, его свирѣпому правосудію, и возвращались снова къ своему назначенію — губить Человѣчество (56).

(56) Законы Темудзина были тщательно списываемы, хранимы и читаемы его современниками и потомками, подъ именемъ *Улугъ-Ясса*, или *Великихъ повелѣній*. Они погибли; сохранились только отрывки у разныхъ Историковъ. « Кто не придетъ ко мнѣ

Излишне было-бы входить здѣсь въ исчисленіе дѣяній, побѣдъ и завоеваній Темудзина, начиная съ первыхъ успѣховъ его въ 1190-хъ годахъ, когда онъ покорилъ и истребилъ племя ненавистныхъ ему Тайджутовъ, до кончины сего чудовищнаго генія, въ Августѣ 1227-го года, когда онъ обладалъ землями отъ Инда до Иртыша, и отъ Гоангъ-го до Волги и Эвфрата. Менѣе нежели въ сорокъ лѣтъ совершились неслыханныя дѣянія, и ничтожное прежде имя Монголовъ заставило трепетать Папу и Короля Французскаго, Индійскаго и Китайскаго Монарховъ, Багдадскаго Халифа и Императоровъ Греціи. Тщательно записываемы были страшныя дѣла Темудзина, со всѣми ужасающими ихъ по-

слушать мои приказы и законы,» говорилъ Темудзинъ, «тотъ уподобится камню, брошенному въ воду, стрѣлѣ, пущенной въ тростникъ.» Онъ приказывалъ заниматься охотою, говоря, что это училище войны, и его охоты, такъ какъ потомъ наслѣдниковъ его, и вообще Азійскихъ владыкъ, походили на исполинскую войну. Многочисленныя войска окружали лѣса, горы, степи, и сгоняли тысячи звѣрей; цѣлые мѣсяцы проводили охотники въ походѣ. Увидимъ изображеніе охоты Хановъ Золотой Орды впослѣдствіи. Слабое изображеніе древней охоты Монголовъ находимъ въ облавахъ нынѣшнихъ Бурятовъ. Они окружаютъ извѣстное пространство цѣпью всадниковъ, и гонятъ сотни, тысячи звѣрей къ тому мѣсту, гдѣ находится главный начальникъ охоты и его свита.

дробностями, чѣмъ гордился онъ, и чѣмъ славились его подвластные. Мы изложимъ здѣсь только главнѣйшія черты, дабы пояснить ими событія, какія внесли Монголы въ Исторію Русскаго народа.

До 1210 года, Темудзинъ покорялъ себѣ окрестныя племена, лаская безпрерывною покорностію Нючжискаго государя и Кераитскаго Хана. Первый былъ Ханъ Манджуровъ, завоевавшихъ часть Китая, и основавшихъ тамъ государство Нючжиское, *Гинь* или *Кинъ*, одно изъ трехъ царствъ, на которыя раздѣлялся тогда Китай (именно, кромѣ Кина— *Сяго*, или *Гіа*—Тангутское, и *Сунъ*, или *Сунгъ*, южное). Подъ зависимостію Нючжисцевъ находились всѣ племена Татанскія, къ коимъ принадлежало и Темудзиново племя (57). Другой былъ повелитель многихъ племенъ, жившихъ близъ Тангута, подавшій Европейцамъ поводъ къ выдумкѣ ба-

---

(57) Первыя изъ сихъ именъ суть приводимыя О. Іакинѳомъ; вторыя западными оріенталистами. Государство *Гинь* основалось съ 1115 года, и погибло отъ Монголовъ въ 1234 году; *Сяго* началось отъ древнихъ Тангутовъ въ Китаѣ, съ X-го вѣка, и разрушено Темудзиномъ въ 1227 году. *Сунъ* съ X-го вѣка властвовало надъ всѣмъ Китаемъ; но Нючжисцы отняли у него сѣверныя области, а Монголы завоевали его въ 1279 году.

сни о Попѣ Иванѣ, увлекавшійся дружбою Темудзина, поздно увидѣвшій ошибку свою, и дорого заплатившій за нее (58). Завладѣвъ Кера-

---

(58) Полагаютъ, что титулъ: Oang-khan, былъ источникомъ сказки о царствѣ *Попа Ивана* (Presbyter Johannes), столь долго занимавшей Европейцевъ. По всѣмъ соображеніямъ выходитъ, что подданные сего Хана были большею частію Христіане, Несторіянской секты. Полагаемъ любопытнымъ привести здѣсь рѣчь Темудзина, говоренную Оангъ Хану, въ 1203 году; она показываетъ намъ Восточное, дикое его краснорѣчіе, и характеризируетъ сего замѣчательнаго человѣка: «Когда ты пришелъ ко мнѣ въ твоей напасти,» говорилъ Темудзинъ, «тѣло твое видно было сквозь раздранное твое одѣяніе, какъ солнце между облаками, и, изнуренный голодомъ, ты подходилъ ко мнѣ медленно, какъ потухающій огонь. Я помогъ тебѣ: отдалъ тебѣ добычу враждебнаго племени, мною побѣжденнаго, прикрылъ наготу твою, и утолилъ твой голодъ. Ты, напротивъ, скрытно отъ меня напалъ на племя Удуйудъ-Меркитовъ, и не далъ мнѣ ничего изъ добычи, отъ нихъ взятой. Но когда Найманы разграбили твой обозъ, я послалъ моихъ воиновъ, и они все тебѣ возвратили. Какъ соколъ полетѣлъ я на гору Чуртушенъ, прошелъ озеро Буйюръ, и взялъ тебѣ пепеловидную цаплю — поколѣнія Дурбанъ и Татаръ; потомъ, перешедъ озеро Кёле, я взялъ тебѣ цаплю синеногую — племена Кигинъ, Салджутъ и Кункуратъ. А теперь, съ сими самыми ордами ты на меня нападаешь? Помнишь-ли, о Ханъ, отецъ мой! когда на берегу Кира, близъ горы Туркинъ, мы обѣщались, если змѣя проскользнетъ между нами, и на-

итами, Меркитами, Татарами, и вторгнувшись въ Тангутское царство, въ 1206 году,

---

поитъ ядомъ рѣчи наши, не подпасть ея хитрости, не расторгать союза нашего не увидясь и не объяснившись? Но ты удалился отъ меня, не извѣдавъ, правду-ли говорятъ тебѣ обо мнѣ. Для чего-же, о Ханъ, отецъ мой! преслѣдуешь ты меня съ племенами, мною тебѣ покоренными? Для чего безпокоишься ты, и не позволяешь дѣтямъ своимъ мирно вкушать сонъ? Я, сынъ твой, говорилъ-ли когда: *мой удѣлъ малъ — хочу больше*, или — *мой удѣлъ не хорошъ — хочу лучше?* — Если изъ двухъ колесъ у тѣлеги одно изломается, а волы станутъ усиливаться влечь ее, они испортятъ себѣ шею; надобно будетъ отпрячь ихъ; тѣлега останется на дорогѣ, и разбойники ею овладѣютъ; или когда оставишь при ней воловъ, они погибнутъ, умрутъ съ голода. Но не я-ли одно изъ колесъ твоей тѣлеги? — » Особенный образъ Восточнаго краснорѣчія показываютъ намъ разныя выраженія Монголовъ. « Можно-ли, » говорили Монголы, когда Хубилай, дядя Темудзина, былъ въ опасности отъ Дурбанскаго племени — « можно-ли воину, котораго голосъ поражаетъ небо звукомъ своимъ, и рука уподобляется лапѣ трехъ-лѣтняго медвѣдя; быть погублену Дурбанами? » — Собравшись противъ Темудзина, вожди разныхъ племенъ стали на берегу рѣки и говорили: « Нарушившій изъ насъ клятву, да будетъ унесенъ водою, какъ эта земля, и отрубленъ, какъ эта вѣтка.» — Они спихнули ногами въ воду по глыбѣ земли, и саблями своими обрубили потомъ по вѣткѣ. — « Напиши » сказалъ однажды Темудзинъ секретарю своему, плѣнному Бухарцу, ког-

Темудзинъ принялъ названіе Чингисъ - Хана, сдѣлалъ данникомъ своимъ государя Тангутскаго, женился на его дочери и покорилъ Киргизовъ, Уйгуровъ и Уйрашовъ (59).

Усиленный шакимъ образомъ, Темудзинъ отважился возсташь прошивъ мнимыхъ своихъ повелишелей, Ніючжискихъ Манджуровъ, и шри похода его ниспровергли сіе государсшво; сшолица была взяша и сожжена; въ 1216 году Темудзинъ могъ уже возврашишься въ Монголію; въ два года покоришь всѣ народы до Хова-

---

да Чепе донесъ Темудзину о непокорсшвѣ Муссульскаго Хана, «напиши ему: Богъ ошдалъ землю во власшь мою. Кшо покоришся, и впусшишъ мои войска, шошъ сохранишъ свое царсшво, свое семейсшво, свое имѣніе. Кшо не покоришся — Богу единому вѣдомо, чшó съ нимъ будешъ. Покорись мнѣ Ханъ, и будь моимъ другомъ; не покоришься — скажи, чшò будешъ съ Муссуломъ, когда приду я самъ?» Бухарецъ написалъ эшо въ великолѣпныхъ Восшочныхъ фразахъ, къ какимъ привыкъ у Ховарезмскаго Сулшана. «Ты злодѣй» — воскликнулъ Темудзинъ, прочишавъ переводъ — «шы написалъ шакимъ образомъ, чшо письмо швое умножишъ смѣлосшь непріяшеля: шакъ пишушъ шолько слабые!» Онъ велѣлъ казнишь несчасшнаго Бухарца.

(59) Не исчисляемъ здѣсь всѣхъ завоеваній подробно. Собсшвенно: все чшо занимало просшрансшво ошъ Кишая на сѣверъ, и на западъ до Ховарезма, завоевалъ шогда Темудзинъ.

резма, и обратиться на Востокъ, къ могущему Султану сего государства, Мугаммеду.

Имперія Хоразмійская, или Султанство Ховарезмъ, основалась на развалинахъ владычества Турковъ Огузовъ и Селджуковъ (60). Мугаммедъ прославился побѣдами, завоевалъ всѣ земли отъ Индіи до Аральскаго моря, владѣлъ Каспійскимъ моремъ, основалъ пребываніе свое въ Самаркандѣ, и именовался *тѣнію Бога на землѣ, и вторымъ Искандеромъ* (61). « Будь мнѣ сыномъ« — велѣлъ сказать ему Темудзинъ.— «Знаю, что ты

(60) Имя *Турковъ* стало извѣстно въ Европѣ съ половины *VI*-го вѣка, когда Византійцы отправили къ грозному Дизабулу посольство, въ 569 году. Персія, послѣ отнятія оной Арабскими Халифами у потомковъ Хозроя, или Нуширвана, была въ половинѣ XI-го вѣка покорена Турками Огузами, или Селджуками; въ половинѣ XII-го вѣка Турки Хоразма, или Хорассана, сдѣлались мощными обладателями Персіи, а въ началѣ XIII-го вѣка и Ховарезма (древней *страны за-Оксомъ*— Transoxiana). Мугаммедъ, наслѣдникъ Такаша, властвовавшій съ 1200-го года, былъ страшенъ Халифату, и обладалъ востокомъ отъ Каспійскаго моря до самой Индіи. Мать его именовала себя *Покровомъ міра и вѣры, царицею Турковъ и всѣхъ женъ во вселенной.*

(61) *Искандеръ* значитъ *Александръ*: имя героя Македонскаго осталось навсегда славно на Востокѣ (см. *Ист. Р. Н.* т. I, прим. 101). До сихъ поръ въ Бухаріи читаютъ его баснословную Исторію, какъ классическую книгу.

могущъ и славенъ; но я могущѣе и славнѣе тебя.» Мугаммедъ былъ оскорбленъ дерзостью варвара, скрылъ однакожъ свое негодованіе, и отвѣчалъ ласково. Вскорѣ небольшая ссора подала поводъ къ убіенію подвластныхъ Темудзину людей въ областяхъ Мугаммеда. Заплакавъ отъ негодованія, три дня и три ночи скрывался Темудзинъ на высокой горѣ, изнурялъ себя постомъ и молитвою, и двинулъ послѣ сего свои полчища (62).

Трепетъ объялъ Мугаммеда, хотя онъ имѣлъ до 400-тъ тысячь разнороднаго войска (63). Разбитый въ нѣсколькихъ частныхъ битвахъ, онъ хотѣлъ удержаться въ городахъ, но тщетно! Богатая Бухара (64) думала спастись покорностью, оставленная оробѣвшимъ гарнизономъ; но, опозоривъ мечети, ограбивъ жителей, набравъ изъ нихъ войско, Темудзинъ созвалъ богатѣйшихъ обитателей, и велѣлъ сказать имъ: «Вы всѣ грѣшники и преступники;

---

(62) Рашидъ (Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 149).

(63) Не укрѣпленные взаимно властію Мугаммеда, слишкомъ еще новою, разнородныя царства насильно покорялись Мугаммеду, и это было главною причиною его погибели.

(64) *Бухара* издревле славилась великолѣпіемъ, и въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ почиталась въ Азіи центромъ роскоши, торговли и учености. Самое имя ея изъясняли мѣстомъ *собранія ученыхъ*.

хошите-ли доказательствъ? я мечъ наказующій, посланный отъ Бога; если-бы вы не были преступники, то Богъ не предалъ-бы васъ въ руки мои!« Вслѣдствіе такого варварскаго вывода, рабство было участью женъ и дѣтей. Бухару зажгли и истребили. Такая-же участь постигла великолѣпную, богатую Самарканду, въ 1220 году. При дѣлежѣ народа, уцѣлѣвшаго подъ мечами, тридцать тысячь человѣкъ подарилъ побѣдитель сыновьямъ и вождямъ своимъ; столько-же обращено было для работъ въ войскѣ. Тридцать тысячь воиновъ, сдавшихся въ Самаркандѣ, были обезоружены и безжалостно зарѣзаны. Сосчитавъ оставшихся за тѣмъ жителей Самарканды, нашли 50,000, взяли съ нихъ по 4 золотыя монеты, и подарили имъ жизнь. Темудзинъ въ самомъ дѣлѣ казался демономъ-истребителемъ: черезъ годъ, сильный Мугаммедъ, гонимый отвсюду, убѣжалъ на маленькій островокъ Каспійскаго моря — умереть въ послѣдней крайности! У повелителя столькихъ странъ не было даже савана, для прикрытія трупа (65).... Раздѣливъ свои войска, Те-

---

(65) *Самарканда*, впослѣдствіи славная пребываніемъ Тамерлана, была столицею Мугаммеда. Нынѣ она принадлежитъ Бухаріи. Имя сего города извѣстно было на Востокѣ наравнѣ съ Багдадомъ, Дамаскомъ и Вавилономъ. — Островъ, на которомъ умеръ и погребенъ Мугаммедъ, Восточные Историки называютъ Аб-

мудзинъ отправилъ часть ихъ преслѣдовать сына Мугаммедова, отважнаго Гелаледдина, въ Индію. Гератъ, Синдъ, Мултанъ и Лагоръ преданы были тамъ огню и мечу. Другая часть, подъ начальствомъ полководцевъ Чепе и Субуштая, обогнула южный берегъ Каспійскаго моря, завоевала Адербайджанъ, Грузію, разбила Кавказскихъ Яссовъ и Алановъ. Сей отрядъ Монголовъ явился въ 1224 году въ Русскія области; передъ его силою погибла слава Мстислава Удалаго, исчезли орды Половцевъ и соединенныя дружины Кіева, Галича, Курска и Чернигова (66). Обратясь къ югу, опустошивъ Крымъ, истребивъ богатый Судакъ, Монголы спѣшили со-

---

сюкунъ (Absucoun): это было имя порта Джурджанскаго въ Мазандеранѣ, по которому все Каспійское море называли иногда *Абсюкунскимъ*. Противъ Абсюкунскаго порта находятся три острова, изъ коихъ одинъ сдѣлался могилою сильнаго Хоразмійскаго Монарха. Гордая Турканъ-Халдунъ, мать его, умерла плѣнницею въ Харахорумѣ. Сыновья Мугаммеда были убиты; дочери сдѣлались наложницами Чагатая и двухъ полководцевъ Чингисовыхъ. Жену Османа, побѣжденнаго Мугаммедомъ, прежняго властителя Самарканды, отдали одному рабу, красильщику.

(66) Карамзинъ называетъ полководцевъ Темудзина, побѣдителей на Калкѣ: *Судай-Баядуръ* и *Чепновіанъ*; такъ въ нашихъ лѣтописяхъ. *Баядуръ* значитъ *богатырь*: это слово пришло къ намъ съ Востока; Киргизы перемѣнили его въ *батырь*.

единишься за Волгою съ полчищами Чучи, сшаршаго сына Темудзинова, кошорому отецъ ошдалъ земли на сѣверо - западъ ошъ Монголіи.

Сей походъ на Русь былъ шолько предваришельнымъ обозрѣніемъ, мимолешнымъ громомъ, шакъ, что Монголы не осшавили даже никакихъ сшорожевыхъ войскъ на Волгѣ и на Днѣпрѣ. Они шолько обознали землю, и соединились пошомъ съ грознымъ Темудзиномъ въ сшепяхъ Средней Азіи, ожидая дальнѣйшихъ его повелѣній (67). Весною 1224-го года возвращался онъ изъ своего похода на западъ, начашаго осенью 1219 года. На другой годъ велѣно было сшаршему сыну его идши за Волгу, и далѣе, гдѣ не была еще нога Монгольскаго коня (68). Болѣзнь, а пошомъ смершь Чучи, осшановили сіе повелѣніе. Между шѣмъ, не взирая на сшаросшь свою, Темудзинъ еще самъ ошправился въ по-

(67) «Ни древніе, ни новѣйшіе вѣка не видали дѣяній шакихъ, какія учинили Монголы,» пишешъ одинъ современный Темудзину Мугаммеданскій Исшорикъ. «Не сомнѣваюсь, что пошомки, чишая повѣсшь мою, усомняшся въ ней. Со временъ Пророка подобныя бѣдсшвія не обрушивались никогда на главу Правовѣрныхъ!» (Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, сшр. 255, 261). Не одинъ-ли и шошъ-же голосъ Руксихъ, Мугаммеданъ, Кишайцевъ, и Западныхъ Европейцевъ?

(68) Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, сшр. 274.

ходъ, окончилъ покореніе Тангута, и проникъ далѣе на югъ въ Китай. Отдыхая на предѣлахъ трехъ Китайскихъ государствъ, страшный человѣкъ этотъ почувствовалъ приближеніе смерти, и въ Августѣ 1227 года не стало Темудзина. Тѣло его было перенесено тайнымъ образомъ въ родные его улусы (69). Тамъ, на

---

(69) Монголы обыкновенно скрывали кончину своихъ государей, пока устроивалось новое правленіе и приготовлялись пышныя похороны. Темудзинъ умеръ, по Китайскимъ извѣстіямъ, 66-ти лѣтъ, царствовалъ 22 года (царствованіе его считаютъ Китайцы отъ принятія Темудзиномъ имени Чингисъ-Хана); но сіе невѣрно, и Мугаммеданскіе Историки, знавшіе лучше событія въ Монголіи, сказываютъ, что Темудзину было 72 солнечныхъ, или съ небольшимъ 74 лунныхъ лѣтъ; что онъ умеръ 15-го числа осенняго мѣсяца *Какай-ыль* (Свиньи), начинающагося въ Саферъ 624-го года Эгиры) въ Августѣ 1227 года). Монголы считали годы двѣнадцати-лѣтними періодами, или циклами, придавая каждому году цикла названіе животнаго, а именно: *мышь*, *волъ*, *тигръ*, *заяцъ*, *драконъ*, *змій*, *конь*, *баранъ*, *обезьяна*, *курица*, *песъ*, *свинья*. Сими-то названіями объясняются названія лѣтъ въ Монгольскихъ ярлыкахъ, переводы коихъ находимъ въ нашихъ памятникахъ (см. далѣе). Незадолго передъ смертью, Темудзинъ говорилъ: «Надобно мнѣ издать милостивый указъ, и не производить болѣе раззореній: я далъ въ этомъ клятву въ прошломъ году, когда пять планетъ было въ соединеніи, но — потомъ забылъ.» Послѣдними словами его были воин-

горѣ, принадлежащей къ цѣпи горъ Бурханъ-Халдунъ, подъ высокимъ деревомъ, гдѣ отдыхалъ нѣкогда Темудзинъ, положили по его завѣту бренные его останки. Сорокъ юныхъ, прелестныхъ дѣвицъ знаменитаго происхожденія, и столько-же дорогихъ коней принесено было въ жертву на могилѣ Темудзина. Племя Урянгутовъ опредѣлено было стражею страшнаго мѣста, гдѣ покоился прахъ чудовища. Ни чья дерзкая нога не смѣла ступить на сіе неприкосновенное мѣсто. Здѣсь погребены были потомъ многіе изъ Чингисовыхъ потомковъ. Дремучимъ лѣсомъ заросла наконецъ гора, и мѣсто могилы Темудзина осталось неизвѣстно впослѣдствіи (70).

скія распоряженія. Китайцы говорятъ, что онъ погребенъ въ долинѣ Ци-нянь-гу, и называютъ его: *Тхай-цзу* (прародитель). Когда потомки его впослѣдствіи были уже Китайскими Императорами, то прибавили еще (въ 1266 году) къ имени его титулъ: *Шенъ-ву-хуанъ-ди* (мудрый и воинственный государь), а въ 1309-мъ году—*Фа-тьхянь-ци-юнь* (?). См. О. Іакинѳа, *Исторія Хановъ*, стр. 1 и 137.

(70) Изъ цѣпи горъ Бурханъ-Халдунъ выходятъ рѣкиОнонъ, Керуланъ и Тула. Марко-Поло говоритъ, что гора, гдѣ погребенъ Темудзинъ, называется: *Алкай* (Alchaï). Гобиль сказываетъ, что имя ея, по-Монгольски, *Гань*, и что она лежитъ подъ 47° 54' с. ш., и 9° 3' долготы (отъ Пекинскаго меридіана). Рашидъ назы-

Еще при жизни своей Темудзинъ раздѣлилъ завоеванныя имъ страны четыремъ сыновьямъ своимъ: *Чуги, Чагатаю, Оготаю* и *Тулую.* Первому отданъ былъ Сѣверо-Западъ; другому Юго-Западъ; третьему Юго-Востокъ; четвертому собственно-Монголія. Онъ заклиналъ ихъ блюсти его правила и законы, и окончить завоеваніе свѣта, «чему должно сбыться»—говорилъ онъ—«если только вы не оставите моихъ завѣтовъ, и не ослабѣете духомъ.» Часто однакожъ задумывался Темудзинъ, и говаривалъ, что не надѣется на дѣтей своихъ. «Они облекутся въ богатыя ткани; они объѣдятся сладкихъ кушаньевъ; они станутъ гордиться дорогими конями; они ослѣпятся женскою красотою, и забудутъ меня и завѣты мои. Но придетъ для потомковъ моихъ время, когда они вспомнятъ меня, и станутъ призывать тѣнь Чингисъ-Хана, но — уже тщетно (71)!»

ваетъ эту гору *Нуда-ундуръ* (Nouda-Oundour), сказывая, что ее обтекаетъ рѣка Селенга (Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 288).

(71) Въ именахъ дѣтей Темудзина, мы слѣдуемъ правописанію Западныхъ оріенталистовъ. Гнъ Френъ пишетъ: *Джуги, Джагатай,* и проч. — По Китайскому произношенію выходитъ: *Чжоцинь, Чаганьтай Угэдэй, Тулэй* (см. Прим. 29). Слова Темудзина, см. Оссона, Hist. des Mongols, ч. I, стр. 316. *Чуги* былъ родоначальникомъ Хановъ Золотой Орды и Сибири;

Надлежало избрать преемника Темудзину. Тулуй, бывшій въ родовомъ улусѣ, принялъ временное правленіе. Въ 1229 году созванъ былъ великій *курилтай*, въ родовомъ улусѣ Темудзиновомъ, и тамъ приступили къ выбору преемника Темудзину. Выборъ палъ на Оготая, предназначеннаго къ тому отцомъ послѣ смерти Чучи. Совершивъ великолѣпныя пиршества, дѣти Темудзина, крѣпкіе, неизмѣнные спутники при жизни его, положили продолжать дѣла отцовскія. Одно войско отправлено было ими противъ Гелаледдина, въ Индію; другое для покоренія народовъ на Яикѣ и Волгѣ. Самъ Оготай, и братья его, рѣшились окончить завоеваніе сѣвернаго Китая.

На курилтаѣ 1235 года, сыновья Чучи: Батый, Орда, Шибанъ, Тангкутъ (72), представили, что всѣ страны на сѣверъ отъ Каспійскаго моря, по Волгѣ, были уже покорны Монгольскому владычеству. Положено: двинуться далѣе, и—роковой часъ Русскихъ земель пробилъ!

Чагатай Самаркандскихъ Хановъ, именовавшихся по его имени; Оготаево потомство погибло при восшествіи на престолъ Мангу, сына Тулуева. Отъ его рода произошли Китайскіе Императоры (Монгольской линіи), и Персидскіе государи Монгольскаго рода. См. далѣе.

(72) Hist. des Mongols, ч. II, стр. 379.

Многочисленное полчище Монголовъ, подъ начальствомъ Батыя и братьевъ его, выступило изъ улусовъ своихъ, съ верховья Иртыша и изъ Алтайскихъ горъ. Тутъ, кромѣ Батыя, находились еще: *Байдаръ*, сынъ, и *Бури*, внукъ Чагатая; *Куюкъ* и *Киданъ*, дѣти самого Огтая; *Мангу* и *Буджекъ*, дѣти Тулуя. Сей походъ можно было назвать опытомъ удальства: войско пускалось въ неизвѣстныя Сѣверныя и Западныя страны, подъ начальствомъ знаменитѣйшихъ юныхъ Князей: Батыю и Мангу было тогда по двадцати восьми лѣтъ отъ роду; Куюку тридцать лѣтъ. Куюкъ и Мангу были избраны впослѣдствіи преемниками трона Чингисъ-Ханова. Для совѣтовъ юнымъ варварамъ, приданъ былъ къ войску ихъ старый полководецъ, Субутай-Багадуръ, вызванный изъ Китая, гдѣ распространялъ онъ могущество Огтаево. Походъ начался весною 1236 года (73).

Булгары приволжскіе погибли первые подъ мечами Монголовъ. Главный городъ ихъ былъ сож-

---

(73) Батый умеръ въ 1256 году, 48-ми лѣтъ отъ роду (Оссона, Hist. des Mongols, ч. II, стр. 556). Слѣдовательно, Карамзинъ несправедливо называетъ Батыя *дряхлымъ* въ 1250 году (Ист. гос. Росс., т. IV, стр. 67). Вообще, кромѣ самого Темудзина и Огтая, Монгольскіе владыки не были долголѣтны: Куюкъ умеръ 42-хъ лѣтъ, Мангу 51-го года; Чучи скончался еще при жизни отца.

женъ, и разграбленъ. Бачманъ, одинъ изъ государей Капчацкихъ (74), удерживалъ Монголовъ нѣсколько времени своими хитрыми вылазками изъ лѣсовъ. Разбитый наконецъ, онъ былъ пойманъ, и просилъ одной милости: быть убитымъ отъ благородной руки. Самъ Буджекъ разсѣкъ его мечемъ пополамъ. Послѣ сего погублены были другіе полукочевые народы: Буртасы, Мордва, Саксины, Везофинаки; съ истребленіемъ ихъ началось *завоеваніе* Русскихъ земель: оно продолжалось три года; на два вѣка измѣнило всѣ событія; сдѣлало важную эпоху въ Исторіи Русскаго народа, и —

---

(74) Чѣмъ подробнѣе разбирать, тѣмъ большее представляется смѣшеніе въ народахъ Турецкаго племени, обитавшихъ по Волгѣ съ обѣихъ сторонъ, и по степямъ до Днѣпра и къ Черному морю. Имя *Половцевъ* должно почесть собирательнымъ именемъ многихъ ордъ, такъ какъ потомъ имя *Капчаковъ*, или *Кипчаковъ*, съ которыми долго сражались Монголы; оно было потомъ именемъ Золотой Орды. О Бачманѣ пишутъ всѣ Мугаммедане и Китайцы (см. О. Іакинѳа, *Исторія Хановъ*, стр. 304). *Буртасы* (по Массуди) жили близъ Булгаровъ на Волгѣ. О *Везофинакахъ* упоминаетъ Рашидъ. *Саксины* (по Бакуи) были остатки Хазаровъ на Волгѣ. — Въ нашихъ лѣтописяхъ (*Пушкинская*) говорится о Саксинахъ подъ 1229-мъ годомъ, и что въ 1232-мъ году Монголы зимовали не дошедши до Булгарскаго города (Ист. Гос. Росс., т. III, пр. 355).

можетъ быть, цѣлаго свѣта. Подробно описано бѣдственное это событіе въ лѣтописяхъ нашихъ. Перескажемъ повѣствованіе предковъ (75).

---

(75) Повѣствованіе о нашествіи Монголовъ составляетъ отдѣльную статью въ нашихъ лѣтописяхъ, и, кажется, составлено современникомъ. Оно внесено почти во всѣ извѣстные списки, только въ нѣкоторыхъ сокращенно (Архангелогородскомъ, Типографскомъ); настоящій разсказъ долженъ быть въ *Новгородскомъ* (и въ *Волынскомъ* и *Пушкинскомъ*, какъ говоритъ Карамзинъ). Сей разсказъ является болѣе украшенный въ Софійскомъ *Строевскомъ*; но прибавки тутъ любопытны, какъ памятникъ тогдашней Словесности (см. въ концѣ тома *Дополненіе* 1). Въ *Никоновскомъ* вставлено въ него множество нелѣпостей; въ *Степенной книгѣ* онъ обезображенъ позднѣйшимъ пустословіемъ. Въ *Костромскомъ* спискѣ находится въ немъ много лишняго, какъ-то: вставка о приходѣ Батыя къ Смоленску, и чудесахъ (между прочимъ, защитнику города, Св. Меркурію, отрубаютъ голову; онъ приходитъ въ Смоленскъ безъ головы, и разсказываетъ свою побѣду надъ Батыемъ). Но тутъ любопытны историческія подробности о Рязани, и начало и окончаніе по слогу (почему мы и присовокупили все сіе къ выпискѣ изъ *Строевскаго*). Въ *Костромскомъ* спискѣ разсказъ о Монголахъ названъ *Умильною повѣстію*. Такъ повѣствованіе о нападеніи Монголовъ на Венгрію, Рогера, Варадинскаго Каноника, названо: *Miserabile Carmen* (seu Historia super destructione regni Hungariæ. Она помѣщена въ *Scriptores rerum Hungaricarum*, Вѣна, 1746 г.).

Къ зимѣ 1237-го года, полчища Монгольскія появились въ Рязанской сторонѣ. Недоумѣвая при появленіи еще невиданныхъ до толѣ вблизи варваровъ, но уже издавна слышавъ о безчеловѣчіи, свирѣпости и непобѣдимости ихъ, Князья Рязанскіе неустрашились однакожъ, вышли съ дружинами своими къ Воронежу, и тамъ встрѣтили пословъ Батыя, и присланную съ ними какую-то колдунью (76). Послы требовали покорности, и десятины изъ числа Князей, людей, и коней, бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. «Пока живы, ничего не дадимъ; если не будетъ насъ, то все вамъ достанется отвѣчали Князья,» (77). Монголы обошли ихъ, раззорили Рязанскую область до Пронска, и напрасно между тѣмъ Рязань просила помощи у Георгія. Каждый трепеталъ, готовился сражаться, но не шелъ на союзъ, думая о собственной защитѣ. «Видно, что Божію гнѣву не воспротивиться,» говорятъ лѣтописцы. «Подобно тому, нѣкогда рекъ Господь Іисусу Навину, ведя его въ землю Обѣтованную: прежде тебя пошлю недоу-

---

(76) *Жену чародѣйцу.* Монголы вѣрили колдовству, и часто совершали чародѣйные обряды, желая произвесть бурю или дождь. См. о семъ (и выписку изъ Палласа) въ Hist. des Mongols, ч. II, стр. 701—706.

(77) «Одна насъ всѣхъ не будетъ, тожъ все то ваше будетъ» (*Нов. Лѣт.* стр. 127).

мѣніе, грозу, страхъ и трепетъ. Такъ и отъ Русскихъ Князей прежде отъялъ Господь силу, а недоумѣніе, грозу, страхъ и трепетъ вложилъ въ души ихъ, за грѣхи наши. Поглощена была премудрость, и никто не думалъ строить полки ратные; сердца крѣпкихъ преложились въ слабость женскую. Ни единъ изъ Русскихъ Князей не пошелъ на помощь другому; несовокупились, не двинулись на поганыхъ, но вдались въ совѣтъ суетный, мысля каждый о себѣ рать составить. Не встрѣчая дружныхъ сопротивниковъ, враги нападали отдѣльно на каждаго, пріимали грады, а Князей и людей мечу и огню предавали (78). « Рязанскій Князь послалъ наконецъ сына своего къ Батыю. Батый потребовалъ отъ него въ дань красавицъ, и даже собственную прелестную жену его Евпраксію. Юный Князь отвергъ отвратительное предложеніе, и былъ зарѣзанъ. Евпраксія бросилась съ высокаго терема своего, услышавъ о смерти несчастнаго супруга (79). « Милые братія! « говорилъ тогда, со слезами, Рязанскій Князь, со-

(78) Костр. Лѣт. Ч. I, стр. 92.

(79) Это находится въ *Костромской Лѣт.* — Преданіе говоритъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ *заразилась* Евпраксія, былъ потомъ построенъ городъ *Заразскъ, или Зарайскъ.* Можемъ и не вѣрить всему этому разсказу, котораго нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

вокупивъ полки. «Если мы видѣли добро отъ Господа, зла-ли не потерпимъ? Купимъ смертію жизнь вѣчную. Друзья и родные наши уже испили чашу смерти за Церковь и отчизну—послѣдуемъ за ними!» Простясь съ Княгинею, принявъ благословеніе Епископа, Князь вышелъ на отчаянную брань. На одного Рязанца было сто Монголовъ. Князья, Воеводы и *всѣ удальцы* Рязанскіе пали въ битвѣ. Батый хотѣлъ помиловать Князя Олега, прекраснаго собою, израненнаго, и взятаго въ полонъ. »Ты безбожникъ, врагъ Христа!» восклицалъ Олегъ, гнушаясь милосердіемъ враговъ, и былъ разнятъ по суставамъ ножами. Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ раззорены послѣ того. Монголы двинулись къ Рязани, и окружили ее отвсюду; пять дней бились съ ними осажденные, безъ отдыха, когда между тѣмъ Монголы безпрестанно смѣнялись. Декабря 21-го Рязань была взята. Княгиня укрылась въ соборной церкви, съ знаменитѣйшими боярынями; тамъ нашли и убили ее варвары; потомъ они зажгли городъ, забирали узорочья и богатства, рѣзали, разстрѣливали, жгли людей, терзали, позорили дочерей передъ глазами матерей и отцовъ. Нѣкому было стенать и плакать послѣ ухода Монголовъ, ибо остались только мертвыя тѣла (80). Погребать

---

(80) «И не бѣ стонущаго, ни плачущагося, но вси вкупѣ мертвы лежаще.» *Костр. Лѣт.* стр. 97.

ихъ прiѣхалъ Ингварь, бывшiй тогда въ Черниговѣ, и съ ужасомъ увидѣлъ все населенiе Рязани положенное трупомъ, занесенное снѣгомъ, замерзшее, полусъѣденное дикими звѣрями и хищными птицами. Удалецъ Евпатiй, бывшiй съ Княземъ, исполинъ силою, *крѣпкорукiй* и *дерзосердый*, переживши друзей и братiю, не хотѣлъ безъ нихъ остаться на бѣломъ свѣтѣ; онъ собралъ небольшую дружину, и въ отчаянiи кинулся во слѣдъ Монголовъ. Произведя жестокое кровопролитiе, Евпатiй палъ мертвый, со всею дружиною. «Неужели возстали мертвецы Рязанскiе?» спрашивали Монголы, изумленные нечаяннымъ нападенiемъ. «Мы слуги Рязанскаго Князя, и намъ велѣно было проводить васъ съ почестью!» отвѣчали храбрые Рязанцы, попавшiеся въ полонъ къ побѣдителямъ (81).

У Коломны ждалъ Монголовъ еще одинъ Князь Рязанскiй, Романъ, со Всеволодомъ, сыномъ Георгiя. Только Всеволодъ успѣлъ убѣжать съ поля битвы во Владимiръ. Батый взялъ Москву, полонилъ другаго Георгiева сына, Владимiра,

---

(81) «Видѣ (Ингварь) братiю свою... и все воинство Рязанское побiены, лежащи на землѣ пустѣ, на травѣ ковылѣ, снѣгомъ и льдомъ померзше,» и проч. (*Костр. Лѣт.* стр. 104). Въ ней-же помѣщено извѣстiе о Евпатiи, которое мы приводимъ здѣсь, но—не почитаемъ достовѣрнымъ. (Ч. I, стр. 101).

убилъ Воеводу Московскаго Филиппа Нянка, и двинулся на Владиміръ. Георгій удалился въ это время изъ столицы своей, оставивъ въ ней сыновей Всеволода, Мстислава, и сильную дружину. Онъ хотѣлъ совокупить войско на рѣкѣ Сити, дожидаясь брата Ярослава изъ Кіева (82). Какъ саранча безчисленны, явились Монголы передъ Владиміромъ, въ самую Масляницу, 2 Февраля (83). Осажденные начали стрѣлять въ нихъ; Монголы отвѣчали имъ тѣмъ-же; отрядъ непріятелей подъѣхалъ къ стѣнамъ города, и показалъ осажденнымъ юнаго плѣнника, Князя Владиміра Георгіевича, блѣднаго, изнуреннаго горестію. Монголы спрашивали о Георгія, и требовали сдачи, обѣщая помилованіе. « Лучше умереть, нежели быть въ ихъ волѣ! » говорили Мстиславъ и Всеволодъ, смотря съ городскихъ стѣнъ на брата (84).

---

(82) Карамзинъ, т. III, пр. 362. — *Сить*, небольшая рѣка, начинающаяся въ Тверской губерніи, въ Кашинскомъ уѣздѣ, и впадающая въ Мологу, верстъ 40 выше уѣзднаго города Мологи.

(83) « Пріидоша множество *кровопролійцѣ* христіанскихъ, безъ числа, аки прузи. » (*Стр.* т. I, стр. 240).

(84) « Бѣ унылъ лицомъ, и изнемоглъ бѣдою отъ нужи... О умиленное брата видѣніе, и слезъ достойно!... И вси гражане плакахуся, зряще Володиміра. » (*Стр.* т. I, стр. 240). Владиміръ былъ потомъ убитъ Монголами.

Тогда Монголы начали готовиться къ осадѣ, окружили городъ тыномъ, поставили *пороки* и лѣса. Отрядъ ихъ опустошилъ между тѣмъ Суздаль. Плѣнныхъ привели передъ Владиміръ, и показали на страхъ осажденнымъ. Февраля 7-го начался общій приступъ. Рѣшась умереть, Князья Всеволодъ и Мстиславъ, съ Епископомъ Митрофаномъ, пришли въ соборный храмъ, приняли святую схиму, вмѣстѣ со многими почетными женами и сановниками, и навѣкъ простились другъ съ другомъ. Битва была жестокая. Монголы вломились со всѣхъ сторонъ, отъ Лыбеди и Воротъ Золотыхъ, Св. Ирины, и Мѣдныхъ. Князья рѣзались съ ними въ среднемъ, или Печерномъ городѣ. Въ соборной церкви укрылись между тѣмъ Епископъ, супруга Георгія, дочери, невѣстки ея. Безполезно отбивая двери, Монголы зажгли наконецъ церковь. Среди дыма и пламени, слезъ и стенаній, Епископъ воздѣлъ руки къ небесамъ, и возопилъ: « Воскресившій четверодневнаго Лазаря, Боже силъ! простри руку твою на рабовъ, и пріими съ миромъ души ихъ! » Онъ благословилъ всѣхъ на кончину; но не всѣмъ былъ сужденъ покой могильный: Монголы отбили двери, и ворвались въ дымъ и пламень, терзать женъ, обдирать иконы, и неистовствовать... Мстиславъ и Всеволодъ были убиты среди дружины своей, дравшись уже внѣ стѣнъ города.

«Сія-ли угодна тебѣ, Господи?» воскликнулъ Георгій, заливаясь слезами, когда дошли къ нему вѣсти о гибели Владиміра. »Но да будетъ воля твоя! Сподоби и меня пострадать за Церковь!» Недолго ждалъ онъ исполненія своего желанія. Уничтоживъ Городецъ, Галичъ, Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, разными отрядами, Марта 4-го Монголы сблизились къ Сити, и Георгій погибъ въ битвѣ; немногіе изъ его сподвижниковъ утекли; Василько Константиновичъ былъ захваченъ въ полонъ. Монголы уговаривали его покориться. «Царство темное и скверное! тебѣ-ли покорюсь!« восклицалъ онъ. «Если и въ великой бѣдѣ есмь теперь, то страдаю за грѣхи, да очищуся покаяніемъ!» Варвары заскрежетали зубами, вонзили въ него ножи свои, и въ тихой молитвѣ погибъ сынъ добраго Константина, прекрасный собою, любимый народамъ, и благотворный. Не слышно было погребальныхъ пѣсенъ среди воплей, когда нашли тѣло его въ лѣсу, и хоронили въ Ростовѣ. Супруга Василька постриглась въ Суздальскомъ монастырѣ, и *страдально проходила иноческое бореніе до смерти.* Въ Ростовъ привезли также и тѣло Георгія Всеволодовича. Епископъ Кириллъ, возвращаясь съ Бѣла-озера, гдѣ скрывался отъ враговъ, самъ осматривалъ Ситское побоище, и узналъ Георгія по Княжеской одеждѣ, хотя головы у трупа

не было; ее нашли послѣ. Георгій и Василько положены были въ одной могилѣ (85).

Между тѣмъ, по дорогѣ къ Новгороду шли отдѣльныя тмы Батыевы. Волоколамскъ и Тверь разрушены были поспѣшнымъ приступомъ; но двѣ недѣли осаждали Монголы Торжокъ, гдѣ, по взятіи города, убитъ былъ храбрый защит-

---

(85) *Новгородскій* и *Строевскій Лѣт.* Георгій и Василько были сначала похоронены въ Ростовской Богородицкой церкви; но потомъ тѣло Георгія перенесли во Владимірскій соборный храмъ. Церковь Православная причла ихъ къ лику Святыхъ. (Память Георгія празднуется 4-го Февраля, Василька 4-го Марта. См. *Исторію Росс. Іерархіи*, т. I, стр. 291). Лѣтописцы распространяются въ похвалахъ обоимъ, и разсказываютъ чудеса (что глава Георгія, приложенная къ тѣлу его, приросла, и не видно было слѣда отсѣченія, и проч.). «Онъ не хотѣлъ принять предложенія поганыхъ о мирѣ (говоритъ *Пушк. Лѣт.* о Георгіи) — «*брань бо славна, лучше есть мира студна*;» онъ былъ милостивъ, паче мѣры, украшалъ церкви иконами и книгами, чтилъ излиха чернцовъ и поповъ, подавая имъ все потребное.» О Василькѣ (*Строевск.* Соф. т. I, стр. 245): «Онъ былъ прекрасенъ, свѣтелъ очами, грозенъ взоромъ, храбръ паче мѣры, на охотѣ *вазнивъ*, сердцемъ легокъ; мужество и умъ жили въ немъ; правда и истина ходили съ нимъ; онъ на все былъ искусенъ; кто ему служилъ, ѣлъ хлѣбъ его и пилъ его чашу, тотъ не могъ уже служить другому Князю.» — Тѣло Василька было найдено брошенное въ лѣсу.

никъ его, Иванко, Посадникъ Новгородскій, и все *изображено, поругано, погибло бѣдною и нужною смертію*. Только 200 верстъ оставалось до Новгорода — Новгородъ трепеталъ: защищаться могли и рѣшались; но побѣда была невозможна, а гибель неизбѣжна... И вдругъ, отъ урочища: *Игнагъ крестъ*, оставшагося по сему случаю въ памяти Новгородцевъ, поворотили полчища варваровъ назадъ, и пошли къ югу (86). Опустошеніе означило слѣды ихъ. Мужественная защита Торжка доказала, что можетъ сдѣлать отчаяніе; но Козельскъ, городокъ Черниговскаго княжества, изумилъ самихъ Монголовъ (87). Здѣсь былъ удѣлъ какого-то малолѣтняго Князя Василія. «Положимъ за нашего Князя животъ свой!» говорили Козельцы. «Пріимемъ славу въ мірѣ, и вѣнцы небесные за гробомъ!» Шесть недѣль бились подъ симъ городкомъ Монголы, и когда разбили уже стѣны и взошли на валъ, жители еще рѣзались съ ними

---

(86) Новгородскій Лѣт.

(87) *Козельскъ*, нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи, на рѣкѣ Жиздрѣ. Екатерина, любя Русскую Исторію, и желая сохранить память подвига Козельцевъ, назначила въ гербѣ его, когда открывала Калужскую губернію, пять щитовъ, крестообразно положенныхъ, съ черными крестами, и четыре золотые креста, въ кровавомъ полѣ.

ножами; наконецъ пошли въ густыя толпы ихъ, и легли всѣ. Князь Василій погибъ, неизвѣстно какъ. Общее повѣрье осталось, что онъ *утонулъ въ крови* (88). Защита Козельска была такъ достопамятна, что записана даже въ памятникахъ Монгольскихъ; говорили, что Батый назвалъ Козельскъ *злымъ городомъ* (89).

Главныя силы Батыя отодвинулись послѣ сего далѣе къ югу, на Донъ, къ устью Волги и къ берегамъ Каспійскаго моря. Тамъ окончили они

---

(88) «О Князи Василіи невѣдомо есть: иніи глаголаху, яко *во крови утонулъ* есть, понеже убо бѣ младъ.» (*Стр.* Т. I, стр. 247). Очень мило вздумалось разсуждать по сему случаю Князю Щербатову: «Колико-бы мы себѣ кровопролитіе ни изображали, сему быть не можно, и должно почитать, что Князь Василій, или съ прочими былъ убіенъ, или въ трупахъ мертвыхъ задохся (Ист. Росс. т. III, стр. 6).

(89) Думаемъ, что надобно разумѣть *Козельскъ*, въ описаніяхъ Рашида, тамъ, гдѣ упоминаетъ онъ о городѣ: *Килакаска* (Kilacaska), который осаждалъ Батый два мѣсяца, и по прибытіи Кадана и Бури взялъ на третій день, послѣ чего Монголы пошли на отдыхъ (см. Оссона, Hist. des Mongols, Ч. II, стр. 713). Впрочемъ извѣстія восточныя о походахъ Монголовъ на Западъ весьма сбивчивы и недостаточны. (См. Прим. 106-е). *Злымъ городомъ* (Мобалыкъ) названъ былъ городъ *Баміенъ*, который велѣлъ уничтожить Тѣмудзинъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей (см. Абулгази).

покореніе Половцевъ, и другихъ кочевыхъ и полудикихъ народовъ. Въ тоже время, отряды ихъ возвратились на опустошенныя мѣста сѣверныхъ областей, и сожгли Муромъ и Гороховецъ, дотолѣ уцѣлѣвшіе. Вѣроятно, тогда-же опустошена была область Курская, болѣе трехъ сотъ лѣтъ остававшаяся послѣ сего въ запустѣніи (90).

Часть другихъ отрядовъ шла по Днѣпру. Мѣсто безпрерывныхъ битвъ Княжескихъ въ

---

(90) Въ позднѣйшемъ извѣстіи о Курскѣ (оно было напечатано въ 1792 г., въ Курскѣ, подъ названіемъ: *Исторія о городѣ Курскѣ*, и проч.), сказано, что Курскъ былъ раззоренъ Батыемъ. По крайней мѣрѣ, онъ исчезаетъ въ лѣтописяхъ при нашествіи Монголовъ, и въ 1283 г., когда рѣчь идетъ о Рыльскѣ, Курскъ вовсе не упоминается. Любопытно, что Курскъ обязанъ возобновленіемъ своимъ Образу Знаменія Богоматери, найденному, послѣ нашествія Монголовъ, на мѣстѣ нынѣшней Коренной пустыни (по преданію). Слава о чудесахъ сего Образа дошла до Царя Θеодора Іоанновича, въ 1597 году. Образъ былъ взятъ съ почестью въ Москву; потомъ отосланъ обратно, и велѣно Курскъ возобновить на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ уже болѣе трехъ съ половиною столѣтій росъ дремучій лѣсъ, и были ловитвы звѣрей дикихъ. Воевода Иванъ Осиповъ Полевъ строилъ тогда Курскъ, и населялъ его переселенцами изъ Орла и Мценска. Образъ Знаменія Богоматери донынѣ остается символомъ спасенія Курска (см. *Ист. Р. Н.* т. III, пр. 48).

прежнее время, Переяславль Днѣпровскій, былъ взятъ и сожженъ; знаменитая церковь Архангела Михаила сгорѣла; Епископъ Симеонъ былъ убитъ; жителей ожидали смерть и рабство. Такая-же участь постигла Черниговъ, гдѣ крѣпко выдерживалъ осаду Мстиславъ Глѣбовичъ, спасшійся при взятіи города. Метательными орудіями своими, Монголы бросали въ осажденныхъ каменья, которые едва могли поднимать четыре человѣка (91).

Оставался одинъ Кіевъ, сиротѣвшій безъ славы и безъ сильныхъ защитниковъ. Ярославъ уѣхалъ уже тогда во Владиміръ на Клязьмѣ; Михаилъ Черниговскій прибѣгалъ на время изъ Галича, и снова поспѣшно удалился, услышавъ о приближеніи Монголовъ; Даніилъ не смѣлъ стать на оборону, хотя объявилъ Кіевъ своимъ удѣломъ; онъ послалъ туда мужественнаго Воеводу своего Димитрія, рѣшившагося умереть не сдаваясь. Предварительно пріѣхалъ для обозрѣнія Кіева Мангу, съ малыми отрядами, издали осматривалъ древнюю столицу Руси, извѣстную даже и на Востокѣ, и дивился великолѣпію зданій и церквей. Въ началѣ Мая сдвинулась сюда вся сила Батыя, съ Ордаемъ, Байдаромъ, Бури, Киданомъ, Буджекомъ, Мангу, и ста-

(91) *Строевск*. т. I, стр. 247.

рымъ Субушай - Багадуромъ (92). Монголы обступили Кіевъ кругдмъ. Скрыпъ шѣлегъ, ревъ

---

(92) Вошъ одно изъ доказашельсшвъ, прошивъ людей, кошорые видяшъ въ нашихъ лѣшописяхъ нелѣпыя сказки, и, не понимая духа времени, не могушъ ошличишь *сущности* лѣшописей ошъ *прибавокъ*, кошорыя легко поймешъ опышный наблюдашель. Лѣшописецъ зналъ даже имена главныхъ воеводъ Монгольскихъ бывшихъ подъ Кіевомъ: «Пріиде Башый къ Кіеву въ силѣ шяжцей, много множесшво силы его, и окружи градъ и осшупи сила Ташарская, и бысшь градъ въ обдержаніи велицѣ; и бѣ Башый у града, и вся сила его безбожная обсѣдаху градъ; и не бѣ слышаши во градѣ глаголюща другъ къ другу, въ скрыпаніи шѣлегъ его, и множесшва ревѣнія вельблюдъ его, и ржанія ошъ гласа коннаго сшадъ его, и бѣ исполнена земля Русская рашныхъ. И яша ошъ нихъ Ташарина, именемъ Торвула, и шой исповѣда всю силу безбожнаго Башыя. А се бяху его брашія, сильные Воеводы: Урдюй (Орда) Байдаръ, Бюрюй (Бури), Кайданъ (Киданъ), Бечякъ (Буджекъ), и Менгуй (Мангу), и Кююкъ (ижеврашися о смерши увѣдавъ Кановѣ (шо есшь, смерши Огошая) и бысшь Канъ (Куюкъ шочно наслѣдовалъ Огошаю): не ошъ роду его (шо есшь Чучіева, къ кошорому принадлежалъ Башый), но бѣ Воевода его первый (см. примѣчаніе 94-е), и Себѣдяй Богашуръ (Субушай-Багадуръ), и Бурундай (и) Басшырь (Бурондай, кошорый въ 1261-мъ году усмирилъ порывы Даніила Галицкаго), иже взяша Болгарскую землю (Субушай шочно воевалъ Булгаровъ Волжскихъ (см. Hist. des Mongols, ч. II, сшр. 380) и Суздальскую, и иныхъ Воеводъ много, ихъ-же не писахомъ здѣ (*Строев.* лѣш. ч. II, сшр. 248).

верблюдовъ, ржаніе коней, кликъ ратныхъ, оглашали воздухъ. Стѣны Кіевскія пали, разбитыя таранами, день и ночь движимыми; на развалинахъ началась битва — ломались копья, разбивались брони и щиты, и градомъ летѣли стрѣлы. Димитрій былъ раненъ; но внутри города, около Десятинной церкви, Кіевляне успѣли наскоро сдѣлать заборъ, хотѣли еще биться, бились и легли на мѣстѣ. Послѣ грабежа, пожара и опустошенія, остались на мѣстѣ Кіева только обгорѣлыя стѣны церквей и пепелъ домовъ. Монголы разрывали даже могилы Княжескія, ища въ нихъ сокровищъ. Кіевопечерская Лавра, соборъ, знаменитая Десятинная церковь— уничтожились, и цѣлыя столѣтія оставались въ развалинахъ, такъ, что самое преданіе забыло, гдѣ находились святыя по воспоминаніямъ мѣста достопамятныхъ для Россіи событій Кіевскихъ (93). Благочестивые иноки Кіев-

(93) Плано-Карпини пишетъ, что Кіевъ былъ *почти уничтоженъ* (fuerat enim urbs valde magna et populosa, nunc quasi adnihilum est redacta), и что въ проѣздъ его, въ 1247 году, въ Кіевѣ было не болѣе 200 бѣдныхъ домовъ (стр. 154). Печерская Лавра болѣе 200 лѣтъ находилась въ запустѣніи. Соборный Софійскій храмъ оставался въ развалинахъ около 150 лѣтъ (*Описаніе Кіево-Соф. Собора,* Митр. Евгенія, стр. 33.) Въ началѣ XVII-го вѣка только сей древній, и еще Михайловскій храмъ, были совершенно обновлены (см.

скихъ обишелей погибли, или бѣжали въ дебри и лѣса. Паденіе Кіева происходило въ день Николая Чудошворца, 9-го Мая 1240 года. Димитрій былъ взяшъ въ полонъ; Башый подарилъ ему жизнь, полюбилъ его, и даже совѣшовался съ нимъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, желая спасти ошчизну, Димитрій уговорилъ Башыя идти поспѣшнѣе въ Венгрію, и стращалъ его силою Венгерскаго Короля. Башый рѣшался громить отдаленный Западъ, но еще медлилъ. Подъ Кіевомъ разсшался съ нимъ Куюкъ, котораго не любилъ Башый, принужденный видѣть въ немъ своего повелишеля, или знаменишаго шоварища (94). Между шѣмъ были опу-

Бо-Плана). Михаилъ Черниговскій, возврашясь въ Кіевъ изъ Венгріи, принужденъ былъ поселиться на островѣ Днѣпра, ибо въ Кіевѣ не было никакого пріюша. Археологическія изслѣдованія съ трудомъ могушъ шеперь означишь для насъ мѣсша, гдѣ было шо или другое досшопамяшное зданіе, или Исшорическое урочище Кіевское! ...

(94) Башый считался главнымъ вождемъ, ибо его улусъ двигался на Западъ; но Куюкъ былъ сынъ царсшвующаго Великаго Хана, и старше Башыя лѣшами. Ошъ шого всѣ донесенія Огошаю были ошъ лица Куюка, и у Кишайцевъ записано завоеваніе Руси, какъ дѣло Куюка (*Записки о Монголіи*, О. Іакинөа, Т. II, стр. 180, 181). Любопышно извѣсшіе Кишайцевъ о шогдашней Руси: «*Киньга* (ш. е. Кипчакъ, или Капчакъ)

стошаемы Волынь и Галицкая область. Силою и вѣроломствомъ, взяли и раззорили Монголы Ладыжинъ, Каменецъ, Кременецъ, Галичъ, Владиміръ и Брестъ. Отъ смертельнаго смрада гніющихъ труповъ, Даніилъ не могъ въѣхать, по возвращеніи своемъ, ни въ Брестъ, ни во Владиміръ (95).

Тогда-же учинено было первое вторженіе въ Польшу, и опустошена область Люблинская; но Монголы воротились зимовать въ Галицкія области, и только весною 1241 года, Байдаръ двинулся въ Польшу и Силезію; самъ Батый устремился на Венгрію.

отстоитъ отъ Срединнаго государства (Китая) на 30,000 ли. Лѣтомъ ночи бываютъ тамъ чрезвычайно коротки. Солнце едва закатится и тотчасъ всходитъ. Сія страна производитъ отмѣнныхъ лошадей, и богатые разводятъ ихъ въ великомъ множествѣ. Жители обыкновенно возлежатъ на металлѣ и кожѣ, мужественны и храбры, тверды и пылки; глаза у нихъ синіе, волосы рыжеватые.» Слѣдуетъ сказка о побѣдѣ надъ Бачманомъ (*Исторія Хановъ*, О. Іакиноа, стр. 273). Батый безпрерывно враждовалъ потомъ противъ Оготая, и его семейства, и успѣлъ наконецъ погубить родъ Оготая, послѣ смерти Куюка (см. подробности у Оссона, Hist. des Mongols, ч. II, стр. 497, и слѣд.).

(95) Карамзинъ, *Ист. Г. Р.* т. IV, стр. 20.

Болеславъ Цѣломудренный младенцемъ вступилъ на престолъ Польскій, въ 1228 году. Честолюбивые Князья Мазовецкій и Силезскій оспоривали надъ нимъ опеку (96). Польша, раздѣленная на Княжества съ 1140 года, терзалась междоусобіями, и Монголы не могли встрѣтить въ ней сильнаго отпора. Небольшой успѣхъ. Палатина Краковскаго ободрилъ на битву; рѣшились сражаться, и — при Шидловѣ, Марта 18-го, погибли всѣ собранныя дружины (97). Болеславъ не почиталъ уже себя послѣ того безопаснымъ въ Краковѣ, бѣжалъ въ Карпатскія горы, наконецъ скрылся въ одномъ Моравскомъ монастырѣ (98). Знатные и богатые люди бѣжали въ окрестныя страны; простолюдины укрывались въ лѣсахъ, горахъ, болотахъ. Монголы сожгли опустѣлый Краковъ, и слыша о сборѣ войскъ въ Силезіи, отправились туда. Подъ Ратиборомъ переплыли они черезъ Одеръ; осаждали мимоходомъ Бреславль, и явились передъ Лигницемъ, гдѣ ожидалъ ихъ Генрихъ Благочестивый, сынъ Генриха Брадатаго, Герцога Силезскаго, и Гедвиги. Съ нимъ находи-

---

(96) См. *Ист. Р. Н.* т. III, пр. 134, 152, 347.

(97) Кромеръ. — Подъ Хмельникомъ — пишутъ другіе.

(98) Доминикане явились въ Польшѣ съ 1220-го, Францискане съ 1226 го года.

лось до 30 тысячь Нѣмцевъ, Поляковъ, Тевтонскихъ Рыцарей (съ Мейстеромъ Поппо фонъ-Остерна). Апрѣля 9-го 1241 г. дана была бѣдственная Лигницкая битва, на берегахъ рѣки Нейссы, гдѣ построенъ впослѣдствіи Вальштадтъ. Генрихъ и товарищи его не думали о спасеніи, и передъ началомъ битвы отслушали обѣдню и пріобщились Св. Таинъ. Разбитіе ихъ было совершенное. Девять большихъ мѣшковъ наполнили Монголы ушами знатнѣйшихъ воиновъ (99). Неся голову Генриха на копьѣ, они приближились къ Лигницкой крѣпости, но не хотѣли осаждать ея, поспѣшая въ Моравію. Венцеславъ, Король Богеміи, Лузаціи и Моравіи, выслалъ на защиту сей страны храбраго рыцаря Штернберга, который заперся въ Ольмюцѣ, не шелъ въ открытый бой, равнодушно смотрѣлъ на опустошенія, и только пользовался удачными вылазками въ таборы непріятельскіе. При одной изъ такихъ вылазокъ

---

(99) Современники приписали сіе разбитіе чародѣйству Монголовъ. Супруга Генриха причтена была послѣ смерти своей къ лику Святыхъ. Набожность владѣла тогда всѣми умами: Болеславъ получилъ прозваніе *цѣломудреннаго или стыдливаго* (wstydliwego), ибо далъ обѣтъ цѣломудрія, женясь на Кунигундѣ, дочери Короля Белы. Таковы были защитники Польши!

былъ убитъ предводитель Монголовъ Байдаръ, и полчища его поспѣшно повернули въ Венгрію. Защиту Ольмюца почли чудомъ геройства. Не думая о совершенномъ опустошеніи Моравіи, возносили похвалами, награждали Штернберга, строили церкви. . . . . Такъ непобѣдимы казались Монголы, что спасеніе отъ гибели считалось уже великимъ дѣломъ (100).

Вся свирѣпость ихъ между тѣмъ обрушилась на несчастную Венгрію, гдѣ, казалось, хотѣли они закочевать, какъ будто въ мѣстѣ соединенія для дальнѣйшихъ походовъ на Западъ. Слабый, ничтожный Бела (извѣстный уже намъ изъ прежнихъ дѣлъ своихъ, по Галицскимъ распрямъ), сидѣлъ на зыбкомъ тронѣ Венгріи, среди раздоровъ и ссоръ съ своевольными вассалами и вѣроломными сосѣдями. Получивъ изъ Волыни грозныя письма Батыя (101), онъ послалъ войско стеречь тѣснины Карпатскія, и непропускать Монголовъ, а между тѣмъ собралъ Сеймъ. Начались споры. Белу обвиняли въ самовольствѣ, и въ томъ, что онъ принялъ къ себѣ

---

(100) Штернбергу дали корону княжескую въ гербъ, земли близъ Ольмюца, и управленіе Моравіею. Онъ выстроилъ въ Ольмюцѣ великолѣпную церковь Богоматери.

(101) См. Mathieu Paris, Hist. Angliæ, т. I, стр. 558, 608.

орды Котяна, Хана Половецкаго, который прибѣжалъ въ 1239 г. съ 40,000 своихъ подданныхъ, крестился, и поселился на отведенныхъ ему земляхъ (102); утверждали, что Бела ищетъ самовластія, и для того принялъ и ласкаетъ Половцевъ; другіе считали ихъ тайными сообщниками Батыя. Среди сихъ волненій, бѣглецы принесли извѣстіе о разбитіи Карпатскихъ стражей и вступленіи Батыя въ Венгрію. Испуганный Сеймъ разбѣжался. Отправивъ Королеву и дѣтей въ Австрію, самъ Бела заперся въ Пестѣ. Монголы тремя путями разлились по Венгріи; Батый окружилъ Пестъ, не шелъ на приступъ, дразнилъ осажденныхъ, и вызывалъ ихъ на битву. Бела упорно не выходилъ на неравный бой, не смотря на усильное требованіе воиновъ. Приписывали это робости, даже измѣнѣ. Котянъ заперся съ Белою въ Пестѣ. Разъяренный народъ кричалъ, что Котянъ тайно сносится съ Монголами; толпы устремились въ жилище Котя-

---

(102) Карамзинъ думалъ, что *Котанъ*, или *Кутанъ*, Ханъ Половецкій, здѣсь упоминаемый, былъ тесть Мстислава *Котянъ* (т. IV, стр. 8, пр. 4). Кажется, это вѣроятно. Котянъ могъ обратиться изъ Галича въ свои степи, и снова бѣжать, видя приблизившіяся къ Половецкимъ вѣжамъ прежнія толпы

на, и растерзали несчастнаго Хана Половецкаго. Въ то-же время, Уголинъ, Епископъ Колочскій, ударилъ изъ крѣпости на непріятелей: то и другое имѣло бѣдственныя слѣдствія! Епископъ едва успѣлъ возвратиться самъ-четвертъ, заманенный Монголами въ засаду, а Половцы, оскорбленные смертію своею Хана, всюду соединились съ Монголами, жгли, грабили, и ушли въ Булгарію. Наконецъ собралось войско Венгерское на рѣкѣ Савѣ. Туда явился и Бела изъ Песта. Монголы шли по пятамъ его, обошли Венгерцевъ, обманули ихъ воинскими хитростями, и—на два дня пути по окрестностямъ лежали трупы убитыхъ въ сраженіи, внезапномъ смятеніи натиска и бѣгствѣ. Храбрые Епископы Колочскій и Вараддинскій опали въ тѣснотѣ враговъ; Коломанъ, братъ Короля, убѣжалъ въ Далмацію, и тамъ умеръ отъ тяжелыхъ ранъ. Пестъ и Вараддинъ (гдѣ укрылось множество знатнѣйшихъ семействъ) были взяты. Взятіе Вараддина походило во многомъ на взятіе Русскаго Владиміра (103). Лѣто и

---

(103) Къ числу средствъ истребленія, употребляемыхъ Монголами, должно причислить злобную хитрость ихъ: они сняли Королевскую печать съ Канцлера, убитаго въ бѣгствѣ, и разослали повсюду грамоты, увѣщавая жителей быть безопасными, ибо Монголы вовсе нестрашны, и скоро будутъ истреб-

осень 1241-го года, Монголы отдыхали; едва зимою начались вновь ужасы нашествія ихъ, Батый получилъ вѣсть о смерти Огтая (104). Съ береговъ Дуная, его звали въ Монголію, на новый курилтай. Онъ велѣлъ сдвигаться всѣмъ корпусамъ своимъ, и только это спасло Западъ, ибо Монголы уже распространялись далеко, преслѣдуя Белу, обманутаго и обобраннаго Фридирикомъ Австрійскимъ (105). Легкіе от-

---

лены. Венгерцы повѣрили, и Монголы заставали ихъ въ жилищахъ, безпечныхъ и невооруженныхъ. Когда Монголы напали на Вараддинъ, знатнѣйшіе обитатели и бѣглецы скрылись въ крѣпость. Монголы сожгли часть города, вырѣзали жителей, и удалились. Туземцы осмѣлились выйдти изъ крѣпости; но Монголы прискакали внезапно, и все погибло, что не успѣло снова скрыться въ крѣпость. Послѣ сего Монголы разбили стѣны крѣпостныя, ворвались, зажгли, начали грабить. Знатнѣйшія дамы заперлись въ соборной церкви и погибли въ пламени. Отвратительно повторять описаніе неистовствъ Монгольскихъ, при семъ случаѣ совершенныхъ! Только смрадъ отъ гніенія труповъ заставилъ ихъ удалиться.

(104) Онъ умеръ въ концѣ 1241 года, отъ чрезмѣрнаго пьянства. Для избранія новаго Хана требовалось личное присутствіе, или согласіе всѣхъ потомковъ Темудзина.

(105) Фридерикъ платилъ Белѣ за прежнія обиды: требовалъ отъ него денегъ грабилъ области Венгерскія, взялъ у Белы разныя драгоцѣнности, ко-

ряды ихъ достигали уже Нейштадта, близъ Вѣны, гдѣ Герцогъ Австрійскій, Король Богемскій, Герцогъ Каринтійскій, и Патріархъ Аквилейскій, стояли съ войскомъ, готовясь на битву, болѣе нежели сомнительную (106). Съ другой стороны, за Белою гнались Монголы черезъ Склавонію и Кроацію. Бѣглецъ спасся только на острову Адріатическаго моря, и предалъ власти Монголовъ Далмацію, гдѣ Каттаро, Свагіо, Спалатро, Дривасто заплатили гибелью за спасеніе Короля своего. Бела могъ видѣть изъ своего убѣжища зарева пожаровъ, и дикихъ сыновъ Азіи, готовыхъ броситься въ море, и овладѣть послѣднимъ его пристанищемъ. Сербія, Трансильванія, Молдавія опустошены были Монголами на обратномъ пути; въ началѣ 1243 года они всѣ удалились къ Дону; здѣсь еще происходили битвы ихъ съ остальными Капчатскими ордами. Въ 1244 году, слѣды Монголовъ означали только бѣлѣющіяся по полямъ кости, пепелища и развалины нѣсколькихъ сотъ городовъ, голодъ,

---

торыя тотъ успѣлъ спасти, и едва отпустилъ его потомъ, почитая своимъ плѣнникомъ. Михаилъ Черниговскій былъ также ограбленъ войсками Фридерика близъ Сирадіи.

(106) Mathieu Paris, Hist. Angliæ, т. I, стр. 608. Самовидѣцъ, Ивонъ монахъ, писалъ объ этомъ къ Епископу Бордоскому.

болѣзни, слезы — отъ Волги, Мологи, Селигера, до Вѣны, Богеміи, Рагузы, Дуная и Дона (107).

---

(107) Миссіонеры, посланные отъ Папы къ Монголамъ, всюду видѣли груды костей, разбросанныхъ по полямъ и въ развалинахъ городовъ. Монголы едва знали имена тѣхъ царствъ, которыя были истреблены ими. Мы приводили уже извѣстія, сохраненныя Китайцами (см. прим. 94). О нашествіи на Русь въ 1224 г. Китайцы пишутъ только: «Монголы напали тогда на Киньча, и произвели великіе грабежи» (*Исторія Хановъ*, стр. 126). Извѣстія Мугаммеданскихъ писателей о покореніи *Русовъ* (Rous) подробнѣе; но и тѣ весьма сбивчивы. Они говорятъ, что Монголы сначала покорили Булгаровъ; потомъ шли черезъ лѣса, столь густые, что змѣя не могла ползти между деревъ; тутъ взяли они въ *Русской* землѣ городъ *Мокосъ* (Москву), и отрубивъ уши у убитыхъ непріятелей, насчитали ихъ 265,000; Потомъ покорили Башкирскаго *Келаря* (вѣроятно, Венгерскаго *Короля*, ибо по языку Монголы почли Венгровъ за Волжскихъ Угровъ). Таково повѣствованіе Аледдина, Министра и Полководца Гулагу, жившаго въ половинѣ XIII-го вѣка. Рашидъ говоритъ подробнѣе, но начинаетъ истребленіемъ *Поло* (Польши), и смѣшиваетъ съ этимъ раззореніе *Венеріи*. Потомъ уже описываетъ онъ покореніе *Булгаровъ*, смерть Бачмана, завоеваніе *Мокшанъ* (или Бокшанъ) и *Буртасовъ*. Здѣсь слѣдуетъ походъ въ Русь. Монголы осаждаютъ и берутъ въ три дня городъ *Банъ* (Рязань?), потомъ городъ *Ива* (Ингваря?), поражаютъ Князя Русскаго *Урмана* (Романа, близъ Коломны?); въ пять дней берутъ городъ *Мокосъ*, и убиваютъ *Эмира*

Мы изложили событія, не принадлежащія собственно къ Исторіи Русскаго народа, дабы яснѣе доказать неосновательность мнѣнія, будто нашествіе Монголовъ было отвратимымъ

Улай-Тимура (Москва и Князь Владиміръ?); восемь дней послѣ того осаждаютъ они *городъ Великаго Георгія* (Владиміръ?), берутъ его, и въ пять дней овладѣваютъ *городомъ Св. Николая* (вѣроятно, *Кіевомъ*, взятымъ въ день Св. Николая), столицею земли Венцеслава (Всеволода?), и убиваютъ самого *Великаго Георгія*, который скрывался въ лѣсу. Послѣ сего разсыпаются повсюду, и берутъ множество городовъ (здѣсь упоминается о Килакаскѣ, см. прим. 89). Слѣдуютъ битвы съ народами: *Меришъ*, *Чинегакъ*, и *Капгакъ*. Монголы берутъ городъ Мангассъ и *Желѣзныя врата* (Дербентъ). — Потомъ Мангу и Кукжъ ѣдутъ къ Оготаю, а Батый завоевываетъ снова землю Руссовъ и Харакалпаковъ (Черныхъ Клобуковъ); въ девять дней беретъ городъ *Минеерканъ* (?) и захватываетъ всѣ *города Уладимура*, особливо городъ *Угъ-Огулъ-Уладимуръ* (по переводу: *городъ трехъ сыновей Владиміра*), переходитъ горы, вступаетъ въ землю *Буларовъ* и *Башкирцевъ*, разбиваетъ воинство *Безеренбама*, грабитъ *Сассановъ*, вступаетъ въ землю *Кара-Улагъ*, бьетъ *Улаговъ*, и вошедши въ землю *Мишелава*, разбиваетъ его войско. Потомъ, преслѣдуя *Келара*, Монголы переходятъ рѣки Тиссу и Тонгу, и гонятъ Келара до самаго моря. Слѣдуетъ окончательное покореніе Кипчаковъ. — Смѣсь разсказовъ, едва понятная! (См. Hist. des Mongols, ч. II, стр. 707—716).

зломъ. Не говоря о средствахъ Монголовъ для побѣды, стóитъ только внимательнѣе разсмотрѣть: чтò вся Европа могла противопоставить имъ? Рѣшительно: ничтожное сопротивленіе! Польша, Венгрія, Богемія подтверждаютъ нашу мысль. Еще болѣе подтвердитъ ее общее впечатлѣніе, сдѣланное Монголами на всю остальную Европу. Если-бы не угодно было Провидѣнію, во глубинѣ Ордъ Монгольскихъ, среди побѣдъ, одерживаемыхъ подвластными Оготаю варварами въ Китаѣ, Персіи, Индіи, Венгріи, прекратить дни сего страшнаго наслѣдника Темудзинова, Европа—нѣтъ сомнѣнія—пала-бы покорною рабою подъ мечами чудовищныхъ завоевателей Азійскихъ. Кто могъ спасти и защитить ее? Императоръ Фридерикъ, уже сорокъ лѣтъ боровшійся съ Папою, вмѣшанный въ кровавыя распри Гельфовъ и Гибеллиновъ, и проклятый Григоріемъ IX-мъ въ самый годъ Батыева движенія на Западъ? Или мѣлкіе Князья Нѣмецкіе, изъ коихъ ни одинъ не былъ въ союзѣ съ другимъ, всякій враждовалъ сосѣду, и искалъ гибели ближняго? Или Король Французскій, занятой одними дѣлами набожности (108)?

---

(108) Неизобразимый ужасъ, и мысль, что Монголы суть страшные волшебники и народы, предвѣщающіе пришествіе Антихриста — вотъ, что было по-

Не говоримъ о Русскихъ земляхъ. Что могли сдѣлать разъединенныя, слабыя части Руси? Гибнуть сражаясь? Онѣ такъ и поступили: не смотря на страшный примѣръ погибели Мстислава Удалаго, Георгій, дѣти, племянники его, Князья Рязани и Чернигова—всѣ, кромѣ малодушнаго Михаила Черниговскаго, и легкомысленнаго, хотя и смѣлаго, Даніила—предпочитали честную смерть постыдной жизни. Битвы на Калкѣ

всеобщимъ повѣрьемъ въ Европѣ. Въ 1238-мъ году не было сельдяной ловли при берегахъ Англіи, ибо никто не думалъ пуститься на промыселъ, трепеща слуха о Монголахъ (Mathieu Paris, Hist. maior, стр. 471). Мы видѣли мысль Руссовъ при появленіи Монголовъ (*Ист. Р. Н.* т. III, пр. 306). Западные Европейцы говорили, что входя въ Венгрію, Монголы спрашивали своего идола: идти-ли имъ въ сію землю? Дьяволъ, бывшій въ идолѣ, отвѣчалъ: «Идите смѣло, ибо я пошлю передъ вами трехъ духовъ моихъ, непобѣдимыхъ.» «Это были духъ раздора, духъ невѣрія и духъ страха (spiritus discordiæ, spiritus incredulitatis, et spiritus timoris)» прибавляетъ Карпини, передавая сію басню — «три нечистые духа, въ образѣ жабъ, какъ написано въ Апокалипсисѣ» (стр. 156). Смотри еще въ Путешествіи Карпини сказки о чудныхъ народахъ, покоренныхъ Монголами: людяхъ съ бычьими ногами и песьею головою, съ одною рукою и одною ногою, и проч. Въ Греціи торжественно молились о избавленіи отъ Монголовъ и совершали духовныя процессіи (См. *Гиббона*, т. XII, стр. 295).

и Сити, защищеніе Рязани, Москвы, Владиміра, Торжка, Козельска, Чернигова, Кіева, Ладыжина, доказали, что не смотря на ослабленіе духа, Рускіе, въ рѣшительную минуту, не привыкли *срамить земли Русской*. Но Западъ Европы: что̀ тамъ дѣлалось? Уже гроза опустошила Польшу; уже Король и вельможи ея постыдно скрывались, не смѣя умереть; уже великодушный Генрихъ палъ на берегахъ Нейссы; Венгрія гибла, все трепетало — а Венгерцы ссорились еще между собою, Польша междоусобствовала, Австрія обирала Венгрію, Богемскій Король не смѣлъ двинуться изъ своей земли. Напрасно Папа Григорій вызывалъ всѣхъ Христіанъ на Крестовый походъ, Бела умолялъ о спасеніи, и предвѣщалъ всѣмъ несчастную свою участь — Тевтонскіе Рыцари молчали; Императоръ Фридерикъ отвѣчалъ, что ему нѣкогда, ибо онъ страшится потерять плоды долговременныхъ трудовъ, оставивъ борьбу и почти оконченную побѣду надъ Папою, и что при томъ надобно ему думать о себѣ; онъ довольствовался только хвастливыми письмами (109). Па-

(109) Любопытные акты, касательно сношеній и переговоровъ между Папою и Европейскими Государями, находятся въ Эккардовомъ *Corpus Historicum medii aevi*; Matthieu Paris, *Historia Angliae*, Райнальдовыхъ,

на совѣтовалъ Белѣ терпѣть, ждать Крестоваго похода, и увѣрялъ, что для спасенія Хри-

---

Annal. Eccles., Petri de Vineis cancellarii Friderici II, *Epistol.* (Базель 1566 г.), у Мартена и Дюранда, въ Veter. Scriptor. et monumentor. amplissima collectio, Парижъ, 1724 г.), Гардуиновыхъ Acta Conciliorum (Парижъ, 1714 г.), и проч. — «Коль скоро возвращу я миръ Европѣ побѣдою надъ Папой,» отвѣчалъ Императоръ Епископу Ваценскому, присланному отъ Белы, «то, со множествомъ воиновъ, пойду побѣдить Татаръ.» Описывая Англійскому Королю бѣдствія Венгріи, Фридерикъ говоритъ: Quod cum contermino regno Hungarorum fuisse debuit ad cautelam, robur et munimen, sprevit negligenter. Quorum rex deses, et nimis securus, per Tartarorum nuncios, et litteras requisitus, ut, si suam vitam cuperet, et suorum, per suam et regni sui deditionem, eorum gratiam festinus præveniret; nec sic perterritus, aut edoctus, suis vel aliis præstitit documentum, ut et ipse et sui se maturius, ad eorum protecti præmunirent incursus. Уговаривая Короля вооружаться, онъ продолжаетъ: «Если Татары пробьются въ Германію, то другія царства вскорѣ увидятъ ужасъ грозы, которую, какъ мы думаемъ, божественныя судьбы воздвигли по причинѣ грѣховъ, обременяющихъ міръ, и по охлажденію благочестія. Будемъ предусмотрительны. Пока врагъ губитъ сосѣда, станемъ думать о средствахъ собственной защиты, ибо Татары пришли отъ Востока покорить Западъ, истребить вѣру и имя Христіанства. Конечно, Господь сему не попуститъ, и мы надѣемся на Іисуса Христа, Бога нашего, Своею благодатію и помощію донынѣ дававшаго намъ побѣду надъ

стіанства готовъ помириться съ Фридерикомъ, если только Фридерикъ покорится ему, а въ оправданіе своего упорства приносилъ горькія жалобы на Императора (110). Но Людовикъ

врагами; надѣемся, что и пришедшіе съ Востока враги, встрѣтивъ силы Запада, отложатъ свою гордость, и *Татары* будутъ низвержены въ *тартаръ*.» — «Могутъ-ли варвары противиться,» восклицаетъ Фридерикъ въ другомъ мѣстѣ, «когда возстанутъ противъ нихъ — furens ac fervens ad arma Germania, strenuæ militiæ genitrix et alumna Francia, bellicosa et audax Hispania, virtuosa viris et classe munita fertilis Anglia, impetuosis bellatoribus referta Alemannia, navalis Dacia, indomita Italia, pacis ignara Burgundia, inquieta Apulia, cum maris Græci, Adriatici, et Thorrheni insulis piraticis et invictis Cretâ, Cypro, Siciliâ, cum Oceano conterminis insulis et regionibus, cruenta Hibernia, cum agili Wallia, pulustris Scotia, glacialis Norwegia, suam electam militiam sub vexillo crucis destinabunt. Какое изобиліе прилагательныхъ!

(110) Уговаривая Белу стоять крѣпко, Папа обѣщалъ ему полное разрѣшеніе грѣховъ, подобное тому, какое дается Крестоносцамъ, и убѣждалъ его возложить особенно бичъ истребленія на грѣхи. «Если-бы, называющій себя Императоромъ, Фридерикъ» — писалъ еще Папа, «обратился къ намъ съ скорбнымъ и кающимся сердцемъ, и подчинился матери нашей Церкви, то она готова была-бы примириться съ нимъ, что послужило-бы къ славѣ Бога и благу Христіанства, возвратило-бы покой міру, и дало средства по-

Святой, искатель приключеній, рыцарь Гроба Христова? Онъ велѣлъ только служить молебны, говорить благочестивыя проповѣди, не клясться именемъ Божіимъ, и не грѣшить излишнею роскошью въ одеждѣ и невоздержностью въ употребленіи мяса, чтобы за такіе тяжкіе грѣхи не навелъ Господь на Францію Восточныхъ варваровъ (111). Готовились-ли, однакожь въ

мочь Венгріи.» — «Много скорбей ощущаемъ мы: таковы — бѣдственное состояніе Обѣтованной земли, раздоры Церкви, несчастныя дѣла Римской Имперіи; но признаемся, что все сіе мы забываемъ, и думаемъ только о злѣ, причиненномъ Татарами, ибо мысль, что имя Христіанства можетъ быть въ наши дни истреблено ими, одна сія мысль заставляетъ сокрушаться наши кости, сушитъ мозгъ въ нихъ, губитъ наше тѣло, уничтожаетъ наши силы, и причиняетъ намъ такую скорбь, такое страданіе, что внѣ себя, такъ сказать, не знаемъ мы куда обратиться.» Такъ писалъ Григорій IX-й; не менѣе любопытны грамоты Иннокентія IV-го и Александра IV-го.

(111) Пора-бы Исторіи воздавать должное, не смотря на прозванія, какія придавали тому или другому лицу лесть и ничтожество современниковъ. Получивъ воззваніе Папы, Людовикъ Святой приказалъ, que on feît pourcession et que on deît litanies et oroisons, et que on se gardât de vilainnement jurer de nostre seigneur et des sains, et que on se tenît de pécher et de superfluités et de robes et de viandes, и проч.

Крестовой походъ на Монголовъ? Объ этомъ походѣ говорили Папа и Императоръ. Иннокентій IV-й, на Ліонскомъ Соборѣ 1245 г., сильно толковалъ о всеобщемъ возстаніи, велѣлъ поститься, молиться, готовиться. Молились и постились всѣ—не готовился никто, хотя Александръ IV, въ 1260 году, грозно предавалъ проклятію тѣхъ, кто бездѣйствуетъ, или противится Крестовому ополченію. Въ 1261-мъ году велѣно было собраться для сего особому Собору въ Римѣ. Забавно, что слухъ о новомъ движеніи Монголовъ испугалъ тогда Папу, такъ, что онъ приготовился бѣжать, и велѣлъ отсрочить Соборъ. Къ успокоенію его слухъ оказался ложнымъ (112).

Все кончилось посылкою нѣсколькихъ бѣдныхъ миссіонеровъ къ свирѣпымъ варварамъ, грозившимъ гибелью. Имъ препоручено было: собирать подробныя свѣдѣнія, стараться заключить съ Монголами миръ, внушать высокія понятія о святости Папы и силѣ Европейскихъ Королей. Мы упомянемъ впослѣдствіи о сихъ жалкихъ странникахъ, надъ которыми забавлялись Монгольскіе гордые повелители, уважая ихъ благочестивую ревность, и отсылая съ ними горделивыя угрозы Папѣ и Государямъ Европы.

---

(112) Гардуинъ, Acta Conciliorum, т. VII, стр. 546.

Такими посланниками были: *Плано-Карпини*, отправленный къ Батыю съ Ліонскаго Собора, въ 1245 году; *Асцелинъ*, ѣздившій въ 1247 отъ Папы; *Андрей Лонжюмель* и *Рубруквисъ*, посыланные отъ Людовика IX-го въ 1249-мъ и 1253 году. Извѣстія сихъ странниковъ только наполняли Европу безполезнымъ ужасомъ, въ преувеличенныхъ разсказахъ. Впрочемъ, мы должны быть благодарны, и тѣмъ, кто посылалъ, и тѣмъ, кого посылали. Сіи путешествія указали путь въ глубину Азіи Марко-Поламъ, Барбаро, Шилдбергерамъ, и доставили намъ множество любопытныхъ свѣдѣній о Монголахъ, коихъ безъ того не могли-бы мы узнать, ни въ отношеніи нравовъ и частной жизни, ни въ отношеніи понятій о важнѣйшихъ предметахъ религіи, политики, общественной жизни (113).

---

(113) Къ сожалѣнію, весьма немногіе изъ путешествій миссіонеровъ, впослѣдствіи толпами отправлявшихся на Востокъ, изданы; большая часть ихъ гніетъ донынѣ въ пыли архивовъ и библіотекъ. Нѣкоторые изъ нихъ издали Викентій Бовезскій (Vincentii Bellovacensis Speculum historiale, 1473 г.), Рейнекцій (Chronicon Hierosolymitanum, 1585 г.), Гаклюйтъ (Collection of the early voyages, 1598 г.), Рамузъ (Delle navigationi e viaggi, 1563 г.), Пурчасъ (Pilgrimes, 1625 г.), Бержеронъ (Voyages en Asie, 1634 г.), и другіе. Д. И. Языковъ хотѣлъ издать извлеченія изъ

Оставимъ мѣлкія разсчеты и тщету человѣческихъ замысловъ и предположеній. Обратимся къ изображенію судебъ Божіихъ, положившихъ знаменіе величія на совершеніе переворотовъ столь чудныхъ, непостижимыхъ, и бѣдствіемъ доводившихъ ко благу. Когда въ смятеніи и нерѣшительности пребывали владыки земные и народы ихъ, промыслъ Божій, воздвигшій грозу, уже положилъ въ тайнѣ судебъ конецъ гибели,

---

сихъ собраній, на Русскомъ языкѣ, съ подлинниками; но, къ крайнему сожалѣнію, это предпріятіе остановилось на первомъ томѣ, гдѣ помѣщены Путешествія *Плано-Карпини* и *Ансельма*, или *Асцелина*. Всѣ упомянутыя нами изданія Викентія, Бержерона, Пурчаса, и другихъ, сдѣлались нынѣ весьма рѣдки. — Путешествія Миссіонеровъ, и слѣдовавшихъ за ними странниковъ, начали именно новую эпоху въ Географіи, послѣ Страбона и Плинія. Европа была изумлена нашествіями неизвѣстныхъ дотолѣ варваровъ, и Географія, уцѣлѣвшая только у Арабовъ и Скандинавовъ, сдѣлалась смѣсью истины съ сказками. Послѣ Карпини, Рубруквиса (или Рюисбрюка), Марко-Поло, Пеголетти, Одерика, Мандевиля, Клавиго, Барбаро, Шильдбергера, Востокъ ознакомился съ Европою, и приготовились открытія Португальцевъ въ Индіи и Испанцевъ въ Америкѣ — эпоха, съ которой надобно считать начало новѣйшей Географіи. Въ преувеличеніи слуховъ о Монголахъ, можно убѣдиться, читая Карпини и другихъ (см. для примѣра, *Карпини*, стр. 120 и слѣд.).

вознесенной надъ міромъ. И какъ мудро совершились судьбы его!

Темудзинъ, то, что полвѣка составляло основаніе силы и могущества Монголовъ, что давало имъ главныя средства къ огромнымъ дѣйствіямъ и вѣрной побѣдѣ надъ другими — то самое долженствовало разрушить и погубить ихъ. Еще геній его помогъ Монголамъ ужаснуть Европу въ видѣ полчищъ Батыя; но Темудзина уже не было, и неизбѣжное разрушеніе могущества Монголовъ началось смертію его.

Только Темудзинова непобѣдимая воля могла, столь многіе годы, питать постоянную мысль о покореніи свѣта; въ каждомъ новомъ успѣхѣ искать способовъ для новаго завоеванія; пренебрегать всѣми удобствами жизни, для пріобрѣтенія новыхъ побѣдъ; поддерживать въ одномъ центрѣ безмѣрныя части Имперіи Монгольской; не ослабѣвать въ напряженіи безусловнаго деспотизма и рабской покорности всѣхъ одному, въ поддержаніи строгаго порядка, и новой воинской тактики, изобрѣтенной самимъ Темудзиномъ.

Сыновья и потомки Темудзина изъ подражанія, по необходимости только поддерживали мысль его, но они дѣйствовали уже не по внутреннему стремленію духа; они знали уже

прельщенія роскоши, хотѣли отдыха, наслажденій почестями и благами жизни; уже и духъ несогласія внѣдрялся въ помыслы ихъ. Распаденіе частей было послѣ сего неизбѣжно. Кромѣ похода Батыева, Оготай старался только покорить Китайскія царства, и поддержать прежнія завоеванія, во все время краткаго своего государствованія. Смерть его была источникомъ Дворскихъ крамолъ и взаимныхъ неудовольствій. Чагатай и Тулуй въ это время уже не существовали (114), и Куюкъ, со вступленіемъ своимъ на тронъ отцовскій, потерялъ уже слѣпое обожаніе, какое дѣлало дѣда его полубогомъ въ глазахъ каждаго Князя Монгольскаго и простаго Монгола, безъ различія. Тогда явилось дѣленіе *царствъ Монгольскихъ*, и *царство Чингисъ-Ханово* долженствовало исчезнуть въ семъ дѣленіи.

---

(114) Послѣ каждаго Хана слѣдовали междуцарствія и временныя управленія, или регентства. Зависть, злоба раздирали Дворъ Ханскій, гдѣ гибель ожидала потерявшаго побѣду. Каждое регентство останавливало между тѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляло дѣла. Такимъ образомъ самый коренной законъ Темудзина: *общее согласіе на избраніе старшаго Хана*, законъ, въ которомъ полагалъ онъ основаніе силы и славы потомковъ своихъ, сдѣлался источникомъ разрушенія и бѣдствій. См. подробности далѣе.

Еще далеко было до паденія сего исполинскаго царства, и отдѣльныя части его долженствовали еще долго прожить самобытною жизнью. Но одна мысль дѣленія уничтожала уже духъ новыхъ, исполинскихъ завоеваній, раждала понятіе о сохраненіи покореннаго, являла въ побѣжденномъ подчиненнаго, подданнаго—не жертву. Отъ сего долженствовало исчезнуть и то воинское устройство, которое едва не покорило Монголамъ всей Азіи и Европы.

Устройство сіе состояло въ непрерывной мысли походовъ, не дававшей Монголу ни какого досуга помыслить о спокойствіи, осѣдлости, домашней жизни — онъ не былъ человѣкъ; онъ былъ варваръ-воинъ, который отдыхалъ готовясь на битву, и бился для неистоваго, мгновеннаго услажденія добычею. Свирѣпое безчеловѣчіе необходимо долженствовало сопровождать такую мысль, и побѣжденный, и покорившійся должны были уничтожаться передъ Монголомъ-побѣдителемъ. Войска Монгольскія умножались толпами побѣжденныхъ, и забывали отчизну, влекомыя изъ одной страны въ другую. У нихъ не было будущаго, и если какое было, то сосредоточивалось въ волѣ ихъ повелителей. Только при такомъ способѣ дѣйствій можно было поддерживать государственную политику и воинскую тактику Чингисъ-Хана; отъ сего только

зависѣло движеніе огромныхъ массъ, употребленіе всяческихъ средствъ для побѣды, даже особенное вооруженіе Монголовъ, и особенный родъ ихъ воинскихъ хитростей.

Оготай умеръ въ великолѣпномъ Хара-Хорумскомъ Дворцѣ своемъ, въ 1241 году (115). Честолюбивая Туракина, вдова Оготая, приняла управленіе дѣлами во имя Куюка, на то время, пока соберутся всѣ члены Чингисова семейства для выбора новаго Хана. Это прину-

---

(115) *Хара-Хоринь*, по-Монгольски, *Хара-Хорумъ*, или *Каракорумъ*, *Каракумъ*, по-Турецки, мѣсто, гдѣ съ 1220-го года Темудзинъ основалъ свое пребываніе; оно было оставлено Хубилаемъ, переселившимся въ Китай, въ 1260 году. По мнѣнію О. Іакинѳа, сіе мѣстопребываніе Монгольскихъ Хановъ находилось на востокъ отъ Хангайскаго хребта, между рѣками Орхонь и Тамиръ (*Истор. Хановъ*, стр. 251). Оготаево жилище было здѣсь сооружено Китайскими и Европейскими художниками; отвсюду были они туда привлечены Монголами. Такъ одинъ Русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Козьма, сдѣлалъ впослѣдствіи для Куюка великолѣпный тронъ, и былъ въ особенной милости у сего Хана. Впрочемъ, Хара-Хорумъ представлялъ варварскую смѣсь великолѣпія и безвкусія, какъ можно судить по всѣмъ его описаніямъ. «Нашъ Сенъ-Денискій монастырь въ десять разъ лучше и изящнѣе Дворца гордыхъ Монгольскихъ Хановъ,» говоритъ Рубруквисъ.

дилю Башыя идши на Восшокъ, немедленно по получении извѣсшiй изъ Монголiи. Но онъ не хошѣлъ уже возвращашься снова въ Европу, ибо хошѣлъ основашь самобышное, швердое владѣнiе, сблизишься съ ценшромъ Монголiи, гдѣ голосъ его могъ-бы пошеряшь свою силу, если-бы пересшалъ бышь слышимъ вблизи. Монголъ душею, онъ и не могъ пришомъ полюбишь шѣсныя земли Европейскiя, или привыкнушь къ образу жизни Европейскихъ народовъ. Сшепи и раздольная воля надобны были ему. На берегахъ Волги, примыкая къ дикой, сшепной родинѣ своей, рѣшился основашь пребыванiе свое сшаршiй сынъ Чучи (116). Здѣсь основалъ онъ свою Великую Орду, назвалъ ее *Золотою*, и въ 60 версшахъ опъ усшья Волги велѣлъ сшроишь полукочевой городъ свой, Сарай (117).

---

(116) Непобѣдимое сшремленiе къ кочевой жизни сполъ врожденно у Монголовъ, Арабовъ, и многихъ Турецкихъ племенъ, что они считаюшъ несносною шягосшью жизнь осѣдлую, называя города и домы шюрьмами. Брашъ Башыевъ, Орду, закочевалъ на сѣверъ опъ Сигуна, имѣя главное пребыванiе свое въ Ошрарѣ на Сыръ-Дарьѣ (древнемъ Яксаршѣ). Его орда называлась *лѣвымъ крыломъ* Чучiева рода.

(117) *Полукочевой*, ибо Ханы жили въ немъ не посшоянно, но временно. Весною они двигались въ верхъ по Волгѣ, до самой Камы, со всею роскошью Азiи; осенью спускались къ Асшрахани. Такъ и Великiе Ха-

Не думая ѣхать на выборъ Великаго Хана, онъ раздвинулъ на западъ охранительныя орды

ны кочевали изъ своего знаменитаго Хара-Хорума по разнымъ сторонамъ, цѣлые мѣсяцы мѣняя Дворецъ свой на войлочный шатеръ, подбитый парчею и бархатомъ. Посему строеніе городовъ Монгольскихъ было самое легкое, временное, и нынѣ едва груды кирпичей означаютъ слѣды столицъ ихъ. *Сарай* находился на берегу рѣки Ахтубы, протока Волги, въ нынѣшнемъ Енотаевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Астрахани (по *Ник. Лѣт.* VII, 210, А мѣсто Большой Орды близъ Астрахани, *два днища по Волгѣ вверхъ*, именуется *Сараи Большіе.* — Въ *Книгѣ большаго чертежа:* « По рѣкѣ по Ахтубѣ, на 90 верстъ (старой мѣры, разумѣется) отъ Царицына, Золотая Орда, мечети каменныя). Тамъ, близъ *Селитрянаго городка,* донынѣ видны развалины Сарая. Палласъ описывалъ ихъ въ 1780-хъ годахъ. Верстъ на 10-ть идетъ цѣпь холмовъ, и версты на двѣ видны щебень, слѣды зданій, и рвы, выкладенные кирпичемъ. Въ двухъ развалинахъ находили еще тогда гробы, обитые серебромъ; на стѣнахъ видны были муравленые изразцы. Цѣлыя суда нагружали отсюда старымъ кирпичемъ, и возили его въ Астрахань для построекъ. Множество монетъ и драгоцѣнностей находимо было тутъ прежде, и жадное корыстолюбіе искателей способствовало разрушенію достопамятныхъ развалинъ. Палласъ удивлялся красотѣ и изяществу остатковъ строеній Сарайскихъ, и *Готической* (?) ихъ архитектурѣ (См. *Путешествіе* его, Т. III, стр. 143 и слѣд). Мугаммедане донынѣ приходятъ въ Сарай мо-

свои до самыхъ береговъ Днѣпра, наложилъ власть свою на всѣ Русскія области, прибрежье Каспійскаго и Чернаго морей, до самаго Дуная, на дикую Пермь и часть Сибири (118). Ко-

---

лится, называя одинъ изъ тамошнихъ холмовъ: *Джигитъ-Гаджи*, и думая, что тутъ схороненъ святой человѣкъ. Палласъ дивился также необыкновенному множеству змѣй, которыя гнѣздятся всюду въ развалинахъ Сарайскихъ, и увѣрялъ, что нигдѣ не видалъ ихъ такого количества. Сколько поэзіи въ этихъ простыхъ замѣчаніяхъ естествоиспытателя, чуждаго памяти прошедшаго!

(118) Плано-Карпини встрѣтилъ первый отрядъ, или передовую орду Монголовъ въ Каневѣ, близъ Кіева (въ 120 верстахъ). Тутъ, на правой сторонѣ Днѣпра, кочевалъ съ 60,000 Монголовъ Куремша (*Корренза*, по Карпину); съ лѣвой стороны жилъ другой Ханъ (*Монтій*); на Дону кочевалъ тогда Ханъ Тирбонъ, женатый на сестрѣ Батыя; отдѣльная Орда была на Яикѣ (разумѣется, что Карпини изуродовалъ всѣ имена Монгольскія. Онъ пишетъ: *Окходай, Тоссухъ, Куине, Таадай*, вмѣсто: *Огетай, Чуги, Куюкъ, Чагатай*, и проч.). Вся Половецкая земля наполнена была кочевьями Монголовъ, отъ Яика и Волги къ Черному и Каспійскому морю и Днѣпру. Жители Перми, избѣгая меча Монголовъ, бѣжали за моря, искали убѣжища въ Норвегіи, гдѣ Король Гаконъ поселилъ ихъ большое число (H. des Mongols, Ч. II, стр. 447). Увидимъ появленіе Монголовъ, впослѣдствіи, въ Устюгѣ и Вяткѣ.

чуя, что въ роскошномъ Сараѣ своемъ, что на Астраханскихъ и Донскихъ степяхъ, имѣя полмилліона воиновъ, онъ потребовалъ немедленной покорности отъ всѣхъ побѣжденныхъ имъ народовъ, и повиновенія отъ Орды младшихъ братьевъ, утвердившихся близъ Аральскаго озера, и называвшихся лѣвою или *Малою* Ордою, въ противоположность *Большой*, Батыевой (119).

Страшно было состояніе Руси! *Молнійная стрѣла*, казалось, упала на Русь, и погубила въ ней все — людей, жилища, имѣнія, самую судьбу ихъ, погубила прошедшее, уничтожила будущее, расплавивъ настоящее въ горькія слезы. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже навсегда были оставлены жилища, по причинѣ возсмердѣнія воздуха. Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ, Москва, Тверь, Курскъ, Рязань, Муромъ, Ярославль Ростовъ, Суздаль, Галичъ являлись грудами пепла. Многіе города не возстали уже во вѣки. Кіевъ утратилъ навсегда свое древнее величіе. Цѣлые роды Князей истребились; цѣлыя наро-

---

(119) Братья Батыя, и потомки ихъ, долго послѣ того признавали надъ собою власть Большой Волжской орды, и повелѣнія ихъ были вначалѣ означаемы именемъ Хановъ сей орды, такъ какъ большая орда признавала главою своею Великаго Хана, и ставила имя его въ своихъ указахъ.

донаселенія исчезли, погубленныя смертію и рабствомъ. «Повѣсть о бѣдствіи нашемъ,» говорятъ лѣтописцы,» могла-бы подвигнуть на плачъ и стенаніе, не только людей и скотовъ, но и самые камни безчувственные! И кто можетъ словомъ изобразить чашу горечи, излишую на насъ гнѣвомъ Божіимъ, серпъ, пожавшій и искоренившій насъ, мечъ, не только обезчадствовавшій насъ, но съ чадами и родшихъ погубившій (120)! — «Мучительный варваръ, Царь Батый» — говорятъ другіе — «отъ восточныя страны наведенный Богомъ на Русскія земли, сперва на Рязань, потомъ на Коломну, Москву, Владиміръ, и другіе многіе грады, злобно все испревращая, какъ лютый звѣрь пожиралъ, остатки когтями терзая. Сколько храбрыхъ сыновъ Русскія земли истребилъ мечъ его; сколько другихъ вдали плеща сопротивнымъ! Князья пали оружіемъ, или уклонились въ другія страны, отпадши всякія помощи; варваръ-же, грады раззоряя, иныхъ горожанъ полономъ поплѣнилъ, другихъ содѣлалъ снѣдью оружія, и стяжалъ богатства Русскія земли .... не укрылись отъ него и Княжескія сокровища. Великое зло сотворилось Русской землѣ: матери обезчадѣли, млеко изсохло

---

(120) *Молнійная стрѣла*—выраженіе *Костромской лѣт.* о Батыѣ (Ч. I, стр. 92).

въ груди ихъ, и слезнымъ токомъ пролилось изъ очей ихъ, когда онѣ увидѣли младенцевъ своихъ на землю поверженныхъ, и нѣжное тѣло ихъ конскими ногами растертое...Но кто можетъ словами сказать скорбь матери, или неисчетныя напасти Русской земли! Чертожницы были влачимы и водимы, какъ рабы; дѣвы поруганы; жены Боярскія, никогда не касавшіяся работному дѣлу руками своими, и прежде многими рабами повелѣвавшія, преклонили выю свою игу тяжкаго труда, мололи жерновами, топили печи, ходили къ источнику съ черпаломъ, носили воду, для господъ своихъ, стояли за ихъ трапезою и мели ихъ храмину. Прежде гордыя, теперь онѣ согбенны были работою и смирились; прежде златыми монистами и дорогими одеждами онѣ красовались—теперь были голодны, босы, облечены въ лоскутья; присно-священныя дѣвы насильно увлечены были въ позоръ, мужья разлучены съ женами, чада съ родителями, юноши уведены въ плѣнъ, дѣти и старцы пронзены мечемъ, храбрые стратиги въ битвѣ убиты, священники при алтаряхъ заклапы, земля очервленилась кровью, рѣками лившеюся изъ тѣлъ и кровавившею источники водные. Странно было видѣть умиленное позорище земли Русской: мужей, какъ снопы въ день жатвы, поверженныхъ, и груды смѣшанныхъ безъ различія, растерзанныхъ тѣлъ! Нѣкому было

погребать ихъ; вранамъ и псамъ были они пищею; вопль во градѣ, стенаніе на улицѣ, рыданіе въ домахъ, страхъ на распутіи. Кто обрѣлъ спасеніе въ бѣгствѣ, и тотъ ни о чемъ не могъ мыслить, и пребывалъ въ безмолвной горести, въ бѣдствіи своемъ, какъ въ сѣти запутанный. Явно видѣли всѣ, что Богъ попустилъ такую неслыханную злобу Батыя за грѣхи наши (121).»

Также стенали и оплакивали бѣдствія свои народы другихъ странъ, и общая мысль, что Монголы суть предвѣстники кончины міра, заставляла трепетать не одну Русь, но всю Европу (122).

Прешли варвары-побѣдители. Что уцѣлѣло отъ нихъ, то явилось на пепелища обиталищъ своихъ, и начало обновлять жизнь, не помышляя о томъ, что сія жизнь будетъ цѣпью бѣдствій, ибо она была уже обречена горькой участи рабства, уныло возсѣдшаго на развалинахъ. Не думали объ этомъ люди, въ суетныхъ надеждахъ своихъ, не умирающихъ и на краю могилы. Мы видѣли, что страсти не преставали дѣйствовать пока не наступала гибель; онѣ снова оживали, когда гибель сія пролетала черезъ головы людей, оставивъ кого либо

(121) Степ. Книга Т. I, стр. 333.
(122) См. выше, прим. 67, 108.

въ живыхъ. Собственно Исторія Руси, съ 1236-го до 1244-го года, вся заключается въ нашествіи Монголовъ. Но, вотъ и частныя событія сихъ бѣдственныхъ лѣтъ:

Мы знаемъ уже, что въ 1234-мъ году Михаилъ Черниговскій успѣлъ воспользоваться неудачею Даніила. Даніилъ и Василько принуждены были остаться на Волыни, и искали всюду средствъ овладѣть снова Галичемъ; Ярославъ, съ согласія Георгія Всеволодовича, сѣлъ въ Кіевѣ, оставивъ Новгородцамъ сына своего Александра, наименованнаго впослѣдствіи *Невскимъ*; Олеговичи тѣснились въ своихъ удѣлахъ, а Смоленскомъ владѣлъ силою меча потомокъ Ростислава, Князь Святославъ.

Едва дошли въ Кіевъ къ Ярославу вѣсти о гибели Георгія и уходѣ Монголовъ на югъ, къ Дону и далекому лукоморью, онъ спѣшилъ во Владиміръ. Безвредно успѣлъ Ярославъ пробраться по опустѣлымъ областямъ Руси, и между Монголовъ, бродившихъ повсюду отдѣльными отрядами. Онъ велѣлъ очищать, обновлять города, хоронить мертвыхъ, и отдалъ въ удѣлы братьямъ своимъ Святославу и Іоанну Суздаль и Стародубъ на Волгѣ. Александръ оставался въ Новгородѣ; другіе дѣти Ярослава получили удѣлы: Михаилъ въ Москвѣ, Ярославъ въ Твери. Литовцы напали

въ то время на Смоленскъ; Ярославъ пособилъ отбить ихъ, и отдалъ Смоленскъ брату Святослава, Всеволоду Мстиславичу (123).

Узнавъ объ отъѣздѣ Ярослава, Михаилъ Черниговскій явился въ Кіевъ изъ Галича. Даніилъ воспользовался его отсутствіемъ, овладѣлъ Галичемъ, и заставилъ сына Михаилова, Ростислава, оставленнаго отцомъ для сторожи, бѣжать въ Венгрію. Но Монголы уже двигались къ Кіеву. Михаилъ не смѣлъ встрѣтить ихъ, не остался и въ Черниговѣ, робко бѣжалъ въ Венгрію. Уже Монголы были вблизи Кіева, жгли Черниговъ, когда одинъ изъ Смоленскихъ Князей, сынъ Мстислава Давидовича, Ростиславъ, прогналъ воеводъ Михаила, и назвался Кіевскимъ Княземъ. Даніилъ прибѣжалъ изъ Галича, схватилъ Ростислава, а себя объявилъ Кіевскимъ Княземъ. Ослѣпленіе непонятное! Уже Черниговъ горѣлъ, и Князь Мстиславъ Глѣбовичъ бѣжалъ по слѣдамъ Михаила къ Венгерцамъ, а въ Кіевѣ думали еще о званіи Князя Кіевскаго, хотя немедленно за тѣмъ Даніилъ оставилъ отчизну, и бѣжалъ

---

(123) *Пушк.* и *Вол. Лѣт.* (Карамзинъ, Т. IV, прим. 2 и 3): «Обнови (Ярославъ) землю Суздальскую; церкви очистивъ отъ трупія мертвыхъ, и кости ихъ схоронивъ; многи пришельцы утѣшивъ, и множество людей собра (*Строевск.* т. I, стр. 265).

въ Венгрію, предавъ Кіевъ, Волынь и Галичъ въ жершву Башыю (124).

Такимъ образомъ, изгнанниками явились при Дворѣ Венгерскомъ два непримиримые соперника — Даніилъ и Михаилъ. Чшó начали они шамъ? Крамолу. Даніилъ предлагалъ Королю ошдашь дочь за сына его, Льва; Росшиславъ Михаиловичъ былъ уже помолвленъ на ней. Гордый Бела примирилъ всѣ шребованія, ошказавъ обоимъ Князьямъ. Пока Монголы опусшошали Польшу, бѣглецы укрывались въ Венгріи; они бѣжали въ Польшу, когда Башый пришелъ въ Венгрію. На пепелища и шрупы спѣшили они пошóмъ въ Волынь и Кіевъ. Даніилъ, принужденный оставишь Владиміръ, поселился въ Холмѣ, объявляя себя Княземъ Галицкимъ, хошя его совсѣмъ не слушались въ Галичѣ (125). Миха-

---

(124) *Вол. Лѣт.* (Карамзинъ, *т.* IV, пр. 3, и 20-е).

(125) «Король-же *не вдастъ дѣвки своей Ростиславу, и погна и прочь.*» — О самоволіи Галицкихъ арисшокрашовъ, см. *Вол. Лѣтопись* (Карамзинъ, т. IV, пр. 20): здѣсь являюшся прежнія, знакомыя намъ лица Галицкихъ бояръ. *Холмъ* посшроенъ былъ Даніиломъ. Любопышно описаніе посшройки Холма, и зодчесшва церквей, сооруженныхъ шамъ Даніиломъ: «Ѣздящу ему (Даніилу) по полю, и ловы дѣющу, и видѣ мѣсшо *красно* и *лѣсно* на горѣ, обходящу вокругъ его полю, и *праша* (спросилъ) шуземецъ: какъ именуешся мѣсшо се? Они-же рекоша: *Холмъ.* И

мӕъ явился въ Кіевѣ, назвался Кіевскимъ Княземъ, хопія принужденъ былъ поселипься на о-

---

спвори пу градецъ малъ. . . И нача призывапи прихожая Нѣмцы, и Русь, и иная язычницы и Ляхи. . . бѣжаху изъ Тапаръ сѣдельницы, и пулницы, и кузнецы желѣзу и мѣди, и сребру, и *бѣ жизнь*, и наполниша дворы окреспъ града поле. Созда-же церковь Св. Ивана, комары 4, съ кажда угла переводъ, и спояніе ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваяно опъ нѣкоего хипреца; окна при украшена спеклы *Римскими* (вѣроятно, живописными). Входяще въ олпарь, споясиа два сполпа опъ цѣла камене, и на нею *комара*; выспръ-же верхъ украшенъ звѣздами золопыми на лазури; внупреннiй-же ей помоспъ бѣ слипъ опъ мѣди, и опъ олова чиспа, яко блещащеся, яко зерцало; двери-же ея, двоя, украшены каменіемъ Галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, пesанымъ, изрыпы нѣкимъ хипрецомъ Авдеемъ; *прилѣпы* опъ всѣхъ *шаровъ* и злапа; на преди-же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ дверяхъ Іоаннъ свяпый. Украси-же иконы, еже принесе изъ Кіева, каменіемъ драгимъ, и бисеромъ, и злапомъ, и образъ Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему сеспра Ѳеодора; Икону-же принесе изъ *Вручего* (Овруча) Спрѣпеніе; и колоколы принесе изъ Кіева, другіе-же пу солья. Вѣжа-же (башня) середи города высока, яко бипи съ нея окреспъ града, подздана каменіемъ, въ высопу 15 локопь; создана-же древомъ пesанымъ, и убѣлена яко *сыръ*, свѣпящися на всѣ спороны. Спуденецъ, рекомый кладязь, близъ нея, сажней имущъ 35; посади-же садъ красенъ, и созда церковь Св. Безмездни-

спрову Днѣпра противъ Кіева, ибо въ Кіевѣ не было пріюта, и обновлять его было нѣкому (126). Онъ объявилъ Черниговъ удѣломъ Ростислава; потомъ, не смотря на ласки Даніила, послалъ

кома въ честь, имать 4 столпы отъ цѣла камене тесанаго, держаща верхъ; съ тѣхъ-же другіе въ олтарь Св. Димитрія; стоитъ-же *тисо* предъ *боговинными* дверьми, красенъ, и принесенъ издалече. Стоитъ-же столпъ, поприще отъ города, каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ; высота-жъ камени 10 локотъ, съ головами-жь и съ подножки 12 локотъ (см. *Волынскій Лѣт.* Карамзинъ, т. IV, прим. 20). Въ 1259-мъ году, когда Даніилъ сражался съ Монголами, «прилучися за грѣхи загорѣтися Холмови, отъ окаянныя бабы — и вси иконы погорѣша въ церкви Св. Іоанна, одинъ Михаилъ остася чудный; и колоколы, и то все огнь попали, и храмы прекрасные; и мѣдь отъ огня *ползуща, яко смола*... Видѣвъ-же Даніилъ сице пагубу граду, вшедъ въ церковь, сжалися вельми, и паки обнови церковь, и освяти Епископомъ Іоанномъ, и созда вышша и тверджша; вѣжиже такой не возможе создати. Созда-же церковь превелику во градѣ Холмѣ, во имя Св. Богоматери. Принесе-же чашу отъ земли Угорскія, мрамора багряна, и зміевы главы бѣша окрестъ его, и постави предъ двери церковными, сотвори въ ней крестильницу, крестити воду на Св. Богоявленіе. Сотвори-же въ ней Епископъ Іоаннъ отъ древна красна *точенѣ*, и позлащена днѣ и извнѣ» — *Вол. Лѣт.* (Карамзинъ т. IV, прим. 102).

(126) См. выше, прим. 93.

Ростислава завладѣть Галичемъ; Даніилъ прогналъ Михаилова сына изъ Галича ...Ростиславъ обратился въ Венгрію, гдѣ, наученный бѣдствіемъ, Бела отдалъ за него дочь свою, и въ приданое за нею часть Сербіи. Михаилъ поѣхалъ къ сыну, просить у него и у Белы дружинъ на Даніила. И Король и Ростиславъ отказались; Михаилъ безъ успѣха воротился во свояси, гдѣ судьба готовила въ немъ очистительную жертву мученической кончины за жизнь безполезную (127).

Исторія Новгородцевъ не представляетъ въ сіи годы ничего достопамятнаго. Приписавъ спасеніе Новгорода отъ Монголовъ милости Божіей, Александръ Ярославичъ княжилъ тамъ, отбивалъ нападенія Литвы, Ливонскихъ рыцарей, и Шведовъ; то былъ любимъ Новгородцами, то ссорился съ ними. Смѣлые подвиги его казались чудомъ современникамъ, которые описывали ихъ великолѣпными словами, и увѣряли, что слава Александра промчалась по всѣмъ странамъ міра, отъ моря Варяжскаго до Понтійскаго и Хва-

---

(127) *Вол. лѣтоп.* (Карамзинъ т. IV, прим. 41). Ростиславъ получилъ Маховскій банатъ. Онъ именовался: Rex de Madschau, Dux et Imperatot Bulgariæ et Banus totius Sclavonicæ. У него были дѣти: *Бела* и *Михаилъ*, родоначальники Герцоговъ Маховскихъ и Боснійскихъ; дочь его, Агриппина, вышла за Лешка Чернаго (Карамзинъ, т. IV, прим. 44).

лынскаго, Тиверійскихъ странъ, Араратскихъ горъ и великаго Рима; что Государи приходили къ нему, какъ царица Савская приходила къ Соломону, послушать и подивиться мудрости, силѣ, красотѣ его, говоря: «Много странъ прошли мы; много великихъ видѣли, но Александръ всѣхъ выше;» что въ битвахъ сходили Ангелы, и поражали за него враговъ; что самъ Батый дивился ему, и Папа Римскій присылалъ препираться съ нимъ о вѣрѣ, а доблестные воины изъ далекихъ странъ спѣшили въ дружины Александра. Сіи извѣстія любопытны только потому что показываютъ духъ письменности тогдашней, которая, при совершенномъ упадкѣ и униженіи общественной жизни и духа, начинала смѣнять поэтическую простоту и дикость древней поэзіи Русской (128). Всѣ событія Новго-

(128) Говоря о взятіи Торжка, *Новг. лѣт.* (стр. 130, 131) прибавляетъ: «Изъ Новгорода имъ (Торжковцамъ) не бѣ помощи; но уже кто-же себѣ сталъ, бѣ въ страсѣ и недоумѣніи... Гнаша-же окаянніи безбожницы отъ Торжку Серегерскимъ (Селигерскимъ) путемъ, оліи до Игнача креста, а всѣ людіе сѣкуще, аки траву, за 100 верстъ отъ Новгорода. Новгородъ-же заступи Богъ, и Святая Великая, Соборная и Апостольская церковь Святая Софія, и святый Кириллъ и святыхъ правовѣрныхъ Архіепископъ молитва, и благовѣрныхъ Князей и преподобныхъ черноризецъ

родскія, столь громко разсказанныя, заключались въ слѣдующемъ:

Въ 1240-мъ году дошла въ Новгородъ вѣсть о

Іерейскаго собора.» — Александръ женился у Полоцкаго Князя Брячислава (въ 1239 г.), и вѣнчался въ Торопцѣ, «ту кашу чини, а другую въ Новгородѣ» (въ старину, новобрачныхъ кормили кашею; слѣдственно, Александръ пировалъ свадьбу въ Торопцѣ и Новгородѣ). Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ (*Повѣсть о Великомъ Князѣ Александрѣ Ярославичѣ*) составляетъ отдѣльный эпизодъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Это родъ поэмы. Составляя собою переходъ отъ древнихъ героическихъ пѣсенъ, каковы: *Слово о полку Игоревомъ* (см. *Ист. Р. Н.* т. II, стр. 260—276), къ чисто-схоластическимъ памятникамъ позднѣйшимъ, сія поэма, или повѣсть поэтическая, чрезвычайно любопытна, какъ памятникъ Словесности Русской XIII-го вѣка. Она внесена во многіе списки лѣтописей; но невѣжды-переписчики перемѣшали ее съ историческими извѣстіями, какія находимъ въ *Новгородской*, и другихъ лѣтописяхъ. Въ *Степенной книгѣ* она обременена позднѣйшими прибавками схоластическими. Удивительно, что Карамзинъ *внесъ всю эту повѣсть въ Исторію*, не смотря на явныя сказки и чудеса, въ ней прибавленныя (см. для примѣра, прим. 129)! Мы старались отдѣлить текстъ сей повѣсти отъ посторонних прибавокъ, и прилагаемъ ее особо въ концѣ сего тома (см. *Дополненіе* II-е). Она писана самовидцемъ, какъ изъ содержанія оной видно. Мы будемъ имѣть случай говорить объ этомъ подробнѣе, соображая впослѣдствіи сей періодъ Русской поэзіи.

появленіи въ Невѣ, близъ устья Ижоры, множества ладей съ Шведами, Норвежцами, Емью и Сумью. Сія толпа разнонародныхъ воиновъ шла по обѣту, данному Папѣ Эрихомъ Косноязычнымъ, проповѣдывать и обращать Финляндцевъ въ Христіанскую вѣру; но она вздумала овладѣть Ладогою, и даже Новгородомъ. Александръ поспѣшно собралъ Новгородцевъ и Ладожанъ; выступивъ на встрѣчу пришельцамъ, Іюля 15-го, разбилъ онъ новыхъ крестоносцевъ на берегахъ Невы. Въ сей битвѣ палъ знатный Князь Шведскій, были убиты одинъ Епископъ и множество воиновъ; двѣ ладьи отправлено было крестоносцами во свояси, наполненныя ранеными значительными людьми, и все ополченіе бѣжало совершенно разбитое (129).

---

(129) *Новг. лѣт.* стр. 132, 133. — Сочинитель Сказанія объ Александрѣ Невскомъ заставляетъ *Римскаго* Короля завидовать славѣ Александра. За тѣмъ слѣдуютъ подробности: переговоры, молитвы, чудеса, побѣда Александра, который « возлагаетъ самому Королю Римскому печать на лицо острымъ мечемъ своимъ, » и подвиги шести храбрыхъ Новгородцевъ, изъ которыхъ одинъ подсѣкаетъ золотоверхій шатеръ Короля Римскаго. Сія небольшая побѣда доставила Александру названіе *Невскаго*. Память народная сохраняетъ иногда, по странному своеволію, воспоминаніе о дѣлахъ самыхъ ничтожныхъ, забывая большее. Такъ Ронсевальская сшибка уцѣлѣла въ па-

Съ 1237 года, Орденъ Ливонскихъ Меченосцевъ присовокупленъ былъ къ сильному Ордену Тевтонскому, обладавшему Пруссіею. Вмѣсто красного креста, Ливонскіе рыцари нашили себѣ на плащи черный Тевтонскій крестъ, приняли отъ Гохмейстера, Германа-фонъ-Зальца, новаго Магистра, и получили отъ него слово, что онъ будетъ покровителемъ Ливоніи (130). Въ тотъ-же годъ сдѣлано было Рыцарями нападеніе на Литву. Въ

мяти Французовъ, а у насъ, напримѣръ, забыты народомъ: *Липецкая* битва 1216 года, или *Галицкая*, 1450 г., столь важныя по послѣдствіямъ.

(130) См. *Ист. Р. Н.* т. III, стр. 20 и слѣд., также 123, 124, 214, и слѣд.—Орденъ Тевтонскихъ, или Прусскихъ Храмовыхъ рыцарей былъ такъ силенъ въ это время, что могъ имѣть большое вліяніе на Польшу, Литву, и даже, въ 1220 году, Гохмейстеръ фонъ-Зальцъ былъ посредникомъ между Папою Гоноліемъ III-мъ и Императоромъ Фридерикомъ. Онъ получилъ послѣ того титулъ Имперскаго Князя отъ Императора, и богатый подарокъ (einen kostbaren Ring) отъ Папы. Зальцъ правилъ Орденомъ 30 лѣтъ, укрѣпилъ его побѣдами, походами, и горделиво читали потомки надпись подъ его изображеніемъ:

Transivi intrepidus per mille pericula Victor,
Non acies ferri, non vastis mœnia fossis
Conotus tenuere meos, domat omnia virtus.

Ливонскій Гермейстеръ Андрей Вольквинъ былъ убитъ, сражаясь съ Литовцами, въ 1238 году, и на мѣсто его былъ присланъ отъ Зальца Германнъ Фалькъ, назначенный Гермейстеромъ Лифляндіи. Впро-

юходѣ находились Прусскіе и Ливонскіе воители, даже былъ Псковскій отрядъ; но Литовцы разбили это ополченіе, и едва десятый изъ него воротился домой. Въ 1240 году Рыцари дѣйствовали удачнѣе противъ союзниковъ своихъ Псковичей. Безокойный Ярославъ Владиміровичъ опять явился тогда въ Оденпе, послѣ семи лѣтъ отсутствія (131). Твердило, знаменитый Псковитяинъ, обѣщалъ передать ему Псковъ. Ярославъ уговорилъ рыцарей, Оденпе, Феллина и Дерпта идти ко Пскову. Успѣшно захвативъ Изборскъ, рыцари разбили Псковитянъ, подступили подъ самый Псковъ, и зажгли его. Заключенъ былъ миръ, взяли аманатовъ; но Ярославъ ничего не выигралъ, ибо Твердило обманулъ его, и самъ началъ властвовать во Псковѣ; множество Псковичей бѣжало тогда въ Новгородъ; но Новгородцы не помогали имъ: въ то время они поссорились съ Александромъ, и ей Князь съ досадою уѣхалъ къ отцу во Вла-

---

емъ, все это не послужило къ большой пользѣ, ибо Тевтонскій Орденъ былъ увлеченъ въ дѣла Германскія, и не могъ оказать усиленныхъ дѣйствій въ Лифляндіи. Меченосцы Ливонскіе только перемѣнили цвѣтъ креста своего и имя (см. Кельха, стр. 76—84).

(131) Въ прим. 336-мъ III-го т. *Ист. Р. Н.* ошибкою сказано, что Ярославъ былъ въ заточеніи 12 лѣтъ, и возвратился въ 1245 году.

диміръ. Его отсутствіе ободрило Ливонцевъ и Твердилу. Рыцари вошли въ Водскую Пятину, срубили городокъ въ Копорьѣ, заняли Тесовъ, и разъѣзжали для грабежей до самаго Новгорода. Тоже дѣлалъ и Твердило. Новгородцы прибѣгли къ Ярославу, просили послать къ нимъ Князя, и Ярославъ отправилъ въ Новгородъ втораго сына своего, Андрея. Но неопытный юноша не могъ управиться съ своевольствомъ рыцарей и Твердилы. Самъ Владыка Новгородскій поѣхалъ просить Александра возвратиться. Убѣдясь просьбою его, Александръ обрадовалъ Новгородцевъ согласіемъ, собралъ дружины, отнялъ у рыцарей Копорскій городокъ, выгналъ ихъ изъ Новгородскихъ областей, и велѣлъ перевѣшать измѣнниковъ, Чудь и Вожанъ (132).

На другой годъ (1241-й), съ братомъ Андреемъ, Новгородцами и дружиною Суздальскою, онъ нечаянно захватилъ Псковъ, прислалъ въ Новгородъ измѣнниковъ Псковскихъ, и отправился въ походъ противъ рыцарей. Близъ Чудскаго озера, когда воины его были въ разъѣздѣ за припасами, рыцари напали на отдѣльные отряды Новгородцевъ. Александръ сомкнулъ дружины, сдвинулся на ледъ Чудскаго озера и при-

(132) *Нов. лѣт.* стр. 133—135.

готовился къ бою. Сначала, употребивъ необыкновенное устройство войска, рыцари пробились сквозь Новгородскіе ряды; но Александръ успѣлъ оправиться, смялъ рыцарей, и на 7-ми верстахъ лежали трупы Эстонцевъ, убитыхъ въ бѣгствѣ; 400 рыцарей пало въ битвѣ, 50 взято въ полонъ. Немедленно прислалъ Ливонскій Магистръ просить мира, отступаясь отъ владѣнія Водью, притязаній на Псковъ, и отдавая плѣнниковъ. Заключили миръ (133).

Ярославъ Владиміровичъ, вѣроятно, отсталъ отъ своихъ союзниковъ гораздо прежде. По крайней мѣрѣ онъ мирно княжилъ потомъ въ Торжкѣ, гдѣ, въ 1245 г., напали на него Литовцы. Онъ прогналъ ихъ при помощи Тверитянъ; но не могъ освободить занятаго ими Торопца. Александръ самъ поспѣшилъ на помощь; Литовцы бѣжали, потерявъ въ битвѣ съ нимъ восемь Князей своихъ (134).

---

(133) *Чудское* побоище было извѣстно у Новгородцевъ подъ именемъ *ледоваго*, ибо бились на льду Чудскаго озера, не смотря на Апрѣль мѣсяцъ. Вѣроятно, зима тогда стояла необыкновенно долго. Рыцари пробили ряды Новгородскіе, устроивъ войско свое острымъ трехъ-угольникомъ, что Русcы называли *свинымъ рыломъ*, или *свиньею* (прошибошася свиньею сквозь полкъ. *Новг. Лѣт.* стр. 135, 136). Это переводъ словъ: caput porcinum, Schweinkopf.

(134) Тамъ-же стр. 138.

Тогда раздался повелительный голосъ Батыя по Русскимъ землямъ. Изъ шатровъ, разбитыхъ Ханомъ близъ новостроющагося Сарая, онъ не двигалъ болѣе дружинъ на погибель Руси, но звалъ къ себѣ всѣхъ Князей Русскихъ — поклониться ему, какъ Царю ихъ и повелителю (135). Ярославъ не смѣлъ ослушаться, явился къ Батыю, съ Боярами своими и сыновьями, и сталъ передъ гордымъ Ханомъ, какъ рабъ, трепещущій за жизнь и достояніе свое. Вслѣдъ за нимъ прибыли дѣти и внуки Константина. Это происходило въ 1243 году.

Кровожадный звѣрь въ битвахъ и нашествіяхъ, деспотъ неумолимый, Батый былъ ласковъ и добръ въ обращеніи съ подвластными. По-

(135) Слово: *Царь*, является здѣсь приданное Хану Золотой орды, какъ отличіе отъ титула: *Князь*, коимъ именовались Русскіе его вассалы. Руссы и прежде называли *Константинополь* Царьградомъ, а Императора Греческаго *Царемъ*. Они взяли это названіе изъ Библіи. Іоаннъ IV-й, какъ повелитель Ордынскихъ владыкъ, принялъ титулъ Царя въ 1547 году. Происхожденіе сего титула съ Востока неоспоримо. Въ Ханскихъ ярлыкахъ, Руссы вездѣ именовали Хановъ *Царями*; но Ханы никогда не назывались такъ: они постоянно сохраняли прежнее свое названіе — *Ханъ*, освященное славою предковъ.

гудикое величіе окружало его. Онъ принималъ Князей и пришельцевъ въ великолѣпныхъ шатрахъ, отнятыхъ имъ у Венгерскаго Короля. Здѣсь сидѣлъ онъ, впереди всѣхъ, на возвышенномъ мѣстѣ, обыкновенно съ одною изъ женъ своихъ. По срединѣ шатра становили на столѣ золотые и серебряные сосуды, замаранные и нечистые, съ отвратительнымъ кумысомъ. Далѣе, на скамьяхъ, ниже Хана, садились его дѣти, жены, родня, вельможи. Два идола стояли у входа, оберегая отъ всякаго злаго умысла. Подходя къ шатру, надобно было дать себя обыскать, нѣтъ-ли скрытаго оружія, или зелья, и потомъ пройдти между двухъ костровъ огня, ибо, по мнѣнію Монголовъ, огонь очищалъ всѣ злыя мысли, и даже лишалъ силы ядъ, если-бы кто несъ его къ Хану. Строго запрещено было ступать ногою на порогъ шатра. Это подтверждали каждому. Потомъ надлежало поклониться на Югъ, тѣни Чингисъ-Хана; вошедъ въ шатеръ, слѣдовало стать на колѣни, и кланяться въ землю. Батый почти всегда привѣтливо выслушивалъ пришедшаго; послѣ того принималъ отъ него дары, приказывалъ ему садиться, и подчивалъ кумысомъ. Но униженіе тѣмъ не оканчивалось: всѣ Цари, Князья, Бояре, вельможи, притекавшіе изъ различныхъ странъ, должны были унижаться пе-

редъ послѣдними изъ Монголовъ, дарить ихъ, кланяться имъ (136).

Рабство совершенное слѣдовало за такимъ униженіемъ. Князь могъ владѣть только по грамматѣ Батыя, долженъ былъ платить тяжкую дань, повиноваться всѣмъ его повелѣніямъ, безпрестанно оправдываться отъ доносовъ и навѣтовъ каждаго, кто являлся на него

---

(136) Описаніе пріемовъ у Батыя мы заимствуемъ изъ Плано-Карпини. Соединеніе отвратительной нечистоты съ великолѣпіемъ было, и есть донынѣ, отличительною чертою грубыхъ кочевыхъ варваровъ Азійскихъ. Монголы особенно считали за грѣхъ мыть посуду и платье, и носили одежду, пока она совершенно не обветшала. Донынѣ въ кибиткѣ Киргиза увидите вмѣстѣ золото, серебро, и — сырую овчину; шелковое дорогое какое нибудь платье испачкано и засалено. Кромѣ кумыса, Монголы подчивали пришельцевъ виномъ, медомъ и *тарасуномъ*, или питьемъ изъ сарачинскаго пшена. Французъ Гильомъ Буше, захваченный Мангу въ Венгріи, и уведенный въ Монголію, сдѣлалъ тамъ для него серебряное дерево. Изъ четырехъ серебряныхъ львовъ текли въ четыре чаши вино, медъ, кумысъ и тарасунъ. Дерево стояло передъ трономъ, и серебряный ангелъ на верху его трубилъ въ трубу, когда надобно было снова наполнять эту машину напитками, черезъ скрытыя трубки, проведенныя въ стѣнахъ. Мангу чрезвычайно нравилось сіе механическое изобрѣтеніе, на которое употребили болѣе 3,000 марокъ серебра.

съ жалобою. Монголъ, притѣсненный въ чьемъ либо владѣніи, могъ быть причиною гибели и смерти.

Батый милостиво принялъ Ярослава, назвалъ его главою Князей Русскихъ, отдалъ ему Владиміръ и Кіевъ, и велѣлъ сыну его отправиться ко Двору Великаго Хана, и тамъ ударить челомъ, въ знакъ подданства. Константинъ Ярославичъ избранъ былъ въ сію тяжкую дорогу. Съ нимъ простились какъ съ мертвымъ. Горестный Ярославъ воротился во Владиміръ, пославъ править развалинами Кіева одного изъ Воеводъ своихъ. Въ Кіевѣ и Черниговѣ жили уже въ это время Баскаки Монгольскіе, переписывали поголовно бѣдный остатокъ жителей, и облагали ихъ данью (137).

---

(137) Путь въ Монголію лежалъ по безлюднымъ степямъ и дикимъ пустынямъ. Народы чуждые, дикіе, отвратительные, встрѣчались страннику. Среди степей изумляли его быстрые переходы изъ холода въ стужу, страшныя внезапныя бури, вьюги, сильныя грозы. Оскорбленіе ожидало его на всякомъ шагу, а смерть могла слѣдовать за каждымъ неосторожнымъ словомъ. Провожатые странника были страшными его покровителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гордыми повелителями. Весьма любопытно разсказываютъ обо всемъ этомъ Папскіе миссіонеры, особенно Плано-Карпини, ибо послѣдователи его, какъ-то: Рубруквисъ, встрѣтили уже болѣе общительности въ Азіи, и особенно у Монголовъ.

Въ 1245 году возвратился изъ Орды Константинъ; но самъ Ярославъ принужденъ былъ снова ѣхать къ Батыю. Въ Монголіи готовились тогда, на Великомъ курилтаѣ, къ избранію новаго Хана, ибо, послѣ смерти Огатая, Куюкъ и мать его, управляя государствомъ, напрасно до сихъ поръ звали къ себѣ Батыя, безъ котораго, какъ старшаго сына Чучіева и знаменитаго Князя Монгольскаго, не льзя было положить рѣшенія. Батый отговаривался болью въ ногѣ, не ѣхалъ, и далъ наконецъ согласіе на выборъ безъ него. Надобно было умножить великолѣпіе избранія новаго государя, и, соблюдая всю наружную покорность, Батый послалъ въ Монголію знатнѣйшихъ Князей и данниковъ своихъ. Въ числѣ ихъ былъ назначенъ и Ярославъ. Ослушаться было невозможно; Князь поѣхалъ.

Въ сіе время явился въ улусѣ Батыя Михаилъ Черниговскій, безуспѣшно возвратившійся изъ Венгріи. «Ты живешь, на землѣ Хана, а до сихъ поръ не поклонился еще ему,» говорили Черниговскіе Баскаки Батыя. Духовникъ Князя, іерей Іоаннъ, совѣтовалъ ему не ослушаться, ѣхать и поклониться царю земному, но заклиналъ его не исполнять богопротивныхъ обрядовъ пріема, какой, по слухамъ, должны были претерпѣвать Князья Русскіе— не кланяться на Югъ, не идти между огнями. Михаилъ далъ

обѣщаніе, рѣшаясь лучше претерпѣть мученическую кончину, нежели нарушить завѣтъ своего отца духовнаго. Батый велѣлъ допустить Михаила къ себѣ. Объ отмѣненіи обрядовъ пріема и думать было невозможно. Пріемъ былъ торжественный; множество Христіанскихъ и не Христіанскихъ Князей явилось съ Михаиломъ, и всѣ пошли между огнями; Михаилъ остановился, и отрекся идти и кланяться на Югъ. Донесли Батыю; онъ изумился; велѣлъ просто повторить приказаніе, и послалъ къ Михаилу сына Ярославова, сказать объ этомъ. Сдѣлалось страшное смятеніе; Михаила окружили всѣ Русскіе Князья, умоляя не упорствовать; Князь Борисъ Ростовскій принималъ грѣхъ на себя, и обѣщалъ наложить эпитимію на себя самого, Дворъ свой и всю Ростовскую область, если только въ исполненіи обряда заключается какой либо грѣхъ. «Охотно поклонюсь Царю, ибо ему вручилъ Господь царство и державу, но огню и идоламъ кланяться не буду: я Христіанинъ, и лучше приму смерть, нежели отвергнусь Бога предъ человѣки. Богъ отвергнетъ меня на небесахъ!» говорилъ Михаилъ. Тогда объявили ему волю Батыя: повиноваться, или умереть. «Прочь слава міра сего!» воскликнулъ Михаилъ, сбрасывая свое Княжеское одѣяніе. Онъ пріобщился запасныхъ святыхъ даровъ, которые имѣлъ при себѣ, и громко началъ пѣть

духовныя пѣсни. Явились палачи; при всемъ собраніи Князей начали бить Михаила кулаками по сердцу, повергли на землю, топтали его ногами, и наконецъ отрубили ему голову. Бояринъ Черниговскій Ѳеодоръ укрѣплялъ словами своего Князя, жаждалъ его участи, отрекся отъ пощады, и былъ измученъ и убитъ, подобно Михаилу. (138)

---

(138) Кончина Михаила подробно описана въ нашихъ Лѣтописяхъ, и составляетъ отдѣльный разсказъ, почти во всѣхъ спискахъ. Плано-Карпини описываетъ это несчастное событіе сходно съ Русскими преданіями, и тѣмъ подтверждается достовѣрность подробностей. Съ благоговѣніемъ причтены были страдальцы современниками къ лику мучениковъ. Говорили, что надъ тѣлами ихъ видѣлись страшныя чудеса: горѣли свѣчи, являлись по ночамъ столпы огненные, и слышно было пѣніе Ангеловъ (*Стр*. т. I, стр. 265). Княжеская епанча, сброшенная Михаиломъ передъ смертью, въ Лѣтописяхъ названа: *кочь*. — Впрочемъ, къ оправданію другихъ Русскихъ Князей надобно сказать, что поклоненіе на Югъ (или *кусту*, какъ говорятъ наши Лѣтописи) означало простое почтеніе тѣни Темудзина, а не богопочтеніе его; шествіе же между двухъ огней — предохранительный только обрядъ. Монголы признавали единаго Бога; но покланялись солнцу, огню, мѣсяцу, тѣнямъ великихъ предковъ и истуканамъ различныхъ геніевъ, или демоновъ, какъ видимымъ символамъ Бога. Вѣра ихъ была Деизмъ, смѣшанный съ грубымъ Шаманствомъ. Такъ въ числѣ религіозныхъ догматовъ были у нихъ разныя суевѣрія: запрещалось ступать на порогъ при

Тѣла ихъ бросили псамъ на съѣденіе; но Русскіе Князья успѣли ихъ сохранить, и страдальцы покоятся въ одномъ гробѣ, для благоговѣйнаго обожанія потомковъ (139).

Въ это время Ярославъ странствовалъ по отдаленнымъ степямъ Заволжскимъ; проѣзжалъ страны варварскихъ народовъ, которыхъ имена прежде не доходили до слуха Русскаго, и орды Монгольскія, раскинутыя повсюду; терпѣлъ голодъ, жажду, униженіе. Въ землѣ Кангловъ погибла отъ

входѣ; мѣшать огонь металломъ; опираться на плеть, или плетью касаться стрѣлъ; бить костью о кость; бросать остатки пищи, или питья; стегать лошадь уздою, и проч. — О будущей жизни они имѣли темныя понятія, хотя и думали, что злые будутъ мучиться, а добрые блаженствовать. Рай ихъ составляла охота, женщины и кумысъ, то, что почитали они блаженствомъ въ сей жизни.

(139) Мощи Князя Михаила и Болярина Ѳеодора находятся нынѣ, подъ спудомъ, въ Архангельскомъ Соборѣ, въ Москвѣ. Когда перенесены они изъ Чернигова въ Москву, неизвѣстно. До 1774 года онѣ были въ такъ называвшемся *Черниговскомъ* Соборѣ, что близъ Тайнинскихъ воротъ. Екатерина велѣла сдѣлать на нихъ богатую серебряную раку. Въ надписи на ракѣ исчислены главныя дѣянія Екатерины, и то, что рака сдѣлана ею въ благодарность Св. мученикамъ, при торжествѣ мира съ Турціею; но въ показаніи года кончины сдѣлана ошибка: они замучены были въ 1246-мъ, а не въ 1244-мъ году.

изнуренія большая часть его спутниковъ (140). Наконецъ онъ достигъ великолѣпнаго пребыванія наслѣдниковъ Чингисъ-Хановыхъ. Избраніе Хана привело тогда въ движеніе всю Азію; отвсюду, изъ Индіи, Китая, Персіи, Сибири, ѣхали Цари, Ханы, Князья, спѣшившіе присутствовать при рѣшеніи судьбы своей; тутъ были властители Анатоліи, Грузіи, Алепа, послы Халифа, неся богатые дары, блистая всею роскошью Азійскою. Въ числѣ пріѣзжихъ находились и смиренные иноки, посланные отъ Папы. На урочищѣ *Сыръ-орда*, двѣ тысячи бѣлыхъ шатровъ было разбито для пріѣзжихъ, и все еще не могло вмѣститься въ нихъ множество народа, стекшагося изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Европы и Азіи. Обширная ярмарка составилась изъ купцовъ, которые навезли туда драгоцѣнныхъ товаровъ со всѣхъ сторонъ. Безчисленное множество разнородныхъ войскъ ожидало повелѣній двинуться во всѣ страны свѣта.

Избраніе началось совѣщаніемъ всѣхъ прибывшихъ туда потомковъ Темудзина. Не смотря на управленіе государствомъ, Куюкъ былъ теперь равнымъ со всѣми, хотя ему отдавали особенныя почести — пѣли похвальныя пѣсни,

---

(140) Плано-Карпини указывали кости погибшихъ, super terram iacentia tanquam sterquilinium (стр. 26).

при каждомъ появленіи его, и склоняли передъ нимъ бунчуги. Каждый день до полудня, нѣсколько дней сряду, происходили шумныя засѣданія въ большомъ шатрѣ, отдѣльномъ отъ всѣхъ, окруженномъ крашеною загородкою, и оберегаемомъ стражею. Шатеръ былъ весь бѣлый, и столь огромный, что могъ вмѣстить до 2000 человѣкъ. Въ оградѣ сдѣланы были двои ворота; у однихъ стояла стража, не допускавшая къ шатру, ближе назначеннаго разстоянія; у другихъ воротъ не было стражи— въ нихъ могъ входить только избранный Ханъ, и никто не смѣлъ думать, чтобы нашелся дерзкій, который осмѣлился-бы глядѣть на нихъ своими очами, не только идти въ оныя. Послѣ полудня прекращались засѣданія, и начиналась попойка. Тогда около ограды сбирались всѣ прибывшіе въ Сыръ-орду данники, и кого хотѣли почтить Монголы, того заставляли напиваться до пьяна. Ежедневно объявлялось какого цвѣта одежду должны были надѣвать всѣ: голубую, красную, бѣлую. Наконецъ Куюкъ былъ избранъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сыръ-орды поставили открытый шатеръ, или *Золотую Орду*, съ позолоченными столпами. Въ сей шатеръ вступили всѣ родичи Куюка. Безчисленное множество Хановъ, Султановъ, Князей, воиновъ и народа, стояло внѣ шатра, обратясь лицомъ къ Югу. Когда Куюкъ сѣлъ на зо-

золотой тронъ свой, всѣ преклонились, и трижды ударились челомъ въ землю. Куюкъ явился послѣ сего народу; трижды преклонилъ колѣно на Востокъ, и семь дней продолжался пиръ, каждый разъ до глубокой ночи. Наконецъ вывезли сокровища Огтая; пять сотъ тѣлегъ было наполнено золотомъ, тканями шелковыми, серебромъ и драгоцѣнностями. Все это раздали Князьямъ, воинамъ, народу. Послѣдній изъ самыхъ низкихъ рабовъ получилъ богатый подарокъ. Кромѣ того, Куюкъ купилъ подарковъ на 70,000 балышей, и когда, за вторичною раздачею всѣмъ, еще оставалась ихъ огромная куча, онъ велѣлъ отдать остатокъ на грабежъ, любуясь, какъ народъ дрался, рвалъ, тащилъ драгоцѣнности. Потомъ представили ему подарки, приготовленные данниками и пріѣзжими: бархаты, ткани, мѣха, драгоцѣнные камни, коней, верблюдовъ — счета не было тому, что поднесли Куюку Европа и Азія (141).

Немедленно за тѣмъ, Ханъ принялся за государственныя дѣла. Междоцарствіе, продолжавшееся почти пять лѣтъ, произвело во всемъ медленность и остановку. Куюкъ послалъ вой-

(141) Мы не упоминаемъ о многихъ подробностяхъ обрядовъ и великолѣпія при восшествіи Куюка (см. ихъ у *Плано-Карпини*, стр. 33 — 53, и въ Hist. des Mongols, ч. II, глава 3-я).

ска на востокъ и югъ. Самъ онъ хотѣлъ вести главныя дружины на западъ, и въ тоже время приказалъ готовиться къ походу. Европѣ грозила погибель—Провидѣніе опредѣлило иначе: дни гордаго Куюка были уже изочтены перстомъ Божіимъ (142).

Въ числѣ другихъ, представлены были Куюку монахи, присланные отъ Папы. Онъ хладнокровно выслушалъ грамоты Папы, горделиво удостоилъ презрѣніемъ мольбы Римскаго первосвященника о мирѣ, и безвредно отослалъ миссіонеровъ обратно. На печати Куюка была вырѣзана надпись: «*Богъ на небѣ, Ханъ Куюкъ на землѣ. Силы Божіей, Владыки всѣхъ человѣковъ печать* (143).

---

(142) Онъ властвовалъ только около двухъ лѣтъ.

(143) Монголы, оказывая совершенное равнодушіе къ религіи, позволяли миссіонерамъ спорить между собою, и обращать въ Христіанство самыхъ приближенныхъ къ Хану людей, даже его женъ. Письмо Папы, привезенное Плано-Карпини къ Куюку, см. въ концѣ сего тома (*Дополненіе III*. Мы приложили къ тому Русскій переводъ Д. И. Языкова, который заимствовалъ Латинскій подлинникъ изъ Райнальдовыхъ Annal. Eccl. T. XVI). Письмо это всего лучше показываетъ отношенія Европы и Папы къ Монголамъ. Отвѣтъ Куюка неизвѣстенъ: вѣроятно, онъ былъ скрытъ, по причинѣ гордости и презрѣнія, какія показывалъ въ немъ Куюкъ. Но мы знаемъ другія пись-

Ярославъ не увидѣлъ болѣе милой отчизны: онъ умеръ въ Монголіи. Тѣло Князя привезено было

менныя сношенія Запада съ Монголами, и по нимъ можемъ судить, что содержалось въ письмѣ гордаго наслѣдника Оготаева. Приведемъ здѣсь нѣсколько подробностей, ибо они характеризируютъ Монголовъ, служатъ притомъ поясненіемъ ихъ отношеній къ Руссамъ. Въ то-же время, когда Плано-Карпини ѣздилъ къ Батыю и Куюку, монахъ Ансельмъ (или Асцелинъ, съ товарищами, былъ у Монгольскаго полководца Байджу въ Персіи. « Неужели пославшій васъ не знаетъ, что Великій Ханъ нашъ есть сынъ Божій, а Байджу намѣстникъ его? » говорили имъ Монголы. « Какъ смѣете вы совѣтовать намъ сдѣлаться Христіанами, такими-же собаками, какъ вы и Папа вашъ! » восклицали они. « Дерзнете-ли вы, Христіане, сказать, что Папа вашъ превосходитъ достоинствомъ другихъ людей? Обладаетъ-ли онъ столькими царствами, сколько пріобрѣлъ ихъ по благости Божіей Ханъ нашъ? Распространено-ли, почтено-ли, страшно-ли такъ имя Папы, какъ имя Хана, державствующаго отъ края Востока до моря Западнаго? » Мѣсяца два, оставляли потомъ бѣдныхъ монаховъ безъ вниманія. « На насъ смотрѣли, » пишутъ они, « какъ на ничтожныхъ, недостойныхъ отвѣта людей, почитая и даже называя насъ псами » (ut viles garçonnes responsione illorum indigni, imò etiam velut canes ab eisdem sunt reputati). Наконецъ отправили монаховъ съ отвѣтомъ Байджу, при которомъ, подъ именемъ *Словесъ Божіихъ*, приложено было наставленіе, данное Байджу отъ Хана, и составленное по завѣту Темудзина (*см.* *Дополненіе III*). — Въ 1248 г. Людовикъ

Святой, находясь въ Кипрѣ, получилъ отъ двухъ обманщиковъ подложную грамату, будто отъ Монгольскаго Хана, начальствовавшаго въ Персіи. Онъ отправилъ послѣ того къ Куюку монаховъ, Андрея Лонжюмеля, съ товарищами, и послалъ съ ними походную церковь, мощи, подарки, ибо носился слухъ, что Монголы обращаются въ Христіанство. Монголы приняли все это за дань, и за такую покорность обѣщали Королю Французскому помилованіе, призывая его самого придти въ Хорахорумъ и поклониться Великому Хану. Грамата отвѣтная была такова, что Король *очень раскаявался*, какъ говоритъ Жуанвиль, зачѣмъ посылалъ къ Хану (il se repentit fort quand il y envoya). Но все это не отучило однакожь Людовика, и вообще Христіанъ, посылать къ Монголамъ монаховъ. Въ 1253 году, Рюйсбрёкъ, или Рубруквисъ, былъ посланъ проповѣдывать Христіанство ко Двору Сартака, сына Батыева, ибо дошло извѣстіе, будто Сартакъ принялъ Христіанскую вѣру. Рубруквисъ нашелъ его на три дня пути за Волгою, и пѣлъ передъ нимъ: *Salve Regina*, торжественно, и въ полномъ облаченіи. Сартакъ и жены его съ любопытствомъ осматривали въ это время пришельцевъ, и удивлялись ихъ моленію. Но Сартакъ смѣялся, и отправилъ монаховъ къ Батыю. Выслушавъ слова ихъ, что они пришли проповѣдывать истиннаго Бога, Батый улыбнулся, а окружавшіе его захохотали. Монаховъ отправили къ Мангу. Ихъ принимали всюду съ почестью. Мангу выслушалъ ихъ ласково, и на извиненіе ихъ, что они не принесли ему ни золота, ни серебра въ подарокъ, отвѣчалъ: « Что мнѣ дѣлать съ

«Онъ много подъялъ истомленія за землю Рус-

вашимъ золотомъ и серебромъ! Какъ солнце всюду распространяетъ лучи свои, такъ власть моя всюду простирается.» Онъ дозволилъ Рубруквису безпрепятственно исполнять свое дѣло. При Дворѣ Мангу были тогда Буддисты, Мугаммедане, Несторіяне, Шаманы. Иногда всѣ они приходили поочередно совершать молитвы и обряды при Дворѣ. Въ день Крещенія, жена Мангу пришла въ церковь Несторіянъ, сидѣла въ ней, слушала обѣдню; пришелъ и самъ Мангу, и сѣлъ на диванѣ, передъ алтаремъ. Увидѣвъ Рубруквиса, Мангу велѣлъ и ему пропѣть что нибудь; Рубруквисъ принужденъ былъ пѣть: Veni, Sancte Spiritus. Мангу потомъ ушелъ, а жена его начала пить, вмѣстѣ съ Несторіянскими попами, и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ напились пьяны. Мангу особенно любилъ слушать споры проповѣдниковъ разныхъ вѣръ; но когда Рубруквисъ началъ говорить ему настоятельнѣе, Мангу отвѣчалъ, что «всѣ люди обожаютъ одного и того-же Бога, и всякому свобода обожать его, какъ угодно; благодѣянія-же Божія, равно на всѣхъ изливаемыя, заставляютъ каждаго изъ нихъ думать, будто его вѣра лучше другихъ.» Рубруквисъ обратилъ въ Христіанство нѣсколько человѣкъ; «но я увѣрился», пишетъ онъ, «что Мангу обратилъ-бы я тогда только, когда Господь Богъ даровалъ-бы мнѣ силу дѣлать чудеса, подобно Моисею.» Рубруквисъ привезъ къ Людовику письмо Мангу. Оно начиналось обыкновеннымъ изложеніемъ словъ Темудзина: «Таково повелѣніе Бога вѣчнаго: *единъ Богъ на небесахъ, единъ владыка на землѣ, Чингисъ-Ханъ, сынъ Божій.* Повѣдайте всюду, гдѣ только уши мо-

скую, и положилъ за нее душу свою, » говорили

гутъ слышать, гдѣ только конь можетъ ступить; что если тѣ, къ кому дойдутъ мои повелѣнія, не послушаютъ ихъ, вооружатся, вздумаютъ противиться имъ, то имѣя глаза не узрятъ, имѣя руки не будутъ въ состояніи двигать ими, имѣя ноги не убѣгутъ. Таковы повелѣнія Бога вѣчнаго, и Бога земнаго, владыки Монголовъ. — Мы хотѣли отправить съ вашими монахами (заключаетъ письмо свое Мангу) нашихъ пословъ; но они объяснили намъ, что между нашею и вашею землями много народовъ враждебныхъ и путей опасныхъ, что и заставляетъ ихъ опасаться, могутъ-ли послы наши безопасно достигнуть до васъ. Монахи ваши предложили намъ: поручить имъ отнести наши письма, содержащія повелѣнія наши тебѣ, Королю Людовику. И такъ препровождаемъ черезъ вашихъ монаховъ повелѣнія Бога вѣчнаго. Когда вы услышите ихъ, то вы пришлете пословъ, объявить, хотите-ли вы мира, или войны? Если вы презрите повелѣнія Бога, надѣясь, что земля ваша далеко, что она защищена высокими горами, и морями глубокими и обширными, вѣдайте: Могущій облегчить трудное и приблизить отдаленное, онъ единый знаетъ, что можемъ мы съ вами сдѣлать.» — Путешествіе Рубруквиса любопытно тѣмъ особенно, что онъ долго жилъ у Мангу, Батыя и Сартака, кочевалъ съ ними въ разныхъ мѣстахъ, и болѣе другихъ имѣлъ случай говорить съ ними, и наблюдать ихъ. Онъ пишетъ, что Батый былъ ростомъ съ знакомаго ему Рубруквису *Г-на Бомонта*, и что лицо у него было красновато; что у Мангу былъ носъ сплюснутый (camus) а росту былъ онъ средняго, и

современники, съ почестію похоронивъ его во Владимірскомъ Успенскомъ Соборѣ (144).

проч. — Абель-Ремюза издалъ отдѣльную книгу о сношеніяхъ Христіанскихъ государей съ Монголами: Mémoires sur les relations politiques des Princes Chrétiens, et particulièrement des Rois de France, avec les Empereurs Mongols (Парижъ 1824 г.). Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ рукою этой любопытной книги.

(144) Въ старинныхъ рукописныхъ Святцахъ, онъ былъ включенъ въ ликъ святыхъ (Карамзинъ, IV, пр. 38); супруга его и сынъ Ѳеодоръ (см. *Ист. Р. Н.* Т. III, стр. 327) признаны святыми впослѣдствіи (она покоится въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, подъ именемъ *инокини Евфросиніи*, а Ѳеодоръ въ Софійскомъ соборѣ). Но Ярославъ не удостоенъ сего признанія. Лѣтописи говорятъ, будто Ярославъ былъ въ Ордѣ скрытнымъ образомъ отравленъ, и Плано-Карпини подтверждаетъ тоже. Кажется, не для чего было отравлять скрытно, когда Монголы терзали явно, при малѣйшемъ неудовольствіи, не различая сана. Карпини сказываетъ, что сама мать Куюка отравила Ярослава, ut terram eius liberè ac plenariè possiderent. Но Монголы обладали уже Русью. Въ нашихъ Лѣтописяхъ есть извѣстіе, что какой-то Ѳедоръ Яруновичъ оклеветалъ Ярослава передъ Ханомъ, что онъ за тѣмъ ѣздилъ въ Монголію, оправдался, но умеръ на обратномъ пути *нужною* смертію (*Воскр. Лѣт.* II, 225). Въ *Вол. Лѣт.* именно говорится, что Ярослава отравили (см. прим. 147). Можетъ быть, Карпини передалъ это ложное извѣстіе, ибо онъ на обратномъ пути гостилъ у Даніила на Волыни. Впрочемъ, можно-ли угадать прихоть такого деспота,

окончимъ изображеніе бѣдствій Руси, нашествія Монголовъ, и послѣдовавшаго за тѣмъ женія и покорности Русскихъ земель, извѣмъ о дѣлахъ Даніила Галицкаго.

ладычество Монголовъ ограничилось Кіевомъ, теченіемъ Днѣпра. Даніилъ оказался внѣ дѣловъ власти Батыя, хотѣлъ воспользоться симъ обстоятельствомъ, искалъ всюду ощи, исправлялъ и укрѣплялъ города, бился Литвою, дружился съ Конрадомъ Силезскимъ, угощая дружески проѣзжавшихъ отъ Папы аховъ, обѣщался даже принять Латинскую у, если только Папа защититъ его отъ Монговъ. Монахи принесли сіе извѣстіе къ Папѣ, оворили, что не только Даніилъ, но и Яровъ, котораго видѣли они въ Монголіи, говы покориться его власти. Это произвело жескія сношенія между Даніиломъ и Папою.

обѣихъ сторонъ хитрили и обманывали; идимъ послѣдствія (145). — Въ то время,

---

овы были Монгольскіе Ханы? Пословица: *близъ ря близъ смерти*, такъ, какъ и другая: *гдѣ Царь, мъ и Орда* вѣроятно, дошли до насъ отъ ихъ менъ, ибо слово: *Царь*, должно отнести къ нимъ . Прим. 135).

145) Плано-Карпини говоритъ о Даніилѣ; но ни ва нѣтъ у него о Ярославовомъ согласіи. Однакожъ па писалъ объ этомъ къ Александру Невскому (No-

когда Михаилъ припялъ мученическій вѣнецъ отъ Батыя, безразсудный Ростиславъ, сынъ его, выпросилъ себѣ Венгерскія и Польскія дружины у своего тестя, воевалъ Даніиловы области, былъ разбитъ имъ, ушелъ и снова явился въ 1249 году, съ Венгерцами и Поляками. Вывихнувъ себѣ руку на турнирѣ, Ростиславъ не могъ, если и умѣлъ, управлять своимъ войскомъ, былъ разбитъ снова, и еще разъ бѣжалъ. Даніилъ взялъ въ плѣнъ при семъ случаѣ *прегордаго Филю*, и казнилъ его, вмѣстѣ съ мятежникомъ Володиславомъ. Слѣдственно, главною виною смятеній и походовъ были прежніе Бояре Венгерскіе и Галицкіе (146).

---

bili viro Alexandro, Duci Susdaliensi; См. Райнальдовы, Annal. Ecclec, т. XIII-й) и ссылался на Карпини. Въ сказаніи объ Александрѣ Невскомъ описано посланіе отъ Папы великолѣпнымъ образомъ: что Папа избралъ изъ 21-ти Кардиналовъ двухъ хитрѣйшихъ; что Александръ созвалъ мудрецовъ своихъ, списалъ Папѣ всю Исторію Христіанства, послалъ съ ними, и велѣлъ сказать: « Видишь-ли, что мы все это вѣдаемъ, а потому и ученія твоего не принимаемъ. » Карамзинъ, пользуясь этимъ сказочнымъ повѣствованіемъ, увѣряетъ, что « имя Героя Невскаго, *сдѣлавшись извѣстно въ Европѣ, заставило Папу писать къ Александру*» — проч. и проч. *Ист. Г. Р.* т. IV, стр. 67).

(146) Въ описаніи сей войны, такъ какъ и всѣхъ другихъ событій, *Волынская Лѣтопись* сказываетъ

Но Монголы зорко глядѣли на поступки всѣхъ Князей Русскихъ, и побѣдитель Ростислава

намъ множество мѣстностей, любопытныхъ для наблюдателя, и заставляющихъ сожалѣть, что донынѣ не издана драгоцѣнная Лѣтопись эта, извѣстная только по недостаточнымъ выпискамъ Карамзина. Ростиславъ стоялъ у Ярославля, «строящу ему пороки, гордящуся, и *сотвори игру* предъ градомъ (турниры и ристалища были въ обычаѣ у Венгерцевъ. См. *Ист. Русск. нар.* Т. II, прим. 456) и сразившуся ему съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь, и *вырази* себѣ плечо, и не на добро случися ему знаменіе» . . . Въ то-же время надъ войскомъ Даніила «пришедшимъ орломъ и ворономъ многимъ, яко оболоку велику, играющимъ-же орломъ и клекочущимъ, и плавающимъ крилы своими, и воспрометающимъ-же ся на воздусѣ, и се знаменіе на добро бысть« . . . Поляки шли на Даніила, съ пѣніемъ: *Господи помилуй!* Фильній говорилъ: *Руси тщивы суть на брань; стерпимъ устремленіе ихъ, нестерпими-бо суть на долго время на сѣчи.* » — Въ первомъ походѣ Ростиславъ послалъ Боярина Константина, снестись съ Владыкою Перемышльскимъ; Даніилъ отправилъ Воеводу разогнать ихъ, но Даніиловъ Воевода не засталъ уже Константина — « не *удоси* его, но *удоси* Владыку, и слуги его гордые разграби, и *тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицы ихъ волчьи и барсуковые раздраны быша, яко словутнаго пѣвца Митусу древле*—какъ говорилъ словутный пѣвецъ Митусъ древле — такъ понимаемъ мы сіи слова. Вотъ еще имя одного пѣвца къ Боянову! Лѣтописецъ могъ привести слова изъ Поэмы. Предки наши также любили

получилъ рѣшительный вопросъ: ѣдетъ-ли онъ къ Царю и повелителю Русскихъ земель, или хочетъ видѣть изгнаніе свое изъ Галича? — Долго грустивъ съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Даніилъ отвѣчалъ наконецъ: ѣду, и отправился; мимоѣздомъ отслуживъ молебенъ въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ, онъ явился къ Хану Куремшѣ, начальнику Монголовъ, жив-

---

повторять, что имъ нравилось, какъ мы повторяемъ цитаты изъ своихъ поэтовъ. На одномъ пергаментномъ Апостолѣ (Синод. Библ. № 19-й) подписано: «Сіи-же Апостолъ книгы вда Св. Пантелеймону Изосимъ, Игуменъ сего монастыря (монастырь сей былъ близъ Пскова на рѣкѣ Черехѣ). Сего-же лѣта бысть бой на Русской земли Михаилу съ Юрьемъ о княженье Новогородское (въ 1318 году). При сихъ Князехъ *сѣяшется и растяше усобицами, гыняше* жизнь наша въ Князехъ, которыи *вѣци сократишася человѣцомъ.*» Нужно-ли сказывать, откуда взяты слова сіи? Слѣдственно, *Слово о полку Игоревомъ* было тогда извѣстно, за 500 лѣтъ до изданія его. Вотъ важное свидѣтельство его достовѣрности. Любопытно-бы разыскать: изъ какого монастыря достался Графу Мусину-Пушкину Сборникъ, гдѣ находился списокъ *Слова.* Въ набѣгѣ Литовцевъ 1246 г. убитъ былъ Князь Литовскій Скомондъ, «и бѣ Скомондъ поганый волхвъ,» прибавляетъ Лѣтописецъ, «кобникъ нарочитъ, борзъ бѣ яко звѣрь, пѣшъ бо ходя повоева страну Пинскую, и ины страны, и убіенъ бысть, и глава его взоткнена на колъ.»

шему въ Каневѣ. Здѣсь, съ горестью видѣлъ онъ въ первый разъ униженіе Князей, и, что всего болѣе страшило Христіанъ, поклоненіе тѣни Чингисъ-Хана. Хитрою уловкою отдѣлался Даніилъ отъ сего поклоненія передъ Батыемъ. « Князь Даніилъ ! зачѣмъ такъ долго медлилъ ты прійдти ко мнѣ? » сказалъ ему Батый. « Но, хотя поздно пришелъ ты, я радъ. Пьешь-ли наше питье, кумысъ, кобылье молоко ?» Кланяясь униженно — До сихъ поръ не пивалъ еще — отвѣчалъ Даніилъ — но стану пить, если угодно Хану. —« Ты нашъ теперь; не льзя не пить кумыса, » примолвилъ Батый. И Даніилъ принужденъ былъ почтительно принять питье отвратительное. Но Батый только шутилъ, и сказалъ Даніилу: « Знаю что вы, Руссы, не привыкли къ кумысу, и пришлю тебѣ вина. » Даніилъ просилъ послѣ сего позволенія идти и поклониться Ханьшѣ Барикчинѣ, и былъ милостиво обласканъ и привѣтствованъ Батыемъ. Возвратясь во свояси, онъ гордился именемъ друга Батыева, и это доставило ему большое уваженіе въ Польшѣ и Венгріи. « Но злѣе бѣды злая почесть Татарская ! » говорили современники. « Даніилъ, сей Князь столь знаменитый, принужденъ былъ въ Ордѣ кланяться, стоя на колѣняхъ, называть себя холопомъ поганыхъ, давать имъ дань, и притомъ трепетать ежеминутно за жизнь свою. Нѣтъ конца злобѣ пога-

ныхъ!» Даніилъ пробылъ въ Ордѣ 25 дней, и вывезъ съ собою позволеніе Батыя владѣть Галичемъ и Волынью (147).

---

(147) Изъ Кіева ѣхалъ Даніилъ водою до Переяславля. « Оттуда-же ѣха къ Куремши, и видѣ яко нѣсть у нихъ добра; оттуда-же больма нача скорбѣти, видя скверныя ихъ кудешская бляденья, и Чигызканова мечтанія, скверная его кровопитія. Приходящіе Цари, и Князи, и вельможи, солнцу, и лунѣ, и землѣ, и *дьяволу*, и умершимъ во адѣ отцамъ ихъ, и дѣдамъ, и матерямъ, водяще около куста, покланятися имъ.» Слова Батыя: « Данило! чему еси давно не пришелъ? А нынѣ, иже еси пришелъ, а то добро-же. Піеши-ли черное молоко, наше питіе, кобылій кумузъ?» — Доселѣ есмь не пилъ; но же ты велишь, пію. — « Ты уже нашъ Татаринъ — пій наше питіе». — И присла Батый вина *чюмъ*, и рече: « Не обыкли пити молока. « — О'злѣе зла честь Татарская! Даниловы, бывшу Князю велику, нынѣ сѣдитъ на колѣну, и холопомъ называютъ его, и дани хотятъ, живота нечаетъ . . . злобѣ ихъ нѣсть конца. Ярослава Суждальскаго *зеліемъ умориша*, и иніи мнози Князи избіени быша.» — (*Вол. Лѣт.*, Карамзинъ т. IV, пр. 45).

ГЛАВА II.

Исторія Европы такъ-же отлична отъ Исторіи Азіи, какъ различна Природа въ сихъ двухъ частяхъ Свѣта. Азія, огромная, могущественная физическими силами, первобытная образованіемъ — не сущая-ли противоположность Европѣ, малой объемомъ, бѣдной физическими силами, поздней по образованію? Но, справедливо называя Европу, въ географическомъ отношеніи, *окончаніемъ Азійскаго материка* (148), также справедливо можемъ назвать ее окончаніемъ Азіи *въ умственномъ и въ общественномъ отношеніи*. Посему Азія, будучи первоначальною во всемъ, сохраняетъ въ своей Исторіи характеръ только первоначальныхъ, исполинскихъ переворотовъ, тѣхъ, когда дѣйствія бываютъ быстры, громадны, когда исчезаетъ всякая подробность, и все потомъ, не достигая окончательной, такъ сказать, отдѣлки, застываетъ послѣ страшнаго взрыва и ожидаетъ новаго взрыва, долженствующаго снова перевернуть и пере-

---

(148) Мысль Гумбольдта. См. Fragmens Asiatiques (или *Тел.* 1832 г. ч. XVI стр. 19).

топить охладѣлыя громады. Такъ нынѣ въ нѣдрахъ Азіи лежатъ окаменѣлые лучи солнца въ гнѣздахъ алмазовъ, и громады золота и серебра разсыпаны въ горахъ и пескахъ ея, какъ слѣды необыкновенныхъ переворотовъ Природы (149). Въ то-же время, растительное царство Азіи: дремучіе лѣса Сибири, высокія пальмы Индіи, ужасающее плодотвореніе Юга Азійскаго, показываютъ намъ остатки первобытныхъ силъ Природы (150). Не то-ли самое видимъ въ обширныхъ царствахъ Азіи, отличенныхъ родовымъ типомъ? Таковы: Китай, Индія, Монголія, Персія, Аравія, дремлющія, окаменѣлыя подъ властію чуждыхъ племенъ. Какъ искуство человѣка овладѣваетъ развалинами Природы, такъ на нравственныхъ развалинахъ, остаткахъ великихъ переворотовъ, видно мѣлкое политическое произрастаніе: власть Манджура произ-

---

(149). Мысль, что алмазъ окаменѣвшій лучъ солнца, есть не только поэтическая мысль: и Геологи не отвергаютъ ея. Необъятнаго количества золота, открытаго въ пескахъ Сибирскихъ, до сихъ поръ Геологи не могутъ изъяснить ничѣмъ, кромѣ сильныхъ до-историческихъ переворотовъ природы.

(150) См. Мишеле, превосходно изложившаго свойства природы Азійской, въ Introd. à l'histoire universelle (отрывокъ въ *Телеграфѣ*, 1833 г. т. XLIX, стр. 3, и слѣд.

растаетъ на громадѣ Китая и Монголіи; власть Турка на родѣ Аравитянъ; власть Британца на Индіи.

Всегда такова была Исторія Азіи: взрывъ, переворотъ, охладѣніе, окаменѣніе переворотченныхъ громадъ, и усиленная дѣятельность мѣлкаго произрастанія на остаткахъ великаго переворота. Такова была Исторія и Монгольскаго политическаго взрыва и переворота (151).

Совершенная разница въ Исторіи Европы. И здѣсь, древнему и новому міру были началомъ перевороты сильные — переселеніе Германцевъ, Славянъ и Пелазговъ въ древнія времена; потомъ соединеніе нравственныхъ силъ въ Римѣ; движеніе народовъ въ Среднія Времена, и соединеніе политической жизни на Западѣ въ Имперіи Карла Великаго. Но, что огромность сихъ переворотовъ всравненіи съ Азійскими! И притомъ, не походили-ль сіи перевороты на бурный потокъ, который разливался, останавливался, проникалъ въ землю, и исчезалъ въ ней, оплодотворивъ только нѣдра ея, когда поверхность осушалась въ то-же время лучами солнца—духа человѣческаго, и снова начинала прозябать и жить, измѣнивъ только прежнія формы, и получивъ новую

---

(151) См. выше, стр. 25—30.

внутреннюю силу. Исторія Европы малой внѣшностью, вещественностью, велика внутреннимъ достоинствомъ, духомъ: это Исторія *Человѣка*-собственно; Исторія Азіи была и есть Исторія *Природы*-собственно. Великая вещественностью, внѣшностью, Азія сохраняла и сохраняетъ неподвижность духа и общественности своей, придавая только имъ обширный объемъ. Неизмѣнно коснѣетъ духъ ея, какъ неизмѣнна Азія въ Природѣ; только колеблется, передвигается она, вдругъ и мгновенно, для новой, вѣковой неподвижности. Человѣкъ живетъ въ Природѣ. Природа все начинаетъ, но оканчиваетъ Человѣкъ.

Быстрое, огромное появленіе царства, основаннаго на силѣ меча; обширный объемъ земель и народовъ, падшихъ подъ его могущество; осѣдлость новыхъ завоевателей, распаденіе ихъ на части; отдѣльное образованіе самобытности каждой части, заимствованное изъ прежней мѣстности, на которой осѣдлость ея утвердилась; наконецъ, возстаніе и побѣда надъ новыми побѣдителями прежнихъ туземцевъ, не мечами, но языкомъ, нравами, обычаями, общественнымъ устройствомъ. Вотъ Исторія Турковъ, Манджуровъ, Сарацыновъ, Паравянъ, Персовъ, Вавилонянъ, и — Монголовъ. Обозрѣвая Исторію сихъ послѣднихъ, послѣ общаго

предварительнаго взгляда на Азію, мы находимъ ее понятною во всѣхъ ея измѣненіяхъ (152).

Имя *Монголовъ* (или *Татаръ*, какъ назвали ихъ иноплеменники) было собирательнымъ названіемъ полчищъ Темудзина. Варвары, которыхъ воля его влачила изъ одного царства въ другое, не были малочисленные, безвѣстные Монголы, родичи побѣдителя, послужившіе основаніемъ его могущества. Они состояли изъ побѣжденныхъ, и постепенно собранныхъ подъ знамена Чингисовы народовъ. Турокъ стоялъ подлѣ природнаго Монгола, Рускій подлѣ Китайца, Индіецъ подлѣ Половца, Персъ подлѣ Венгерца въ рядахъ воиновъ Темудзина (153). Всѣ сіи варвары, лишенные религіи, нравовъ, будущаго, вдругъ остановились по волѣ судебъ, и покрыли собою пространство земель, отъ Кореи до Волги, отъ Инда до Сибири.

---

(152) Слич. Геерена, *Ideen*, etc. Онъ глубокомысленно изъясняетъ сущность Азійской Исторіи.

(153) См. выше, стр. 44, прим. 45. При осадѣ Персидскихъ крѣпостей были у Темудзина Китайцы. Половцы исчезли, слившись съ Монголами совершенно; то же сдѣлалось съ бродящими толпами народовъ, каковы были: *Берендеи*, *Черные Клобуки*, *Торки*, остатки Канголовъ, или *Печенѣговъ*, и проч.

Центръ общаго ихъ соединенія, Улусъ Чингисъ-Хана, долженъ былъ ослабѣть послѣ смерти Темудзина уже и потому, что *четыре* разныя точки сосредоточили силы окрестъ себя, въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, лишая могущества главную точку ихъ опоры (154).

Воины Монгольскіе были въ такомъ-же отношеніи къ мирнымъ жителямъ странъ, въ какомъ сами они находились къ своимъ повелителямъ. Отъ того возникали опасеніе, крамола, недовѣрчивость и измѣна между воиномъ и мирнымъ жителемъ той страны, гдѣ онъ кочевалъ. Туземецъ хотѣлъ овладѣть своимъ повелителемъ, и оружію воина противопоставлялъ другія преимущества, коихъ лишенъ былъ воинъ. Нечувствительно, грозный военный деспотизмъ Монголовъ увлекался удобствами мирной жизни; воинъ начиналъ чувствовать необходимость Искуства, Художествъ; привыкалъ къ языку, нравамъ, обычаямъ туземца; роднился съ нимъ, и такимъ образомъ разъединялась дикая общность, какою были соединены безродные варвары Чин-

(154) Т. е. дѣленіе четыремъ сыновьямъ Темудзина: *Чухи* (отъ него *Батый* и братья его), *Чагатаю* (отъ него властители Самарканды, и *Тимуръ*, или Тамерланъ), *Оготаю* (отъ него Куюкъ, Великій Ханъ), *Тулую* (отъ него Мангу, Хубилай, Гулагу). См. выше, стр. 65.

гисовы; мечи ихъ притуплялись; повелители ихъ, изъ полководцевъ главнаго Хана дѣлались сами частными Государями; Дворъ замѣнялъ воинскій таборъ; вельможа смѣнялъ воеводу; являлись различныя національности. Наконецъ, мѣстность, языкъ, общественное образованіе, разность религій, произвели то, что Монголъ въ Чагатайскомъ Туркѣ, а Монгольскій Китаецъ въ Кипчацкомъ Ордынцѣ не узнавали своихъ прежнихъ родичей.

Случайныя обстоятельства — лучше сказать, вѣрныя опредѣленія таинственнаго Промысла (ибо передъ нимъ нѣтъ случаевъ: они существуютъ только для близорукости человѣческой) споспѣшествовали тому, что само по себѣ, неминуемо, долженствовало произойдти изъ политической и нравственной сущности Монгольской силы. Недолговѣченъ былъ *Огатай*; Чучи, Тулуй и Чагатай умерли прежде его; *Куюкъ*, сынъ Огатая, властвовалъ только два года; *Мангу*, сынъ Тулуя, избранный въ 1251-мъ году, владѣлъ только девять лѣтъ. *Хубилай*, братъ его, вступивъ немедленно на престолъ Мангу (въ 1260 году), не требовалъ уже общаго согласія Монгольскихъ Государей. Воспитанный въ Китаѣ, онъ и былъ уже не кочевой Ханъ Монгольскій, но Богдыханъ Китайскій. Самовольное вступленіе его на престолъ Монголіи и Китая, произвело самовластное отдѣленіе другихъ Мон-

гольскихъ государствъ: Персіи, гдѣ царствовалъ Гулагу, третій сынъ Тулуя, царства Чагатайскаго, гдѣ властвовали потомки втораго сына Темудзинова, наконецъ странъ, подвластныхъ потомкамъ Чучи. Не было междоусобій между Хубилаемъ и его родными; онъ даже считался повелителемъ всѣхъ странъ, какими прежде его владѣли Огогай и Мангу; но, говоря собственно, онъ былъ властитель *только Китая и Монголіи.* Еще болѣе отдалился онъ тѣмъ, что въ теченіе тридцати-лѣтняго царствованія своего, перенесъ столицу свою въ Пекинъ, принялъ Буддійскую вѣру; даже, по обычаю Китайцевъ, переименовалъ народъ свой, оставивъ имя Монголовъ. Дѣти Хубилая и не думали уже о всеобщемъ владычествѣ, вдаваясь въ роскошь и нѣгу: черезъ *сто сорокъ лѣтъ* послѣ кончины Темудзиновой, съ презрѣніемъ выгнаны были потомки его изъ Китая, и бѣжали въ кочевую Монголію, которая не измѣняла своего древняго быта. Давъ властителей полуміру, она представляетъ донынѣ туземцевъ своихъ такими, каковы были они за пять вѣковъ. Съ XVII-го вѣка Монголія была уже подвластна Китаю; въ половинѣ XVIII-го исчезла послѣдняя тѣнь ея независимости (155).

---

(155) Китайцы переименовываютъ страну свою при каждомъ новомъ царствованіи. Хубилай принялъ на-

Не болѣе продолжались всѣ другія Монгольскія царства. Отвергнувъ власть Хубилая, Гулагу сдѣлался сильнымъ властителемъ Персіи и Малой Азіи, грозою Халифовъ и основателемъ Иранской династіи Чингизидовъ. Въ началѣ XIV-го вѣка, послѣ кончины Казана, славнѣйшаго изъ потомковъ Гулагу, Иранъ явился жертвою междоусобій. Тогда-же, потомки ордъ Гелаледдина Ховарезмскаго, нѣкогда усильно боровшагося съ Темудзиномъ, и Оготаемъ, возстали подъ именемъ *Оттомановъ*, и Малая Азія пала подъ ихъ владычество (156). — Чагатай-

---

званіе: *Юань*. См. очеркъ Исторіи Монгольскихъ Государей въ Китаѣ, у О. Іакинѳа (*Записки о Монголіи*, ч. II, 183—194, и Оссона, H. des M. Кн. III, глава 3-я). *Чжуньгарія* поддалась Китаю послѣдняя изъ Монгольскихъ областей, въ 1760-мъ году. Сличая описанія О. Іакинѳа, Г-на Тимковскаго, и другихъ путешественниковъ, видите Монголію нынѣшнюю, въ нравахъ, понятіяхъ, образѣ жизни, совершенно такою, какова она была до Темудзина; только Буддійская вѣра отличаетъ древнее отъ современнаго намъ.

(156) Надобно помнить, что *Турки* было имя собирательное (см. пр. 60). О Гелаледдинѣ, см. стр. 60, 61, 66. Онъ не покорился Монголамъ (См. о войнахъ его, Оссона, кн. I, глава 6), и погибъ наконецъ, сражаясь съ ними въ горахъ Курдистана. Часть ордъ его поддалась Султану Иконійскому. *Солиманъ-Шахъ*, *Ортогрулъ*, сынъ его, и *Отманъ*, внукъ, были по-

ская династія Чингисовъ была уже ничтожна въ половинѣ XIV-го вѣка; грозный Тимуръ, изъ раба сдѣлался властителемъ, и смѣнилъ потомковъ Темудзиновыхъ на Самаркандскомъ тронѣ.

Обращаясь къ царству *Золотой Орды*, или Батыеву, мы находимъ однообразный жребій его съ другими Монгольскими царствами: измѣненіе воинственныхъ нравовъ и обычаевъ въ новую полуварварскую осѣдлость и самобытность; отпаденіе отъ главной Монгольской Орды со временъ Хубилая; быстрое смѣненіе и погибель Хановъ, одного за другимъ; междоусобія, отдѣленіе, отпаденіе частей; возстаніе новыхъ

вëлителями ихъ. Отманъ, или *Оттоманъ*, по имени коего названо было отдѣльное государство, имъ основанное въ Малой Азіи, былъ родоначальникъ *Оттомановъ*, съ именемъ коихъ сливается нынѣ понятіе о *Туркахъ*, побѣдителяхъ Греціи и владыкахъ Царяграда. *Орханъ* наслѣдовалъ Отману (1326 г.). Въ 1341 г. Оттоманы явились въ Европѣ. — Послѣ Орхана властвовалъ *Амуратъ* (1360 г.), основавшійся въ Адріанополѣ, и учредившій *Яныгаровъ*; потомъ *Баязетъ*, ужаснувъ Европу битвою подъ Никополемъ (1396 г.) принялъ имя Султана, и погибъ подъ мечемъ Тимура. Но царство Оттомановъ не погибло, и покоривъ наконецъ Царьградъ, было страшилищемъ Европы до половины XVIII-го столѣтія, когда владычества Монголовъ нигдѣ уже и слѣда не оставалось.

царствъ; освобожденіе побѣжденныхъ народовъ; всѣ ужасы тайной крамолы при Дворѣ; измѣненіе, даже, переименованіе изъ Монголовъ въ Турковъ; забвеніе роднаго языка; принятіе новой религіи. Въ началѣ XIV-го вѣка, уже не было *Монгольскаго Батыева царства*: было *нѣсколько Турецкихъ царствъ*, исповѣдывавшихъ Мугаммеданскую вѣру, и взаимно враждовавшихъ между собою. Они были ниспровергнуты въ основаніи силою Тимура, въ концѣ XIV-го вѣка (157).

---

(157) Исторію Чагатайскихъ Монголовъ см. у Абулгази, Histoire des Tatars, ч. V. — О Тимурѣ, сдѣлавшемъ новую эпоху въ Исторіи Средней Азіи, см. *Ист. Русск. народа*, т. V, глава 4-я. — Трудно опредѣлить число и имена братьевъ Батыевыхъ, а также дѣленіе между ними Монгольскихъ ордъ. Выше (стр. 66) мы упоминали имена: *Орда, Шибанъ, Танекутъ*: такъ у Оссона (ч. II, стр. 379). Потомъ является у того-же Автора *Берку* (Barcai, ч. II, стр. 558). Кто изъ братьевъ Батыя оставался за Волгою? Къ сожалѣнію, Оссонъ не кончилъ еще втораго тома своей *Исторіи Монголовъ*, гдѣ предполагаетъ описать царство потомковъ Гулагу, Чучи и Чагатая. У всѣхъ другихъ Историковъ является большая путаница. Примѣры: Ланглесъ исчисляетъ только четырехъ сыновей Чучи: *Батыя, Иджана, Шейбани, Беркеа*; Г-нъ Бутковъ (коего сочиненіемъ, помѣщеннымъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1824 г., мы пользовались съ особенною признательностію къ Автору) говоритъ,

Сколь великія, чудныя виденія (какъ иначе назвать событія Исторіи Монгольской?), въ теченіе, менѣе нежели двухъ столѣтій! И нынѣ, подобно тому, какъ слѣдовъ силы Рима и Искуствъ Эллады тщетно ищетъ странникъ въ развалинахъ Папской Области и обломкахъ Мореи, такъ тщетно вопрошаетъ наблюдатель у безсмысленныхъ потомковъ Чингисъ-Хана, о грозѣ, силѣ, могуществѣ предковъ ихъ! Новые царства: Китай, Персія, Афганистанъ, Турція, Египетъ, Россія, или мѣлкіе властители Маваренагара и Хивы, находятся на мѣстахъ, гдѣ вѣялись побѣдные бунчуки Чингиса. Память ордъ его сохраняется въ подвластныхъ другимъ, ничтожныхъ племенахъ Киргизовъ, Тайджиковъ, Калмыковъ; мѣсто родины его, по прежнему, покрыто мѣлкимъ кочевьемъ Монгольскихъ племенъ, и только угрюмая тѣнь его на безвѣстной могилѣ тревожитъ еще иногда память ихъ, и является въ баснословномъ разсказѣ, когда, въ продолжительную зимнюю ночь, Бурятъ, или

слѣдуя Абулгази, о *Батыѣ*, *Беркѣ*, *Менгу-Темирѣ*, *Шейбанѣ*, *Тагай-Тимурѣ*. Но гдѣ-же *Орда* и *Бури* (по Карпини *Орду* и *Бора*; по нашимъ Лѣтописямъ *Урдюй* и *Бюрюй*)? Дальнѣйшее дѣленіе Золотой Орды мы будемъ излагать постепенно, слѣдуя за событіями.

Калмыкъ, задумчиво куритъ свой чубукъ въ кочевомъ шатрѣ своемъ (158)...

Здѣсь оканчиваемъ мы вводное повѣствованіе о Монголахъ; будемъ еще касаться общей ихъ Исторіи, когда она сблизится съ Исторіею Рускаго народа, но подробнѣе послѣдуемъ за событіями въ Золотой Ордѣ и ея частяхъ, ибо до половины XVI-го вѣка, когда взята была Казань, Исторія самой Золотой Орды соединяется съ Русскою. Только въ половинѣ XVIII-го вѣка, когда послѣдняя отрасль Монголовъ — *Крымъ*, взята Россіею, совершенно исчезаютъ Историческіе слѣды потомковъ Чингиса изъ нашей Исторіи (159).

---

(158) Въ развалины древнихъ своихъ городовъ, Калмыки и Татары приходятъ поклоняться, думая, что въ нихъ жили и погребены Святые (см. для примѣра, о Сараѣ, пр. 117). Памятники, воздвигнутые Монголами въ воспоминаніе побѣдъ, у потомковъ ихъ почитаются волшебными талисманами, охраняющими отъ злыхъ духовъ. Иногда, разсказывая сказки, Бурятъ или Калмыкъ, вспоминаетъ о Чингисъ-Ханѣ, и слушатель различаетъ въ сказкѣ слѣды историческіе. Преданіе, что тѣнь Темудзина является и воетъ бурею на могилѣ его, есть общее между Монгольскими племенами.

(159) До совершеннаго покоренія Крыма Рускими, продолжались набѣги Татаръ Крымскихъ, и мы еще

Мы видѣли, что Батый, воротясь изъ Венгріи, основалъ съ 1243-го года свое пребываніе на берегахъ Волги, и не думалъ болѣе идти войною на Западъ, распространивъ кочевья свои до Днѣпра и береговъ Чернаго и Каспійскаго морей. Русскія области объявилъ онъ своими, подвластными ему областями, и сдѣлалъ Русскихъ Князей данниками. Но онъ не распространилъ ордъ своихъ на Русскій Сѣверъ. Два важные вопроса представляются намъ: что̀ было причиною остановки Батыя спокойствія, какое даровалъ онъ Европѣ? Далѣе, почему не велѣлъ онъ закочевать ордамъ своимъ въ самый глубокій Сѣверъ, до береговъ Балтійскихъ? Здѣсь любопытно сообразить: что̀ могло-бъ быть, если-бы сіе случилось? — Тѣмъ важнѣе сіи вопросы и изслѣдованія, что съ рѣшеніемъ ихъ соединяется основаніе грядущей Исторіи Русской, до самаго окончанія Монгольскаго періода, и сущность всѣхъ политическихъ отношеній Руси къ Монголамъ.

Конечно, не робость, не опасеніе неуспѣха удержали на Волгѣ сына Чучіева. Силъ у него достало-бы сломить Западную Европу, и прежній походъ его былъ вѣрнымъ ручательствомъ

знали стариковъ, которые бывали въ плѣну у нихъ. Какъ быстро измѣнились всѣ обстоятельства послѣ того!

новыхъ побѣдъ и завоеваній. Также, не въ утомленіи душевныхъ и тѣлесныхъ силъ Батыя, не въ разслабленіи духа его можно полагать причину его мирности. Еще старость была отъ него далека, а рука его крѣпко держала бразды власти. Кажется, что мысль честолюбивая— со временемъ приблизиться къ трону Чингисъ-Хана и возсѣсть на него, занимала Батыя. Только придворная крамола и близость къ центру владычества возвели Куюка на тронъ дѣдовскій. Въ тоже время Батый могъ предполагать, что онъ былъ не безопасенъ въ своемъ владѣніи, враждуя съ Куюкомъ. Вспомнимъ, что Куюкъ хотѣлъ совершить походъ на Западъ; но онъ не приглашалъ къ сему Батыя и рѣшался идти самъ. Возставъ явно, Батый отваживался на борьбу неравную; оставивъ Волжскіе свои улусы и двинувшись на Западъ, онъ могъ все потерять отъ напора Куюкова къ Волгѣ. Въ сей нерѣшительности, смерть постигла Куюка; Мангу возведенъ былъ на тронъ Чингисъ-Хана; междоусобная крамола терзала Дворъ сего властителя Монгольскаго; Мангу истребилъ потомковъ старшаго рода, Огопаева. Батый не могъ возстать и преодолѣть Мангу; но онъ былъ первою виною гибели Оготаевыхъ потомковъ (160). Послѣ сего Батый сдѣлался подчи-

(160) См. Оссона, H. des M. ч. II, глава 4.

ненъ силѣ умнаго Мангу, смѣло посылавшаго братьевъ своихъ, Хубилая на Востокъ, Гулагу на Юго-Западъ, и бывшаго Государемъ строгимъ, умнымъ, трезвымъ, суровымъ. Онъ повелѣвалъ Батыемъ, и требовалъ у него отчета во всѣхъ мѣлкихъ подробностяхъ (161). На курилтаѣ 1256-го года, Сартакъ, сынъ Батыевъ, узналъ о кончинѣ отца своего. Историки говорятъ притомъ согласно, что Батый, прозванный *Саинъ-Ханомъ*, или *добрымъ Ханомъ*, былъ точно добръ и незлобивъ (162). Мангу отдалъ власть его Сартаку. Возвращаясь на Волгу умеръ Сартакъ; наслѣдство перешло въ руки матери его, Ханыши Баракчины, управлявшей именемъ малолѣтнаго внука Улавчи (163). Берку, братъ Батыя, соправитель Улавчія, властвовалъ послѣ сего внука Батыева, рано умершаго. Раздоры Волжской Орды усилились въ сіе время; особливо

---

(161) Напримѣръ, Мангу послалъ обложить поголовною податью Рускихъ. См. далѣе.

(162) Оссонъ, H. des M. ч. II, стр. 556.

(163) Оссонъ, ч. II, стр. 558. — Имя *Улавчи* находимъ въ нашихъ Лѣтописяхъ подъ 1257 и 1258 г. — Думая, что Берку былъ наслѣдникъ Сартака, Карамзинъ называетъ Улавчи его *Намѣстникомъ*. Но Лѣтописи наши говорятъ положительно, *не о Берку*, но *объ Улавчи*, какъ царѣ Монгольскомъ (см, Ист. Г. Р. т. IV, прим. 94. 96.

Ногай, повелитель ордъ при Черномъ морѣ, самобытно началъ владѣть, противился Берку и Менгу-Темиру, третьему сыну Чучіеву, наслѣднику Берки, умершаго въ 1266-мъ году. Ногай вошелъ въ союзъ съ Греческими Императорами, отнявшими уже тогда Царьградъ у Латиновъ (въ 1261 г.) и угрожаемыми силою Персидскихъ Монголовъ и Оттомановъ, распространявшихся въ Малой Азіи. Онъ женился на дочери Палеолога, и былъ одною изъ причинъ кровопролитныхъ битвъ съ Азійскими своими родичами, черезъ Кавказскій перешеекъ. Увидимъ подробности сихъ событій. Междоусобія и дѣленія разрушали послѣ того царство Батыево безпрерывно; Ханы дѣлились, возставали, гибли, вмѣстѣ съ тысячами своихъ подвластныхъ. Черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ Батыя, Тимуръ оканчивалъ уже Исторію Золотой Орды, и предавалъ мощь Хановъ ея, терзавшихъ другъ друга, *вѣтру истребленія* (164).

---

(164) Слова Тимура. Г-нъ Бутковъ полагаетъ, что *Ногаемъ* называли младшаго брата Батыева, *Тагай-Тимура*.—Выдачу дочерей и родственницъ своихъ за варварскихъ Хановъ и Султановъ, Греческіе Императоры почитали однимъ изъ лучшихъ средствъ своего спасенія, придавая симъ постыднымъ и беззаконнымъ союзамъ имя супружествъ. Наконецъ униженіе дошло до того, что нарочно воспитывали при Дворѣ Греческомъ благородныхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, и отдавали

Вотъ причины, кажется, достовѣрныя, извлекаемыя изъ разсмотрѣнія сущности событій Монгольской Исторіи, и поясняющія намъ первый вопросъ: что было причиною остановки Монголовъ на Волгѣ, и прекращенія походовъ ихъ на Западъ? Рѣшеніе сего вопроса поясняетъ другой, разрѣшаемый прибавленіемъ нѣкоторыхъ частныхъ подробностей.

Сосредоточиваясь на Волгѣ, Батый и преемники его обращали вниманіе на Востокъ. Они заняли притомъ всѣ раздольныя степи Половецкія, придвинулись къ цвѣтущимъ берегамъ Чернаго моря, и къ изобильному приморью Ка-

---

ихъ въ наложницы вельможамъ Турецкимъ и Монгольскимъ, украшая сію отвратительную торговлю также именемъ супружества. За Ногаемъ была Евфросинія, побочная дочь Михаила Палеолога; сестра ея была за Абакомъ, Государемъ Персіи; Марія, дочь Андроника Старшаго, выдана была за Тохтагу; дочь Андроника Младшаго была за Казаномъ, славнымъ Царемъ Персидскимъ; сестра сего Императора, Марія, за братомъ Казана, Харпантомъ; а за Хана Золотой Орды, Узбека, выдали другую дочь Императора. Когда Орханъ Оттоманскій потребовалъ себѣ дочери Императора Кантакузина, это почли даже великою почестью. Какъ рабство унижаетъ духъ и понятія! Вспомнимъ, что думали и говорили Греки, отдавая за Владиміра Анну!

стійскому. Что могло привлекать ихъ въ отдаленный, бѣдный Сѣверъ, покрытый лѣсами и болотами, когда политическія выгоды требовали притомъ сторожи Востока, и когда властители бѣднаго, мрачнаго Сѣвера покорствовали имъ, трепетали слова ихъ, несли имъ дань, являлись раболѣпствовать въ Ордѣ, не могли быть опасны, раздираемые междоусобіемъ, и были низлагаемы, умерщвляемы по первому слову Хана? Баскакъ, и даже простой Монголъ, казались властителями въ отдаленномъ Новгородѣ, и по первому знаку Хана, даже ничтожнаго вельможи Ханскаго, имѣніе и жизнь данниковъ Русскихъ принадлежали Монголу. Если-бы предвидѣла Орда Батыева будущую участь свою, предвидѣла, что бѣдные, жалкіе данники ихъ, Руссы, наложатъ нѣкогда руку на выю потомковъ ея, тогда могла-бы исчезнуть совершенно самобытность Руссовъ, по мановенію Монгольскому. Монголы узнали сіе впослѣдствіи, и хотѣли предупредить будущія бѣдствія: но начало величія Руси было только укрѣпляемо кровію мучениковъ; Орда такъ уже ослабѣла, такъ волновалась крамолою и междоусобіемъ, что рѣшительное истребленіе Руси было для нея невозможно. Напрасно собралъ потомъ для сего Мамай всѣ возможныя полчища; напрасно неутомимый Тохтамышъ и отважный Эдигей думали воротить прежнее—

оно было невозвратимо. Нашествія Монголовъ обращались въ набѣги; покоренія дѣлались простыми грабежами; крамола и золото ломали мечъ Монгольскій, въ половинѣ XV-го вѣка Русь пересилила и уничтожила остатки Батыева царства, плававшіе въ собственной своей крови.

Съ перваго пріѣзда Ярослава Ярославича къ Батыю, Русь поступила въ число подвластныхъ Золотой Ордѣ областей. Она обязывалась совершеннымъ повиновеніемъ Монголамъ; Князья Русскіе считались рабами Великаго Царя, Хана Золотой Орды; они долженствовали являться ко Двору его; посылать дружины свои по повелѣнію Царя Ордынскаго; на головы людей и на всѣ имѣнія и жилища ихъ, наложена была подать; всѣ распри Князей Русскихъ долженствовали быть рѣшаемы непремѣняемымъ судомъ Хана; монета Русская заклеймена была Татарскою надписью, и торги производились только по Ханской грамотѣ (165).

---

(165) Мы подробно изъяснимъ впослѣдствіи разные роды налоговъ, податей и пошлинъ, какіе взносимы были отъ Рускихъ Монголамъ. *Тамга* значила собственно знакъ, бывшій на Монгольскихъ монетахъ, вообще клеймо Ханское, или *тавро* (см. Френа, *Монеты Хановъ Плуса Джучіева*, Спб. 1832 г.); потомъ названъ былъ симъ именемъ особый сборъ (въ *Новгородской Лѣт.* 1257-й г., іюначала послы просити

Зломъ неизбѣжнымъ при подобномъ рабствѣ, всего болѣе терзавшимъ Русь, какъ прежде терзали ее кровавыя распри междоусобій, были тѣ-же самыя междоусобія, только принявшія новый образъ. Съ полей битвы, вражда Русскихъ Князей перешла ко Двору Ордынскому, и уже не мечъ, не сила рѣшали дѣло, но наибольшее униженіе, злѣйшая клевета, отвратительнѣйшее вѣроломство, болѣе другихъ низкое наушничество, болѣе прочихъ щедрый подкупъ Ханскихъ вельможъ. Князья гордились рабствомъ, и забывали достоинство, не только Государя, но и человѣка.

Подвластныхъ Князьямъ Рускихъ всего болѣе терзали гордость, презрѣніе и безнаказанное своевольство Монголовъ. Къ сему присовокупилось появленіе вампировъ — *откупщиковъ бусурманскихъ*, какъ называли ихъ Руссы. Система откуповъ, то есть, уступка части сбора, или дохода, въ пользу человѣка, который отдаетъ вдругъ, или гуртомъ то, что самъ

десятины и *тамги*«). Изъясненія объ ономъ смотр. далѣе. О торговыхъ сборахъ см. *Новгородскія грамоты* (Собр. Гос. Грам. т. I). Подарки Ханамъ и вельможамъ ихъ, при вступленіи на Княжество и каждомъ пріѣздѣ Русскихъ Князей въ Орду, назывались вообще: *выходъ*. Монету били Руские съ Татарскою надписью на одной, съ Рускою на другой сторонѣ.

онъ обязывается собрать понемногу, мѣлочью, со временемъ, была прежде общею въ Европѣ, и донынѣ осталась главною финансовою системою въ Азіи. Тягость ея заклеймена проклятіемъ въ памяти народовъ, до такой степени, что самое имя *мытаря* сдѣлалось отвратительнымъ, означающимъ тяжкій грѣхъ. Тягость сей финансовой системы весьма понятна. Отдавъ положенную сумму откупа властителю, мытари, или откупщики, получали отъ него полную волю, всѣ средства сбирать ее по мѣлочи, и дѣлались страшнѣе судіи и самого Князя. Только преступленіе подвергало подданнаго суду, только неповиновеніе наводило на него строгость Князя; но ни добродѣтель, ни повиновеніе, ни что не спасало его отъ когтей откупщика. Отсрочка платежа покупалась новою тягостью; недоимка дѣлала откупщика обладателемъ имѣнія и свободы не платящаго, и все было жертвуемо бѣднымъ плательщикомъ, дабы купить только жизнь, и хоть малый отдыхъ. Богатый отвѣтствовалъ за бѣднаго; трудолюбивый и запасливый страдалъ за лѣниваго и безпечнаго. Тысячиновыхъ налоговъ и мытовъ были безпрерывно изобрѣтаемы корыстолюбіемъ откупщиковъ; все — дымъ печи, продажу и покупку, перевозъ и баню—все должно было оплатить откупщику. Купецъ отдавалъ прежде всего лучшее изъ товара въ подать. Видя систему откуповъ столь выгодною для

Правительства, Русскіе Князья сами начали отдавать все на откупъ. Тысячи мытарей разсѣялись повсюду, платили откупы впередъ, давали подъ нихъ въ долгъ, и, какъ піявицы, сосали кровь народа (166).

Такъ рабство, бѣдствіе, печаль и уныніе налегли на Русскій народъ, для котораго вскорѣ погибли южныя области — Кіевъ, Черниговъ, Курскъ и Галичъ, болѣе близкіе къ Монголамъ и другимъ сильнымъ сосѣдямъ. Тамъ исчезла Русская общественность, опустѣли Русскіе города и селенія, пропалъ Русскій духъ, истребился самый языкъ Русскій. Только на Сѣверѣ—въ Суздалѣ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Твери, Новгородѣ,

---

(166) Въ Азіи донынѣ отдаютъ на откупъ все: дѣланіе монеты, зазорные домы, сборы податей, воду въ рѣкахъ и источникахъ, таможніи, проч. Особенная выгода Азіятскихъ деспотовъ состоитъ еще при откупахъ въ томъ, что собравъ съ народа посредствомъ откупа то, чего никогда не собрали-бы жадные казенные чиновники, и чего не далъ-бы имъ упрямый рабъ, они могутъ потóмъ самовластно отнять у откупщика все имъ нажитое (См. *Пут. Фразера*, *Оливье*, и другихъ). Князья Русскіе входили въ большіе долги, почти при каждой поѣздкѣ въ Орду, стараясь пересилить тамъ одинъ другаго щедростію. Заимодавцы ихъ пріѣзжали съ ними въ Русь, и дѣлались новымъ мученіемъ народа.

Бѣлоозерѣ, Псковѣ, осталась Русь. И то, *какая Русь*! Обезображенная рабствомъ, униженіемъ, крамолою, бѣдностью, принимающая безпрерывно болѣе и болѣе обычаи и нравы Монголовъ! Руссы сохраняли неизмѣнно только два спасительные залога гражданскаго бытія — *языкъ* и *Религію*.

Даръ слова, сіе отличіе, принадлежащее только человѣку, сіе средство сообщенія мыслей и идей, союзъ общественный, переживающій народы и царства, напоминалъ Руссамъ, что они составляютъ еще народъ самобытный. Роднымъ языкомъ Рускій услаждалъ горесть свою въ унылой пѣснѣ; на родномъ языкѣ дѣлилъ печаль свою съ ближнимъ; на немъ изъяснялъ чувства любви и дружбы; Русскимъ словомъ записывалъ для потомства свои страданія, благословлялъ добрыхъ Князей и сѣтовалъ на грѣхи и слабости властителей, не прекращавшіеся даже при явномъ наказаніи Божіемъ. Народномъ языкѣ наконецъ, внималъ Руссъ Божественную службу, читалъ Священное Писаніе, житія Святыхъ, духовныя пѣсни и лѣтописныя замѣчанія о предкахъ—единственные письменные памятники, существовавшіе въ то время. Только языкъ и религія соединяли сердца и души; только храмъ Божій собиралъ вкупѣ вѣрныхъ, такъ, что имя *Христіанина* сдѣлалось даже нарицательнымъ именемъ Рускаго, какъ слово: *бусурманъ* отличило

Монгола въ глазахъ его. Вѣра, заставлявшая мерзить всѣмъ, что проистекало отъ *поганой нехристи*, полагала непреоборимое препятствіе къ сближенію съ Монголами, и заставляла страхомъ будущей жизни укрѣпляться противъ соблазновъ жизни временной, заставляла не страшиться муки и смерти, при надеждѣ на жизнь за гробомъ! Съ другой стороны, Религія сдѣлалась покровительницею Руссовъ. Во время свирѣпыхъ порывовъ брани и страшныхъ нашествій, Монголы не уважали религій чуждыхъ имъ или побѣжденныхъ ими народовъ. Во всякое другое время, какъ гостепріимство, съ восточными объ ономъ понятіями, такъ и уваженіе къ Религіи, какая-бы она ни была, составляя отличительныя свойства Азіятскихъ народовъ, были свойствами и Монголовъ (167). Можетъ быть, замѣтивъ то сильное вліяніе, какое Духовенство имѣетъ на умы Руссовъ, ту власть надъ совѣстью соотечественниковъ, какую давалъ

(167) По странному понятію Азіятцевъ, гостепріимство должно быть оказано даже смертельному врагу, если онъ самъ придетъ и будетъ гостемъ. Впрочемъ, сей обычай существуетъ почти у всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ: гость-странникъ есть неприкосновенная особа, пока не вышелъ срокъ, положенный для безопаснаго гостепріимства, обыкновенно трехъ-дневный. Объ отношеніяхъ Монголовъ къ Религіи чуждой, см. выше, стр. 51, и пр. 143.

Духовенству санъ его, Монголы не только не гнали, не притѣсняли Русскаго Духовенства, но давали ему всякія льготы, освобождали его отъ податей и суда, повелѣвали уважать Духовныхъ людей и ихъ имѣніе. «То имѣніе не ихъ, а Божіе,» говорили Монголы. «Пусть они молятъ Бога за насъ. Кто не вѣдаетъ, что только силою Бога мы живы и сильны (168)?»

---

(168) Замѣтимъ здѣсь, что у насъ не уцѣлѣлъ ни одинъ изъ письменныхъ памятниковъ Монгольскихъ; не сохранились ни одна грамата, ни одинъ ярлыкъ, въ подлинникѣ. Весьма немногое дошло до насъ въ переводахъ. Сюда принадлежитъ нѣсколько ярлыковъ Ханскихъ, данныхъ Духовенству Русскому. Древнѣйшіе изъ сихъ ярлыковъ суть данные Митрополиту Кириллу отъ Менгу-Темира, и Петру Митрополиту отъ Хана Узбека. Мы прилагаемъ оба сіи ярлыка при концѣ тома (*Дополненіе* IV-е). Кромѣ того, остались еще въ переводахъ: ярлыкъ Ханьши Тайдулы Митрополиту Ѳеогносту; ярлыкъ отъ нея-же, и другой отъ Хана Бердибега, Митрополиту Алексію; ярлыкъ отъ Хана Атюляка Михаилу. См. *Собр. Гос. Граматъ*, т. II. Въ *Вивліоѳикѣ* Новикова (т. VI) помѣщено сихъ ярлыковъ болѣе, и видно, что они были переведены и списаны въ одно время; вѣроятно, по случаю какого нибудь притѣсненія Духовенству (можетъ быть, на Соборѣ, бывшемъ въ 1500 г. при Іоаннѣ III-мъ; или на Соборѣ 1580 г.). Къ сожалѣнію, Издатели *Собр. Гос. Граматъ* не объяснили: гдѣ находятся, и какіе суть списки, съ коихъ ярлыки ими напечатаны? Карамзинъ выписалъ ярлыкъ Петру Митрополиту изъ

Благочестивые сановники церковные заслуживали притомъ уваженіе Монголовъ и личностію своею. (Кириллъ Епископъ Ростовскій, скончавшійся въ 1262 г.), свидѣтель тяжкихъ бѣдствій отечества, « учительный, истинный пастырь, » и Кириллъ Митрополитъ Кіевскій, болѣе пережившій въ Суздальской области, были истинными друзьями Князей и спасителями людей ихъ. Митрополитъ Максимъ, первый самъ поѣхалъ въ Орду, и пріобрѣлъ тамъ такое уваженіе, что Ханъ Ногай отправилъ одного изъ Епископовъ Русскихъ посломъ въ Царьградъ къ тестю своему, Михаилу Палеологу (173). Увидимъ впослѣд-

---

Ростовской Лѣтописи (т. IV, пр. 245). Онъ упоминаетъ о помѣщенныхъ въ *Вивліоѳикѣ*, и говоритъ, что не знаетъ: истинные они, или подложные? — Думаемъ, что основаніе ихъ истинно, но собственно ярлыки передѣланы, по крайней мѣрѣ измѣнены переводчиками, или списателями, въ новѣйшія времена. Въ *Вивліоѳикѣ* сохранена при нихъ любопытная приписка Переводчика: онъ признается, что нѣкоторыхъ ярлыковъ не могъ разобрать, « за неже неудобь познаваемою рѣчію писаны быша, » и что довольно ему показалось и переведенныхъ имъ, для укоризны Христіанъ, притѣснителей Духовенства, когда и самые Монголы уважали оное. Откуда взята эта приписка? Она весьма замѣчательна. И почему пропустили ее въ *Собраніи Государственныхъ граматъ*?

(173) Кириллъ правилъ Митрополіею болѣе 30-ти лѣтъ, и сконч. въ 1280 г. Не объ одномъ Кириллѣ Ро-

ствіи святыхъ мужей: Митрополита Петра, и особенно, великаго Алексія Митрополита и безсмертнаго Сергія, Игумена Троицкаго. Къ ихъ священнымъ гробницамъ должны привлекать поклоненіе наше не одна святость, не одинъ даръ чудотворенія, коимъ Богъ прославилъ бренныя тѣлеса ихъ—нѣтъ! преклонимся предъ мощами Алексія и Сергія, какъ предъ останками спасителей Русскихъ земель. Они были отрадными свѣтилами бѣдной жизни нашихъ праотцевъ, миротворцами Князей, заступниками предковъ нашихъ отъ насилія и крамолы! Сохраняя неприкосновенною святость Религіи, подкрѣпляя святымъ

стовскомъ, но и о Серапіонѣ, Епископѣ Владимірскомъ, Симеонѣ, Епископѣ Тверскомъ, и другихъ, говорятъ современные лѣтописцы, что они были «учительны» и« сильны въ книгахъ Божественнаго Писанія.» — О посылкѣ отъ Ногая, см. Ист. Г. Р. Т. IV, 153. — Вотъ прекрасная черта правдолюбія Симеона Тверскаго (иже, Князя не стыдяшеся, пряся, ни вельможъ, нищая-же и сироты жаловаше», *Карамзинъ*, т. IV, прим. 178): «Гдѣ будутъ судьи (тіуны) на томъ свѣтѣ? « спросилъ Симеона Князь Полоцкій. « Тамъ-же гдѣ Князья» — отвѣчалъ Симеонъ. Князь оскорбился. «Поставивъ судію, чѣмъ Князь виновенъ, если судья неправо судитъ, мзду беретъ, зло дѣлаетъ? Неужели за это отвѣчаемъ мы?» возразилъ Князь. » Да!« сказалъ Симеонъ. —» Князь добрый жалуетъ людей, избираетъ властителя добра, страха Божія полна,

духомъ ея упадающую твердость душъ Христіанскихъ, утѣшая людей дарованіемъ ангельскаго образа при кончинѣ, святые пастыри Русскіе старались истреблять злоупотребленія, вкрадывавшіяся въ управленіе Церковью и въ обряды церковные, были провозвѣстниками гонимой правды, укорителями гордой силы. Рядъ святителей Русскихъ есть почти непрерывный рядъ свѣтилъ, утѣшительныхъ во мракѣ прошедшаго. Они не знали страха, огражденные саномъ своимъ, и истина была словомъ ихъ, среди ужасовъ самаго свирѣпаго рабства. « Какой прибытокъ получили мы, оставивъ правила Божіи? » говорилъ Кириллъ, на Соборѣ Владимірскомъ. « Не разсѣ-

---

разумна и праведна—онъ будетъ въ раю, и судья его съ нимъ; Князь же безъ страха Божія, не жалующій людей, поставляетъ властителя злаго и несвѣдущаго, только-бы онъ добывалъ ему доходы—выпускаетъ его, какъ пса на падаль, губить людей: Князь будетъ въ аду, и судья его съ нимъ. О Цари, Князья и Властители! утѣшайте скорбящихъ, избавляйте убогихъ отъ руки сильныхъ: они, обидимые богатыми, притекаютъ къ вамъ, яко защитникамъ; но вы уподобляетесь дождевой тучѣ, изливающейся надъ моремъ, а не надъ землею, жаждущею влаги: тѣмъ, у кого много злата и сребра, вы даете еще болѣе, а не даете ничего тѣмъ, у кого нѣтъ ни пенязя; обогащаете богатыхъ, порабощая бѣдныхъ!» — Не знаемъ, что отвѣчалъ на это Князь Полоцкій.

ялъ-ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не пали-ль сильные наши и Князья остріемъ меча? Не отведены-ли въ плѣнъ чада наши! Не запустѣли-ль святыя Божія церкви? Не томимы-ли мы на всякій день отъ безбожныхъ и нечестивыхъ поганыхъ? Вся сія совершилось за то, что мы не хранимъ святыхъ правилъ.» — Когда-же сказаны были сіи слова?... Въ 1274 году! Такъ Религія питала мысль о спасеніи отчизны, утѣшала надеждою освобожденія, и до того слила мысль объ Отчизнѣ и Церкви въ понятіи Русса, что онѣ не различались у него болѣе: умирая *за Князя и отчизну*, онъ умиралъ *за Церковь Божію*, съ надеждою вѣнца мученическаго. Мысль сія достигла даже до нашего времени.—Съ 1261 года, Ханы Ордынскіе позволили учредить даже въ Сараѣ особеннаго Епископа и причетъ Духовенства, ибо въ семъ мѣстѣ пребыванія Хановъ всегда бывалъ съѣздъ Рускихъ всякаго званія, и многіе Рускіе жили тамъ даже постоянно. Словомъ: Христіанскую вѣру должно почесть главнѣйшимъ, если не *единственнымъ* средствомъ спасенія, сохранившимъ бытіе Руси. Руссъ покорствовалъ, унижался духомъ, терялъ свою національность, принималъ обычаи, нравы, одежду своего властителя, но помнилъ, что онъ Христіанинъ, и оставался *Руссомъ* и *Христіаниномъ*, пока Религія не повела его въ открытую борьбу противъ

поганаго властителя, и не указала ему победы (174).

Перейдемъ къ событіямъ. Въ нихъ основаніе и выводы нашихъ мнѣній.

Святославъ Всеволодовичъ, княжившій въ Суздалѣ, пріѣхалъ во Владиміръ, и принялъ названіе Великаго Князя, едва только узнавъ о кончинѣ Ярослава. Дѣти Ярославовы остались: *Александръ* въ Новгородѣ, *Андрей* въ Суздалѣ, *Константинъ* въ Галичѣ, *Михаилъ* въ Москвѣ, *Ярославъ* въ Твери, юный *Василій* въ Костромѣ. Удѣловъ Аѳанасія и Даніила не знаемъ (175).

Вскорѣ Александръ и Андрей должны были ѣхать и ударить челомъ Батыю. До тѣхъ поръ

---

(174) Впослѣдствіи переведена была Сарайская епископія въ Москву; Епископы, потомъ Архіепископы и Митрополиты, жили на *Крутицахъ*, на берегу Москвы рѣки, и именовались *Сарскими и Подонскими*, ибо имъ отданы были въ управленіе церкви по рѣкѣ Дону; наконецъ оставалось у нихъ только одно имя; и его перемѣнили въ 1760 г. на имя Епископовъ *Крутицкихъ и Можайскихъ*. Совершенно уничтожена сія эпархія въ 1799 г; она соединена была съ Калужскою и Боровскою, а Крутицкій монастырь обращенъ въ казармы. — Мысль, что сражаясь съ врагами, сражаются *за Церковь Божію* и за *матушку Пресвятую Богородицу*, донынѣ осталась основною мыслью Русскаго воина.

(175) Карамзинъ, т. IV, пр. 1, 78.

Александръ не преклонялъ еще колѣнъ своихъ передъ Ханомъ. « Развѣ не вѣдаешь, » велѣлъ ему сказать Батый», что мнѣ покорилъ Богъ многіе языки ? Ты-ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей ? Если желаешь соблюсти землю свою, приди ко мнѣ, и узри честь и славу моего царства ! » Александръ поспѣшилъ въ Орду ; и онъ, и братъ его получили повелѣніе ѣхать въ Монголію и поклониться Великому Мангу (176).

До возвращенія ихъ въ Русскую землю прошло три года. Почитая сихъ Князей погибшими, братья ихъ завраждовали съ дядею. Михаилъ Московскій напалъ на Святослава, изгналъ его изъ Владиміра, и на другой годъ былъ убитъ, отражая набѣгъ Литовцевъ (177).

Въ это время возвратились въ Русь Александръ и Андрей. Святославъ не получилъ обратно Великаго Княжества, ибо повелѣніемъ Батыя Кіевъ и Новгородъ отданы были Александру, Суздаль и Владиміръ Андрею. Новгородцы радостно

---

(176) Idem, т. IV, пр. 80. — Не повторяемъ извѣстій Карамзина, взятыхъ имъ изъ поэмы объ Александрѣ Невскомъ. Онъ пишетъ, напримѣръ, что слава предупредила пріѣздъ Александра въ Орду ; что Монголы изумлялись ему, когда онъ явился ; что матери стращали дѣтей своихъ въ Ордѣ его именемъ, и проч.— Слич. прим. 128, 145.

(177) Карамзинъ, т. IV, пр. 82.

встрѣтили Александра, не отпустили его въ Кіевъ, и испуганные внезапною болѣзнію его, усердно молили Бога объ его выздоровленіи. Святославъ ѣздилъ безъ успѣха въ Орду, и въ 1253 году скончался въ Суздальской области (178).

Мы видѣли Александра Княземъ мужественнымъ, храбрымъ въ бою. Сдѣлавшись главою Русскихъ Князей, онъ скрылъ доблій духъ свой, и съ прискорбіемъ понялъ политику, какую надобно ему было поддерживать съ Монголами. Двѣнадцатилѣтнее правленіе Александра прошло все въ умилостивленіи Монголовъ покорностію, и укрощеніи остатковъ прежняго духа Русской крамолы и удалой буйности, самовластіемъ — даже своеволіемъ и жестокостью. Поступая такъ, Александръ умѣлъ поддерживать тишину Руси, укрощать волненія, и не по одинъ годъ въ лѣтописяхъ находимъ замѣтки: « Сей годъ добро бѣ Христіанамъ (179). »

Андрей хотѣлъ поступать иначе, негодовалъ, видя власть и притѣсненія Монголовъ, совѣто-

---

(178) Погребенъ въ Юрьевскомъ соборѣ. Ему наслѣдовалъ сынъ, Димитрій, но владѣлъ только Юрьевомъ, который, вѣроятно, дали Святославу племянники по безуспѣшномъ возвращеніи его изъ Орды.

(179) Напримѣръ, въ *Нов. Лѣтописи*, годъ 1254-й.

вался съ Боярами и дружиною, и хотѣлъ лучше лишиться престола, нежели сидѣть на немъ рабомъ Монголовъ. Можетъ быть и Даніилъ Галицкій, тесть Андрея, подкрѣплялъ его въ сихъ предпріятіяхъ. Кажется, что до того времени Суздальская область, такъ-же, какъ и Новгородъ, не были еще обложены подробною данью Монголамъ, и платили ее оптомъ черезъ своихъ Князей. Смѣлость Андрея имѣла слѣдствія несчастныя: Батый отрядилъ толпу Монголовъ, и, скрытно пробравшись на сѣверъ, они явились близъ Переяславля, гдѣ находился тогда Андрей. Онъ хотѣлъ защищаться, но былъ разбитъ, бѣжалъ въ Новгородъ, потомъ въ Ревель и въ Швецію. Переяславль разграбили: тутъ погибла супруга Ярослава Тверскаго, и дѣти его были захвачены въ полонъ. Александръ спѣшилъ въ Орду, умилостивлять Батыя. Бѣдствія кончились только раззореніемъ Переяславля. Батый простилъ Руссовъ, но велѣлъ Александру быть *Великимъ Княземъ всѣхъ Русскихъ областей*. Съ торжествомъ встрѣченный во Владимірѣ, Александръ спѣшилъ усмирить своеволіе Новгородцевъ, причинившихъ ему жестокое оскорбленіе: Новогородцы изгнали въ это время сына его Василія, оставленнаго имъ въ Новгородѣ (180).

---

(180) Никто не споритъ, что Андрей неосновательно думалъ объ освобожденіи Руси отъ ига Монголовъ,

Дѣло шло о вольностяхъ Новгородскихъ. Защищая Русь отъ гибели рабскимъ униженіемъ, Александръ хотѣлъ за то полной воли по всей Руси. Ярославъ Тверской поссорился съ нимъ, и принужденъ былъ бѣжать. Новгородцы при-

---

и что униженіе, какое поддерживалъ во всю жизнь свою Александръ, было тогда единственнымъ средствомъ спасенія; но за чтó-же Карамзинъ говоритъ объ Андреѣ, что у него былъ *умъ вѣтреный, неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго;* что княжа во Владимірѣ, Андрей *занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самово себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени* (т. IV, стр. 89)? Ничего этого нѣтъ въ лѣтописяхъ, изъ коихъ только одна *Пушкинская* прибавляетъ къ описанію бѣдствія Андреева: » Андрей вздума съ своими Бояры *бѣгати, неже Царю служити.* « Но это укоризненное слово человѣка, закоснѣлаго въ рабствѣ, показываетъ намъ только благородную, пылкую душу Андрея. Странная система возвышать одного, унижая всѣхъ другихъ, и тѣмъ обезображивать Исторію, была постоянною системою Карамзина. Мы будемъ еще много разъ имѣть случай указать на его невѣрныя изображенія. Обращаясь къ Андрею, спрашиваемъ: неужели Историку не льзя было похвалить Александра, не унижая Андрея, когда притомъ объ Александрѣ повторяетъ онъ, безъ разбора, всѣ сказки? См. выше, прим. 128, 145, 176).

няли его, передали Псковитянамъ, и черезъ годъ призвали къ себѣ, объявили Княземъ своимъ, изгнавъ Василія, храбро защищавшаго ихъ отъ Литвы и Ливонскихъ Рыцарей. Посадникъ Ананія предводилъ всѣмъ дѣломъ. Александръ повелъ на Новгородъ дружины. Ярославъ не хотѣлъ дожидаться его, и бѣжалъ. Но Александръ не останавливался, хотя и слышалъ объ его уходѣ. Новгородцы снарядили свои полки, собрались на Вѣче. «Если Князь потребуетъ выдачи враговъ своихъ, то цѣлуйте крестъ, не выдавать братьевъ нашихъ злобѣ его!» кричали людины, и положили обѣтъ—стать крѣпко, и лучше умереть, нежели покориться Александру. Въ тоже время аристократы Новгородскіе хотѣли отдаться на волю Князя. Одинъ изъ предводителей ихъ, Михалко Степановичъ, рѣшился даже собрать свою дружину у Юрьевскаго монастыря и ударить на Новгородцевъ, разсѣять ихъ, взять Посадничество и передаться Князю. Умыселъ открылся. Народъ погнался за Михалкомъ. Великодушный защитникъ вольности Новгородской, Посадникъ Ананія, спасъ Михалка отъ смерти, когда народъ ломился уже во дворъ его. «Прежде убейте меня,» говорилъ Ананія, «а потомъ его!» Тогда явился Посолъ Александра и предложилъ на Вѣчѣ: выдать Ананію, или «я не Князь, а врагъ вашъ, и иду на васъ ратью»— приказывалъ сказать Александръ. «Князь! по-

жалуй мирно на престолъ свой,» говорили ему Владыка и Тысяцкій, присланные къ нему, «неслушай злодѣевъ, и отдай гнѣвъ свой на Ананію и мужей Новгородскихъ.» Александръ не внималъ ничему. «Братья! если Князь такъ сдумалъ съ нашими *клятвопреступниками*, суди имъ Богъ и Святая Софія!» рѣшили Новгородцы, и три дня стояли готовые къ битвѣ *за свою правду*. На четвертый день Александръ потребовалъ только смѣны Ананіи. Посадникъ охотно согласился на такую жертву, и Александръ вступилъ въ Новгородъ мирнымъ гостемъ. Ласкою убѣдилъ онъ Новгородцевъ избрать въ Посадника Михалка, и помирился съ братомъ Ярославомъ. На другой годъ Александръ снова спѣшилъ въ Новгородъ, и освободилъ области Новгородскія отъ пришествія Ливонскаго Магистра и Шведовъ, хотѣвшихъ построить городъ на Наровѣ. Василій по прежнему остался въ Новгородѣ (181).

Сильнѣйшее смятеніе взволновало Новгородъ въ слѣдующемъ году, и угрожало бѣдствіемъ всей Руси. Александръ употребилъ свирѣпыя средства: надобно было купить жизнь за честь.

Берку правилъ Ордынскимъ престоломъ, послѣ смерти Батыя и Сартака, подъ именемъ

---

(181) Новг. Лѣт. годъ 1255.

племянника своего Улавчія. Съ одной стороны возбуждало безпокойство Берку самоволіе Ногая; съ другой повелѣніе Мангу, который слышалъ о льготѣ въ податяхъ надъ областями сѣверной Руси, отправилъ въ Волжскую Орду особыхъ чиновниковъ, *Берку* и *Китата*, и велѣлъ имъ разсмотрѣть подати, и обложить всѣхъ надлежащею данью. Александръ немедленно пріѣхалъ въ Орду. Съ нимъ былъ и Андрей, дерзнувшій возвратиться въ Русь послѣ смерти Батыя. *Численники* Монгольскіе явились послѣ сего въ Суздаль, Рязань, Москву, переписали людей, имѣнія, оставили по мѣстамъ баскаковъ и сборщиковъ. Никто не противился. Но Александръ боялся за Новгородъ. И въ самомъ дѣлѣ: едва услышали Новгородцы, что къ нимъ будутъ численники, потребуютъ десятины и *тамги*, Вѣче зашумѣло и отказало въ требованіи. Цѣлое лѣто прошло въ спорахъ. Юный Василій предводилъ тѣми, кто не хотѣлъ платить десятины и тамги, и не слушалъ повелѣній его отца. Ананія удерживалъ самоволіе коварнаго Михалка и буйство народа. Но вскорѣ онъ умеръ. Михалко заплатилъ жизнію за своевольство: едва не стало Ананіи, его убили на Вѣчѣ. «Кто добро творитъ, тому добро будетъ, а кто копаетъ подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее ввалится,» прибавляетъ Лѣтописецъ. Монголы поѣхали зимою въ Новгородъ. Александръ самъ

отправился съ ними, взявъ брата Андрея и Бориса Васильковича. Непослушный сынъ не смѣлъ дожидаться разгнѣваннаго отца, и убѣжалъ въ Псковъ съ Александромъ, однимъ изъ знатныхъ Новгородцевъ, и другими сообщниками. Новгородцы не соглашались, спорили рѣшились наконецъ подкупить Пословъ Монгольскихъ, послали съ ними дары въ Орду, и на время устранили тяжесть отъ земли своей. Александръ былъ между тѣмъ во Псковѣ. Онъ объявилъ гнѣвъ свой Василью, и жестоко казнилъ друзей его: велѣлъ имъ рѣзать носы, выкалывать глаза; Василій сосланъ былъ отъ него въ Суздальскую область (182).

---

(182) *Численники* Монгольскіе, присланные въ Новгородъ, названы въ нашихъ Лѣтописяхъ: *Беркай* и *Касатикъ*. Въ *Китайскихъ* извѣстіяхъ именно означено, что отъ Мангу посланъ былъ въ Русь *Бицикъ-берке*, а потомъ назначенъ даругаціемъ *Китатъ* (О. Іакинѳъ, *Ист. Хановъ*, стр. 319 и 331). Въ это-же время сдѣлана была перепись народа въ Китаѣ. О казни сообщниковъ Василія, Карамзинъ говоритъ: «Казнь жестокая; но современники *признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ Отца:* столь власть родительская казалась священною» (т. IV, 77). Но народъ весь спорилъ противъ своеволія Александра и противился ему? Откуда же взялъ это согласіе народное Исторіографъ?

Новгородцы торжествовали, ибо прошелъ годъ, и ничего не слышно было о численникахъ Монгольскихъ. Но радость оказалась напрасною. Лѣтомъ испуганные затмѣніемъ мѣсяца, зимою получили они извѣстіе о поѣздкѣ Монгольскихъ Воеводъ Беркуя и *Касатика* (т. е. *Берку и Китата*); сами Воеводы сіи ѣхали въ Новгородъ. Слышно было, что за ними идутъ дружины Суздальскія, съ Александромъ. Новгородцы не смѣли противиться. Но когда пріѣхали *оканные сыроядцы* Татарскіе, то омерзѣніе къ нимъ, негодованіе, возбужденное гордостью и притѣсненіями ихъ, крамолы богатыхъ и знатныхъ, которые все слагали на бѣдную братію, возмутили умы. Александръ явился въ Новгородъ немедленно, и нашелъ Монголовъ въ такомъ страхѣ, что они просили у него стражи, боясь насилія и смерти. Князь остался на Городищѣ, и составилъ совѣтъ, пока бурное Вѣче народное собиралось у Св. Софіи. Здѣсь вопіяли о притѣсненіяхъ, крамолѣ богатыхъ, хотѣли лучше умереть, но не давать дани неровной; сказывали другъ другу, что Монголы хотятъ грабить Новгородъ. Многіе съѣхали ночевать на Софійскую сторону. Но все было безполезно. На утро Александръ прибылъ на Вѣче; народъ покорился, хотя и негодовалъ. Численники Монгольскіе ѣздили спокойно по улицамъ, и переписывали домы и людей. Вѣроятно однакожъ,

что Александръ уговорился не оставлять баскаковъ Монгольскихъ въ Новгородѣ. Обрадованные Новгородцы оказали всю почесть Александру, приняли Княземъ себѣ втораго сына его Димитрія, и Александръ, довольный счастливымъ окончаніемъ тяжелаго дѣла, говорилъ, по возвращеніи своемъ въ Ростовъ, Епископу Кириллу, что приписываетъ молитвамъ его благополучное свое возвращеніе (183).

Новгородцы могли порадоваться избавленію отъ постояннаго пребыванія Монгольскихъ баскаковъ въ Новгородѣ, ибо избавлялись отъ нестерпимыхъ притѣсненій, и несчастныхъ слѣдствій, какія влекли они за собою. Мы говорили объ откупщикахъ бусурманскихъ. Зло, причиняемое ими, было такъ велико, что не смотря на личное присутствіе Александра, въ одно время возстали жители Владиміра, Ярославля, Ростова, Суздаля, Устюга, ударили въ набатъ, и повсюду перебили откупщиковъ. Въ Ярославлѣ погибъ откупщикъ Зосима, бывшій нѣкогда монахомъ, потомъ принявшій Мугаммеданскую вѣру, пьяница, человѣкъ гордый и ругатель; тѣло его бросили на съѣденіе псамъ. Устюжскій откупщикъ, насиль-

---

(183) *Нов. Лѣт.* годъ 1259-й. *Пушкинскій,* Ист. Г. Р. т. IV, пр. 100.

но взявшій въ наложницы Христіанку, спасся только тѣмъ, что согласился принять христіанскую вѣру (184).

Мщеніе страшное могло быть отплатою за безразсудную месть народа. Укротивъ народное смятеніе, Александръ поспѣшилъ въ Орду, съ братомъ Ярославомъ и другими Князьями, старался оправдываться и умолять Хана о пощадѣ. Разгнѣванный Берку долго не соглашался; продержалъ Князей всю зиму 1262-го, и лѣто 1263-го года. Изнуренный страхомъ и скорбію, Александръ осенью возвратился въ Нижній Новгородъ, уже больной, и скончался 14-го Ноября, въ Городцѣ Волжскомъ. Всѣ печалились о кончинѣ Александра, и со слезами встрѣчали тѣло его во Владимірѣ. «Отца можно забыть, а съ добрымъ господиномъ влѣзъ-бы въ гробъ,» говорила дружина. «Зашло солнце земли Руской, чада моя милая!» вопіялъ Святитель Кириллъ, выходя на встрѣчу гроба Александрова, со

(184) О Зосимѣ (*Воскр. Лѣт.*): «Сатанѣ сосудъ, пьяница и студословецъ, празднословецъ, кощунникъ, отвержеся Христа, и *бысть бесерменинъ*.» Устюжскій откупщикъ назывался *Буга*; онъ построилъ потомъ церковь, на томъ мѣстѣ, гдѣ, занимаясь нѣкогда соколиною охотою, уснулъ и видѣлъ чудное видѣніе; до сихъ поръ это мѣсто называется въ Устюгѣ *Сокольею горою* (*Арх. Лѣт.* годъ 6770).

множествомъ людей къ Боголюбову, и громкій вопль: «Погибаемъ!» былъ отвѣтомъ народа. Братъ Александра, Андрей, столько лѣтъ бывшій безъ княжества, и въ 1257 году вымолившій себѣ пощаду у Берки, не долго пережилъ Александра; онъ скончался на другой годъ. Кажется, что онъ и не препятствовалъ Ярославу Тверскому принять старшинство; кончина Андрея совершенно устранила всѣ споры; Ярославъ признанъ былъ отъ Монголовъ Великимъ Княземъ Русскимъ (185).

---

(185) Подробности о кончинѣ Александра взяты Карамзинымъ (т. IV, 89) изъ *Степ. книги!* Въ ней-же описаны и чудеса, при его погребеніи бывшія. Передъ кончиною Александръ постригся, и принялъ схиму, подъ именемъ инока *Алексія.* Мощи Александра находились въ Рождественскомъ монастырѣ, во Владимірѣ; но Петръ Великій перевезъ ихъ въ Петербургъ, основавъ сѣверную столицу на томъ мѣстѣ, гдѣ храбро бился нѣкогда Александръ противъ Шведовъ. Нынѣ мощи сіи находятся въ Александро-Невской Лаврѣ, въ богатой серебряной ракѣ, сооруженной Императрицею Елисаветою. Ломоносовъ сочинилъ надпись, находящуюся на ракѣ. — Андрей Ярославичъ скончался въ 1264. — Карамзинъ пишетъ, что » слава Александрова привлекла къ нему изъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей » (т. IV, стр. 91). Онъ ссылается на *Родословныя.* Но извѣстно, какъ щедры были на древность и знаменитость родовъ старинные наши генеалоги. Не дума-

Такъ прошекло почши тридцать лѣтъ съ того несчастнаго года, когда Монголы покапили головнею Русскую землю, и *двадцать ровно лѣтъ* съ того времени, когда Русскіе Князья ударили челомъ Ордынскимъ Ханамъ. Доблесть народная была забыта; за одно старанie спасти жизнь, народъ уже благословлялъ и любилъ Александра; рабство, униженіе, лишеніе всего равно обременяли Князей и пародъ. Только въ Новгородѣ сохранялся еще остатокъ жизни; только тамъ дерзали еще думать, что рабство хуже смерти. Новгородъ покорился, но съ условіями. Мы не исчисляли подробностей мѣлкихъ битвъ его съ Ливоніею, Литвою и заморскими выходцами: онѣ неважны; однакожъ доказываютъ, что оружіе не выпадало изъ рукъ Новгородцевъ, когда въ то-же время торги съ Нѣмцами и съ Суздальскими областями обогащали ихъ. Въ 1253 году, Князь Василій Александровичъ догналъ и разбилъ у Торопца Литовцевъ, раззорявшихъ набѣгомъ Новгородскую волость. Въ то-же лѣто

емъ, чтобы въ началѣ XIII-го вѣка поѣхали въ Русь *именитые* люди изъ Европы. Впрочемъ, и Родословныя не говорятъ о *именитости*, сказывая просто: «Выѣхалъ изъ Пруссовъ *Михайло*—выѣхалъ изъ Нѣмцевъ *Гаврило*,» и показываютъ потомъ роды, происшедшіе отъ этихъ Михайла, Гаврилы, и прочихъ выходцевъ.

Псковъ претерпѣлъ нападеніе Ливонскихъ Рыцарей; посадъ Псковскій былъ сожженъ; Новгородцы спѣшили на помощь, прогнали Рыцарей, мстили имъ опустошеніемъ за Наровою и въ Корелѣ, и принудили заключить миръ на всей волѣ Новгорода и Пскова. Въ 1256 г. Шведы, Сумь, Емь — такой-же сборъ народа, какой разбитъ былъ въ 1240 г. на Невѣ — явился на Наровѣ, и заложилъ городъ, подобно тому, какъ сдѣлали это Рыцари въ 1240-мъ году. Новгородцы извѣстили Александра, и сами бросились гнать пришельцевъ, которые бѣжали не дожидаясь ихъ. Александръ прибылъ съ дружинами и съ Митрополитомъ Кирилломъ. Принявъ его благословеніе, онъ отомстилъ Шведамъ походомъ на Финляндію, и губилъ тамъ несчастную Емь. — Въ 1258 году Литовцы снова впали въ Торжковскую область; Новгородскіе воины были наведены Литовцами на засаду и разбиты. За то въ 1262 году, построивъ новыя стѣны вокругъ своего Кремля, Новгородцы совершили походъ на Ливонію. Главнымъ полкомъ предводилъ Димитрій Александровичъ; тутъ-же были Ярославъ Тверской, Псковичи, Товтивилъ, Князь Литовскій. Дружины Русскія осадили Дерптъ, и не смотря на три стѣны, окружавшія его, взяли городъ. « Сила честнаго Креста и Святой Софіи всегда низлагаетъ неправыхъ. Такъ и сія твердыня была ни во что;

однимъ приступомъ взятъ былъ городъ, при помощи Божіей» — говоритъ лѣтописецъ, и разсказываетъ, что Новгородцы множество жителей побили, взяли въ плѣнъ, а еще болѣе погибло ихъ въ пожарѣ, съ женами и дѣтьми; что добычи досталось Рускимъ большое количество, и Димитрій торжественно привезъ ее и привелъ плѣнниковъ въ Новгородъ (186). Касательно торговли Новгородцевъ въ Суздальской области, находимъ въ договорѣ ихъ съ Ярославомъ условіе о пошлинахъ съ ладей, съ льна и хмеля (187).

Отдѣльныя отъ Сѣверной Руси, событія въ за-Днѣпровской Руси важны тѣмъ, что въ нихъ находимъ первое начало политической самостоятельности Литвы, и послѣднія усилія Даніила къ борьбѣ противъ всеувлекающаго потока современныхъ событій.

Не взирая на то, что уже вблизи видѣлъ Даніилъ силу и власть Монголовъ, и призналъ волю ихъ надъ собою, онъ безпрерывно мечталъ о сверженіи ига Монгольскаго, искалъ повсюду средствъ, находился то въ ратн, то въ мирѣ съ сосѣдями, извлекая изъ всего свои

---

(186) Новг. Лѣт.

(187) Собр. Гос. Граматъ, *т. 1, Граматы Новогородскія.*

выгоды. Онъ возвратился изъ Орды, какъ другъ и любимецъ Батыя, и успѣлъ женить сына своего Льва на дочери Белы. Митрополитъ Кириллъ ѣхалъ тогда въ Царьградъ, черезъ Венгрію, и Бела, боявшійся дружбы Даніила съ Монголами, самъ предложилъ Кириллу о бракѣ (188). Выше было говорено о сношеніяхъ и разговорахъ Плано-Карпини съ Даніиломъ; такія сношенія продолжались безпрерывно послѣ 1246 года. Папа готовъ былъ признать всѣ обряды Греческой Церкви, соглашался созвать Соборъ для разбора всякихъ противорѣчій, щедро раздавалъ титулы, именуя Даніила Королемъ Галицкимъ, а Василька Королемъ Владимірскимъ, писалъ грамоты даже къ супругѣ Василька, и предлагалъ Даніилу короноваться Королевскимъ вѣнцомъ. Но Даніилъ отговаривался. «Помогите мнѣ прежде всего поддержать честь вѣнца,» отвѣчалъ Даніилъ Посламъ Папскимъ. «Какъ могу принять сію почесть, безпрерывно грозимый ратью Татарскою?» Папа прислалъ не помощь, а Епископовъ и духовниковъ. Даніилъ разсердился и прогналъ ихъ. Бела примирилъ его снова съ Папою въ 1252 году, и Папа прислалъ къ Даніилу вѣнецъ, скипетръ, державу, обѣщалъ помощь; то-же обѣщали ему Польша и Силезія, и

(188) *Волынскій лѣт.* (Карамзинъ, т. IV, прим. 45).

Даніилъ былъ коронованъ въ Дрогичинѣ Папскимъ Легатомъ, назвался *Королемъ,* призналъ Папу отцомъ своимъ и Намѣстникомъ Апостоловъ. Помощь Папы состояла только въ грамотахъ, разосланныхъ въ Польшу, Богемію, Моравію, Сербію: онъ благословлялъ и уговаривалъ всѣхъ идти на Монголовъ, знаменуясь крестомъ. Никто не думалъ исполнять велѣній Папы, а Даніилъ, видя безполезность обрядовъ и условій съ Папою, отрекся отъ всякой ему покорности и отверженія своего отъ обрядовъ православныхъ. Напрасно уговаривалъ его Папа, сердился, упрекалъ въ неблагодарности, грозилъ подвергнуть наказанію церковному, стращалъ адомъ, и даже передалъ Литовцамъ полную власть отнимать у Даніила все, что они отнять могутъ. Даніилъ ничего не слушалъ (189).

Таковы были сношенія Даніила съ Папою. Онъ усердно принялъ потомъ предложеніе Белы: защищать Гертруду, вдову Фридерика Австрійскаго, отъ притѣсненій Императора и Короля Богемскаго. Явясь съ дружинами, Даніилъ удивилъ всѣхъ *великою свѣтлостью войскъ своихъ.*

---

(189) См. выше о Плано-Карпини; *Волынскій лѣт.* (Карамзина, т. IV, прим. 55, 56), и Райнальда, Annal. Eccl. т. XIII.

Воины его были въ Татарскомъ оружіи и *ярыкахъ*, кони въ личинахъ и *козрахъ* кожаныхъ. Онъ ѣхалъ подлѣ Белы, на конѣ, *дивленія подобномъ*; сѣдло и оружіе его горѣли золотомъ, и были *хитро изукрашены!* На Даніилѣ былъ кожухъ изъ Греческаго *алавира*, съ золотыми кружевами, и сапоги зеленаго сафьяна, шитые золотомъ. Послѣ немногихъ битвъ, сынъ Даніила, Романъ, женился на дочери Гертруды, и получилъ въ приданое Юденбургъ. На другой годъ Бела приглашалъ Даніила воевать Богемію. Даніилъ согласился, сколько *ради словъ Белы*, столько и *ради славы*, ибо никто изъ Русскихъ Князей не ходилъ до него ратью въ землю Богемскую. Онъ совершилъ походъ сей, хотя страдалъ жестокою глазною болѣзнію. Въ жаркой битвѣ подъ Троппау, когда Поляки, съ нимъ бывшіе, оробѣли отъ натиска Богемцевъ, Даніилъ хотѣлъ остаться одинъ и выдерживать битву. «Смерти-ли боитесь?» говорилъ онъ. «Но неужели не вѣдаете, что война безъ падшихъ не бываетъ? Вы пришли на мужей ратныхъ, а не на женъ. И лучше-ли, подобно многимъ, умереть дома безъ славы?» Левъ Даниловичъ довершилъ побѣду своимъ приходомъ. Даніилъ взялъ потомъ Носсельтъ, и гордился тѣмъ, что поставилъ хоругвь свою въ семъ градѣ, и *обличилъ* побѣду. Онъ возвратился послѣ сего въ Галичъ. Туда вскорѣ пріѣхалъ Романъ. Оста-

вленный безъ помощи Белою, Романъ не хотѣлъ измѣнять ему; но наконецъ, стѣсненный Богемцами, едва могъ спастись бѣгствомъ, покинувъ жену свою безъ защиты (190).

Воюя противъ Ятвяговъ, въ союзѣ съ Самовитомъ Мазовецкимъ, Даніилъ болѣе искалъ приключеній, нежели пользы. Ятвяги разбили Поляковъ въ сильномъ сраженіи, среди пожарища сожженнаго ими города, гдѣ дрались даже головнями, *летавшими, подобно молніи*, и гдѣ *камни сыпались, какъ дождь съ небеси.* Даніилъ шелъ на помощь; воины совѣтовали ему остановиться въ тѣснинахъ. « Мужи войскіи! не вѣдаете-ли, что Христіанамъ крѣпость даетъ пространство, а тѣснота ободряетъ только поганыхъ!» вскричалъ Даніилъ. Разбитые имъ, Ятвяги просили мира, и видя блестящія войска Даніила, говорили: «

---

(190) *Вол. Лѣт.* (Карамзина, т. IV, прим. 101). «Бѣ кони въ личинахъ и *козрѣхъ* кожаныхъ, и людіе въ *ярыцѣхъ* .... кожухъ *оловира* Грецкаго (на Даніилѣ), и сапози зеленаго *хьза.*» — *Алавиръ* значитъ: пурпуръ. Карамзинъ пишетъ, что на Даніилѣ была *одежда Греческая!* — Даніилъ согласился идти въ Богемію, «ово Короля ради, ово-же славы хотя »Слова Даніила: « Не вѣсте-ли, яко война безъ падшихъ не бываетъ? На мужи ратные пришли есте, а не на жены; иніи дома умираютъ безъ славы.»

«Не поддержать дерева сулицами, и не дерзнуть намъ на сію рать (191)!»

Важнѣе была война Даніила съ Литвою. Доселѣ мы видѣли нестройныя толпы Литовскихъ дикарей, набѣгавшія на Русь, Польшу, на Тевтонскихъ и Ливонскихъ Рыцарей. Въ сіе время они получили первую политическую осѣдлость. Изъ среды ихъ явился нѣкто Князь *Миндовгъ*; измѣною, убійствомъ, оружіемъ, онъ погубилъ многихъ другихъ Князей Литовскихъ, усилился ихъ гибелью, и сдѣлался страшенъ сосѣдямъ мужествомъ и свирѣпыми разбоями. Льстя Даніилу, женившемуся на сестрѣ его, послѣ кончины первой супруги, дочери Мстислава Удалаго, Миндовгъ просилъ его не помогать Товтивилу и Эйдивиду, двумъ племянникамъ, которыхъ лишилъ онъ наслѣдства. Но племянники также просили защиты Даніила. Онъ вступился за нихъ, думая укротить безпокойную Литву. Съ нимъ соединились Ливонскіе Рыцари и Польша. Видя опасность, Миндовгъ обратился къ Папѣ, просилъ крещенія, и принялъ Латинскую вѣру. Папа радовался, гордился новымъ Христіаниномъ. Польша и Рыцари отсту-

(191) *Вол. лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим 102). Слова Даніила: «О мужіе Христіанстіи! не вѣсте-ли, яко Христіаномъ пространство есть крѣпость, по-

пили отъ союза. Даніилъ принужденъ былъ согласиться на миръ, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшился наконецъ испытать силъ противъ Монголовъ, ободренный успѣхами, и почестью, какую видѣлъ отъ Венгровъ, Польши и Литвы. Миндовгъ отдалъ дочь свою за Свароміра, меньшаго сына Даніилова, далъ ей въ приданое одну Литовскую область, и подарилъ сверхъ того Роману Новгородокъ, Слонимъ и Волковискъ (192).

---

(192) Отселѣ достовѣрная Исторія Литвы, которую можно весьма обстоятельно почерпнуть, съ самаго начала ея, изъ *Волынской лѣтописи*, подробной и несомнительной. О басняхъ Стриковскаго см. И. Р. Н., т. III, пр. 101.—Прибавимъ здѣсь, что любопытные могутъ видѣть сокращеніе этихъ басенъ въ *Исторіи Государства Польскаго*, соч. Бандтке (Русскій переводъ, СПб. 1830 г., Т. I стр. 298, и слѣд.) Мало сыщемъ Историческихъ книгъ, въ которыхъ было-бы помѣщено столько сказокъ и нелѣпостей, какъ въ этомъ сочиненіи Бандтке! — Г-нъ Даниловичъ издалъ въ 1827 г. въ Вильнѣ книгу: *Latopisiec Litwy i Kronika Ruska*. Жаль, что сему ученому мужу попался весьма плохой сборникъ лѣтописный, а *Литовскій Лѣтописецъ* его есть позднѣйшая компиляція, вопреки мнѣнію почтеннаго Издателя, который считалъ его чѣмъ-то важнымъ. Впрочемъ, мы съ благодарностію пользовались учеными примѣчаніями Г-на Даниловича. Карамзинъ называетъ младшаго Даніилова сына: *Шварнъ*. Это уменьшительное, отъ имени: *Сва-*

Даніилъ основывалъ надежды въ борьбѣ съ Монголами особенно на потворствѣ Куремши, Монгольскаго сторожа береговъ Днѣпровскихъ. Дерзость Даніила дошла до того, что когда Милей, воевода Бакотскій, передалъ сей городъ Монголамъ, Левъ, отправленный отцомъ своимъ, полонилъ Милея, отнялъ Бакоту, захватилъ и Баскака Монгольскаго. Куремша пришелъ освобождать; Бакота снова сдалась ему, и Куремша хотѣлъ взять Кременецъ. Но жители не дались Монголамъ. Куремша поворотилъ обратно войска свои, не слушая просьбы Изяслава (внука Игорева), который умолялъ его взять Галичъ. Изяславъ рѣшился идти самъ, съ толпою сволочи, захватилъ Галичъ, и не хотѣлъ отдавать его. Отправляя Романа на Изяслава, Даніилъ говорилъ сыну: «Если въ Галичѣ встрѣтишь Татаръ, не бойся ихъ.» Но Монголовъ не было въ Галичѣ, и Изяславъ, окруженный Романомъ, сдался ему по краткомъ сопротивленіи. Даніилъ началъ потомъ отнимать города у Князей Болоховскихъ, покровительствуемыхъ Монголами, и въ 1258 году думалъ даже о походѣ на Кіевъ, подкрѣпляемый Миндовгомъ. Между тѣмъ, онъ

ромірѣ.—Письмо Папы къ Миндовгу находится у Райнальда, А. Е. т. XIV.

укрѣплялъ города свои, устроивалъ дружины. На другой годъ Куремша опять явился съ войскомъ, осаждалъ Владимiръ и Луцкъ, и былъ прогнанъ (193).

Не надѣялся-ли Данiилъ на раздоры и раздѣленiя, терзавшiя Орду? Но еще сильно и страшно было *темное царство!* Нерѣшительнаго Куремшу, « котораго не боялся Данiилъ, и съ которымъ всегда держалъ рать, » смѣнилъ новый Ханъ, Бурондай, воинъ старый и мужественный. Онъ не нападалъ на Данiила, но потребовалъ даровъ, и звалъ его на Литву. Василько соединился съ Монголами и воевалъ Литовцевъ, въ то время уже снова непрiязненныхъ Данiилу и всѣмъ Христiанамъ, ибо Миндовгъ, не оставляя никогда своего идолослуженiя, явно отказался наконецъ отъ Христiанства и Папы, когда прошла опасность (194). Литовцы его всюду ходили въ набѣги: мы видѣли ихъ подъ Торжкомъ въ 1258 году; тогда-же нападали они на Смоленскъ, и разграбили Войщину; въ 1259 году они дрались съ Данiиломъ близъ Луцка, и воевали Черниговскiя области; въ 1261 году разбили Тевтонскихъ Рыцарей, и въ сильной

(193) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 102).

(194) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 102).

битвѣ сей погибъ Великій Магистръ Ордена Гейнрихъ Фонъ-Стукландъ (195). Монголы произвели сильное опустошеніе въ областяхъ Ятвяжскихъ, и называли Даніила союзникомъ своимъ. Но черезъ два года, Бурондай вступилъ въ области самого Даніила, и возложилъ великую опалу на Василька, встрѣтившаго Монголовъ въ Шумскѣ, съ дарами и покорностью. Епископъ Холмскій, бывшій при семъ свиданіи, трепеталъ отъ ужаса. Даніилъ бѣжалъ въ Польшу, потомъ въ Венгрію. Братъ и дѣти его молили о пощадѣ. Бурондай смягчился, требовалъ одного: уничтоженія Волынскихъ и Галицкихъ крѣпостей. Исполнить такое требованіе, значило лишить себя всѣхъ средствъ защиты, плода долголѣтнихъ попеченій, трудовъ и надеждъ. Но, противиться было невозможно, и немедленно разломаны были стѣны крѣпостей въ Даниловѣ, Стожкѣ, Львовѣ, Кременцѣ, Луцкѣ. Кремль Владимірскій, крѣпче другихъ построенный, невозможно было разломать скоро, и—его зажгли! Онъ горѣлъ цѣлую ночь, пока Бурондай, довольный покорностью, дружески пировалъ у Василька. Онъ оставилъ крѣпость только въ Холмѣ, и снова звалъ Василька на ратное дѣло (196). Принужденный согла-

---

(195) По извѣстіямъ Польскимъ.

(196) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 102).

шаться, Василько былъ участникомъ погибели Сендомира, гдѣ безоружныхъ жителей рѣзали безчеловѣчно. Бурондаи поворотилъ послѣ сего полчища свои за Днѣпръ. Литовцы мстили Васильку набѣгомъ, за походы его въ соединеніи съ Бурондаемъ. Но вскорѣ важное событіе измѣнило порядокъ дѣлъ въ Литвѣ. Мстя Миндовгу за обольщеніе жены, одинъ изъ Литовскихъ Князей убилъ его. Смерть Миндовга была знакомъ кровопролитныхъ смятеній, въ коихъ погибъ и Товтивилъ, княжившій въ Полоцкѣ. Многіе Литовцы бѣжали тогда въ Псковъ, Новгородъ, на Волынь (197).

Но за Миндовга явился страшный мститель— сынъ его *Воишелгъ*. Сей Князь, свирѣпый воинъ и тиранъ подвластныхъ, былъ правою рукою отца, воевалъ безстрашно, казнилъ безъ суда, и печалился въ тотъ день, когда палачамъ его не было жертвы. Совсѣмъ неожиданно, Воишелгъ почувствовалъ раскаяніе, опечалился, поѣхалъ въ Галичъ къ Даніилу; тамъ бесѣдовалъ онъ съ какимъ-то святымъ отшельникомъ Григоріемъ, постригся, и три года провелъ въ трудахъ иночества. Ревнуя благочестію, Воишелгъ рѣшился даже идти въ Аѳонскія горы; но принужденъ бывъ воротиться изъ Венгріи, основалъ монастырь въ Литовскомъ Новгородѣ,

---

(197) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 119).

на берегахъ Нѣмена, и не слушалъ словъ Миндовга, умолявшаго Воишелга оставить иночество. Смерть Миндовга воспламенила сына его всею прежнею бодростью. Онъ сбросилъ съ себя иноческую одежду, поклялся не надѣвать ея, пока не отмститъ за память отца, собралъ дружины, и началъ плавать въ крови враговъ своихъ. Нося потомъ мантію монаха сверхъ великолѣпнаго Княжескаго одѣянія, Воишелгъ сдѣлался главнымъ повелителемъ Литовскихъ племенъ (198).

Среди сихъ смятеній и безпрерывныхъ битвъ съ сосѣдями, Польшею и Литвою, Даніилъ прешелъ къ отцамъ своимъ. Его похоронили въ любимомъ его Холмѣ. Годъ кончины его замѣтили современники появленіемъ кометы (1265 г.) « звѣзды хвостатой, явившейся на востокѣ образомъ страшнымъ, и испускавшей изъ себя лучи великіе. Сію звѣзду, « прибавляютъ лѣтописцы, « иные называли власатою; страхъ обнималъ людей, а хитрецы толковали, что будетъ великій мятежъ на землѣ; однакожь, слава Богу, ничего не

---

(198) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV. пр. 119) — *Стр. Врем.* годы 1263, 1265. Соблазняясь монашескою мантіею Воишелга, современники называли его *волкомъ въ овечьей кожѣ*.

было (199).» — По смерти Даніила, Василько началъ княжить на Волыни; дѣти Даніила владѣли: *Левъ*, старшій, въ Перемышлѣ, *Мстиславъ* въ Луцкѣ; удѣлъ *Свароміра* былъ обширнѣе другихъ — ему достались Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ. Дядя и племянники дружно отразили нападеніе Поляковъ, мстившихъ Свароміру за участіе въ набѣгѣ Литовцевъ. Василько былъ уважаемъ Воишелгомъ, который называлъ его своимъ отцомъ и господиномъ. Воишелгъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое обѣщаніе: призвалъ къ себѣ Свароміра, отдалъ ему во владѣніе Литовское свое Княжество, и снова скрылся въ Новогородскій монастырь. Усиленіе Свароміра возбудило зависть и злобу Льва. Онъ рѣшился мстить виновнику усиленія брата. Воишелгъ проводилъ жизнь уединенную, постную, призвалъ къ себѣ Григорія Мудраго, и радовался, что живетъ съ нимъ, близъ сына своего Свароміра и отца Василька. Левъ послалъ сказать Васильку, что пріѣдетъ къ нему на совѣтъ, гдѣ надобно быть и Воишелгу. Долго не вѣрилъ и сомнѣвался Воишелгъ; но Василько ручался за его безопасность. Воишелгъ прибылъ

---

(199) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 141) Прекрасно выраженіе сей Лѣтописи о Даніилѣ: « *братолюбіемъ свѣтяся* съ братомъ Василькомъ. » — Романъ Даніиловичъ скончался прежде отца.

во Владиміръ, и весело пировалъ съ Василькомъ, Львомъ и Свароміромъ у Боярина Маркольта. Онъ возвратился въ монастырь свой, и вдругъ явился туда Левъ, съ воинами, схватилъ несчастнаго Князя-инока, исчислилъ ему обиды его, и разрубилъ ему голову саблею. Василько и братья Льва негодовали, честно похоронили Воишелга въ обители Владимірской Св. Михайла Архангела, но не мстили. Левъ остался спокоенъ послѣ злодѣйства, отвратительнаго и безплоднаго, ибо Сварожіръ по прежнему правилъ Литовскими и Галицкими областями. Онъ вскорѣ скончался (200). Василько былъ уже въ преклонныхъ годахъ своихъ, и утомленный жизнію, мятежною, безпокойною съ самаго дѣтства, отказался отъ міра, отдалъ доброму сыну своему Владиміру княжество, и нѣсколько времени спасался во власяницѣ отшельника, жилъ въ пещерѣ, и умеръ тамъ въ 1269 году. Его положили съ предками въ соборной Владимірской церкви. Левъ наслѣдовалъ Галицкія области послѣ Свароміра; но Литва не покорилась ему. Такъ возсталъ новый тиранъ и воинъ смѣлый, *Тройденъ*. Грабежи и набѣги снова ознаменовали имя Литовцевъ у всѣхъ сосѣдей. Левъ поселился между тѣмъ во Львовѣ, дружился съ Тройденомъ, ждалъ случая къ бит-

(200) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 142).

вамъ, и радовался, что Тройденъ не любитъ Владиміра и воюетъ его области (201).

Въ такихъ событіяхъ, рукою *Миндовга*, *Воишелга* и *Тройдена* укрѣплялось болѣе и болѣе политическое бытіе Литвы. Но все еще одинъ грабежъ, одно желаніе набѣговъ руководили толпы дикарей Литовскихъ. Полоцкъ погибъ уже въ сіе время для Руси; имъ владѣли Литовцы. Смоленскія области заняты были безпрерывнымъ отбоемъ набѣговъ Литовскихъ.

Въ другихъ областяхъ Руси не происходило ничего замѣчательнаго. Потомки добраго Константина держали свои удѣлы въ Ярославлѣ, Ростовѣ, на Бѣлѣозерѣ, дружили Владимірскимъ Князьямъ, вмѣстѣ съ ними ѣздили кланяться въ Орду, и отдѣльно являлись къ разнымъ Монгольскимъ Ханамъ (202). Въ 1257 году, Глѣбъ Васильковичъ женился въ Ордѣ на Монголкѣ. Это соблазняло многихъ, не смотря на благочестіе Князя, строившаго монастыри и церкви. Онъ скончался въ 1279 г., и похороненъ былъ честно Епископомъ Игнатіемъ въ соборной церкви. Но черезъ 9-ть недѣль, Епископъ велѣлъ вырыть гробъ Князя, и похоронить его въ одномъ изъ монастырей. Митрополитъ Кириллъ раз-

(201) Карамзинъ, т. IV, пр. 144.
(202) Ист. Г. Р. т. IV, прим. 84.

гнѣвался за такой *судъ надъ мертвецомъ, прежде суда Божія*, и хотя потомъ простилъ Игнатія, но укорялъ его, говоря: «Когда Глѣбъ былъ живъ, ты унижался передъ нимъ, бралъ дары, ѣлъ и пилъ за его трапезою, а теперь, вмѣсто благодарности, обругалъ тѣло его. Кайся за свое безуміе, и моли Бога, да проститъ тяжкій грѣхъ твой (203).»—Изъ событій Рязанскихъ знаемъ только о смерти Князя Олега, который нѣсколько лѣтъ жилъ въ Ордѣ, и возвратясь оттуда умеръ схимникомъ въ 1258 году, оставивъ Рязань сыну своему Роману (204). — Участь Черниговскихъ Князей, дѣтей Михаиловыхъ,

---

(203) Карамзинъ, т. IV, пр. 179.—Глѣбъ построилъ между прочимъ знаменитый Спасо-Каменскій монастырь, на Кубенскомъ озерѣ, и монастырь Устьшехонскій—древнѣйшій въ сей отдаленной части сѣверныхъ областей Руси. Пишутъ также, что сей Князь плылъ однажды изъ Кубенскаго озера рѣкою Сухоною, и велѣлъ прокопать каналъ для прямаго хода, тамъ, гдѣ Сухона изгибалась прежде *кривою лукою*, и что съ тѣхъ поръ сей каналъ называется *Княже-Глѣбова прость*. Прежнее теченіе рѣки въ семъ мѣстѣ донынѣ сохранило названіе: *окружная Сухона*; другая *Князя Глѣба прость* находится на рѣкѣ Вологдѣ (Ист. Росс. Іер. т. IV, 327, 329).

(204) Родословная Князей Рязанскихъ чрезвычайно перепутана до сего Олега Какой-же *Олегъ* былъ убитъ Монголами въ 1237 году?

Романа, Мстислава, Симеона, Юрія, княживших въ Брянскѣ, Карачевѣ, Глуховѣ и Тарусѣ, была общею участью всѣхъ другихъ Князей Русскихъ. Романъ Брянскій былъ храбрымъ защитникомъ своего владѣнія противъ Литвы. Набѣгъ Литовскій въ 1263 году засталъ Князя на свадебномъ пирѣ: онъ отдавалъ любимую дочь за Владиміра Васильковича, Владимірскаго; Романъ немедленно сѣлъ на коня, бился, былъ раненъ, побѣдилъ, и возвратился допировать свадьбу. Дочь Василька была выдана за одного изъ Черниговскихъ Князей, Андрея Всеволодовича. Слухъ о приходѣ Буроидая засталъ Даніила и дѣтей его на сей свадьбѣ, во Владимірѣ (205).

---

(205) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 102). Тщетный былъ-бы трудъ вывести вѣрное родословіе всѣхъ Князей Олегова рода, послѣ нашествія Монголовъ! Они были забыты настоящею Русью, гибли подъ мечемъ Монголовъ и въ безвѣстныхъ междоусобіяхъ, подпавъ вскорѣ потомъ власти Литовскихъ Князей, и потерявъ свою Русскую народность. Видимъ отъ времени до времени появленіе Князей Рыльскихъ, Липецкихъ, Брянскихъ, и проч., отъ которыхъ произошли потомъ Князья Глуховскіе, Новосильскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Карачевскіе, Тарусскіе, Оболенскіе, Хотетовскіе, Масальскіе, Перемышльскіе, Мезецкіе, Туренины, Тростенскіе, и проч., присоединившіеся къ родной Русской сторонѣ,

Смятенія, бывшія въ Литвѣ послѣ Миндовга, заставили многихъ, какъ мы упомянули, Князей и простолюдиновъ Литовскихъ, бѣжать въ Русскія области. Сіе бѣгство дало Пскову крѣпкаго защитника: одинъ изъ Князей Литовскихъ, Довмонтъ, выѣхалъ въ Псковъ, былъ тамъ встрѣченъ радушно и принялъ Христіанскую вѣру. Псковичи совершили обрядъ крещенія его въ соборной Троицкой церкви. Названный *Тимоѳеемъ*, Довмонтъ ревновалъ мстить за Христіанъ прежнимъ родичамъ своимъ, собралъ небольшую дружину Псковскую, напалъ на Литовцевъ, сдѣлалъ жестокое опустошеніе, убилъ нѣсколько Князьковъ, и возвратился въ Псковъ — *съ побѣдою*, какъ говорили Псковитяне, ибо считали безчеловѣчный набѣгъ Довмонта побѣдой. Обрадованный Псковъ призналъ послѣ сего Довмонта Княземъ Псковскимъ, и Новгородцы дали на то свое согласіе (206).

—⁂—

когда начала возставать снова Русь; сіи роды, вмѣстѣ съ другими, составили аристократію Московскихъ Великихъ Князей,

(206) Новг. и Строевск. Лѣт. *годъ* 1266.

ГЛАВА III.

Ноября 23-го, 1263 года, прешелъ къ отцамъ Александръ Невскій, и брашъ его *Ярославъ Ярославичъ Тверской* принялъ названіе *Великаго Князя*. Онъ переѣхалъ во Владиміръ; Тверь осшалась удѣломъ дѣшей его; брашъ *Василій* слушался Ярослава находясь въ Косшромскомъ удѣлѣ своемъ, шакъ-же какъ и дѣши Невскаго: *Димитрій*, осшавшійся въ Новгородѣ, *Андрей*, Князь Городца Волжскаго, и *Даніилъ* Князь Московскій. Пошомки сшаршаго рода, *Константинова*, владѣли Ярославлемъ, Росшовомъ, сѣверными обласшями. Дѣши *Андрея Ярославича* власшвовали надъ Суздалемъ и Нижнимъ Новгородомъ. Если присовокупимъ къ эшому *Рязань* и мѣлкіе удѣлы Князей *Стародубскихъ* и *Галицкихъ*, шо увидимъ весь объемъ полишической сисшемы сѣверной Руси (207).

---

(207) Князья *Стародубскіе* (Исш. Р. Н. ш. III, прим. 216) происходили отъ *Іоанна Всеволодовича*, восьмаго сына Всеволодова; Князья *Галицкіе* отъ *Константина Ярославича*, чешвершаго сына Ярославова, бывшаго въ Монголіи при Дворѣ Огошая, въ 1244-мъ

Отношенія Князя, называвшагося *Великимъ*, могли ограничиваться немногимъ: Ордою, управленіемъ Великаго Княжества, и Новгородомъ. Ярославъ хотѣлъ, кажется, дѣйствовать подобно брату Александру: смиряться предъ Монголами, ладить съ другими Князьями, стараться держать въ возможной зависимости Новгородъ, и смиренно нести иго рабства, употребляя всѣ силы, чтобы гдѣ нибудь не проявилась воля народная, желавшая—не свергнуть иго, ибо о семъ невозможно было подумать, но—дать свободу буйному, мгновенному удальству, всегда гро-

---

году. Присовокупивъ къ нимъ потомковъ *Константина Всеволодовича* и *Святослава Всеволодовича* (низвергнутаго съ Великаго Княжества Александромъ Невскимъ), находимъ *четыре* рода, происшедшіе отъ Всеволода Георгіевича, но *не искавшіе уже Великокняжества*. Они довольствовались своими удѣлами, повиновались сильнѣйшимъ и постепенно исчезали, пока идея объ удержаніи Великокняжества нисходила отъ дѣтей Всеволода въ родъ одного *Ярослава Всеволодовича*, потомъ въ родъ одного *Александра Ярославича*, наконецъ въ родъ *Даніила Александровича*, сына его *Іоанна Калиты*, сына Калиты *Іоанна* II-го, внука *Димитрія Донскаго*, правнука *Василія Димитріевича*, гдѣ, отъ Василія Темнаго, сосредоточилась въ *ІоаннѣIII-мъ*. Потомки Андрея Ярославича, составляя сильное *Княжество Суздальское*, долго соперничали съ потомками Невскаго, такъ-же какъ и *Тверскіе* Князья.

зившему неизбѣжнымъ и безполезнымъ бѣдствіемъ и наказаніемъ (208).

Скоро Ярославъ успѣлъ въ большемъ обладаніи Новгородомъ: онъ назвался *Княземъ Новогородскимъ*, изгнавъ изъ Новгорода сына Невскаго. Преемникъ Михалка, переведенный изъ Ладоги (въ 1257 г.) Посадникъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, возсталъ противъ юнаго Князя. Говорили на Вѣчѣ, что Князь молодъ, что лучше Новгороду избрать защитника крѣпкаго, и Вѣче избрало Ярослава. Новгородцы не думали однакожъ отдаться въ безусловную волю его. Для насъ сохранился тогдашній договоръ ихъ съ Ярославомъ — *древнѣйшая* Новгородская грамата. Мы излагали уже содержаніе сего важнаго дипломатическаго памятника, говоря о правахъ Новгородскихъ, и отношеніяхъ Новгорода къ Князьямъ. Новгородъ не заботился о признаніи въ особѣ Ярослава титула Великокняжескаго. Ярославъ обязывался держать Новгородъ на всей его волѣ, *по старымъ граматамъ прежнихъ Князей*, не опредѣлять своихъ чиновниковъ въ Новгородскихъ областяхъ и въ

---

(208) Это въ духѣ Русскомъ, и ничѣмъ другимъ не должно изъяснять многихъ событій, каковы: избіеніе Бесерменскихъ откупщиковъ, сопротивленіе Новгородцевъ Численникамъ Монгольскимъ, убіеніе Шевкала въ Твери, и проч.

Новгородской части Торжка; установлялъ даже всѣ мѣлкія выгоды Княжескія; подтверждалъ прежнія распоряженія Князей въ Новгородѣ; опредѣлялъ мыты и пошлины съ Новгородской торговли въ другихъ областяхъ; возвращалъ все, что успѣлъ захватить у Новгородцевъ Александръ Невскій, впрочемъ столь уважаемый Новгородцами (209).

Ярославъ думалъ воспользоваться правомъ повелителя дружинъ Новгородскихъ. Онъ хотѣлъ изгнать Довмонта изъ Пскова, и привелъ для того дружины Суздальскія. Новгородцы видѣли въ Довмонтѣ добраго защитника отъ Литвы и Рыцарей, и не соглашались съ Ярославомъ. «Ступай на Псковъ, но по рѣшенію нашему,» говорили они. Ярославъ не заспорилъ, отпустилъ дружины свои, а Довмонтъ снова *ходилъ* на Литву съ Новгородцами (210).

Черезъ годъ (въ 1268 г.) начались на Вѣчѣ совѣщанія о новомъ, большомъ походѣ. Войско собиралось, выступало, но еще не знало куда идетъ. Георгій, сынъ Андрея Городецкаго, оставленный въ Новгородѣ Ярославомъ, былъ согласенъ на походъ; Вѣче ничего не рѣшало: одни хотѣли воевать Литву, другіе идти на По-

---

(209) Договоромъ Ярослава начинается *Собраніе Госуд. грамат* (см. сей договоръ въ приложеніяхъ къ II-му т. *Ист. Русск. Народа*, статья I).

(210) Новг. Лѣт. годъ 1266.

лоцкъ, трепьи на Ревель, драться съ Датчанами. Наконецъ, отъ Дубровны воротились всѣ дружины, и обратились на Везенбергъ, или Раковоръ. Несогласіе ихъ было причиною неуспѣха. Осадили Везенбергъ; одинъ изъ братьевъ Сбыславичей былъ убитъ на приступѣ, и Новгородцы воротились. Посадникъ Михаилъ управлялъ тогда Вѣчемъ. Рѣшили изготовиться въ дальній походъ; послали звать въ Новгородъ Димитрія Александровича и самого Ярослава. Великій Князь не пріѣхалъ, но прислалъ дѣтей: *Святослава* и *Михаила*; явился и Димитрій Александровичъ. Между тѣмъ готовили осадныя орудія. Тогда пріѣхали Послы отъ Ливонскихъ Рыцарей. «Слышимъ о вашихъ приготовленіяхъ» — говорили они « — но мы съ вами въ мирѣ. Надѣемся, что вы сбираетесь не на Ливонію, а хотите испытать силы на Ревелѣ и Везенбергѣ.» Новгородцы потребовали отъ Рыцарей подтвержденія мира, и въ Январѣ выступила большая рать ихъ на Датчанъ, съ Князьями и Довмонтомъ. Войско шло тремя отрядами, жгло, губило туземцевъ, осадило Везенбергъ, и съ изумленіемъ увидѣло передъ собою соединенныя Ливонскія и Датскія дружины, въ великомъ множествѣ. Рѣшились сражаться, и дали бой, славный потомъ въ Новгородскихъ преданіяхъ подъ именемъ *Раковорскаго*. Битва сія казалась Новгородцамъ достопамятною. Они говорили,

что совокупилась на нихъ тогда «вся земля Нѣмецкая; что оружіе враговъ уподоблялось лѣсу дремучему, и побоище было страшно, какого не видывали ни отцы, ни дѣды.» Войско перешло рѣку Кеголу 18-го Февраля; Довмонтъ, со Псковичами, взялъ правую руку; Георгій лѣвую, съ соединенными низовыми дружинами; Димитрій и Новгородцы стали противъ средины, или головы *желѣзной свиньи*, столь гибельной въ битвѣ. Георгій не устоялъ; но Довмонтъ и Димитрій бились крѣпко—Посадникъ и множество знатныхъ Новгородцевъ пало въ битвѣ; наконецъ враги оробѣли, побѣжали; Новгородцы гнались за ними до Везенберга. Возвращаясь, увидѣли новый отрядъ непріятельскій, и хотѣли снова биться; ночь развела сражающихся. Три дня стояли послѣ сего Новгородцы *на костяхъ*, но не видали непріятеля. Битва такъ ослабила ихъ однакожъ, что надобно было воротиться въ Новгородъ. Съ горестію схоронивъ у Св. Софіи Михаила, *честно отдавшаго животъ свой*, Вѣче избрало въ Посадники сына достопамятнаго Ананіи, Павшу (211).

---

(211) Новг. Лѣт. годъ 1268. Кельхъ относитъ Раковорскую битву къ 1272 г., но несправедливо: онъ явно мѣшается и въ лѣтосчисленіи смерти Миндовга, стр. 96. Битва Раковорская подробнѣе другихъ описана въ *Строевск. Соф.*, т. 1, стр. 278.

На другой годъ (1269-й) Магистръ Ливонскій предупредилъ Новгородцевъ, и явился съ 18,000-ми подъ Псковомъ. Новгородцы, съ Княземъ Георгіемъ, спѣшили помогать Довмонту, уже десять дней мужественно защищавшему Псковъ. Помощь Новгородцевъ заставила Рыцарей мириться; заключили миръ, забывая вѣроломство Ливонцевъ. Ярославъ прибылъ тогда въ Новгородъ, и изъявилъ сильное негодованіе: «Къ чему вздумалось вамъ разссориться съ Нѣмцами?» говорилъ онъ; винилъ Сбыславичей, не одобрялъ выбора Павши въ Посадники, хотѣлъ отнять Новгородскія волости, или грозилъ уѣхать и оставить Новгородъ. Вѣче умоляло его отложить гнѣвъ, доказывая, какъ нужно было согласіе, при не конченной еще непріязни съ Нѣмцами. Ярославъ ничего не слушалъ, уѣхалъ, и воротился уже отъ Бронницъ, куда уговаривать его посылали Владыку и *вящшихъ людей*. Новгородъ смѣнилъ Павшу, и избралъ въ Посадники Ратибора, услужника Ярославова. Думая угодить Новгородцамъ походомъ, Ярославъ послалъ за Суздальскими дружинами, а между тѣмъ самовольствовалъ; Новгородцы терпѣли. Дружины Суздальскія явились во множествѣ, (даже Баскакъ Владимірскій, Амраганъ, пріѣхалъ съ ними); рѣшено было идти на Ревель; но отъ Датчанъ пріѣхали Послы, предлагая миръ, отступаясь отъ владѣнія Наровою, за что,

вѣроятно, было все несогласіе. Новгородцы *погадали*, и заключили миръ. Ярославъ хотѣлъ идти съ ними на Карелу, но Вѣче просило его отложить походъ безполезный (212).

Отославъ дружины свои, самъ Великій Князь остался въ Новгородѣ, и вскорѣ Новгородцы истощили съ нимъ терпѣніе. Онъ занялъ поля и Волховъ своею охотою (заячьими и гоголиными ловцами); отнималъ дворы у непріязненныхъ ему людей; бралъ съ нихъ окупы; переводилъ къ себѣ иноземцевъ; приставилъ своего чиновника къ Нѣмецкому Гостиному Двору; слушалъ доносы слугъ, отнималъ сборы у городскихъ священниковъ, ссорился съ Владыкою (213). Вѣче зашумѣло и собралось на Ярославовомъ Дворѣ; сообщниковъ Ярослава прибили, даже умертвили одного изъ нихъ; другіе спаслись въ Никольской церкви, и Посадникъ Ратиборъ бѣжалъ на Городище къ Князю, куда предстали посланные отъ Вѣча, съ исчисленіемъ обидъ и *словомъ Новгородскимъ*, что Новгородъ не можетъ терпѣть насилія, промыслитъ себѣ другаго Князя, и *приказываетъ* Ярославу ѣхать прочь. Князь испугался, прислалъ на Вѣче сына Святослава, кланяться, просить; обѣщалъ цѣловать крестъ

(212) Кельхъ, и Новг. Лѣт. 1269-й годъ.

(213) Новг. Лѣт. годъ 1270-й.

на всей волѣ Новгородской. « Прочь, прочь Князя!» Кричало Вѣче. « Не хотимъ его; пусть идетъ, или всѣмъ Новгородомъ придемъ и прогонимъ его отъ себя!» Ярославъ въ гнѣвѣ уѣхалъ, взялъ съ собою Ратибора, и забывъ совѣсть хотѣлъ отмстить за обиду безбожно. Ратиборъ отправленъ былъ отъ него въ Орду, и тамъ безстыдно оклеветалъ вольный городъ: « Новгородцы не слушаютъ тебя; мы собирали тебѣ дань, Царь державный, а они насъ выгнали, иныхъ убили, у другихъ домы разграбили, и самого Ярослава обезчествовали. » Такъ говорилъ Ратиборъ. Ханъ велѣлъ двинуть войско— страхъ предшествовалъ ему. Тѣмъ болѣе оробѣли Новгородцы, что пославъ звать къ себѣ Раковорскаго героя, Князя Димитрія Александровича, получили отказъ его. « Не хочу взять княженія подъ дядею»—отвѣчалъ честный Князь, и присовокупилъ свои Переяславскія дружины къ Владимірскимъ. Новогородцы отдохнули, когда Василій Ярославичъ Костромской прислалъ къ нимъ, поклониться Св. Софіи, извѣстить о соединеніи Ярослава, Димитрія, и Глѣба Смоленскаго, и сказать, что ему жаль своей отчины, Новгорода, и онъ ѣдетъ въ Орду —отвратить походъ войска Ханскаго. Въ самомъ дѣлѣ, Василій Ярославичъ поѣхалъ въ Орду, объяснилъ Хану клеветы на Новгородъ, оправилъ его, и обвинилъ Ярослава. Ханъ велѣлъ воротиться

своему войску. Новгородцы ободрились, думали[7], что съ однимъ Ярославомъ и союзниками его управятся, обнесли городъ тыномъ, не хотѣли слышать болѣе о Ярославѣ, и когда увидѣли передовыя дружины его, весь городъ, отъ мала до велика, бросился къ оружію. Два дня стояли пѣшіе воины Новгородцевъ за Жилотугомъ, а конники за Городищемъ. Ярославъ повернулъ къ Русѣ, остановился тамъ, и прислалъ въ Новгородъ—мириться, увѣряя, что оставляетъ всякую злобу, и что другіе Князья поручатся за него. « Нѣтъ ! » отвѣчали Новгородцы. « Ты вздумалъ на Святую Софію. иди-же! Честно умремъ мы всѣ за Св. Софію. Нѣтъ у насъ Князя, но съ нами Богъ, правда и Святая Софія. Не хотимъ тебя ! » Отвсюду изъ волостей Новогородскихъ, Ладоги, Ижоры, Карелы, Водской Пятины, сходились люди; дружины Псковскія были съ ними за одно. Всѣ двинулись наконецъ на встрѣчу Ярославу, и цѣлую недѣлю ополченіе Новгородское стояло на берегу рѣки, не начиная битвы; Ярославъ находился на другомъ берегу, и также не начиналъ. Еще разъ прислалъ онъ просить мира; тогда-же Новгородцы получили грамату увѣщательную отъ Митрополита. « Мнѣ поручилъ Богъ Архіепископію въ Русской землѣ « писалъ Владыка, « вамъ подобаетъ слушать Бога и меня. Не проливайте крови. Ярославъ ли-

шается всей злобы своей на васъ, а я ручаюсь за него. Если вы дали клятву не покоряться Ярославу, снимаю ее, и наложу на себя за то эпитимью.» Наконецъ пріѣхали послы Монгольскіе, *сажать Ярослава на княженіе Новгородское*; забывъ хитрость Ярослава, Монголы покровительствовали ему. Новгородцы уступили, и договоръ съ нимъ былъ возобновленъ. Ярославъ въѣхалъ въ Новгородъ, соглашаясь на все прежнее; обѣщалъ отложить гнѣвъ на Посадника, и на весь Новгородъ, отъ мала до велика; не мстить ни судомъ, и ничѣмъ; не держать гнѣва и на Владыку; отпустить всѣхъ Новогородцевъ, гдѣ кто захваченъ, отдать полоненныхъ людей, коней, товаръ (214).

Симъ кончились дѣла, три года занимавшія всю сѣверную Русь. Ярославъ послалъ было еще разъ во Псковъ, смѣнить Довмонта; но, кажется, его не послушали. Онъ хотѣлъ упрочить безопасность свою со стороны Орды, гдѣ съ 1266 года властвовалъ третій братъ Батыя, Менгу-Темиръ, наслѣдовавшій Берку. Ревностный поборникъ Исламизма, Менгу-Темиръ былъ добръ, и первый облегчилъ страшную тягость, лежавшую надъ Русскими областями — откупщ бесерменскіе. Ярославъ отправился кланяться

(214) Нов. Лѣт. годъ 1270; Собр. Гос. Граматъ ч. 1, № 3-й.

ему въ Ордѣ, и скончался возвращаясь оттуда, въ 1272 году. Тѣло его привезли въ Тверь, гдѣ Ярославу наслѣдовалъ сынъ его, Святославъ (215).

Память Ярослава была дорога Тверитянамъ: онъ первый возвеличилъ сей городъ, дотолѣ незначительный, и былъ родоначальникомъ Тверскихъ Князей. Супруга Ярослава осталась послѣ него беременною, и родила *Михаила*, достопамятнаго кончиною, и тѣмъ, что онъ поставилъ Тверь сильною соперницею Владиміра. Поэтическій разсказъ украсилъ память втораго супружества Ярославова. При Ярославѣ назначенъ былъ первый Епископъ въ Твери, устроились многія церкви, обители, и городъ быстро началъ распространяться (216).

---

(215) На мѣсто Довмонта, Ярославъ опредѣлялъ какого-то *Айгуста* (вѣроятно, также Литовца). Ярославъ погребенъ въ Тверской церкви Козьмы и Даміана (*Новг. и Троицк. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 137).

(216) *Старшій* Михаилъ Ярославичъ скончался въ одно время съ отцомъ. Первая супруга Ярославова погибла въ Переяславлѣ въ 1252 году. Преданіе говорило, что Ярославъ оставался послѣ того вдовымъ; что у него былъ любимецъ, *отрокъ* (т. е. воинъ) *Григорій*; что сей Григорій поѣхалъ жениться, влюбленный въ дочь простаго причетника церкви села Едимонова, и, когда все готовилось къ его вѣнчанію, Ярославъ, занимавшійся соколиною охотою, былъ завлеченъ въ Едимоново: соколъ его сѣлъ на тамошней

Новогородцы столько-же гордились Раковорскимъ походомъ, сколько и твердостью, съ какою удержали прихотливое самовластіе Великаго Князя. То и другое пріобрѣло имъ уваженіе въ глазахъ другихъ, такъ, что по смерти Ярослава, ихъ рѣшенія потребовали двое Князей, искавшихъ названія *Великаго*: Димитрій Александровичъ Переяславскій и Василій Ярославичъ Костромской. Первый надѣялся на именитость свою въ Новгородѣ; другой на услугу, оказанную Новгородцамъ отстраненіемъ полчищъ Монгольскихъ. Послы Димитрія *стали съ поклономъ* на Вѣчѣ, собранномъ во дворѣ Ярослава; противъ нихъ стали съ поклономъ Послы Василія. Посадникъ Павша рѣшилъ дѣло: Новгородъ избралъ Димитрія, вопреки рѣшенію Суздальскихъ областей, принявшихъ Василія. Димитрій спѣшилъ пріѣхать въ Новгородъ, а оскорбленный Василій послалъ дружины на Переяславль. Но потомъ онъ оборотилъ ихъ къ Торжку, сжегъ часть сего города, и опусто-

---

церкви. Князь вошелъ въ церковь, увидѣлъ свадебный поѣздъ, невѣсту, и предложилъ ей свою руку. Невѣрная предпочла Ярослава Григорію! Бѣдный Григорій съ печали постригся, и основалъ въ Твери монастырь *Отрочь*, донынѣ существующій. Сказка, внесенная однакожъ въ *Житіе Михаила Тверскаго*, соч. Архимандритомъ Макаріемъ, о которомъ см. прим. 269.

шилъ область, вспомоществуемый Святославомъ Тверскимъ. Новгородцы прислали Пословъ; Василій не слушалъ ихъ, и Димитрій выступилъ изъ Новгорода съ дружинами. Между тѣмъ, въ Суздальскихъ областяхъ захватили Новгородскихъ купцовъ и отняли у нихъ товары. Это подѣйствовало сильнѣе всякой войны. «У насъ не будетъ хлѣба; раззорятся наши торги,» говорили Новгородцы. Димитрій согласился съ ними, самъ отказался отъ Великаго Княжества, и уѣхалъ въ Переяславль. Съ нимъ отправился Павша, боясь мщенія Василіева. Но добрый Василій кончилъ все миролюбиво. Онъ обласкалъ Павшу, возвратилъ ему Посадничество, гостилъ у Новгородцевъ, не мстилъ Димитрію, и тихо провелъ маловременное княженіе свое; ѣздилъ еще разъ въ Новгородъ, и былъ въ Ордѣ, можетъ быть, потому, что Менгу-Темиръ велѣлъ сдѣлать тогда новое *численіе* Руси. Василій не оставлялъ Костромы, и тамъ скончался въ 1277 году. Его съ честію похоронили съѣхавшіеся въ Кострому Князья: Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Михаилъ Стародубскій, Θеодоръ Ярославскій. Димитрій Александровичъ былъ также въ Костромѣ и принялъ тамъ названіе Великаго Князя (217).

---

(217) Новгор. Лѣт. годъ 1272 й; Ист. Г. Р. т. IV, пр. 152. Василію было только 36 лѣтъ.

Можно было предполагать, что Димитрій, дотолѣ Князь добрый и храбрый, крѣпко и честно будетъ править Великимъ Княжествомъ. Но, совсѣмъ неожиданно, княженіе его было несчастно для подвластныхъ ему, горестно и безславно для него самого. Еще болѣе: примѣры его княженія родили послѣдствія бѣдственныя, и съ его времени долго Русь была терзаема междоусобіями, которыя переходили въ Москву, Владиміръ, Тверь, Новгородъ, и напоминая кровопролитія прежнихъ Удѣловъ, были тѣмъ отвратительнѣе, что соединялись съ рабскимъ униженіемъ передъ повелителями Руси, и что мечи Монголовъ были направляемы Князьями на пагубу родныхъ и ближнихъ. Напрасно думали и говорили подвластные Князьямъ: «О возлюбленные Князья Русскіе! не прельщайтесь *пустошною* славою свѣта сего, которая хуже паутины, и какъ тѣнь идетъ мимо: не принесли вы на сей свѣтъ ничего, ничего и отнести не можете (218)» . . . . Князья и вельможи не такъ думали, а порывы страстей—не умираютъ и въ темницѣ.

Дотолѣ радушный къ Новгородцамъ, Димитрій повелъ ихъ въ Корельскую землю (1280 г.), раззорилъ ее, заложилъ потомъ городокъ въ Копорьѣ, и оставилъ въ немъ свою дружину.

(218) Строевскій врем. т. I, ст. 283.

Новгородцы не соглашались на построеніе городка и оставленіе дружины Княжеской, ссылаясь на слова договоровъ: » волостей Новгородскихъ своими людьми не держать. » Димитрій не послушался, уѣхалъ изъ Новгорода съ гнѣвомъ, и готовилъ войско. Новгородцы просили у него мира, и согласились уступить—можетъ быть, потому, что предвидѣли близкія событія въ Суздальской области (219).

Димитрій слышалъ объ отъѣздѣ въ Орду брата своего, Андрея Александровича, Князя Городецкаго, и находясь въ своемъ Переяславлѣ съ изумленіемъ узналъ, что Андрей возвратился съ Ордынскимъ войскомъ, и грамотою Хана на Великое Княжество. Остановясь у Мурома, Андрей звалъ къ себѣ Русскихъ Князей, а Монголы пошли *изгонять* Димитрія: изгонъ этотъ былъ гибеленъ—веси, грады пылали, были раззорены; мужей ожидала смерть, дѣвъ позорило безчестіе; церкви были ограблены. Димитрій бѣжалъ безъ всякаго сопротивленія; Князья Ростовскій, Ярославскій, Стародубскій, соединились съ Андреемъ. Области Муромскія, Владимірскія, Суздальскія, всѣ мѣста до самой Твери и Ростова, были опустошены защитниками Андрея. Переяславль взяли они и разграбили Декабря 19-го.

---

(219) Воскр. Лѣт. годъ 1279-й.

На другой годъ (1269-й) Магистръ Ливонскій предупредилъ Новгородцевъ, и явился съ 18,000-ми подъ Псковомъ. Новгородцы, съ Княземъ Георгіемъ, спѣшили помогать Довмонту, уже десять дней мужественно защищавшему Псковъ. Помощь Новгородцевъ заставила Рыцарей мириться; заключили миръ, забывая вѣроломство Ливонцевъ. Ярославъ прибылъ тогда въ Новгородъ, и изъявилъ сильное негодованіе: «Къ чему вздумалось вамъ разссориться съ Нѣмцами?» говорилъ онъ; винилъ Сбыславичей, не одобрялъ выбора Павши въ Посадники, хотѣлъ отнять Новгородскія волости, или грозилъ уѣхать и оставить Новгородъ. Вѣче умоляло его отложить гнѣвъ, доказывая, какъ нужно было согласіе, при не конченной еще непріязни съ Нѣмцами. Ярославъ ничего не слушалъ, уѣхалъ, и воротился уже отъ Бронницъ, куда уговаривать его посылали Владыку и *вящшихъ людей*. Новгородъ смѣнилъ Павшу, и избралъ въ Посадники Ратибора, услужника Ярославова. Думая угодить Новгородцамъ походомъ, Ярославъ послалъ за Суздальскими дружинами, а между тѣмъ самовольствовалъ; Новгородцы терпѣли. Дружины Суздальскія явились во множествѣ, (даже Баскакъ Владимірскій, Амраганъ, пріѣхалъ съ ними); рѣшено было идти на Ревель; но отъ Датчанъ пріѣхали Послы, предлагая миръ, и отступаясь отъ владѣнія Наровою, за что,

вѣроятно, было все несогласіе. Новгородцы *погадали*, и заключили миръ. Ярославъ хотѣлъ идти съ ними на Карелу, но Вѣче просило его отложить походъ безполезный (212).

Отославъ дружины свои, самъ Великій Князь остался въ Новгородѣ, и вскорѣ Новогородцы истощили съ нимъ терпѣніе. Онъ занялъ поля и Волховъ своею охотою (заячьими и гоголиными ловцами); отнималъ дворы у непріязненныхъ ему людей; бралъ съ нихъ окупы; переводилъ къ себѣ иноземцевъ; приставилъ своего чиновника къ Нѣмецкому Гостиному Двору; слушалъ доносы слугъ, отнималъ сборы у городскихъ священниковъ, ссорился съ Владыкою (213). Вѣче зашумѣло и собралось на Ярославовомъ Дворѣ; сообщниковъ Ярослава прибили, даже умертвили одного изъ нихъ; другіе спаслись въ Никольской церкви, и Посадникъ Ратиборъ бѣжалъ на Городище къ Князю, куда предстали посланные отъ Вѣча, съ исчисленіемъ обидъ и *словомъ Новгородскимъ*, что Новгородъ не можетъ терпѣть насилія, промыслитъ себѣ другаго Князя, и *приказываетъ* Ярославу ѣхать прочь. Князь испугался, прислалъ на Вѣче сына Святослава, кланяться, просить; обѣщалъ цѣловать крестъ

(212) Кельхъ, и Новг. Лѣт. 1269-й годъ.

(213) Новг. Лѣт. годъ 1270-й.

на всей волѣ Новгородской. « Прочь, прочь Князя!» Кричало Вѣче. « Не хотимъ его; пусть идетъ, или всѣмъ Новгородомъ придемъ и прогонимъ его отъ себя!» Ярославъ въ гнѣвѣ уѣхалъ, взялъ съ собою Ратибора, и забывъ совѣсть хотѣлъ отмстить за обиду безбожно. Ратиборъ отправленъ былъ отъ него въ Орду, и тамъ безстыдно оклеветалъ вольный городъ: « Новгородцы не слушаютъ тебя; мы собирали тебѣ дань, Царь державный, а они насъ выгнали, иныхъ убили, у другихъ домы разграбили, и самого Ярослава обезчествовали.» Такъ говорялъ Ратиборъ. Ханъ велѣлъ двинуть войско— страхъ предшествовалъ ему. Тѣмъ болѣе оробѣли Новгородцы, что пославъ звать къ себѣ Раковорскаго героя, Князя Димитрія Александровича, получили отказъ его. « Не хочу взять княженія подъ дядею»—отвѣчалъ честный Князь, и присовокупилъ свои Переяславскія дружины къ Владимірскимъ. Новогородцы отдохнули, когда Василій Ярославичъ Костромской прислалъ къ нимъ, поклониться Св. Софіи, извѣстить о соединеніи Ярослава, Димитрія, и Глѣба Смоленскаго, и сказать, что ему жаль своей отчины, Новгорода, и онъ ѣдетъ въ Орду —отвратить походъ войска Ханскаго. Въ самомъ дѣлѣ, Василій Ярославичъ поѣхалъ въ Орду, объяснилъ Хану клеветы на Новгородъ, оправилъ его, и обвинилъ Ярослава. Ханъ велѣлъ воротиться

своему войску. Новгородцы ободрились, думали, что съ однимъ Ярославомъ и союзниками его управятся, обнесли городъ тыномъ, не хотѣли слышать болѣе о Ярославѣ, и когда увидѣли передовыя дружины его, весь городъ, отъ мала до велика, бросился къ оружію. Два дня стояли пѣшіе воины Новгородцевъ за Жилотугомъ, а конники за Городищемъ. Ярославъ повернулъ къ Русѣ, остановился тамъ, и прислалъ въ Новгородъ—мириться, увѣряя, что оставляетъ всякую злобу, и что другіе Князья поручатся за него. « Нѣтъ! » отвѣчали Новгородцы. « Ты вздумалъ на Святую Софію. иди-же! Честно умремъ мы всѣ за Св. Софію. Нѣтъ у насъ Князя, но съ нами Богъ, правда и Святая Софія. Не хотимъ тебя! » Отвсюду изъ волостей Новгородскихъ, Ладоги, Ижоры, Карелы, Водской Пятины, сходились люди; дружины Псковскія были съ ними за одно. Всѣ двинулись наконецъ на встрѣчу Ярославу, и цѣлую недѣлю ополченіе Новгородское стояло на берегу рѣки, не начиная битвы; Ярославъ находился на другомъ берегу, и также не начиналъ. Еще разъ прислалъ онъ просить мира; тогда-же Новгородцы получили грамату увѣщательную отъ Митрополита. « Мнѣ поручилъ Богъ Архіепископію въ Русской землѣ « писалъ Владыка, « вамъ подобаетъ слушать Бога и меня. Не проливайте крови. Ярославъ ли-

шается всей злобы своей на васъ, а я ручаюсь за него. Если вы дали клятву не покоряться Ярославу, снимаю ее, и наложу на себя за то эпитимью.» Наконецъ пріѣхали послы Монгольскіе, *сажать Ярослава на княженіе Новгородское*; забывъ хитрость Ярослава, Монголы покровительствовали ему. Новгородцы уступили, и договоръ съ нимъ былъ возобновленъ. Ярославъ въѣхалъ въ Новгородъ, соглашаясь на все прежнее; обѣщалъ отложить гнѣвъ на Посадника, и на весь Новгородъ, отъ мала до велика; не мстить ни судомъ, и ничѣмъ; не держать гнѣва и на Владыку; отпустить всѣхъ Новогородцевъ, гдѣ кто захваченъ, отдать положенныхъ людей, коней, товаръ (214).

Симъ кончились дѣла, три года занимавшія всю сѣверную Русь. Ярославъ послалъ было еще разъ во Псковъ, смѣнить Довмонта; но, кажется, его не послушали. Онъ хотѣлъ упрочить безопасность свою со стороны Орды, гдѣ съ 1266 года властвовалъ третій братъ Батыя, Менгу-Темиръ, наслѣдовавшій Берку. Ревностный поборникъ Исламизма, Менгу-Темиръ былъ добръ, и первый облегчилъ страшную тягость, лежавшую надъ Русскими областями — откупы бесерменскіе. Ярославъ отправился кланяться

(214) Нов. Лѣт. годъ 1270; Собр. Гос. Грамать т. 1, № 3-й.

ему въ Ордѣ, и скончался возвращаясь оттуда, въ 1272 году. Тѣло его привезли въ Тверь, гдѣ Ярославу наслѣдовалъ сынъ его, Святославъ (215).

Память Ярослава была дорога Тверитянамъ: онъ первый возвеличилъ сей городъ, дотолѣ незначительный, и былъ родоначальникомъ Тверскихъ Князей. Супруга Ярослава осталась послѣ него беременною, и родила *Михаила*, достопамятнаго кончиною, и тѣмъ, что онъ поставилъ Тверь сильною соперницею Владиміра. Поэтическій разсказъ украсилъ память втораго супружества Ярославова. При Ярославѣ назначенъ былъ первый Епископъ въ Твери, устроились многія церкви, обители, и городъ быстро началъ распространяться (216).

---

(215) На мѣсто Довмонта, Ярославъ опредѣлялъ какого-то *Айгуста* (вѣроятно, также Литовца). Ярославъ погребенъ въ Тверской церкви Козьмы и Даміана (*Новг.* и *Троицк. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 137).

(216) *Старшій* Михаилъ Ярославичъ скончался въ одно время съ отцомъ. Первая супруга Ярославова погибла въ Переяславлѣ въ 1252 году. Преданіе говорило, что Ярославъ оставался послѣ того вдовымъ; что у него былъ любимецъ, *отрокъ* (т. е. воинъ) *Григорій*; что сей Григорій поѣхалъ жениться, влюбленный въ дочь простаго причетника церкви села Едимонова, и, когда все готовилось къ его вѣнчанію, Ярославъ, занимавшійся соколиною охотою, былъ завлеченъ въ Едимоново: соколъ его сѣлъ на тамошней

Новогородцы столько-же гордились Раковорскимъ походомъ, сколько и твердостью, съ какою удержали прихотливое самовластіе Великаго Князя. То и другое пріобрѣло имъ уваженіе въ глазахъ другихъ, такъ, что по смерти Ярослава, ихъ рѣшенія потребовали двое Князей, искавшихъ названія *Великаго*: Димитрій Александровичъ Переяславскій и Василій Ярославичъ Костромской. Первый надѣялся на имениттость свою въ Новгородѣ; другой на услугу, оказанную Новгородцамъ отстраненіемъ полчищъ Монгольскихъ. Послы Димитрія *стали съ поклономъ* на Вѣчѣ, собранномъ во дворѣ Ярослава; противъ нихъ стали съ поклономъ Послы Василія. Посадникъ Павша рѣшилъ дѣло: Новгородъ избралъ Димитрія, вопреки рѣшенію Суздальскихъ областей, принявшихъ Василія. Димитрій спѣшилъ пріѣхать въ Новгородъ, а оскорбленный Василій послалъ дружины на Переяславль. Но потомъ онъ обротилъ ихъ къ Торжку, сжегъ часть сего города, и опусто-

---

церкви. Князь вошелъ въ церковь, увидѣлъ свадебный поѣздъ, невѣсту, и предложилъ ей свою руку. Невѣрная предпочла Ярослава Григорію! Бѣдный Григорій съ печали постригся, и основалъ въ Твери монастырь *Отрочь*, донынѣ существующій. Сказка, внесенная однакожь въ *Житіе Михаила Тверскаго*, соч. Архимандритомъ Макаріемъ, о которомъ см. прим. 269.

шилъ область, вспомоществуемый Святославомъ Тверскимъ. Новгородцы прислали Пословъ; Василій не слушалъ ихъ, и Димитрій выступилъ изъ Новгорода съ дружинами. Между тѣмъ, въ Суздальскихъ областяхъ захватили Новгородскихъ купцовъ и отняли у нихъ товары. Это подѣйствовало сильнѣе всякой войны. «У насъ не будетъ хлѣба; раззорятся наши торги,» говорили Новгородцы. Димитрій согласился съ ними, самъ отказался отъ Великаго Княжества, и уѣхалъ въ Переяславль. Съ нимъ отправился Павша, боясь мщенія Василіева. Но добрый Василій кончилъ все миролюбиво. Онъ обласкалъ Павшу, возвратилъ ему Посадничество, гостилъ у Новгородцевъ, не мстилъ Димитрію, и тихо провелъ маловременное княженіе свое; ѣздилъ еще разъ въ Новгородъ, и былъ въ Ордѣ, можетъ быть, потому, что Менгу-Темиръ велѣлъ сдѣлать тогда новое *численіе* Руси. Василій не оставлялъ Костромы, и тамъ скончался въ 1277 году. Его съ честію похоронили съѣхавшіеся въ Кострому Князья: Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Михаилъ Стародубскій, Ѳеодоръ Ярославскій. Димитрій Александровичъ былъ также въ Костромѣ и принялъ тамъ названіе Великаго Князя (217).

---

(217) Новгор. Лѣт. годъ 1272 й; Ист. Г. Р. т. IV, пр. 152. Василію было только 36 лѣтъ.

Можно было предполагать, что Димитрій, дотолѣ Князь добрый и храбрый, крѣпко и честно будетъ править Великимъ Княжествомъ. Но, совсѣмъ неожиданно, княженіе его было несчастно для подвластныхъ ему, горестно и безславно для него самого. Еще болѣе: примѣры его княженія родили послѣдствія бѣдственныя, и съ его времени долго Русь была терзаема междоусобіями, которыя переходили въ Москву, Владиміръ, Тверь, Новгородъ, и напоминая кровопролитія прежнихъ Удѣловъ, были тѣмъ отвратительнѣе, что соединялись съ рабскимъ униженіемъ передъ повелителями Руси, и что мечи Монголовъ были направляемы Князьями на пагубу родныхъ и ближнихъ. Напрасно думали и говорили подвластные Князьямъ: «О возлюбленные Князья Русскіе! не прельщайтесь *пустошною* славою свѣта сего, которая хуже паутины, и какъ тѣнь идетъ мимо: не принесли вы на сей свѣтъ ничего, ничего и отнести не можете (218)» . . . . . Князья и вельможи не такъ думали, а порывы страстей—не умираютъ и въ темницѣ.

Дотолѣ радушный къ Новгородцамъ, Димитрій повелъ ихъ въ Корельскую землю (1280 г.), раззорилъ ее, заложилъ потомъ городокъ въ Копорьѣ, и оставилъ въ немъ свою дружину.

---

(218) Строевскій врем. т. I, ст. 283.

Новгородцы не соглашались на построеніе городка и оставленіе дружины Княжеской, ссылаясь на слова договоровъ: » волостей Новгородскихъ своими людьми не держать. » Димитрій не послушался, уѣхалъ изъ Новгорода съ гнѣвомъ, и готовилъ войско. Новгородцы просили у него мира, и согласились уступить—можетъ быть, потому, что предвидѣли близкія событія въ Суздальской области (219).

Димитрій слышалъ объ отъѣздѣ въ Орду брата своего, Андрея Александровича, Князя Городецкаго, и находясь въ своемъ Переяславлѣ съ изумленіемъ узналъ, что Андрей возвратился съ Ордынскимъ войскомъ, и граматою Хана на Великое Княжество. Остановясь у Мурома, Андрей звалъ къ себѣ Русскихъ Князей, а Монголы пошли *изгонять* Димитрія: изгонъ этотъ былъ гибеленъ—веси, грады пылали, были раззорены; мужей ожидала смерть, дѣвъ позорило безчестіе; церкви были ограблены. Димитрій бѣжалъ безъ всякаго сопротивленія; Князья Ростовскій, Ярославскій, Стародубскій, соединились съ Андреемъ. Области Муромскія, Владимірскія, Суздальскія, всѣ мѣста до самой Твери и Ростова, были опустошены защитниками Андрея. Переяславль взяли они и разграбили Декабря 19-го.

---

(219) Воскр. Лѣт. годъ 1279-й.

«Свяшки не кому было праздновать» — говорять Лѣтописцы. — «Не священное пѣніе, но стонъ и плачъ были слышны въ Переяславлѣ (22).» Димитрій спѣшилъ въ Новгородъ; но былъ остановленъ на Ильменѣ. «Вспомни о Копорьѣ; выведи изъ него свою дружину, и потомъ иди куда угодно — не хотимъ тебя!» — говорили Новгородцы, помня свою обиду. Димитрій отдалъ имъ въ залогъ дочерей своихъ и Бояръ, и скрылся въ Псковѣ. Довмонтъ, женатый на его дочери, вступился за Димитрія, засѣлъ въ Копорскомъ городкѣ, ходилъ на Ладогу; но Новгородцы собрали дружины; Довмонтъ уступилъ, и Копорскій городокъ былъ срытъ до основанія. Новгородцы отправили послѣ того къ Андрею пословъ, и признали власть его (221).

Андрей думалъ повелѣвать спокойно, отпустилъ Монголовъ, ѣздилъ въ Новгородъ, и воротясь во Владиміръ услышалъ о пріѣздѣ Димитрія въ Переяславль, и сборѣ дружинъ его. Князь Тверской, Новгородцы и Даніилъ Московскій готовы были идти на Димитрія; но Андрей

---

(220) Троицк. и Воскр. Лѣт.

(221) «Можетъ быть, внутренно гнушаясь злодѣяніемъ Андрея, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ,» говоритъ Карамзинъ (IV, 132). Никто изъ современниковъ не гнушался ни Андреемъ, ни подобными ему Князьями. Доказательства въ событіяхъ.

боялся измѣны, и снова звалъ къ себѣ Монголовъ. Андрей не ошибся: Новгородцы заключили миръ, когда Димитрій согласился отдать имъ *всю волю.* Монголы охотно явились снова, и новыми опустошеніями означили до самаго Переяславля помощь своему союзнику. Въ крайности, Димитрій рѣшился прибѣгнуть къ тому-же отвратительному средству, какимъ дѣйствовалъ властолюбивый братъ его. Андрей выпрашивалъ помощь и грамоты отъ Менгу-Темира; Димитрій отправился къ Ногаю. Менгу-Темиръ уже скончался въ это время. Туда-Мангу, или *Телебуга*, внукъ Батыя, правилъ Золотою Ордою, вмѣстѣ съ Тохтагу, или *Тохтою*, сыномъ Менгу-Темировымъ, но оба Хана признавали власть Ногая, кочевавшаго по прежнему въ степяхъ южныхъ и въ Крыму. Димитрій ударилъ ему челомъ. Довольный, что видитъ передъ собою *старшаго* изъ Русскихъ Князей, Ногай далъ грамату Димитрію, и—едва сей Князь возвратился на Русь съ граматою Ногая, все преклонилось передъ нимъ. Незадолго до его возвращенія, Новгородскіе послы съѣзжались въ Торжкѣ съ Андреемъ и взаимно клялись— Андрей: « Не отступаться Новгорода; » Новгородъ: « Не искать другаго Князя. » Одно слово Ногая удалило всѣхъ союзниковъ отъ Андрея. Онъ покорился, и не смѣлъ даже защищать несчастнаго Боярина своего, Семена Тонигліевича. Обвиняя этого

Боярина въ злыхъ умыслахъ брата, Димитрій велѣлъ схватить его. Семена допрашивали въ Костромѣ, требуя признанія: не вѣдаетъ-ли онъ какихъ нибудь новыхъ вѣроломствъ Андрея? «Хорошъ миръ ихъ!» говорилъ Семенъ. «Едва присягнули, и уже боятся другъ друга; едва обѣщали быть друзьями, и уже мучатъ Бояръ братниныхъ!» На обвиненіе, что онъ подущалъ Андрея: «Мое дѣло служить вѣрно моему Князю, а не вмѣшиваться въ распри его съ братомъ,» отвѣчалъ Семенъ. Но Семена умертвили, не слушая ничего. Исполнителями казни и суда были Бояре Димитрія (222).

Выдавъ Семена мщенію Великаго Князя, Андрей присоединилъ дружины свои къ войску его,

---

(222) Забавно, что лѣтописцы складываютъ всѣ дѣла и замыслы Андрея на злаго Семена Тонигліевича (Даниліевича, по нѣкоторымъ лѣтописямъ). Вслѣдствіе сего, Карамзинъ жестоко охуждаетъ Семена, какъ «злаго, недостойнаго Боярина, человѣка жестокаго, коварнаго мятежника», который уговорилъ Андрея «возстать противъ законнаго порядка,» и проч. (IV, 130, 134); онъ убѣдительно доказываетъ, какъ не хорошо было Семену заводить Князей, и притомъ родныхъ братьевъ, въ междоусобія. Убіеніе Семена не возбудило послѣ сего въ Карамзинѣ ни какого сострадания, хотя онъ и отдаетъ справедливость *смѣлости и рѣшительности* Семена — «свойства, безъ коихъ злодѣи не могли-бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ,» и проч. и проч.

которое повелъ онъ тогда на Новгородъ, не хотѣвшій ему покориться. Новгородцы уступили соединеннымъ силамъ Князей, у которыхъ находились и Монголы. Они были, напротивъ, оставлены всѣми, даже и Псковомъ, гдѣ Довмонтъ вооружился за тестя. Въ знакъ покорности, Новгородцы отдали Димитрію Вышній Волочекъ. Войско Димитрія жгло Новгородскія селенія, и грабило людей, какъ будто въ землѣ Корельской (223).

Доказавъ миролюбіе покорностью, Андрей удалился въ Городецъ, но не оставлялъ замысловъ. Онъ ссылался тайно съ другими Князьями; Дворъ его сдѣлался притономъ Монголовъ. Димитрій терпѣлъ года два; наконецъ собралъ Князей (1285 г.), пришелъ въ Городецъ, и уничтожилъ тайную измѣну. Андрей кланялся, смирялся. Димитрій вскорѣ поссорился съ Тверью, гдѣ княжилъ уже въ это время юный Михаилъ. Тверь готовилась къ отпору; Димитрій уступилъ юному Князю, который клялся ему послѣ того въ дружбѣ, и сдержалъ слово вѣрнѣе всѣхъ другихъ (224).

---

(223) Новг. Лѣт. годъ 1283-й.

(224) Воскр. Лѣт. годъ 1285-й. — Святославъ Ярославичъ умеръ около 1294 г. — Стр. и Новг., годъ 1289-й.

Въ Ордѣ настали большія смятенія. Тохта поссорился съ Телебугою, собралъ войско, и пришелъ отнимать у Телебуги Ханство. Разбитый въ сраженіи, Телебуга бѣжалъ, попался въ руки Ногая, и былъ зарѣзанъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Олгуемъ, или Салагуемъ. Ногай объявилъ себя послѣ того повелителемъ Орды, отдавъ управленіе оною Тохтѣ (225).

Этимъ воспользовался Андрей, поѣхалъ въ Орду, дарилъ, билъ челомъ. Съ граматою на Великое Княжество, и съ силами Монгольскими, быстро явился онъ на Русь. Открылись сообщники: *Ѳеодоръ* Ярославскій, *Даніилъ* Александровичъ Московскій (и прежде враждовавшій противъ старшаго брата). Димитрій скрылся въ Псковѣ, у вѣрнаго Довмонта. Переяславль, Владиміръ, Суздаль, Угличъ были взяты и разграблены Монголами. Не зная друзей, Дюденъ, воевода Монгольскій, опустошилъ Муромъ, Москву, Коломну, Дмитровъ. Михаилъ Тверской находился тогда въ Ордѣ. Встрѣчая всюду беззащитныхъ жителей, Андрей усовѣстился, остановился, и поворотилъ своихъ союзниковъ на Новгородъ. Михаилъ Тверской успѣлъ пробраться въ Тверь, и былъ готовъ крѣпко стать на защиту Твери. Слыша, что Монголы грабятъ уже Волокъ, Новгородцы прислали съ

---

(225) См. далѣе, прим. 238.

поклономъ въ станъ Андрея. Онъ отпустилъ Монголовъ, отдалъ Переяславль союзнику своему Θеодору Ярославичу, и праздновалъ новый успѣхъ свой въ Новгородѣ. Предугадывая, что Димитрій не замедлитъ явиться, Андрей стерожилъ его близъ Торжка, и успѣлъ захватить его спутниковъ и обозы; самъ Димитрій едва могъ убѣжать въ Тверь, къ Михаилу. Смѣлый юноша съ честью принялъ Димитрія, объявилъ бя его защитникомъ, и взялся мирить враждующихъ дядей. Тверской Владыка пріѣхалъ въ Торжокъ, уговаривать Андрея и Новгородцевъ. Испытанный несчастіемъ, Димитрій добровольно отказывался отъ Великаго Княжества; Андрей отдалъ ему Переяславль, забывъ, что Князь Ярославскій уже владѣетъ имъ. Θеодору велѣли оставить Переяславль; онъ вышелъ изъ него, злобствуя, поступая какъ непріятель, и при выходѣ сжегъ городъ. Димитрій былъ уже на смертномъ одрѣ: онъ заболѣлъ близъ Волока, на пути въ Переяславль, постригся, принялъ схиму, и въ Переяславль привезли только бездушный трупъ его (226).

Андрей сѣлъ на престолъ мнимаго *Великáго Княжества*. Князь, доведшій крамолы до ща-

(226) Новг. Строевск. Воскр., годъ 1293-й. О Θеодорѣ

кого безстыдства, дважды предававшій отчизну огню и мечу варваровъ-повелителей, унижавшійся въ бѣдѣ, гордившійся въ удачѣ, не могъ заслужить уваженія другихъ Князей. Михаилъ Тверской женился тогда на дочери Князя Ростовскаго; старшая сестра ея выдана была за Андрея; но Михаилъ не думалъ уступать новому своему родственнику. Онъ почиталъ себя самовластнымъ Княземъ. Союзникъ Андрея, Князь Θеодоръ Ярославскій, дружилъ Андрею по прежнему, но также не признавалъ его власти надъ собою. Вскорѣ тоже объявили: сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ, наслѣдовавшій Переяславль, и Даніилъ Александровичъ Московскій. Крѣпкій союзъ заключили тогда Тверь, Москва, Переяславль. Къ нимъ пристали Новгородцы. Въ договорѣ сказано было, что Михаилъ признаетъ Даніила старшимъ братомъ; что онъ будетъ съ Даніиломъ и съ Іоанномъ за одинъ, «если будетъ имъ тягота отъ Андрея, или отъ Татарина, или отъ иного кого. Новгородъ идетъ къ нимъ, а они къ Новгороду потянутъ взаимно, и не отступятся другъ отъ друга ни въ которое время (227). Іоаннъ спѣшилъ послѣ сего въ Орду; Даніилъ и Михаилъ готовы были

---

(227) Грамата Михаила къ Новгородцамъ. *Собр. Гос. грам.* т. I, № 4-й, и присяга Михаила Новгороду, № 5-й.

взяться за оружіе, и обѣщали Іоанну блюсти Переяславль. Андрей бросился въ Орду—можетъ быть, думая въ третій разъ вознести мечъ Монголовъ надъ Русью; но онъ пріѣхалъ не кстати: между Ногаемъ и Тохтою открылась явная война, и притомъ Іоаннъ Переяславскій предупредилъ его. Тохта обласкалъ обоихъ Князей, но вмѣсто войска обѣщалъ послать своего вельможу, и разсудить ихъ ссоры. Іоаннъ остался въ Ордѣ, предупреждать тайную крамолу. Андрей долженъ былъ воротиться въ Русь. Посолъ Тохты пріѣхалъ во Владиміръ, и созвалъ Князей Московскаго, Тверскаго, Ярославскаго, Ростовскаго; вмѣсто Іоанна явились его Бояре; Андрей предсталъ лично; Епископы, Владимірскій Симеонъ, и Сарайскій Измаилъ, были тутъ-же; Ханскій Посолъ предсѣдательствовалъ. Начался сильный споръ, и напрасно Ростовскій и Ярославскій Князья стояли за Андрея и горячились; дѣло доходило до мечей; только Епископы могли отвратить кровопролитіе, но Посолъ Ханскій уѣхалъ ничего не рѣшивъ, и взявъ только равно отъ всѣхъ подарки и поминки. Князья разъѣхались. Андрей думалъ воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, и пошелъ на Переяславль. Михаилъ и Даніилъ предвидѣли его замыслъ, и близъ Юрьева встрѣтилъ онъ соединенныя дружины Твери и Москвы. Андрей не смѣлъ сразиться и уступилъ. Даніилъ Мо-

сковскій казался старшимъ изъ всѣхъ, подкрѣпляемый союзомъ Твери, Переяславля и Новгорода. Въ 1299 году скончался союзникъ Андрея, Князь Ярославскій Ѳеодоръ. На другой годъ былъ опять съѣздъ Князей въ Дмитровѣ. Здѣсь Андрей помирился съ непріятелями своими, и могъ порадоваться ссорѣ Михаила съ Даніиломъ. Но Михаилъ уступилъ, хотя Новгородъ держалъ его сторону, а Даніилъ позволялъ себѣ своевольства. Онъ воевалъ Рязань, и даже взялъ въ плѣнъ Князя Рязанскаго, Константина Романовича. Князь Переяславскій скончался въ 1302 г. — Умирая бездѣтенъ, онъ отказалъ Переяславль Даніилу. Андреевы Намѣстники находились уже тамъ. Дружины Московскія изгнали ихъ. Андрей не смѣлъ противорѣчить, и поѣхалъ кланяться Хану Тохтѣ, который владѣлъ тогда Золотою Ордою, послѣ побѣды надъ Ногаемъ и смерти его (228).

Въ отсутствіе Андрея скончался Даніилъ Московскій, въ платьѣ схимника. Пятеро сы-

---

(228) «Древніе Сеймы Княжескіе, *учрежденные Мономахомъ* (?), *возобновились*, съ тѣмъ-же *добрымъ намѣреніемъ*, и проч., « говоритъ Карамзинъ (Т. IV, 156). Ничего этого не было: Князья съѣзжались случайно, по неволѣ, нѣсколько разъ, и каждый разъ уѣзжали съ новою враждою, такъ, что Ханъ *велѣлъ* наконецъ Князьямъ мириться, въ 1303 г. — Лѣт. *Воскр.*, *Новг.*, *Строевск.*, *Троицк.* (въ прим. Карамзина).

новей: *Юрій*, или *Георгій*, *Александръ*, *Борисъ*, *Іоаннъ* (*Калита*, впослѣдствіи столь знаменитый) и *Аѳанасій*, наслѣдовали волости отцовскія, продолжили дѣла его, соединили дружины свои, взяли Можайскъ, и полонили тамошняго Князя Святослава Глѣбовича (229).

---

(229) *Даніилъ*, памятный тѣмъ, что былъ *первымъ утвердителемъ самобытности Москвы*, покоится въ Даниловомъ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ на берегу Москвы рѣки (близъ нынѣшней Серпуховской заставы). Обитель сія была въ запустѣніи до временъ Іоанна III-го, который обновилъ ее, узнавъ о чудесахъ отъ гроба Даніилова; при Василіи построили тамъ каменную церковь; при Алексіѣ Михайловичѣ найдены были мощи Даніила, въ оградѣ монастыря, и перенесены въ нынѣшнюю монастырскую церковь Седми Соборовъ Вселенскихъ. Во многихъ лѣтописяхъ сказано, что Даніилъ былъ погребенъ въ *Архангельскомъ соборѣ*, въ Кремлѣ. Но сей Соборъ тогда не существовалъ! Для объясненія такого противорѣчія, Карамзинъ думалъ, что прежде построенія Калитою *каменнаго* Архангельскаго собора, на мѣстѣ его былъ *деревянный* (Т. IV, прим. 189). Но когда-же перенесены были останки Даніила въ Даниловъ монастырь? При томъ, гдѣ упоминается въ лѣтописяхъ, что Архангельскій соборъ былъ сначала деревянный?—См. прим. 277. — Кончиною Даніила заключается *Пушкинскій*, или *Лаврентьевскій*, древнѣйшій списокъ Лѣтописи Нестора и его продолжателей. — *Можайскъ* составлялъ одно изъ удѣльныхъ Смоленскихъ Княжествъ. (См. прим. 248).

Цѣлый годъ пробылъ Андрей въ Ордѣ, и вывезъ наконецъ грамату Тохты: Ханъ приказывалъ сею граматою Русскимъ Князьямъ жить мирно. Георгій и братья его не отступались отъ Переяславля. Андрей удалился въ свой Городецъ, и на другой годъ скончался тамъ, принявъ передъ кончиною схиму (230).

Лѣтописецъ современный дерзнулъ замѣтить, что Богъ казнитъ Русскую землю бѣдствіями, сколько за грѣхи людей, столько-же, *можетъ быть* «и Князей ради: живутъ они въ такой враждѣ, что много-бы можно писать, но умолчу» — прибавляетъ онъ (231).

Если и *умолчалъ о многомъ* Лѣтописецъ, изъ того, что дошло до насъ, судимъ объ остальномъ.

Послѣ смерти Андрея, мечта первенства надъ

---

(230) «Заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства,» (Карамзинъ, IV, 165). Почему-же другіе Князья, дѣлавъ тоже что Андрей, не заслужили этого презрѣнія? Карамзинъ называетъ Андрея «недостойнымъ сыномъ Невскаго, *погребеннымъ далеко отъ священнаго родительскаго праха.*» Андрей потому погребенъ былъ въ Городцѣ, что тамъ скончался. *Ни одинъ* изъ дѣтей Александра не былъ схороненъ подлѣ гроба родительскаго; почему памяти только одного Андрея служитъ даже и это обстоятельство укоризною?

(231) Ист. Г. Р. т. IV, прим. 167.

ими снова взволновала умы всѣхъ Князей. оразумнѣйшіе думали, что оно принадлеъ *Михаилу:* сей Князь былъ *сынъ* Ярослава; ей Александра Невскаго, старшаго брата славова, ни одного уже не было на свѣтѣ: авались *внуки*, дѣти Даніила. Дѣти Андрея славича, владѣя Нижнимъ Новгородомъ, не упались въ споры (232). Михаилъ видѣлъ ва свои, не ожидалъ сопротивленія, и вдругъ алъ, что племянникъ его, *Георгій Даніило-*, гордый успѣхомъ въ спорѣ за Переяславль, вляетъ себя Великимъ Княземъ. Владимір- Бояре пріѣхали въ Тверь поздравлять аила. Новгородцы согласились признать , и заключили съ нимъ договоръ. Лишась гихъ выгодъ во время смятеній при Диріи и Андреѣ, они требовали *старин-ъ рубежей* между Суздальскими и Новгородми областями; возвращенія селъ, коими адѣли Димитрій и Андрей въ Новгородхъ областяхъ, безъ всякаго вознагражденія; бовали, можетъ быть, и разныхъ преуществъ, какими пожертвовали они симъ

---

232) См. выше прим. 207, о старѣйшихъ родахъ. ъ *Димитрія Александровича* пресѣкся *Іоанномъ оеяславскимъ;* Андрей не оставилъ послѣ себя дѣй, и Городецъ Волжскій перешелъ къ Суздальскимъ язьямъ.

Князьямъ. Вѣроятно, встрѣчалось много разнорѣчій: мы имѣемъ *три* договора Михаила съ Новгородцами, одинакіе въ главномъ, различные въ подробностяхъ. Новгородцы уговаривались, что Михаилъ не станетъ затѣвать войны безъ воли Новгородской, то есть: не долженъ требовать помощи Новгорода въ такой войнѣ, на которую Новгородъ не согласится; что онъ не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Новгорода съ Ливоніею; наконецъ, что Новгородъ тогда только признаетъ его *Новгородскимъ* и *Великимъ* Княземъ, когда Ордынскій Царь утвердитъ его въ достоинствѣ Великаго. Михаилъ на все соглашался (233). Между тѣмъ Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія отступиться отъ своихъ требованій на Великое Княжество, и не ѣздить въ Орду. Владыка предвидѣлъ, что Георгій ѣдетъ туда на крамолу; Георгій клялся, что отправляется въ Орду не за Великимъ Княжествомъ. Михаилъ принялъ дѣятельныя мѣры. Георгія едва было не схватили въ Суздалѣ посланные Михаиломъ;

---

(233) *Собр. Гос. грам.*, т. I, N. 6, 7, 8. — «А вынесутъ тебѣ изъ Орды Княженіе Великое, нашъ еси Князь Великій; если паки не вынесутъ тебѣ Княж. Вел. изъ Орды, пойдти твоимъ Намѣстникамъ изъ Новгорода прочь, и изъ Новгородскихъ пригородовъ, а въ томъ Новугороду измѣны нѣтъ.»

нъ укрылся, и пробрался за Волгу тайнымъ емъ. Михаилъ отправилъ дружины въ Перевль, и всюду подстерегалъ движенія брать- Георгія. Въ Костромѣ дружины его взяли иса Даніиловича, и увезли въ Тверь. Но нъ Даніиловичъ разбилъ Тверскія дружины ь Переяславлемъ. Новгородцы не приняли ѣстниковъ Михаила, даже выгнали ихъ, го- я: «Князь Тверской забылъ договоръ нашъ; этъ владѣть Новгородомъ, не бывши еще ержденъ Ханомъ.» Они выслали войско въ жекъ, стеречь Новгородскіе предѣлы отъ ри. Всюду было своеволіе: въ Костромѣ одъ собрался на Вѣче, судилъ, и билъ Бо- ; въ Нижнемъ Новгородѣ происходило тоже. каилъ особенно боялся Орды, гдѣ вельможи орили явно: Кто больше дастъ выходу, му и Великое Княжество (234).» Онъ по- шно поѣхалъ въ Орду. Тамъ Михаилъ и Ге- ій кланялись, судились передъ Ханомъ. Въ си съ нетерпѣніемъ ждали слѣдствій тяжбы ь.; слѣдствія сіи пояснились возвращеніемъ хаила: онъ привезъ грамату Ханскую, и воз- ценъ былъ на Великокняжескій престолъ (въ

234) «Оже ты даси выходъ большій Князя Михаи- Тверскаго, а мы тебѣ Княженіе Великое дадимъ.» — экр. Лѣт. т. II, стр. 281.

1305 г.) во Владимірѣ, Митрополитомъ Максимомъ (235).

Свирѣпый, дѣятельный, хитрый, Георгій возвратился въ Москву съ непримиримою ненавистью къ Тверскому Князю. Всѣ другіе признали Михаила, и Новгородъ принялъ его Намѣстниковъ. Но Георгій ничего не слушалъ; мужественно сразился съ Михаиломъ, когда Михаилъ пошелъ на Москву; послѣ нерѣшительнаго боя, Георгій принудилъ его заключить миръ. Великій Князь уѣхалъ въ Тверь, а Георгій велѣлъ умертвить Рязанскаго Князя Константина (полоненнаго отцомъ его Даніиломъ, и бывшаго въ Москвѣ, въ заключеніи); послѣ сего, онъ хотѣлъ овладѣть Рязанью. Ярославъ Константиновичъ вымолилъ себѣ охранительную грамату отъ Хана. Георгій, за безполезное злодѣйство свое удовольствовался только уступкою Коломны, и снова отразилъ Михаила, еще разъ приходившаго наМоскву изъ Твери. Князья заключили наконецъ миръ, *съ мечами подъ изголовьемъ*, по Русской поговоркѣ. Дѣйствуя за одно, Георгій и четверо братьевъ его стерегли крѣпко Москву. Въ 1307 г. Александръ и Борисъ поссорились съ старшимъ братомъ, и уѣхали въ Тверь, но вскорѣ возврати-

---

(235) Воскр. Лѣт.

ись; союзъ дѣтей Даніила казался неразрывнымъ (236).

Обозрѣвая событія, со времени кончины Александра Ярославича (съ 1263 года) до наименованія Великимъ Княземъ Михаила Ярославича, въ теченіе *сорока лѣтъ*, въ княженія *Ярослава*, *Василія*, *Димитрія* и *Андрея*, не льзя не усмотрѣть разительной перемѣны въ дѣйствіяхъ и характерахъ противъ *первыхъ двадцати лѣтъ* Монгольскаго владычества надъ Русью. Исчезла тишина, бывшая въ княженія Ярослава Всеволодовича, и Александра и Ярослава Ярославичей, нарушаемая только смятеніями и дѣлами Новгородскими. Все быстро пошло къ развязкѣ; бури страстей понеслись, какъ тучи вихремъ гонимыя, чтобы тѣмъ скорѣе очистить небосклонъ Руси. Не приступая еще къ изображенію кроваваго окончанія вражды между ро-

---

(236) Лѣт. Новг., Стр., Воскр. — Современники не рѣшали тяжбы между Михаиломъ и Георгіемъ, равно приставая къ тому и другому; братья Георгія служили ему вѣрно; Калита продолжалъ дѣла его; самъ Георгій слѣдовалъ примѣру отца своего Даніила. Карамзинъ говоритъ однакожь, что «Георгій, *по качествамъ черной души своей*, заслуживалъ всеобщую ненависть — гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества» (убіеніе Рязанскаго Князя), и проч. (т. IV, 171).—Надобно-бы Историку чаще заглядывать на окончаніе стр. 151-й IV-го т. Ист. Г. Р. —

домъ *Тверскихъ* и родомъ *Московскихъ* Князей — окончанія, послужившаго въ основу силы и самобытности Москвы, мы должны здѣсь предварительно сообразить сущность событій, и взглянуть на подробности, дополняющія картину вѣка и общность происшествій.

Прежде всего Орда. Мы говорили о политической сущности Монгольскаго царства, основавшагося на берегахъ Волги и въ степяхъ Половецкихъ, упоминали о быстрыхъ перемѣнахъ властителей онаго и раздорахъ Хановъ. Опишемъ событія Ордынскія подробнѣе.

Вскорѣ послѣ Батыя умерли сынъ его, *Сартакъ*, и внукъ (сынъ Сартака) *Улавчи*. Братъ Батыя, Берку, наслѣдовалъ Ханство, и умеръ въ 1266-мъ году. Ногай не слушалъ уже его велѣній, обладая южными землями отъ Волги до Дуная. Послѣ смерти Берку, царствовалъ третій сынъ Чучи, *Менгу-Темиръ*. Онъ отдѣлилъ потомству четвертаго брата своего *Шейбана*, поколѣніе Акъ-Орду, кочевавшее между Сыромъ и Яикомъ, подлѣ лѣваго крыла Монгольскаго. Здѣсь основалась изъ сего отдѣленія Монгольская *Синяя орда*. Другой удѣлъ получило отъ Менгу-Темира потомство пятаго брата, Тагай-Тимура: онъ отдалъ ему Крымъ, и тѣмъ положилъ начало *Крымской ордѣ*. Дѣля такимъ образомъ свои орды, Менгу-Темиръ увлекся еще въ отдаленную войну съ Персидскими сво-

ими родичами. Разбитый въ Карабахской области, Менгу-Темиръ не пережилъ своей потери (237). Два соискателя Ханства явились послѣ него: *Телебуга*, сынъ, или внукъ Батыя, и *Тохта*, сынъ Менгу-Темира. Несогласные въ распоряженіяхъ Ордою, они кончили распрю кровавымъ боемъ. Тохта побѣдилъ; Телебуга бѣжалъ, и погибъ отъ руки Ногая, именовавшагося главнымъ Ханомъ послѣ смерти Менгу-Темировой. Вѣроятно, Тохта не хотѣлъ признать власти сего гордаго и сильнаго Хана; дошло опять до битвы; Ногай, побѣжденный Тохтою, не перенесъ пораженія: онъ умертвилъ самъ себя. Тохта повелѣвалъ послѣ него всѣми Ордами, и въ 1313 году умеръ, передавъ власть сыну своему, Узбеку (238).

---

(237) Менгу-Темиръ (по Френу *Менгу-Тимуръ*) воцарился въ 1266 г. — Онъ первый утвердилъ Мугаммеданство въ Золотой Ордѣ, хотя Берку прежде его принялъ сію вѣру, «имѣвъ случай говорить съ купцами Бухарскими» — сказываетъ Карамзинъ — т. IV, 109. — Но довольно странно приписывать только *разговорамъ съ Бухарскими купцами* обращеніе Берку, когда мы знаемъ, что Монголамъ издавна была извѣстна религія Мугаммедова, и что Мугаммедане всегда жили при Дворахъ Монгольскихъ и Волжскихъ Хановъ, и имѣли тамъ даже свои мечети.

(238) Менгу-Темиръ умеръ въ 1281 г. — Телебуга (по Френу *Туда-Менгу*) былъ разбитъ Тохтою (по Френу *Гайясъ-Эд-динъ Тохтогу*) и убитъ Ногаемъ въ

Такъ, въ теченіе полувѣка — *восемь Хановъ* смѣнились въ Золотой Ордѣ; война съ Персіею, раздѣленіе родовъ, и два жестокія междоусобія, въ коихъ погибли Телебуга и Ногай, ознаменовали сіе время. Все: кротость и свирѣпость, война и раздоры Монголовъ, споспѣшествовали благу Руси. Въ первый годъ своего правленія, Менгу - Темиръ ослабилъ налоги Монгольскіе на Русь, такъ, что это, вѣроятно, заставило его сдѣлать новое перечисленіе въ 1273 году, ибо послабленіе родило безпечность: таково свойство рабовъ; но занятой войною съ Персіею и смутою Ногая, онъ оставлялъ въ покоѣ Руссовъ, не думалъ о неудачномъ отряженіи Монголовъ на Литву, и какъ будто совершенно забылъ о Заднѣпровскихъ областяхъ (239). Столь усильно собиралъ онъ отвсюду войско на битвы за Кавказомъ, что забралъ даже дружины Русскія; онѣ бились въ 1277 году въ Дагестанѣ, по повелѣнію Менгу-Темира (240). Ногай подражалъ

1291 г. — Ногай побѣжденъ и умертвилъ себя въ 1294 г.—Узбекъ по Френу *Гайясъ-эд-динъ Мугаммедъ Узбекъ*.

(239) О войнахъ съ Персіею, см. Абулгази. Менгу-Темиръ удалилъ изъ Руси откупщиковъ бесерменскихъ (Ист. Г. Р. (т. IV, прим. 136); о новомъ перечисленіи, см. Ист. Г. Р. (т. IV, прим. 152). — О походахъ на Литву см. далѣе.

(240) Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳео-

въ распоряженіяхъ главному Хану Орды: онъ посылалъ войска въ Литву, на другой годъ послѣ похода войскъ Менгу-Темира, и воюя въ Булгаріи также водилъ съ собою дружины Руссовъ, на другой годъ послѣ его Закавказскаго похода (241). Явное соперничество Телебуги съ Ногаемъ оказалось въ распряхъ Русскихъ Князей, послѣ Менгу-Темира. Помощь Телебуги Андрею въ 1281-мъ году была остановлена волею Ногая, возвратившаго Великое Княжество Димитрію. Несогласіе сихъ Хановъ видно также въ событіяхъ Курской области (о чемъ упомянемъ далѣе). Дюдень, отправленный потомъ въ защиту Андрея Ногаемъ, въ 1293-мъ году, можетъ быть, послужилъ къ рѣшенію судьбы сего Хана, который между тѣмъ, вмѣстѣ съ Телебугою, дѣлалъ набѣги на Венгрію и Польшу, въ 1285-мъ и 1287 годахъ (242). Пора завоеваній

доръ Ярославскій, Андрей Городецкій — «повели войско въ Орду, чтобы *вмѣстѣ съ Ханомъ* идти на Аланъ, завоевали городъ Дедяковъ,» и проч., говоритъ Карамзинъ о Русскихъ Князьяхъ (т. IV, стр. 127), какъ будто о вольныхъ союзникахъ Золотой Орды! — Въ лѣтописяхъ говорится объ этомъ походѣ, какъ о побѣдѣ Рускихъ (см. Стр. т. I, стр. 287).

(241) Mem. populor. III, 1067. — У Ногая въ войскѣ были Ѳеодоръ Ярославскій, и сынъ Глѣба.

(242) Походъ Дюденя и разбитіе Ногая Тохтою происходили въ одинъ годъ. — О походахъ Монголовъ на Венгрію и Польшу см. далѣе.

для Монголовъ миновалась, и мечи ихъ устремлены были родными на погибель роднаго. Уже не одинъ Ногай прошивился Тохтѣ. Какой-то Ханъ *Тохтамерь* пріѣзжалъ въ Тверь, послѣ похода Дюденева, называлъ себя Царемъ, и билъ монету въ Ордѣ, величаясь *Тохту-Бегомъ правосуднымъ* (243).

Тохта, усмиривъ всѣхъ, хотѣлъ спокойствія. Въ теченіе десяти лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Ногая, онъ бралъ спокойно дань съ Руссовъ, не слушалъ ихъ жалобъ, и приказывалъ имъ жить мирно, пославъ въ 1297-мъ году посредника во Владиміръ, давъ повелѣніе на миръ въ 1302-мъ году, отдавъ старшинство Михаилу передъ Георгіемъ въ 1304-мъ году, и охранивъ Рязань отъ притѣсненій Георгія. Только жадность добычи водила Монголовъ въ Литву, Венгрію, Польшу; но они не думали уже покорять сіи страны, и кажется, что только раздоры Хановъ Золотой Орды были причиною помощи Андрею въ 1281 и 1293 годахъ: *Телебуга* хотѣлъ показать силу свою Руссамъ, равно ѣздившимъ кланяться къ нему и къ Ногаю; *Ногай* хотѣлъ показать имъ мощь свою передъ Телебугою, идя на рѣшительный бой съ симъ Ханомъ.

---

(243) Френъ, *Монеты улуса Джучіева*, стр. 5.—О присутствіи его въ Твери, *Ист. Г. Р.* т. IV, прим. 182.

Два важные переворота совершились въ Ордѣ въ сіе время. Однимъ изъ нихъ было совершенное отдѣленіе Золотой Орды отъ главной Харахорумской и другихъ отдаленныхъ Монгольскихъ Ордъ. Это, при раздѣленіи самой Золотой Орды на *Синюю, Ногаеву* и *Крымскую*, лишило Приволжскихъ Монголовъ даже мысли о прежнихъ великихъ завоеваніяхъ Чингиса, Оготая и Мангу. Другой переворотъ заключался въ измѣненіи національности. Отдѣлясь отъ своихъ Восточныхъ родичей, Золотая Орда не была уже *Монгольскою* — она превратилась въ *Турецкое царство:* языкъ, нравы, обычаи Турецкихъ племенъ были приняты ею. Еще Берку сдѣлался Мугаммеданиномъ; Менгу-Темиръ и наслѣдники его усердно исповѣдывали вѣру Аравійскаго лжепророка (244).

Мы сказали, что самое свирѣпство Монголовъ было во благо Русскихъ областей; думаемъ, что сія мысль вѣрна: удобство, открывшееся для Русскихъ Князей — удовлетворять честолюбію призывомъ Монголовъ на рѣшеніе спора о Великокняжествѣ, возбудило новую дѣятельность умовъ; болѣе дерзкіе, или болѣе хитрые Князья, всегда могли выигрывать передъ другими. Русь низко рабствовала; но уже не была безчувственна, начала оживать, осмѣ-

(244) См. выше, прим. 237.

ливалась иногда даже противиться, сражаться, изгонять Монголовъ, а Князья надѣялись, что новые раздоры Хановъ, или жадное корыстолюбіе Двора ихъ, могутъ извинить и оправдать подобную отвагу. Такимъ образомъ, Русь переставала прозябать въ рабскомъ, мирномъ невольничествѣ, за которое современники благословляли память Ярослава, Александра и Василія. Память Андрея Ярославича осталась у нихъ неблагословенною: онъ *первый* разрушилъ порядокъ аристократіи рабственной, установившейся на прежнихъ Удѣльныхъ правилахъ. Говоря собственно, Андрей былъ первымъ оживителемъ духа Русскаго, падшаго подъ игомъ поганыхъ, и тѣмъ давшаго средства самовластвовать одному Князю надъ всѣми. Александръ, рабъ Хана, своевольно казнилъ Новгородцевъ; Ярославъ слѣдовалъ его примѣру, и сдѣлался высокомѣренъ, едва принявъ названіе Великаго Князя. Андрей разрушилъ это самовластіе наслѣдное, передавъ его уму и отвагѣ каждаго Князя. Такіе перевороты идей всегда покупаются бѣдствіемъ. Андрей былъ тѣмъ-же въ XIII-мъ вѣкѣ, что были въ XII-мъ *Всеволодъ Олеговичъ* и *Изяславъ Мстиславичъ*: разрушителемъ прежняго порядка дѣлъ, для произведенія новаго. Въ семъ новомъ порядкѣ дѣлъ выигрывали не родъ, не право, но сила и умъ. Это сдѣлалось причиною увеличивавшейся попеременно важности

Переяславля, Твери и Москвы. Удача не прикрыла черноты дѣлъ Андрея для глазъ потомства, и—онъ остался навсегда обезславленнымъ. Лучше его успѣли воспользоваться удачными злодѣйствами Даніилъ Московскій и дѣти его, и современники благословляли Даніила и Іоанна Калиту; потомство добродушно повторяетъ похвалу ихъ (245).

Такова была основа событій въ Сѣверной Руси. Великое Княжество перестало быть принадлежностью одного *мѣста:* оно перешло изъ Владиміра въ Тверь, Кострому, Переяславль, Городецъ, и снова въ Тверь — при Ярославѣ, Василіи, Димитріи, Андреѣ и Михаилѣ. Москвѣ не доходила еще очередь; но Даніилъ и дѣти его хорошо умѣли воспользоваться обстоятельствами, и быстро потомъ, изъ удѣла ничтожнаго, они сдѣлали Москву сильнымъ княжествомъ среди другихъ Русскихъ княжествъ, присоединивъ къ ней Переяславль, Можайскъ, Коломну. Послѣ смерти Андрея примѣръ его остался ободрительною надеждою для замысловъ Георгія Даніиловича. *Михаилъ* и *Георгій, Тверь* и *Москва*, стали другъ противъ друга. Будущему предоставлено было рѣшить борьбу ихъ. Москвѣ не доставало *только титула Великокняжескаго*. Съ нимъ, она рѣшительно дѣлалась выше всѣхъ.

---

(245) См. прим. 230.

Оставляя здѣсь описаніе дальнѣйшихъ событій, поспѣшимъ обозрѣть другія области Руси.

Къ востоку и къ сѣверу отъ Владимірскихъ областей, составлявшихъ принадлежность Великаго Княжества, простирались удѣлы потомковъ Константина Всеволодовича, образовавшихъ поколѣнія Князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ и Ярославскихъ. По смерти Бориса и Глѣба Васильковичей, сынъ Глѣба былъ обдѣленъ дѣтьми Бориса; они ссорились потомъ между собою. Димитрій, бывшій тогда Великимъ Княземъ, помирилъ ихъ (246). — Въ 1269 году умеръ Димитрій, сынъ Святослава Всеволодовича, вытѣсненнаго съ Великокняжескаго престола племянникомъ (Александромъ Невскимъ, и Андреемъ въ 1249 году). Димитрій замѣченъ, былъ современниками за его благочестіе и набожность. Умирая, онъ лишился языка, но бывъ постриженъ и посхимленъ, вдругъ обратился къ Епископу Игнатію, и ясно проговорилъ: « Благодарю тебя, Владыко: ты приготовилъ меня въ дальній путь добрымъ воиномъ Христовымъ!» (247).

(246) Воскр. Лѣт. II, 258.

(247) Лѣт. Стр. годъ 1269-й. Димитрій погребенъ подлѣ отца (см. прим. 178). Въ старинныхъ святцахъ рукописныхъ оба сіи Князя названы святыми.

Мы упоминали о *Θеодорѣ, Князѣ Ярославскомъ* (говоря о междоусобіяхъ Андрея и Димитрія). Θеодоръ, прозванный *Чернымъ*, не былъ потомокъ Константина: онъ происходилъ отъ рода Князей Смоленскихъ и владѣлъ Ярославлемъ, женясь на единственной дочери Константинова внука Василія Ярославскаго. Прежде того, онъ получилъ удѣлъ въ Можайскѣ, дѣлясь съ братьями своими, Глѣбомъ и Михаиломъ; но потомъ переселился въ Ярославль. Здѣсь, лишась супруги, Θеодоръ женился на родственницѣ Ордынскихъ Хановъ, вмѣшивался въ крамолу Князей, надежный на покровительство Орды, и ходилъ отнимать Смоленскъ у племянника Александра, послѣ смерти братьевъ. Онъ умеръ въ 1299 году, принявъ схиму передъ смертью. На гробѣ его происходили чудеса, и потому Θеодора причли къ лику святыхъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями его, Давидомъ и Константиномъ (248).

---

(248) Θеодоръ былъ внукъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, и сначала владѣлъ въ Можайскѣ; супруга его была внука Всеволода Константиновича. Θеодоръ ходилъ подъ Смоленскъ въ 1298 г., княживъ въ немъ въ 1281-мъ г., послѣ смерти братьевъ, Глѣба и Михаила. Племянникъ, Александръ Глѣбовичъ, прогонялъ его въ оба раза. О второмъ супружествѣ Θеодора въ Ордѣ, смотр. нелѣпую сказку въ *Степ. Книгѣ*, I, 392, или въ Ист. Г. Р. т. IV, стр. 110. — Мощи Θеодора, и дѣтей его

Потомки Андрея Ярославича мирно владѣли удѣломъ своимъ, Суздалемъ и Нижнимъ Новгородомъ. Георгій Андреевичъ (бывшій отъ Ярослава Намѣстникомъ въ Новгородѣ, и бѣжавшій въ Раковорской битвѣ), умеръ въ 1280 году. Ему наслѣдовалъ братъ его Василій. Другой братъ, Михаилъ, находился въ Ордѣ, когда Нижегородцы составили Вѣче (1305 г.), вздумали судить и казнить Бояръ Княжескихъ. Возвращеніе Михаила прекратило самоуправство горожанъ (249).

Разсказавъ главныя дѣла Новгородскія, мы не упомянули о мѣлкихъ событіяхъ. Исчисляемъ ихъ. Нева и Ладожское озеро продолжали быть

Давида и Константина (откр. въ 1463 г.), почиваютъ въ Ярославскомъ Преображенскомъ монастырѣ; память ихъ совершается Церковью въ 19-й день Сентября. Отъ дѣтей Давида произошли, кромѣ Ярославскихъ, Князья Моложскіе, Романовскіе, Заозерскіе, Новленскіе, Курбскіе, Проскуровы, Кубенскіе и другіе.

(249) Стр. Лѣт. годъ 1305-й.—У Андрея Ярославича было три сына: Георгій, Михаилъ (бездѣтные) и Василій, наслѣдовавшій послѣ братьевъ всѣ ихъ удѣлы, Суздаль, Нижній Новгородъ и Городецъ. Его дѣти были: Александръ (бездѣтный) и Константинъ (соперникъ Симеона Гордаго); дѣти Константина Васильевича: Андрей, Борисъ Городецкій и Димитрій, тесть Донскаго, отецъ *Василія Кирдяпы* и *Симеона*, умершихъ въ изгнаніи, послѣ покоренія Суздальскаго Княжества Василіемъ Димитріевичемъ.

мѣстомъ безпрерывныхъ битвъ Новгорода съ Шведами. Въ 1283-мъ году, Шведы явились въ Ладожскомъ озерѣ, убивали купцовъ Ладожскихъ и Новгородскихъ, и дрались съ Ладожанами. На другой годъ, Воевода Шведскій, Трунда, выплылъ въ Ладожское озеро на многихъ *лайвахъ* и *шнекахъ*, и хотѣлъ обложить данью Карельцевъ. Посадникъ Семенъ ждалъ его въ устьѣ Невы, разбилъ и прогналъ. Въ 1285 году, сильный набѣгъ Литовцевъ заставилъ соединенно дѣйствовать отряды Новгорода, Твери и Москвы. Въ 1286 г. Вѣче смѣнило Посадника Семена, и на другой годъ весь Новгородъ взволновался противъ него. Толпы народа бѣжали отвсюду къ дому сего смѣненнаго Посадника, съ оружіемъ, какъ будто на сильную рать; съ шумомъ разграбили онѣ домъ его. Семенъ успѣлъ убѣжать въ домъ Владыки, и спасся въ Софійскомъ Соборѣ, куда заперъ его самъ Владыка; но онъ не пережилъ своего бѣдствія, и умеръ черезъ нѣсколько дней. Въ 1290-мъ году, Вѣче отняло Посадничество у избраннаго въ 1286 г. Андрея Климовича; собраніе взволновалось, раздѣлилось; убили какого-то Самуила Ратшинича въ домѣ Владыки, дрались и выжгли всю Прусскую улицу, при чемъ сгорѣла даже одна церковь. Въ 1291-мъ г. былъ въ Новгородѣ конскій падежъ, и ранній морозъ побилъ хлѣбъ. Какіе-то крамольники разграбили лавки тор-

говцевъ; ихъ схватили, судили на Вѣчѣ, и двоихъ утопили въ Волховѣ. Сіи внутреннія смятенія не препятствовали внѣшнимъ дѣламъ: въ 1296 г. отборная молодежь Новгородская ходила раззорять Ямь. Отрядъ Шведовъ являлся отмщать за сей набѣгъ, въ Ижору и Карелу, но неудачно. Желая обезопасить Финляндію отъ нападеній Рускихъ, опекунъ дѣтей Шведскаго Короля (Магнуса, умершаго въ 1290 г.) Торкель заложилъ большую крѣпость въ Карельской землѣ, назвавъ ее: *Выборгъ*. На другой годъ напрасно Новгородцы приступали къ Выборгу; настала теплая погода, сдѣлалось ростополье; кони гибли отъ недостатка корму, и Новгородцы удалились. Торкель думалъ, что успѣлъ въ своемъ предположеніи, такъ, что Новгородцы не посмѣютъ болѣе тревожить Шведовъ, и въ 1295 г. принялъ онъ подъ свое покровительство торговлю Любскихъ купцовъ, и устроилъ новую крѣпость въ Кареліи, *Кексгольмъ*; другую тогда-же заложили Шведы на берегу Наровы. Новгородцы не медлили, и раззорили ту и другую. Торкель рѣшился на предпріятіе важное, и въ 1300 мъ году прибылъ самъ въ устье Невы. Здѣсь, на Охтѣ, заложилъ онъ большую крѣпость, *Ландскрону*, или *Вѣнецъ земли*, какъ переводили Новгородцы Шведское названіе. Новгородцы старались препятствовать постройкѣ, но не могли, и на другой годъ самъ

Князь Андрей Александровичъ пошелъ осаждать Ландскрону. Приступомъ взята была крѣпость сія, и названіе оной подало поводъ Новгородцамъ посмѣяться тщетѣ гордаго ея имени. »Ни во что было высокоуміе врага, и всуе трудился онъ безъ Божьяго повелѣнія!» говорили Новгородцы.—Въ 1267 году, пожаръ опустошилъ въ Новгородѣ весь Неревскій конецъ. «Горе, братіе!» восклицаетъ лѣтописецъ. «Столь лютъ былъ пожаръ, что и по водѣ огонь ходилъ: въ ладьяхъ на Волховѣ погорѣло много товару; много и людей сгорѣло. Одни отъ того обнищали, а другіе *обогатились*,» ибо грабили во время пожара. Такое злодѣйство еще сильнѣе оказалось въ пожарѣ 1299 года. Загорѣлось на Варяжской улицѣ, и, при сильномъ вѣтрѣ, огонь истребилъ Нѣмецкій торговый дворъ, Холопью улицу, мостъ Волховскій, Неревскій конецъ, и множество церквей. Злодѣи, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили не только домы, но даже и церкви. Пожаръ былъ въ Великую Субботу. «И были заутро въ свѣтлый праздникъ, вмѣсто радости, печаль и уныніе,» говоритъ лѣтописецъ. — »Сбылось пророчество Исаіи: преложу праздники ваши въ плачъ, и игрища ваши въ сѣтованіе. Богъ казнитъ насъ за грѣхи наши, братіе! Не отчаемся, но отстанемъ нашей злобы!« — Въ 1297 году, чувствуя важность крѣпости Копорской, Нов-

городцы возобновили тамъ укрѣпленія, срытыя въ 1282-мъ году, во время ссоры ихъ за самовластіе Димитрія. Въ 1302 году, въ первый разъ, воздвигнуты были каменныя стѣны вокругъ Новгородскаго кремля. До тѣхъ поръ кремль Новгородскій огражденъ былъ стѣнами деревянными.—Тогда-же ѣздили Послы Новгородскіе, и заключили миръ съ Даніею. Время смутное наставало въ Русскихъ областяхъ: многая замятня была въ областяхъ Суздальскихъ,» и, замѣшанные въ споръ между Михаиломъ и Георгіемъ, Новгородцы могли бояться мщенія Датчанъ за Раковорскій походъ. Новгородцы не обманывались, ожидая притомъ непріязни отъ Твери и Москвы. — Въ 1303 году безснѣжная зима оголодила Новгородъ: » бысть дороговь велика, и туга и печаль велика людемъ (250).»

Миръ, заключенный съ Ливонскими Меченосцами, послѣ неудачнаго нападенія ихъ на Псковъ, въ 1269 году, продолжался много лѣтъ. Рыцари заняты были внутренними междоусобіями, и вой-

---

(250) Новг. Лѣт —Слич. превосходныя *Изслѣдованія* Лерберга (стр. 101, и слѣд.), подробно разобравшаго всѣ дѣла Новгородцевъ со Шведами, до конца самобытности Новгородской. — *Ландскрона* находилась на мѣстѣ С. Петербурга (на устьѣ Охты, при впаденіи оной въ Неву—какъ говоритъ преданіе).

ною съ Литовцами. Псковъ, составлявшій граничную опору Руссовъ, оберегалъ крѣпкою своею рукою Довмонтъ. Въ 1299 г. Псковитяне поссорились наконецъ съ Рыцарями. Наѣхавъ нечаянно, Рыцари сожгли посадъ и осадили самый кремль Псковскій, Довмонтъ, уже старецъ, но еще юный душею, вступилъ въ битву. «Бысть сѣча зла, яко николи-же такая не бывала у Пскова.» Рыцари бѣжали разбитые. Въ томъ же году Псковъ лишился Довмонта. Онъ умеръ отъ какой-то заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Псковѣ. Урожденецъ полудикой Литвы, Довмонтъ болѣе тридцати лѣтъ былъ примѣромъ храбрости и благочестія Христіанскаго, любилъ Псковъ, не жалѣлъ за него головы своей, и навсегда остался въ памяти Псковитянъ, которые по смерти причли его къ лику Святыхъ, и долго называли *Довмонтовою* каменную стѣну, которою обнесъ онъ кремль Псковскій. Выступая въ битву, Довмонтъ всегда приходилъ въ церковь, клалъ мечъ свой на алтарь, молился со слезами, принималъ благословеніе Духовника, и потомъ препоясывалъ мечъ его рукою. Сначала не любимый Русскими Князьями, онъ былъ потомъ женатъ на дочери Димитрія Александровича, не оставлялъ его въ бѣдствіи, и заслужилъ честь и славу мечемъ крѣпкимъ, душею честною. Новгородцы и Пско-

витяне равно скорбѣли о кончинѣ Довмонта (251).

Послѣ опустошенія Курска, тамъ оставалось нѣсколько ничтожныхъ Князей Олегова рода, въ разныхъ городкахъ. Одинъ изъ нихъ, Олегъ, былъ властителемъ Рыльска и Воргола; сродникъ его, Святославъ, владѣлъ Липецкомъ (252). Ахматъ, Баскакъ Монгольскій, угнеталъ людей, подвластныхъ симъ Князьмъ, даже завелъ слободы, гдѣ сбирались къ нему бродяги, и разбойничали по дорогамъ и селеніямъ, прикрываясь именемъ людей Баскака. Олегъ рѣшился ѣхать къ Телебугѣ и жаловаться. Между тѣмъ Святославъ скрытно нападалъ на Ахматовы слободы. Олегъ получилъ повелѣніе Телебуги: разорить притоны Ахмата, негодовалъ за своеволіе Святослава, и исполнилъ приказъ Телебуги. Ахматъ былъ тогда у Ногая, жаловался ему, говорилъ, что Телебуга неправъ, что Олегъ

---

(251) Мощи Довмонта почиваютъ, подъ спудомъ, въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ; память его празднуется 20 Мая. Супруга его также считалась во Псковѣ Святою; она скончалась черезъ годъ послѣ Довмонта, и погребена въ Псковскомъ монастырѣ Іоанна Предтечи.

(252) *Рыльскъ*, нынѣ уѣздный городъ, въ 119 в. отъ Курска; *Липецкъ*, извѣстный минеральными водами, уѣздный городъ Тамбовской Губерніи; *Ворголъ*, нынѣ село близъ Ельца.

не Князь, но разбойникъ. »У него есть отличные ловы лебединые—говорилъ Ахматъ—пошли выловить ихъ, и позвать къ себѣ Олега. Посмотри, что онъ не послушаетъ тебя.» Ногай исполнилъ по слову Ахмата. Боясь крамолъ, Олегъ не явился къ нему. Ногай послалъ войско. Раззоривъ Рыльскъ, Ворголъ и Липецкъ, Монголы возили по селеніямъ окровавленныя одежды убитыхъ ими, и говорили: «Такъ будетъ всякому, кто оскорбитъ Баскака!» — Стыдно и страшно было видѣть руганіе поганыхъ надъ православными...И хлѣбъ въ горло нейдетъ при одной мысли объ этомъ!» — говоритъ лѣтописецъ. Ахматъ не смѣлъ однакожь оставаться въ Курской области, боясь Князей, ибо Олегъ снова убѣжалъ къ Телебугѣ, а Святославъ скрылся въ Воронежскихъ лѣсахъ. Олегъ воротился съ милостивою граматою Хана, и, къ огорченію своему, узналъ, что Святославъ снова оказалъ своевольство: напалъ на Ахматовыхъ чиновниковъ, побилъ ихъ, и раззорилъ вновь собравшіяся слободы Баскака. «Ты затерялъ теперь правду нашу,» — говорилъ Олегъ— «возложилъ имя разбойника на себя и на меня. *Зимусь,* тайно нападалъ ты на слободы, а теперь своевольно погубилъ нашихъ злодѣевъ. И у насъ, Рускихъ, лихо бываетъ своевольному разбойнику; неуже-ли не знаешь Татарскаго обычая? Иди-же въ Орду, и отвѣчай.» — Самъ вѣдаюсь

въ своемъ дѣлѣ—сказалъ Святославъ.—Я правъ былъ, отмщая врагамъ моимъ! — Боясь за себя, Олегъ явился съ оправданіемъ къ Телебугѣ, и получилъ прощеніе его, но съ условіемъ—казнить Святослава! Олегъ повиновался; Святослава убили по его повелѣнію. Сынъ Святослава, Князь Александръ, отмстилъ смерть отца—убилъ Олега и двухъ сыновей его....«И бысть радость дьяволу, и угоднику его, бусурманину Ахмату» —прибавляетъ современникъ (253)....

Кромѣ раззоренія Рязани Даніиломъ, и смерти Константина Романовича въ Москвѣ, замѣтимъ, что еще прежде, отецъ Константина, Князь Романъ Олеговичъ, погибъ въ Ордѣ, умерщвленный по приказанію Менгу-Темира, въ 1271-мъ году. Романа обвинили въ хуленіи Мугаммеданской вѣры. Палачи Ханскіе содрали съ него кожу, разрѣзали его на куски, и воткнули голову его на копье. «Онъ былъ первый Русскій мученикъ, страданіемъ уподобившійся Іакову Персянину, и погибъ искупивъ страстью своею царство небесное.» Такъ отзывались современники, но не причли Романа къ лику Святыхъ (254).

---

(253) Воскр. Лѣт. II, 260.

(254) Карамзинъ: «Всякая новая вѣра производитъ фанатиковъ, или изувѣровъ; Монголы, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться мнимымъ усердi-

Мы заключили Галицкія событія половиною XIII-го вѣка : восшествіемъ Льва Даніиловича на княженіе Львова, Галича, Холма и Перемышля (послѣ смерти Свароміра), и вступленіемъ Владиміра Васильковича на княженіе Волынское. Брашъ Льва, Мстиславъ, владѣлъ Луцкомъ, а Тройденъ занялъ Литовскія волости, которыя Свароміръ получилъ нѣкогда отъ Воишелга. Левъ радовался враждѣ Тройдена протнвъ Владиміра, и дружилъ Тройдену; но убійца Воишелга недолго наслаждался ихъ несогласіемъ. Тройденъ захватилъ Дрогичинъ, принадлежавшій Льву, и Левъ рѣшился просить помощи Монголовъ. Сильный отрядъ ихъ пришелъ на Волынь, гдѣ собралось множество мстителей Литовцамъ, по приказу Менгу-Темира, и по собственному желанію, ибо кого *поганые Литовцы не обидѣли*? Князья Брянскій, Смоленскій, Псковскій, соединились со Львомъ и Монголами. Дѣло кончилось ничѣмъ: Левъ скрытно грабилъ Литовцевъ, не дѣлясь добычею съ другими, и ос-

---

емъ къ мнимой божественности Алкорана » (т. IV, 109). Но гдѣ-же доказательства? Кромѣ смерти Романа, не видимъ никакихъ жертвъ Монгольскаго изувѣрства. Менгу-Темиръ былъ точно добръ, если только деспотъ-варваръ можетъ быть добръ. Мы видѣли уже ярлыкъ его Духовенству Русскому, и то, что онъ облегчилъ подати въ Русской землѣ.

корбленные союзники отстали отъ него. Монголы, идя впередъ и обратно, причинили столько зла жителямъ, что Левъ радъ былъ отдѣлаться отъ ихъ союза. « Пришли они, поганые, для помощи, а сдѣлали одну пакость: не только забирали имѣніе, скотъ, но даже такъ было, что кого гдѣ встрѣтятъ, того тутъ и облупятъ»—говоритъ Лѣтописецъ, и прибавляетъ: »Замѣчу на память и на пользу, что дружба съ поганымъ не лучше брани (255).» На другой годъ (1276-й) Тройденъ мстилъ Галичу; взаимно Литовцы и Руские жгли, грабили, и помирились, утомясь безполезностью ссоры. Но Левъ, совсѣмъ нечаянно, получилъ граматы Ногая, гдѣ онъ писалъ ему, что слыша жалобы на грабежи Литовскіе, посылаетъ Льву сильныхъ мстителей: своихъ Монгольскихъ воиновъ. Левъ благодарилъ Хана за милость, и въ 1277-мъ году снова началъ невольный походъ на Литву. Не уступая въ грабежахъ Монголамъ, Руссы искали цѣлыхъ мѣстъ, ибо послѣ Татаръ нечѣмъ поживиться, говорили они. Это едва не погубило Князей Мстислава и Юрія (сына Львова), бывшихъ въ походѣ (256).—Въ 1279 г. Влади-

---

(255) Троицкій Лѣт. (Ист. Г. Р. IV, прим. 150).

(256) «Иже пойдемъ къ Новугородку, а тамъ уже Татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту.» Мстиславъ и Юрій искали такимъ образомъ

міръ поссорился съ Кондратомъ Мазовецкимъ. Во время страшнаго голода, Ятвяги прислали просить у него хлѣба. «Не помори насъ, продай намъ хлѣба, и бери что хочешь: воскъ, бобры, черные куны, бѣль, серебро,» велѣли сказать Ятвяги. Владиміру. Ладьи, нагруженныя хлѣбомъ и посланныя къ нимъ, были разграблены. Владиміръ просилъ суда, и не получивъ его, воевалъ области Кондратовы. Князь добрый и умный, Владиміръ почитался утѣхою подвластныхъ. Современники оставили намъ похвальное изображеніе его, и сказываютъ, что Владиміръ былъ силенъ, удалъ на охотѣ, хорошъ собою, никогда не преступалъ клятвы, не пилъ вина, и «глаголалъ отъ книгъ ясно, ибо великій философъ. былъ.» Прибавляютъ, что онъ строилъ города, украшалъ церкви, самъ списывалъ церковныя книги. За четыре года до кончины своей, Владиміръ началъ страдать тяжкою болѣзнью, и не участвовалъ въ событіяхъ, какія волновали въ сіе время Галичъ, Волынь, Польшу и Венгрію (257).

цѣлыхъ мѣстъ, были захвачены врасплохъ ночью, и Мстиславъ едва убѣжалъ, почти нагой. «И печальни быста о семъ Мстиславъ и Юрій за свое безуміе, а Володимірови не любо бысть на нею.—»*Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, прим. 151).

(257) У него болѣла и гнила нижняя часть лица, такъ, что наконецъ отпала нижняя челюсть, и видна

Честолюбіе Льва было причиною раздора его съ Польшею, въ 1279 году. Тогда скончался Король Болеславъ Цѣломудренный. Не смотря на назначеніе наслѣдникомъ его Лешка Чернаго, еще съ 1265-го года, Левъ вздумалъ искать престола Польскаго, опять обратился къ Монголамъ, самъ ѣздилъ къ Ногаю, выпросилъ у него войско, и былъ разбитъ Лешкомъ. По неволѣ участвовали въ безразсудной войнѣ этой Владиміровы и Мстиславовы дружины. Лешко от-

---

была открытая гортань. Семь недѣль передъ смертію онъ ничего не вкушалъ, кромѣ небольшаго количества воды—«бысть вторый Іовъ» — «бяше-же ловецъ добръ и храбръ; николи-же къ вепреви, ни къ медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ, но самъ убиваше, понеже далъ бяше ему Богъ *оасни*, не только на ловѣхъ, но во всемъ — возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ (т. е. красивъ), волосы имѣя желты, кудрявы, бороду стригый, руки имѣ красны и ноги; рѣчь-же бѣ въ немъ толста, и уста исподня дебела; глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловецъ хитръ, кротокъ, смиренъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татьбы ненавидя, питія-же не пи отъ возраста своего; въ крестномъ-же цѣлованіи стояше»... Владиміръ построилъ крѣпость въ Брестѣ, и городъ Каменецъ, въ области, запустѣвшей послѣ Романа. Въ Каменецкую церковь приложилъ онъ писанный имъ самимъ Апостолъ, во Епископію Перемышльскую Евангеліе, имъ-же самимъ писанное, и проч. — *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, прим. 175).

платилъ Львувъ 1281-мъ году, и взялъ у него нѣсколько городовъ. Владиміръ помогалъ потомъ (въ 1283 г.) Конраду воевать противъ Болеслава Мазовецкаго. Въ 1285 году, Русскіе Князья были испуганы предпріятіемъ Монголовъ: Ногай и Телебуга, до того времени несогласные, и довольные только помощью въ ссорахъ Галича съ Литвою и Польшею, дружно собрали многочисленную рать, двинули ее въ Венгрію, и принудили Льва идти съ собою. Опустошивъ многія области Польскія, Монголы едва не всѣ погибли отъ голода и заразительной болѣзни. Руссы служили имъ путеводителями, и нарочно наводили ихъ на засады непріятельскія, Ногай и Телебуга воротились изъ Венгріи въ большой ссорѣ; но спустя годъ толпы Монголовъ еще разъ отправились черезъ Волынь и Галичъ, раззорять Польшу. Ногай и Телебуга сами были въ этомъ походѣ, но вражда ихъ до того усилилась, что они не хотѣли ни дѣйствовать вмѣстѣ, ни даже идти въ одну сторону, и возвратились во свояси, удовольствовавшись опустошеніемъ нѣсколькихъ областей Литовскихъ и Польскихъ. Походъ ихъ былъ и на бѣду и въ пользу Галичанъ. Страны Заднѣпровскія во все это время были наполнены Монголами; называясь друзьями, Монголы ограбили, раззорили, съѣли все, что могли. Князья Русскіе принуждены были выходить съ поклонами на встрѣчу

Хановъ, и молчать обо всемъ, что ни дѣлали подчиненные ихъ Монголы. Но все послужило къ пользѣ, потому, что Левъ закаялся съ того времени приводить Монголовъ въ свои области, и исполнилъ слово (258).

Владиміръ скончался въ 1289 году. Онъ не хотѣлъ отдать своей отчины ни Льву, ни сыну его Юрію. Не имѣя дѣтей, онъ благословилъ наслѣдіемъ послѣ себя Мстислава Даніиловича. Любя Владиміра, Лѣтописцы подробно описываютъ всѣ событія при семъ случаѣ. Они любопытны. Чувствуя усиленіе болѣзни, Владиміръ хотѣлъ при себѣ всѣмъ распорядить, и въ присутствіи Монгольскихъ Баскаковъ передать права свои Мстиславу, пославъ сказать объ этомъ Льву. «Я радъ,» — отвѣчалъ Левъ — «не буду искать подъ Мстиславомъ ничего, ни при животѣ, ни по смерти брата. И до того-ли мнѣ! Въ нынѣшнее время далъ-бы только Богъ своимъ извладѣть.» Услышавъ, что Мстиславъ отдалъ уже городъ Всеволожъ своимъ Боярамъ

---

(258) Пишутъ, что въ несчастномъ походѣ Монголовъ въ Венгрію погибло ихъ до 100 тысячъ; Телебуга (по Русскимъ Лѣтописямъ) *воротился пѣшъ, съ одною женою, и съ кобылою.* — Только ссоры ...ловъ спасли Польшу въ 1287 г. — Любопыт... ...робности см. въ *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р.

—Я боленъ — сказалъ Владиміръ — а онъ еще придаетъ мнѣ болѣзни: при жизни моей уже раздаетъ онъ города мои. Успѣлъ-бы и послѣ смерти моей это сдѣлать. — Не полономъ и не копьемъ добылъ ты города мои — велѣлъ онъ сказать Мстиславу.— Если такъ хочешь поступать, какъ ты поступаешь, вспомни, что у меня есть другой братъ, Левъ.— Мстиславъ извинялся. — Пошлите-же по Мстислава — сказалъ Владиміръ — хочу учинить съ нимъ рядъ о городахъ милой Княгинѣ моей Ольгѣ, и сиротѣ моей Изяславѣ, которую въ пеленахъ взялъ я отъ отца и матери, и миловалъ какъ родную, ибо Господь не далъ мнѣ родныхъ дѣтей.—Изяслава была пріемышъ Владиміра. Написавъ граматы, Владиміръ привелъ Мстислава къ крестному цѣлованію, въ томъ, что онъ будетъ беречь удѣлъ Княгини Ольги и Изяславы, и не станетъ принуждать сироту идти за кого либо неволею. Заклиная исполнять свои завѣты — «Мнѣ не встать будетъ посмотрѣть, кто что сдѣлаетъ по моемъ животѣ»—прибавилъ Владиміръ. Онъ былъ опечаленъ въ это время смертію Болеслава, и тѣмъ, что Юрій Даніиловичъ вмѣшался въ притязанія Кондрата Мазовецкаго, противъ наслѣдниковъ Лешка, обманулъ его, и хотѣлъ захватить себѣ Люблинъ. Между тѣмъ Левъ старался хитростію добыть хотя какую нибудь часть наслѣдія, отданнаго Мсти-

славу. Юрій прислалъ для этого къ Владиміру съ притворною жалобою, что отецъ отнимаетъ у него удѣлъ, и что онъ надѣется на милость дяди своего, и ожидаетъ отъ него хотя Берестья. «Не дамъ» — сказалъ Владиміръ» — не дамъ ничего. Скажите и Мстиславу, чтобы ничего не давалъ онъ, ни даже вотъ такого клока соломы.» Владиміръ вырвалъ клочекъ соломы изъ сноповъ, подъ него подостланныхъ. «Даніилъ былъ Король мой, Левъ мой братъ, но ты отецъ мой; исполню, что ты велишь!» отвѣчалъ ему Мстиславъ. Тогда явился ко Владиміру Переяславскій Епископъ Мемнонъ. Владиміръ понялъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. «Левъ велѣлъ сказать тебѣ» — говорилъ Мемнонъ — «что дядя твой Даніилъ, и братья ваши, Романъ и Свароміръ, лежатъ въ Холмѣ. Ты до сихъ поръ не зажегъ свѣчи надъ ихъ гробами. Дай Берестье на поминъ ихъ душъ, и зажги свѣчу на память имъ.» Владиміръ долго бесѣдовалъ съ Епископомъ, «зане философъ бысть, якого-же не бысть по всей землѣ, и по немъ не будетъ.» Онъ отвѣчалъ Льву, что не давалъ ничего, когда для живыхъ просили, не дастъ ничего, когда и на мертвыхъ просятъ. Болѣзнь Владиміра усилилась; онъ страдалъ, какъ второй Іовъ, но, собравъ послѣднія силы, велѣлъ вести себя въ церковь, причастился, и воздавъ хвалу Богу, скончался, послѣ 20-ти лѣт-

няго *честнаго* княженія. Послѣ кончины, «его облекли въ аксамитъ съ кружевами, какъ достоитъ Царямъ.» Надъ гробомъ его плакали подданные и чужестранцы: Нѣмцы, Сурожане, Новгородцы, и самые Жиды, *какъ въ день взятія Іерусалима.* «Царь мой благій!» вопіяла Княгиня Владимірова.«Воистину назывался ты *Іоанномъ* (259): всею добродѣтелью ты былъ подобенъ ему! Сколько оскорбляли тебя родные, и никогда не воздавалъ ты имъ зломъ за зло!« — «Добро-бы намъ было умереть съ тобою, сотворившимъ такую свободу» — говорили Владимірцы. «Ты уподобился дѣду своему Роману; поревновалъ ему, и наслѣдилъ путь его. Зашло солнце наше, и въ обидѣ насъ всѣхъ оставило!»

Юрій рѣшился на ухищренія, видя, что всѣ старанія его достать что нибудь изъ наслѣдія дяди, были тщетны. Онъ занялъ Берестье, гдѣ безразсудные жители приняли его съ радостію. Бояре совѣтовали Мстиславу захватить города Юрія. Но *легкосердый* Мстиславъ отказался. «Избави меня Богъ проливать кровь не-

---

(259) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, пр. 175). Имя *Іоанна* дано было Владиміру при крещеніи. Древнее обыкновеніе: давать, кромѣ Христіанскаго, другое имя, народное—Олегъ, Святославъ, и т. п., сохранялось еще въ то время.

въ своемъ дѣлѣ—сказалъ Святославъ.—Я правъ былъ, отмщая врагамъ моимъ! — Боясь за себя, Олегъ явился съ оправданіемъ къ Телебугѣ, и получилъ прощеніе его, но съ условіемъ—казнить Святослава! Олегъ повиновался; Святослава убили по его повелѣнію. Сынъ Святослава, Князь Александръ, отмстилъ смерть отца—убилъ Олега и двухъ сыновей его....«И бысть радость дьяволу, и угоднику его, бусурманину Ахмашу» —прибавляетъ современникъ (253)....

Кромѣ раззоренія Рязани Даніиломъ, и смерти Константина Романовича въ Москвѣ, замѣтимъ, что еще прежде, отецъ Константина, Князь Романъ Олеговичъ, погибъ въ Ордѣ, умерщвленный по приказанію Менгу-Темира, въ 1271-мъ году. Романа обвинили въ хуленіи Мугаммеданской вѣры. Палачи Ханскіе содрали съ него кожу, разрѣзали его на куски, и воткнули голову его на копье. «Онъ былъ первый Русскій мученикъ, страданіемъ уподобившійся Іакову Персянину, и погибъ искупивъ страстью своею царство небесное.» Такъ отзывались современники, но не причли Романа къ лику Святыхъ (254).

---

(253) Воскр. Лѣт. II, 260.

(254) Карамзинъ: «Всякая новая вѣра производитъ фанатиковъ, или изувѣровъ; Монголы, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться мнимымъ усерді-

Мы заключили Галицкія событія половиною XIII-го вѣка: восшествіемъ Льва Даніиловича на княженіе Львова, Галича, Холма и Перемышля (послѣ смерти Свароміра), и вступленіемъ Владиміра Васильковича на княженіе Волынское. Брашъ Льва, Мсшиславъ, владѣлъ Луцкомъ, а Тройденъ занялъ Лишовскія волосши, кошорыя Свароміръ получилъ нѣкогда отъ Воишелга. Левъ радовался враждѣ Тройдена прошивъ Владиміра, и дружилъ Тройдену; но убійца Воишелга недолго наслаждался ихъ несогласіемъ. Тройденъ захваішилъ Дрогичинъ, принадлежавшій Льву, и Левъ рѣшился просишь помощи Монголовъ. Сильный ошрядъ ихъ пришелъ на Волынь, гдѣ собралось множесшво мсшишелей Лишовцамъ, по приказу Менгу-Темира, и по собсшвенному желанію, ибо кого *поганые Литовцы не обидѣли*? Князья Брянскій, Смоленскій, Псковскій, соединились со Львомъ и Монголами. Дѣло кончилось ничѣмъ: Левъ скрышно грабилъ Лишовцевъ, не дѣлясь добычею съ другими, и ос-

---

емъ къ мнимой божесшвенносши Алкорана» (ш. IV, 109). Но гдѣ-же доказашельсшва? Кромѣ смерши Романа, не видимъ никакихъ жершвъ Монгольскаго изувѣрсшва. Менгу-Темиръ былъ шочно добръ, если шолько деспошъ-варваръ можешъ быть добръ. Мы видѣли уже ярлыкъ его Духовенсшву Русскому, и що, что онъ облегчилъ подаши въ Русской землѣ.

корбленные союзники отстали отъ него. Монголы, идя впередъ и обратно, причинили столько зла жителямъ, что Левъ радъ былъ отдѣлаться отъ ихъ союза. « Пришли они, поганые, для помощи, а сдѣлали одну пакость: не только забирали имѣніе, скотъ, но даже такъ было, что кого гдѣ встрѣтятъ, того тутъ и облупятъ»—говоритъ Лѣтописецъ, и прибавляетъ: »Замѣчу на память и на пользу, что дружба съ поганымъ не лучше брани (255).» На другой годъ (1276-й) Тройденъ мстилъ Галичу; взаимно Литовцы и Рускіе жгли, грабили, и помирились, утомясь безполезностью ссоры. Но Левъ, совсѣмъ нечаянно, получилъ граматы Ногая, гдѣ онъ писалъ ему, что слыша жалобы на грабежи Литовскіе, посылаетъ Льву сильныхъ мстителей: своихъ Монгольскихъ воиновъ. Левъ благодарилъ Хана за милость, и въ 1277-мъ году снова началъ невольный походъ на Литву. Не уступая въ грабежахъ Монголамъ, Руссы искали цѣлыхъ мѣстъ, ибо послѣ Татаръ нечѣмъ поживиться, говорили они. Это едва не погубило Князей Мстислава и Юрія (сына Львова), бывшихъ въ походѣ (256).—Въ 1279 г. Влади-

(255) Троицкій Лѣт. (Ист. Г. Р. IV, прим. 150).

(256) «Иже пойдемъ къ Новугородку, а тамъ уже Татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту.» Мстиславъ и Юрій искали такимъ образомъ

міръ поссорился съ Кондрашомъ Мазовецкимъ. Во время страшнаго голода, Яшвяги прислали просишь у него хлѣба. «Не помори насъ, продай намъ хлѣба, и бери что хочешь: воскъ, бобры, черные куны, бѣль, серебро,» велѣли сказашь Яшвяги. Владиміру. Ладьи, нагруженныя хлѣбомъ и посланныя къ нимъ, были разграблены. Владиміръ просилъ суда, и не получивъ его, воевалъ области Кондрашовы. Князь добрый и умный, Владиміръ почишался ушѣхою подвласшныхъ. Современники осшавили намъ похвальное изображеніе его, и сказываюшъ, что Владиміръ былъ силенъ, удалъ на охошѣ, хорошъ собою, никогда не преступалъ клятвы, не пилъ вина, и «глаголалъ отъ книгъ ясно, ибо велпкій философъ. былъ.» Прибавляюшъ, что онъ строилъ города, украшалъ церкви, самъ списывалъ церковныя книги. За чешыре года до кончины своей, Владиміръ началъ страдашь шяжкою болѣзнью, и не участвовалъ въ событіяхъ, какія волновали въ сіе время Галичъ, Волынь, Польшу и Венгрію (257).

цѣлыхъ мѣсшъ, были захвачены врасплохъ ночью, и Мстиславъ едва убѣжалъ, почти нагой. «И печальни быста о семъ Мстиславъ и Юрій за свое безуміе, а Володиміровн не любо бысть на нею.—»*Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, прим. 151).

(257) У него болѣла и гнила нижняя часть лица, такъ, что наконецъ отпала нижняя челюсть, и видна

Честолюбіе Льва было причиною раздора его съ Польшею, въ 1279 году. Тогда скончался Король Болеславъ Цѣломудренный. Не смотря на назначеніе наслѣдникомъ его Лешка Чернаго, еще съ 1265-го года, Левъ вздумалъ искать престола Польскаго, опять обратился къ Монголамъ, самъ ѣздилъ къ Ногаю, выпросилъ у него войско, и былъ разбитъ Лешкомъ. По неволѣ участвовали въ безразсудной войнѣ этой Владиміровы и Мстиславовы дружины. Лешко от-

была открытая гортань. Семь недѣль передъ смертію онъ ничего не вкушалъ, кромѣ небольшаго количества воды—«бысть второй Іовъ» — «бяше-же ловецъ добръ и храбръ; николи-же къ вепреви, ни къ медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ, но самъ убиваше, понеже далъ бяше ему Богъ *васнь*, не только на ловѣхъ, но во всемъ — возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ (т. е. красивъ), волосы имѣя желты, кудрявы, бороду стригый, руки имѣ красны и ноги; рѣчь-же бѣ въ немъ толста, и уста исподня дебела; глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ, и ловецъ хитръ, кропокъ, смиренъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татьбы ненавидя, питія-же не пи отъ возраста своего; въ крестномъ-же цѣлованіи стояше»... Владиміръ построилъ крѣпость въ Брестѣ, и городъ Каменецъ, въ области, запустѣвшей послѣ Романа. Въ Каменецкую церковь приложилъ онъ писанный имъ самимъ Апостолъ, во Епископію Перемышльскую Евангеліе, имъ-же самимъ писанное, и проч. — *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, прим. 175).

платилъ Льву въ 1281-мъ году, и взялъ у него нѣсколько городовъ. Владиміръ помогалъ потомъ (въ 1283 г.) Конраду воевать противъ Болеслава Мазовецкаго. Въ 1285 году, Русскіе Князья были испуганы предпріятіемъ Монголовъ: Ногай и Телебуга, до того времени несогласные, и довольные только помощью въ ссорахъ Галича съ Литвою и Польшею, дружно собрали многочисленную рать, двинули ее въ Венгрію, и принудили Льва идти съ собою. Опустошивъ многія области Польскія, Монголы едва не всѣ погибли отъ голода и заразительной болѣзни. Руссы служили имъ путеводителями, и нарочно наводили ихъ на засады непріятельскія, Ногай и Телебуга воротились изъ Венгріи въ большой ссорѣ; но спустя годъ толпы Монголовъ еще разъ отправились черезъ Волынь и Галичъ, раззорять Польшу. Ногай и Телебуга сами были въ этомъ походѣ, но вражда ихъ до того усилилась, что они не хотѣли ни дѣйствовать вмѣстѣ, ни даже идти въ одну сторону, и возвратились во свояси, удовольствовавшись опустошеніемъ нѣсколькихъ областей Литовскихъ и Польскихъ. Походъ ихъ былъ и на бѣду и въ пользу Галичанъ. Страны Заднѣпровскія во все это время были наполнены Монголами; называясь друзьями, Монголы ограбили, раззорили, съѣли все, что могли. Князья Русскіе принуждены были выходить съ поклонами на встрѣчу

Хановъ, и молчать обо всемъ, что ни дѣлали подчиненные ихъ Монголы. Но все послужило къ пользѣ, потому, что Левъ закаялся съ того времени приводить Монголовъ въ свои области, и исполнилъ слово (258).

Владимiръ скончался въ 1289 году. Онъ не хотѣлъ отдать своей отчины ни Льву, ни сыну его Юрiю. Не имѣя дѣтей, онъ благословилъ наслѣдiемъ послѣ себя Мстислава Данiиловича. Любя Владимiра, Лѣтописцы подробно описываютъ всѣ событiя при семъ случаѣ. Они любопытны. Чувствуя усиленiе болѣзни, Владимiръ хотѣлъ при себѣ всѣмъ распорядить, и въ присутствiи Монгольскихъ Баскаковъ передать права свои Мстиславу, пославъ сказать объ этомъ Льву. «Я радъ,» — отвѣчалъ Левъ — «не буду искать подъ Мстиславомъ ничего, ни при животѣ, ни по смерти брата. И до того-ли мнѣ! Въ нынѣшнее время далъ-бы только Богъ своимъ *извладѣть*.» Услышавъ, что Мстиславъ отдалъ уже городъ Всеволожъ своимъ Боярамъ

(258) Пишутъ, что въ несчастномъ походѣ Монголовъ въ Венгрiю погибло ихъ до 100 тысячъ; Телебуга (по Русскимъ Лѣтописямъ) *воротился пѣшъ, съ одною женою, и съ кобылою.* — Только ссоры Монголовъ спасли Польшу въ 1287 г. — Любопытныя подробности см. въ *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. прим. 175).

—Я боленъ — сказалъ Владиміръ — а онъ еще придаетъ мнѣ болѣзни: при жизни моей уже раздаетъ онъ города мои. Успѣлъ-бы и послѣ смерти моей это сдѣлать. — Не полономъ и не копьемъ добылъ ты города мои — велѣлъ онъ сказать Мстиславу.— Если такъ хочешь поступать, какъ ты поступаешь, вспомни, что у меня есть другой братъ, Левъ.— Мстиславъ извинялся. — Пошлите-же по Мстислава — сказалъ Владиміръ — хочу учинить съ нимъ рядъ о городахъ милой Княгинѣ моей Ольгѣ, и сиротѣ моей Изяславѣ, которую въ пеленахъ взялъ я отъ отца и матери, и миловалъ какъ родную, ибо Господь не далъ мнѣ родныхъ дѣтей.—Изяслава была пріемышъ Владиміра. Написавъ граматы, Владиміръ привелъ Мстислава къ крестному цѣлованію, въ томъ, что онъ будетъ беречь удѣлъ Княгини Ольги и Изяславы, и не станетъ принуждать сироту идти за кого либо неволею. Заклиная исполнять свои завѣты — «Мнѣ не встать будетъ посмотрѣть, кто что сдѣлаетъ по моемъ животѣ»—прибавилъ Владиміръ. Онъ былъ опечаленъ въ это время смертію Болеслава, и тѣмъ, что Юрій Даніиловичъ вмѣшался въ притязанія Кондрата Мазовецкаго, противъ наслѣдниковъ Лешка, обманулъ его, и хотѣлъ захватить себѣ Люблинъ. Между тѣмъ Левъ старался хитростію добыть хотя какую нибудь часть наслѣдія, отданнаго Мсти-

славу. Юрій прислалъ для этого къ Владиміру съ притворною жалобою, что отецъ отнимаетъ у него удѣлъ, и что онъ надѣется на милость дяди своего, и ожидаетъ отъ него хотя Берестья. « Не дамъ » — сказалъ Владиміръ» — не дамъ ничего. Скажите и Мстиславу, чтобы ничего не давалъ онъ, ни даже вотъ такого клочка соломы. » Владиміръ вырвалъ клочекъ соломы изъ сноповъ, подъ него подостланныхъ. « Даніилъ былъ Король мой, Левъ мой братъ, но ты отецъ мой; исполню, что ты велишь! » отвѣчалъ ему Мстиславъ. Тогда явился ко Владиміру Переяславскій Епископъ Мемнонъ. Владиміръ понялъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. « Левъ велѣлъ сказать тебѣ » — говорилъ Мемнонъ — « что дядя твой Даніилъ, и братья ваши, Романъ и Свароміръ, лежатъ въ Холмѣ. Ты до сихъ поръ не зажегъ свѣчи надъ ихъ гробами. Дай Берестье на помпнъ ихъ душъ, и зажги свѣчу на память имъ. » Владиміръ долго бесѣдовалъ съ Епископомъ, « зане философъ бысть, якого-же не бысть по всей землѣ, и по немъ не будетъ. » Онъ отвѣчалъ Льву, что не давалъ ничего, когда для живыхъ просили, не дастъ ничего, когда и на мертвыхъ просятъ. Болѣзнь Владиміра усилилась; онъ страдалъ, какъ второй Іовъ, но, собравъ послѣднія силы, велѣлъ вести себя въ церковь, причастился, и воздавъ хвалу Богу, скончался, послѣ 20-ти лѣт-

няго *честнаго* княженія. Послѣ кончины, «его облекли въ аксамитъ съ кружевами, какъ достоитъ Царямъ.» Надъ гробомъ его плакали подданные и чужестранцы: Нѣмцы, Сурожане, Новгородцы, и самые Жиды, *какъ въ день взятія Іерусалима.* «Царь мой благій!» вопіяла Княгиня Владимірова.«Воистину назывался ты *Іоанномъ* (259): всею добродѣтелью ты былъ подобенъ ему! Сколько оскорбляли тебя родные, и никогда не воздавалъ ты имъ зломъ за зло!« — «Добро-бы намъ было умереть съ тобою, сотворившимъ такую свободу» — говорили Владимірцы. «Ты уподобился дѣду своему Роману; поревновалъ ему, и наслѣдилъ путь его. Зашло солнце наше, и въ обидѣ насъ всѣхъ оставило!»

Юрій рѣшился на ухищренія, видя, что всѣ старанія его достать что нибудь изъ наслѣдія дяди, были тщетны. Онъ занялъ Берестье, гдѣ безразсудные жители приняли его съ радостію. Бояре совѣтовали Мстиславу захватить города Юрія. Но *легкосердый* Мстиславъ отказался. «Избави меня Богъ проливать кровь не-

(259) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. IV, пр. 175). Имя *Іоанна* дано было Владиміру при крещеніи. Древнее обыкновеніе: давать, кромѣ Христіанскаго, другое имя, народное—Олегъ, Святославъ, и т. п., сохранялось еще въ то время.

повинную: и безъ того исправлю я все Божіею помощію,» отвѣчалъ Мстиславъ своимъ совѣтникамъ. Онъ послалъ къ Юрію, и велѣлъ сказать ему: «Ты самъ хорошо слышалъ, какъ братъ Владиміръ отдавалъ мнѣ свои земли, не скрывая распоряженій отъ твоего отца, при всѣхъ людяхъ, и при Царскихъ чиновникахъ. Зачѣмъ-же тогда не противорѣчилъ ты? Я призову Татаръ для моей защиты; но прежде желаю знать, чтобы не казнился неповинный: по волѣ отца твоего, или по своей собственной сѣлъ ты въ Берестьѣ?»—«Жалуюсь тебѣ»— говорили послы Мстислава Льву — » жалуюсь, какъ старшему брату и отцу, и желаю знать право: своею-ли собственною волею, или твоимъ повелѣніемъ занялъ Юрій города мои? Не утаю отъ тебя, что я готовлюсь на войну, и послалъ уже къ Хану, да пришлетъ мнѣ рать.» Левъ испугался угрозы Мстислава: «У него не прошла еще тогда оскомина отъ Телебугиной рати»—прибавляетъ Лѣтописецъ. Онъ отрекся отъ всего; послалъ приказаніе Юрію: немедленно выйдти изъ Берестья, обѣщая при непослушаніи идти на него самъ, и лишить его наслѣдства. Юрій принужденъ былъ уступить, но оставляя Берестье, разграбилъ сей городъ, также города Каменецъ и Бѣльскъ; сообщники его ушли съ нимъ. Жители Берестья съ покорностью встрѣтили Мстислава. Онъ простилъ ихъ, и толь-

ко *для памяти легкомыслія* ихъ обложилъ Берестье податью, обративъ сію подать на содержаніе своей охоты. Левъ и Мстиславъ жили послѣ того мирно. Левъ скончался въ 1301 г.— Мстиславъ недолго пережилъ его, и Юрій, соединивъ владѣнія отца и дяди, именовался *Королемъ Русскимъ и Княземъ Владимірскимъ* (260).

---

(260) Карамзинъ имѣлъ списки съ древнихъ грамапъ, хранящихся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, доставленные къ нему отъ Директора сего Архива, Г-на Геннига. Сихъ грамапъ немало, и онѣ во многомъ поясняютъ отношенія Нѣмецкаго и Ливонскаго Орденовъ къ Русскимъ землямъ, простираясь до позднѣйшихъ временъ. Карамзинъ намѣревался отдать сіи драгоцѣнные акты въ Архивъ. Гдѣ они теперь? Не знаемъ, такъ-же какъ не знаемъ, гдѣ дѣвалось безцѣнное собраніе, такъ называемыхъ *Двинскихъ граматъ*, которое получилъ Карамзинъ отъ Графа А. И. Мусина-Пушкина: тамъ находились акты, которыхъ нѣтъ даже въ Государственныхъ Архивахъ. Не вѣдаемъ участи и выписокъ Альбертранди, памятника учености и труда невѣроятныхъ (Ист. Р. Н. т. III, прим. 168). Карамзинъ поступилъ со всѣми сими сокровищами такъ, какъ будто вовсе не зналъ цѣны имъ. Онъ выписалъ только изъ нихъ отдѣльныя, безъ связи, замѣчанія, и размѣстилъ свои выписки въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Г. Р., не пожертвовавъ какою нибудь небольшою суммою для изданія упомянутыхъ памятниковъ вполнѣ. Онъ не списалъ даже нѣсколькихъ, чтобы сохранить оные въ разныхъ библіотекахъ!! Читатели извинятъ сожалѣніе наше, если.

Если пришествія Монголовъ были тяжки Волыни и Галичу, то они были во все нестерпимы въ Кіевской и Черниговской областяхъ. Въ 1299-мъ году, Митрополитъ Максимъ (присланный изъ Греціи въ 1283 году) навсегда оставилъ Кіевъ, и перенесъ Митрополію во Владиміръ, на берега Клязьмы (261).

Такъ совершенно погибло для Руси то знаменитое мѣсто, гдѣ началась первобытная Исторія Русскаго народа. Вскорѣ увидимъ, какъ утратятся для Руси Галичъ и Волынь, и чуждое владычество на цѣлыя столѣтія овладѣетъ древними городами Владимірка и Володаря, образуетъ здѣсь совершенно отдѣльный, хотя и

сообразятъ всю сущность дѣла (См. *Ист. Г. Р.* т. IV, прим. 204, 206). Скажемъ, для примѣра, о слухѣ, возбуждающемъ истинное прискорбіе: намъ сказывали, что Двинскія грамaты, неизвѣстно куда послѣ Карамзина утратились, и не могли быть отысканы. Въ числѣ грамaтъ Кенигсбергскаго Архива, находились грамaты отъ внуковъ Мстислава, съ печатью дѣда ихъ, гдѣ онъ изображенъ на тронѣ, въ вѣнцѣ, съ скипетромъ, и надписью: Domini Georgi Regis Russiæ, на другой сторонѣ: D. S. Principis Ladimeriæ. — О событіяхъ послѣ кончины Владиміра, см. *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. стр. 113, и слѣд).—Сколько можно понять изъ словъ Карамзина, здѣсь оканчивается драгоцѣнная *Лѣтопись Волынская* (Ист. Г. Р. т. IV, 147, прим. 175).

(261) Воскр. Лѣт. т. II, 270.

родной Русскимъ областямъ народъ, съ новыми, неслыханными дотолѣ нравами, новыми повѣрьями, и—даже новымъ именемъ...

Печальна была въ сіе время Исторія Русскаго народа, грустна, безнадежна жизнь его, тяжко существованіе! Преданія сего времени показываютъ ужасающую наготу и бѣдность бытія человѣческаго. Кто изъ Князей не погибалъ въ междоусобіи, не умиралъ подъ ножемъ палачей Ханскихъ, тотъ съ трепетомъ облекался при кончинѣ своей въ рясу инока и въ схиму, хотя тягота жизни равнялась для всѣхъ съ безсмысліемъ страстей, волновавшихъ души и сердца.

Трепеща за будущее, народъ съ ужасомъ видѣлъ наказаніе Божіе въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ—пожарѣ, наводненіи, неурожаѣ, болѣзни. Суевѣріе безпрерывно замѣчало знаменія и предвѣщанія различныхъ бѣдствій. Кромѣ пожаровъ Новгородскихъ, Лѣтописцы упоминаютъ о сильномъ пожарѣ въ Твери, 1296-го года. Торжекъ выгорѣлъ въ 1300-мъ году. Михаилъ Ярославичъ Тверской едва не погибъ, когда ночью загорѣлся дворецъ его: онъ успѣлъ выбѣжать съ Княгинею, но казна, одежды, оружіе, все сдѣлалось жертвою пламени. Въ тотъ-же годъ Тверитяне были опечалены тяжкою болѣзнію своего Князя; но Михаилъ выздоровѣлъ, для того, чтобы тяжко погибнуть потóмъ въ

отдаленія отъ родины! Въ 1278 г. въ Руси свирѣпствовали повальныя болѣзни; въ 1280 г. цѣлое лѣто были сильныя бури, громы, молніи; вихрь разметывалъ домы. Набѣгъ Монголовъ на Польшу въ 1287 году былъ послѣдуемъ сильною смертностью; говорили, что Монголы отравляютъ воду въ колодцахъ, на погибель Христіанъ. Въ 1297 г., при жестокой засухѣ, горѣли лѣса, болота, и былъ всеобщій скотскій падежъ. Въ 1299 г., когда моръ свирѣпствовалъ во Псковѣ, въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ были сильныя грозы и бури. Въ 1303 г., въ Ростовѣ бурею разрушило четыре церкви и сорвало крыши съ другихъ. Кромѣ страха отъ кометы 1266 года (звѣздана западѣ, а лучи отъ нея какъ хвостъ долгій на полдень), предковъ нашихъ испугало солнечное затмѣніе 1271 г. (померче солнце средь утра, и паки наполнися, и рады быша), лунное 1290 г. (бѣ мѣсяцъ кровавъ, и преложися въ тму), и огромная комета 1301 года (звѣзда на западѣ, лучи имуща, яко хвосты вверхъ, къ полудню). Наконецъ ихъ тревожили и особенныя странныя знаменія: въ Февралѣ 1278 года, « огородилось солнце дугами, а среди дугъ былъ крестъ, внѣ дугъ 4 солнца, а свыше того дуга великая, рогами къ верху»; зимою 1280 года « было знаменіе на небеси: облако огненное явилось на западѣ, и на всю землю падали изъ него искры. «Въ 1292 году,

«знаменіе страшно явилось на небеси: стояли на воздухѣ какъ будто толпы воиновъ, на югъ и на сѣверъ»; въ 1298 году, «огородилось солнце грозно.» Если-бы кто нибудь и зналъ тогда естественную причину сихъ воздушныхъ явленій, то не посмѣлъ-бы сказать; суевѣріе, грознѣе Монгольскихъ Хановъ, наказало-бы невѣрующаго. Каждый вѣкъ страшится своихъ призраковъ, и — горе тому, кто, превышая свой вѣкъ, осмѣлится сказать ему, что мечты ничтожныя напрасно тревожатъ его; кто дерзнетъ назвать ихъ созданіями воображенія, исчезающими передъ свѣтомъ ума и опытами вѣковъ (262)!

---

(262) Воскр., Новг., Арх.. Соф. Стр. Лѣтописи, и Ист. Г. Р. т. IV, въ примѣчаніяхъ.

ГЛАВА IV.

Оставивъ наконецъ въ покоѣ упрямаго Георгія Даніиловича и Москву, Михаилъ Ярославичъ жилъ мирно съ другими Князьями, назывался *Великимъ Княземъ*, основалъ свое пребываніе въ Твери, и только ссорился съ Новгородцами. Нѣсколько лѣтъ не доходило однакожъ между Тверью и Новгородомъ до вражды явной. Въ Псковѣ, послѣ Довмонта, жилъ Намѣстникъ Михаиловъ, Ѳеодоръ Михайловичъ; другой Намѣстникъ его, Борисъ Константиновичъ, правилъ Карельскими волостями Новгородцевъ. Тотъ и другой возбудили народное негодованіе: Ѳеодоръ робко бѣжалъ изъ Пскова, узнавъ о походѣ Магистра Ливонскаго, не слушалъ просьбъ Новгорода, и Псковитяне принуждены были безъ него невыгодно помириться, а Ѳеодоръ обиралъ между тѣмъ мирныхъ обитателей; Борисъ передалъ многія Карельскія области Шведамъ (263). Въ 1312 году неудовольствія усилились: Михаилъ отозвалъ наконецъ своихъ Намѣстниковъ, разсердился на Новгородъ, захватилъ Торжекъ, Бѣжецкъ, остановилъ привозы хлѣба къ Новгородцамъ.

---

(263) Грамата Новгородцевъ къ Михаилу. (Собр. Гос. грам., т. I, № 11-й).

Въ самую распутицу Владыка Новгородскій, Давидъ, принужденъ былъ ѣхать въ Тверь, и мириться. Новгородцы казались кроткими—передъ сильною бурею.

Въ 1313 году умеръ Ханъ Тохта. Давно уже не было примѣра спокойнаго воцаренія въ Ордѣ; но юный сынъ Тохты, Ханъ Узбекъ, мирно наслѣдовалъ отцу. Михаилъ долженъ былъ явиться къ новому властителю. Онъ отправился немедленно.

Съ нимъ поѣхалъ достопамятный Святитель Русскій, Митрополитъ Петръ. По кончинѣ Грека Максима въ 1305 году, три года не было Митрополита въ Руси. Князь Галицкій думалъ воспользоваться симъ случаемъ, и упросилъ Цареградскаго Патріарха благословить на учрежденіе въ Галичѣ особой Митрополіи. Охотно соглашаясь, Патріархъ поставилъ въ Митрополиты благочестиваго Игумена Волынскаго Петра. Въ Суздальскихъ областяхъ, Игуменъ Геронтій принялъ между тѣмъ самовольно управленіе послѣ смерти Максима. Петръ не остался въ Галичѣ; онъ поспѣшилъ во Владиміръ, куда, какъ мы упоминали, за 10-ть лѣтъ прежде, была перенесена Митрополія Русская. Здѣсь, встрѣченный почтительно всѣми, Митрополитъ Петръ заслужилъ общее уваженіе кроткимъ, но твердымъ характеромъ своимъ, добродѣтелью и благочестіемъ. Онъ обличилъ злую

ересь какого-то Сеита; действуя, какъ Архипастырь, онъ лишилъ сана Сарскаго Епископа Измаила, и кротостію свою обезоружилъ обвинителей на Соборѣ, созванномъ для его сужденія въ Переяславлѣ. Михаилъ и Петръ приняты были въ Ордѣ милостиво. Митрополита вскорѣ отпустили, съ возобновленною грамотою Хана на права и преимущества, данныя Духовенству предмѣстниками Узбека (264). Но Михаилъ принужденъ былъ остаться въ Ордѣ. Здѣсь начало его бѣдствій.

Можемъ догадываться о причинахъ, по которымъ пребываніе Михаила въ Ордѣ продолжалось около двухъ лѣтъ. Дѣятельный врагъ его, Георгій Московскій, конечно, не упустилъ ни-

---

(264) См. въ концѣ сего тома *Дополненіе IV-е.* О избраніи Петра Митрополита и жизни его, см. житіе сего Святителя, писанное (какъ говорятъ) Митрополитомъ Кипріаномъ, и помѣщенное въ *Степенной книгѣ*, хотя нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы компиляція, извѣстная подъ именемъ *Степенной книги*, была сочинена Кипріаномъ, и дополнена потомъ Митрополитомъ Макаріемъ. Все основывается на *увѣреніи Татищева*, (его *Исторіи*, т. IV, стр. 424), чему *повѣрилъ* Миллеръ (предисловіе къ *Ст. книгѣ*), и что *повторяютъ* другіе. Къ сожалѣнію, житіе Петра Митрополита обременено вставками и невѣроятностями. (См. *Степ. книги*, т. I, 410). Впрочемъ, *историческое* основаніе онаго понятно.

какихъ средствъ для борьбы съ Михаиломъ. Не брала сила—употреблялось коварство. Безразсудно оскорбивъ Новгородцевъ, Михаилъ потерялъ любовь ихъ, и только одно оставалось ему теперь: укрѣплять власть свою Ордынскою силою. Необходимость принудила Михаила употребить пагубное средство, по которому память Андрея осталась ненавистною. Онъ услышалъ на берегахъ Волги, что въ отсутствіе его Новгородъ передался Георгію. Присланный отъ Георгія Намѣстникомъ, Ѳеодоръ Ржевскій былъ принятъ Новгородцами; они схватили Михаиловыхъ Бояръ, заперли ихъ въ домѣ Владыки, и поспѣшно выступили съ войскомъ къ самой Твери. Димитрій, сынъ Михаила, сталъ противъ нихъ на берегу Волги. Обѣ стороны не хотѣли начинать битвы, и до осени простояли Тверитяне и Новгородцы другъ противъ друга. Ничего не слыша объ отцѣ, Димитрій уступилъ, и добровольно отказался за него отъ Новгорода. Новгородцы послали тогда къ Георгію, и заключили съ нимъ договоръ *на всей волѣ своей. Радуясь своему хотѣнію*, вскорѣ они увидѣли у себя Георгія, съ братомъ его Аѳанасіемъ. Михаилъ горько жаловался Хану, и выпросилъ себѣ для управы Монгольское войско, подъ предводительствомъ Тохтамеря. Въ то-же время, Георгія звали на судъ въ Орду. Можетъ быть, Михаилъ хотѣлъ

только устрашить своихъ противниковъ—онъ ошибся. Георгій, съ послами Новгородскими, отправился въ Орду немедленно, а Новгородцы не оробѣли отъ присутствія Монголовъ, и выступили къ Торжку, предводимые Княземъ Аѳанасіемъ. Надобно было приняться за мечи, и Новгородцы дали *первую битву* Монголамъ Февраля 10, 1316 года. Драка была отчаянная; сыновья Посадниковъ Миши и Павши легли на полѣ битвы; но сила превозмогла — побѣжденные скрылись въ Торжкѣ. Михаилъ требовалъ выдачи Аѳанасія и Ржевскаго. «Не отдаемъ Аѳанасія»—отвѣчали Новгородцы—«лучше всѣ умремъ честно за Св. Софію!» Михаилъ требовалъ выдачи хотя одного Ржевскаго. Крайность принудила согласиться. Новгородъ призналъ снова Михаила, обязался заплатить ему тяжкую дань — 12,000 гривенъ серебра, раздѣливъ платежъ на сроки. Въ залогъ платежа выданы были аманаты. Положили: не требовать пограбленнаго съ обѣихъ сторонъ; плѣнныхъ отдать безъ окупа; Михаилу отложить нелюбіе, не захватывать купцовъ въ Суздальскихъ областяхъ, не мстить недругамъ; Новгороду держать его княженіе честно, безъ обиды. Договоръ любопытенъ подробностями (265). Миха-

(265) Поступки Михаила показываютъ, до чего унижаетъ человѣка рабство, и до чего доводитъ че-

илъ отпустилъ Монголовъ, и нарушилъ всѣ мирныя условія: захватилъ Аѳанасія и Бояръ Новгородскихъ, мстилъ врагамъ своимъ, отнималъ имѣнія Торжковцевъ, бралъ окупы; наконецъ, какъ будто предвидя, что снова возставитъ Новгородцевъ, вызвалъ своихъ Намѣстниковъ изъ Новгорода, и собралъ войско (266).

Жестокая ненависть Новгородцевъ къ Михаилу оказалась тогда въ величайшей степени. Они рѣшились снова воевать съ нимъ; обнесли Новгородъ тыномъ, созвали дружины Псковскія, Ладожскія, Русскія, Карельскія, Ижорскія; Вѣче не хотѣло слышать объ имени Князя Твер-

---

столюбіе. Приведеніе на отчизну Монголовъ, утѣсненіе Новгородцевъ, вѣроломство послѣ договора — всѣ сіи событія очернили для потомства память Михаила, добраго и великодушнаго въ другихъ дѣлахъ. Замѣчательно, что Карамзинъ не дѣлаетъ *ни одного упрека* Михаилу, не пощадивъ, ни прежде, ни послѣ, памяти Георгія и другихъ Князей! Договоръ съ Новгородцами, см. въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 12-й, и наставленіе ихъ посламъ, № 13-й. — Любопытны слова, что когда въ назначенные сроки Новгородъ выплатитъ положенную дань, «Великому Князю *грамата изрѣзати*, что докончали на Городкѣ на Волзѣ, и другая грамата Новоторзская, что въ Торжку докончали!» Вотъ одна изъ причинъ истребленія древнихъ памятниковъ письменныхъ! Ихъ не думали беречь, не зная ихъ достоинства историческаго.

(266) Новг. Лѣт. годъ 1315-й.

скаго. Игнашія Бѣска, подозрѣваемаго въ перевѣтѣ съ Михаиломъ, били на Вѣчѣ и сбросили въ Волховъ. На другаго Новгородца, Даніила Писцова, донесъ, рабъ его, что будто онъ былъ посыланъ отъ господина своего къ Михаилу, и — Даніила убили безъ всякаго суда. Между тѣмъ Михаилъ шелъ къ Новгороду дремучими лѣсами и болотами по Ловати; кони у него погибли; оказался голодъ; воины его ѣли даже конину и кожи сапоговъ и щитовъ своихъ; Михаилъ принужденъ былъ воротиться. Онъ не пошелъ походомъ на другой годъ, но стѣснялъ отвсюду Новгородцевъ, и не давалъ имъ мира, хотя они присылали Владыку своего въ Тверь, и желали мириться (267).

Давно говорили Руссы, что дружба Монголовъ хуже войны. Въ самомъ дѣлѣ, *только смерть,* съ надеждою вѣнца мученическаго, ожидала въ битвѣ противъ притѣснителей. Но дружба ихъ вела за собою позоръ, униженіе, продажу души; помощь ихъ была послѣдуема гибелью отчизны. Кромѣ того, купя дружбу ихъ всѣми жертвами, нельзя было ожидать постоянства, и лишняя выгода, самовластная прихоть деспота, или коварный совѣтъ вельможи его, навлекали сегодня бѣдствіе на голову того, кто вчера былъ въ въ великой милости и почетѣ у Хана. Миха-

---

(267) Новг. Лѣт. годы 1316, 1317-й.

илъ узналъ все это тяжкимъ, горестнымъ опытомъ. Георгій уѣхавъ въ Орду съ 1315-го года, все еще оставался тамъ. Казалось, что онъ забылъ плѣнъ брата своего Аѳанасія, и не внималъ призывному воплю Новгорода. И братья его не трогались изъ Москвы. Но вскорѣ услышалъ Михаилъ вѣсть опасную: Узбекъ, не только извинилъ во всемъ Георгія, но даже полюбилъ его; Георгій женился въ Ордѣ на родственницѣ Хана, Кончакѣ, названной во святомъ крещеніи Агаѳіею¹; пользуясь особенною дружбою вельможи Ханскаго Кавгадыя, Георгій выпросилъ наконецъ себѣ Великое Княжество, и Кавгадый, съ войскомъ Монгольскимъ, отправился въ Русь—сопровождать новаго Великаго Князя, и возводить его на Престолъ.

Торжество Михаила мгновенно превратилось въ пагубу. Онъ соглашался на позволеніе Новгородцамъ не принимать участія въ распрѣ его съ Георгіемъ, но самъ приготовился на защиту отчаянную. Георгій шелъ на него съ силами Монгольскими и дружинами Москвы и Суздаля. За сорокъ верстъ отъ Твери, при селѣ Бортновѣ, дано было сраженіе. Михаилъ не жалѣлъ себя и — побѣдилъ! Георгій бѣжалъ въ въ Новгородъ. Борисъ Даніиловичъ, Кавгадый, жена Георгія, достались въ плѣнъ Михаилу. Онъ съ честью отпустилъ плѣнныхъ Монголовъ, и оказалъ снисхожденіе, когда Новгородцы приняли

Георгія, снарядили войско, и пришли къ Торжку. Они не хотѣли драться, но желали только примирить Князей и соблюсти свои выгоды. Самъ Владыка ихъ, Давидъ, былъ въ Новгородскомъ станѣ. Въ договорѣ ни слова не сказано о Георгіи и Великомъ Княжествѣ. Михаилъ условился съ Георгіемъ: ждать рѣшенія Ханскаго, отдать плѣнныхъ, дать Новгороду свободу не признавать никого Княземъ до Ханскаго рѣшенія (268). Къ несчастію Михаила, Кончака умерла въ Твери. Говорили, что она была *отравлена*. . . Дѣло темное; но если это обвиненіе было справедливо, Михаилъ впослѣдствіи дорого заплатилъ за свое злодѣйство (269). . . Георгій поѣхалъ въ Москву, и оттуда въ Орду. Михаилъ хотѣлъ прежде распорядиться дѣлами, и, какъ залогъ скораго пріѣзда и невинности своей, послалъ въ Орду сына своего Константина, 12-ти лѣтняго отрока.

---

(268) Новг., Стр., Воскр. Лѣт. годъ 1318-й. Договоръ Новгородцевъ, Собр. Гос. грам., т. I, № 14.

(269) *Новг. Лѣт.* «Княгиню Юріеву яша, и приведоша въ Тверь, тамо ю и смерти предаша.» *Троицк. и Воскр. Лѣт.* «Зельемъ уморена бысть.» — Мы имѣемъ нѣсколько разныхъ списковъ отдѣльнаго житія Михаила. Лучшій, достовѣрнѣйшій, кажется, въ *Строевск. Лѣт.*, т. I, стр. 299 — 313. Изъ этого, съ прибавленіемъ сказокъ и преданій, расплодили подробности Сочинитель *Степ. книги*, и другіе, новѣйшіе (особливо Тверской Архимандритъ Макарій).

Не смѣя, по прошествіи пяти вѣковъ, обвинять Михаила, съ горестнымъ участіемъ читаемъ повѣсть о кончинѣ сего Князя, отличеннаго многими доблестями (270). На берегу Нерли разстался онъ съ матерью и исповѣдался духовнику въ грѣхахъ. «Вмѣсто облегченія Христіанамъ, только тягость творилъ я въ жизни своей; да будетъ имъ смерть моя во благо!» — говорилъ Михаилъ, прощаясь съ ближними, и идя на погибель, почти вѣрную. Во Владимірѣ встрѣтилъ онъ посла Ханскаго Ахмыла, грозно звавшаго Михаила на судъ въ Орду, гдѣ Георгій и Кавгадый были его обвинителями. Михаилъ не поколебался ѣхать, но отпустилъ въ Тверь дѣтей своихъ, Димитрія и Александра, бывшихъ при немъ, хотя они просили его позволить и имъ ѣхать съ нимъ и погибнуть, или и самому не ѣздить вовсе. «Тогда раззореніе падетъ на отчизну; если-же опредѣлено мнѣ умереть, то лучше положить душу свою за братью» — отвѣчалъ Михаилъ. Сыновья его возвратились въ Тверь. Орда кочевала тогда при устьѣ Дона. Константинъ съ трепетомъ встрѣтилъ отца

(270) Всѣ подробности взяты изъ *Строевск. Соф.* и *Воскресенскаго Лѣт.* — Онѣ вообще соединены въ лѣтописяхъ подъ одну статью: *Убіеніе Князя М. Я. Тверскаго.* Мы не повторяемъ только несообразностей.

своего въ Ордѣ, разсказывая ему о злыхъ доносахъ и навѣтахъ Георгія и Кавгадыя. Но Узбекъ встрѣтилъ Михаила довольно милостиво, принялъ и подарки его, и велѣлъ потомъ судить его и Георгія. «Кого обвините, тому казнь,» прибавилъ онъ. Михаилъ видѣлъ свою беззащитность: Кавгадый былъ въ числѣ судей его. Судьи наконецъ собрались. Требовали отвѣта: почему Михаилъ самовольно собиралъ дань съ Русскихъ, подвластныхъ Царю городовъ, и не отдавалъ ея Узбеку? Почему бился онъ съ посломъ Царскимъ, и провожатыми его, дерзая неповиноваться? Наконецъ Михаила обвиняли въ смерти Кончаки. Великій Князь приводилъ въ опроверженіе перваго обвиненія роспись множества сокровищъ, переданныхъ имъ Ордѣ; говорилъ далѣе, что онъ избавилъ, напротивъ, отъ гибели посла Царскаго, и съ честію отпустилъ его, а сражался только съ однимъ Георгіемъ; наконецъ, онъ клялся, что въ смерти Кончаки совершенно невиненъ, и что смерть ея была отъ Божіей воли. Въ другое засѣданіе суда, Михаила привели уже связаннаго, осудили его, не слушая оправданій, разграбили его имущество, приставили къ нему стражу, и надѣли на шею его колодку. Отъ самаго выѣзда изъ Твери, Михаилъ готовился къ смерти, и еженедѣльно пріобщался Св. таинъ. Теперь, видя погибель неминуемую, онъ забывалъ земное, но оказывалъ твердость неко-

любимую; со слезами молясь по ночамъ, онъ казался спокоенъ днемъ, и только безпрерывно читалъ Псалтирь. Одинъ изъ отроковъ его перевертывалъ ему листы, сидя передъ нимъ, ибо руки Михаила были связаны. Между тѣмъ рѣшеніе Ханское еще не выходило. Ордѣ былъ сказанъ походъ: Узбекъ двинулся на охоту со всѣмъ великолѣпнымъ Дворомъ своимъ. Тысячи звѣрей были обхватываемы и биты въ облавѣ. Орда достигла береговъ Каспійскаго моря, и расположилась тамъ кочевьемъ. Все блистало роскошью. Множество купцовъ и странниковъ находилось въ вежахъ Монголовъ. Несчастнаго Михаила влекли за Ордою, какъ бѣднаго преступника. Вѣрные слуги и духовникъ не оставляли его, и однажды извѣстили тайно, что все готово къ побѣгу. Михаилъ отрекся. «Никогда,» отвѣчалъ онъ—«не пріобрѣту я молвы, что спасая себя, я оставилъ въ жертву васъ, людей моихъ! Да будетъ воля Божія!» — Ругаясь надъ бѣднымъ узникомъ, Кавгадый велѣлъ однажды привлечь его на торжище, будто для распросовъ, поставилъ тамъ на колѣни, насмѣшливо упрекалъ стражу, что они возложили на Князя такую тяжелую колодку, и говорилъ ему: «Не бойся, Михайло: таковъ у Царя нашего обычай; на кого онъ прогнѣвается, тому надѣваютъ колодку, хоть-бы это былъ родной племянникъ его. Но сегодня гнѣвъ, а зав-

тра милость; бѣда минется, и, можетъ быть, ты еще въ большей чести будешь.» Злодѣй удалился. Утомленный Князь просилъ подать ему стулецъ, на которомъ могъ-бы онъ присѣсть и отдохнуть. Народъ собрался вокругъ него, и съ любопытствомъ глядѣлъ на страдальца. «Поди лучше въ свою вежу,» говорилъ одинъ изъ слугъ Михаила: «видишь, какъ позорують въ твоей укоризнѣ, тебя, нѣкогда княжившаго въ своей землѣ.» Глаза Михаила наполнились слезами; онъ отвѣчалъ словами Священнаго Писанія, и пошелъ тихо, говоря: «Въ позоръ былъ я ангеламъ и человѣкамъ, и видящіе меня покивали на меня головами!» Двадцать шесть дней протекло въ семъ томленіи. Смерть Михаила была наконецъ рѣшена. Онъ узналъ о томъ, велѣлъ пѣть заутреню, самъ читалъ псалмы, исповѣдался, пріобщился, посадилъ подлѣ себя Константина, и передалъ ему послѣдніе завѣты къ супругѣ, дѣтямъ, боярамъ. «Дайте мнѣ теперь Псалтирь» — сказалъ онъ — «вельми прискорбна душа моя!» — Раскрывъ на удачу, Михаилъ читалъ псаломъ: «Внуши, Боже, молитву мою, вонми моленіе мое; сердце мое смутися во мнѣ, и страхъ смерти пріиде на мя!» — Онъ обратился къ предстоящимъ: «Что предвѣщаетъ мнѣ псаломъ сей? « спрашивалъ Князь.— Это извѣстный тебѣ псаломъ—отвѣчали ему, боясь болѣе смутить его. «Кто дастъ мнѣ

крылья, да полечу и почію? Удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чая Бога спасающаго!» воскликнулъ Михаилъ. Тогда вбѣжалъ одинъ изъ слугъ Князя, блѣдный, испуганный, и извѣстилъ, что отъ Ханской ставки ѣдутъ Георгій и Кавгадый, съ толпою народа. «Вѣдаю, зачѣмъ они ѣдутъ»—отвѣчалъ Михаилъ, обнявъ въ последній разъ сына, и зная, что Монголы сопровождаютъ смерть каждаго осужденнаго грабежемъ и буйствомъ, велѣлъ всѣмъ разойдтиться поспѣшнѣе, и отвести Константина къ Ханьшѣ. Недалеко отъ шатра находилось торжище. Остановясь на немъ, Кавгадый послалъ убійцъ. Изъ приближенныхъ Михаила, одни спѣшили увести юнаго Константина, другихъ разогнали посланные; Михаилъ остался одинъ, молился; убійцы вторгнулись толпою и бросились на Князя; онъ упалъ отъ ихъ ударовъ, и прошибъ колодкою шатеръ. Тогда начали терзать, бить его, сорвали съ него одежду. Одинъ изъ палачей, по имени Романецъ, вырѣзалъ у него сердце. Нагой трупъ Михаила брошенъ былъ въ сторону, пока убійцы рвали шатеръ и грабили имущество Князя. Кавгадый и Георгій стали надъ трупомъ. Князь Московскій глядѣлъ на убившаго врага, съ такою злобною радостію, что Кавгадый вознегодовалъ и сказалъ ему: «Онъ былъ старшій братъ, отецъ твой—вели хоть прикрыть наготу его тѣла!» Георгій смутился;

одинъ изъ людей Георгія прикрылъ трупъ Михаила *котыгою.* Наконецъ позволили приближеннымъ взять истерзанное тѣло страдальца; они обмыли, одѣли его, и перевезли за рѣку Аджъ, или Горькую. — «И точно *горькую»* — говоритъ Лѣтописецъ.—Горько было тогда, видя смерть Великаго Князя (271)!» Всѣ сопровождавшіе Михаила остались рабами въ Ордѣ, терпѣли побои и страданіе, кромѣ людей, спасенныхъ Ханьшею, сохранившею и несчастнаго сироту Михаилова, Константина. Георгій пировалъ между тѣмъ съ друзьями своими, Руссами и Монголами; потомъ снова выпросилъ себѣ у Хана Великое Княжество. Узбекъ отдалъ въ волю его всѣхъ Бояръ Михаиловыхъ, и даже самого

---

(271) *Аджъ*, «еже зовется: *горесть.*» Рѣка *Горькая* впадаетъ въ Каспійское море въ Дагестанѣ, близъ Буйнаковъ. (*Подр. Карта Росс. Имперіи*, часть XX). Тѣло Михаила везли въ Русь черезъ *Маджары* и *Бездежъ*—послѣдняго мѣста не знаемъ, хотя оно не рѣдко упоминается въ лѣтописяхъ. *Маджары* находятся на рѣкѣ Кумѣ, (*Мажаровъ Юртъ*, по *Книгѣ больш. чертежа*, стр. 104), гдѣ и теперь видны еще развалины мечетей. Мѣсто, гдѣ Михаилъ явился къ Узбеку, описывается такъ: *Усть рѣки Дона, иде-же течетъ въ море Сурожское.* Мѣсто казни Михаила: «за рѣкою Терекомъ, на рѣцѣ Сѣвенцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, минувши всѣ горы высокія, Ясскія и Черкесскія, близъ Воротъ Желѣзныхъ.» . . . —

Констаншина. Не боясь слуховъ, что надъ шѣломъ Михаила являюшся чудеса, Георгій велѣлъ везши его въ Москву, и поспѣшно пріѣхалъ во Владиміръ, гдѣ объявилъ грамашу Ханскую на Великокняженіе.

Въ Твери услышали о пріѣздѣ Георгія. Еще ничего не было извѣсшно о Михаилѣ — «далече бо бѣ земля, и не бѣ кому вѣсши донесши.» — Послали узнашь въ Москвѣ, и съ горесшью свѣдали, что въ Москву привезено бездушное шѣло Михаила, и положено въ Преображенскомъ Кремлевскомъ монасшырѣ; что при Георгіи находяшся плѣнниками Констаншинъ и Бояре Тверскіе. Горесшь уязвила сердца всѣхъ. Будущій мсшишель за смершь Михаила, Димишрій принялъ княжесшво Тверское, и ошправилъ брашьевъ Александра и Василія молишь у Георгія мира, возвращенія гроба ошцовскаго въ Тверь, и ошпуска плѣннаго браша Констаншина и Бояръ. Пославъ въ Новгородъ Намѣсшникомъ браша Аѳанасія, Георгій горделиво предписывалъ Димишрію условія: не искашь подъ нимъ Великаго Княжесшва, заплашишь Москвѣ двѣ шысячи *рублей* серебра (272), и гробъ Михаила обмѣняшь на гробъ Кончаки, осшававшійся дошолѣ въ Твери. Димишрій соглашался на

(272) Здѣсь въ первый разъ всшрѣчаешся слово: *рубль*, въ Лѣшописяхъ Русскихъ.

все. Гробъ Кончаки повезли въ Ростовъ; въ Москву прибыло Тверское Духовенство за гробомъ Михаила. Достигнувъ до берега Волги, посланные повезли драгоцѣнный гробъ сей водою. Димитрій, братья его, жители Твери, Епископъ Тверской Варсонофій, встрѣтили останки Князя-страдальца съ духовнымъ пѣніемъ, воплемъ и слезами. Но всѣ были обрадованы, когда раскрывъ гробъ, увидѣли тѣло нетлѣннымъ. Воздавъ хвалу Богу, перемѣнили плачъ на радость. Димитрій хотѣлъ послѣ того расплатиться съ Георгіемъ (273).

Прошелъ годъ. Георгій воевалъ въ это время Рязань, гдѣ княжилъ внукъ убитаго имъ Константина, Іоаннъ. Рязань покорилась Георгію (274). Не видя равной покорности Димитрія, Георгій рѣшился припудить его къ тому силою. Братъ Георгія, Іоаннъ, давно уже находился въ Ордѣ. Георгій собиралъ дружины, когда Владыка Тверской пріѣхалъ просить его отъ имени Димитрія о мирѣ, и обѣщать, что все условленное прежде будетъ исполнено. Надѣясь на прочность связей своихъ въ Ордѣ, Георгій отправился въ

(273) Тѣло Михаила, обрѣтенное нетлѣннымъ въ 1655 г., почиваетъ въ Тверскомъ Преображенскомъ соборѣ.

(274) Новг. Лѣт. годъ 1320.

Новгородъ, гдѣ скончался тогда братъ его Аѳанасій (275). Въ Новгородѣ услышалъ Георгій, что Іоаннъ Даніиловичъ возвратился изъ Орды съ посломъ Ханскимъ Ахмыломъ. Посолъ этотъ своевольствовалъ въ Ярославлѣ, казнилъ, грабилъ жителей, и потомъ уѣхалъ обратно (276). Въ тоже время получено извѣстіе, что Димитрій Тверской нарушилъ свои обѣщанія, уѣхалъ въ Орду, и былъ тамъ принятъ Узбекомъ весьма благосклонно. Кавгадыя уже не было на свѣтѣ. Связи не помогли Георгію. Дары рѣшили дѣло, и Димитрій воротился съ названіемъ *Великаго Князя*.

Мужественно предводя Новгородцами въ разныхъ военныхъ предпріятіяхъ, Георгій полагалъ, что они не откажутъ ему въ заступленіи: Новгородцы отступились отъ него. Думая рѣшить смѣлостію, Георгій спѣшилъ во Владиміръ, и узналъ, что тамъ всѣ уже признали власть Димитрія. Князь Александръ Михайловичъ ждалъ Георгія на дорогѣ, напалъ на него, разграбилъ его обозы. Георгій едва успѣлъ убѣжать и укрыться въ Псковѣ. Не вступая въ раздоры за Великое Княжество, Новгородцы звали Георгія жить у нихъ, и два года жилъ онъ въ Новго-

(275) «Въ чернцахъ и схимѣ, и положиша и у Св. Спаса на Городищѣ.» *Новг. Лѣт.* годъ 1322-й.

(276) Новг. Лѣт.

родѣ, правилъ воинскими дружинами, ходилъ съ Новгородцами въ походы, и терпѣливо ожидалъ послѣдствій. Братъ его Іоаннъ владѣлъ Москвою; Димитрій правилъ Великимъ Княжествомъ; тотъ и другой какъ будто забыли о Георгіи. Онъ рѣшился наконецъ ѣхать въ Орду. Начальствуя тогда Новгородскими дружинами на берегахъ Двины, Георгій поплылъ рѣкою Камою, а потомъ по Волгѣ, въ Сарай. Димитрій не замедлилъ явиться въ Орду, слыша, что врагъ его уже отправился туда. Пылая местью, сей юный Князь, *Грозныя очи*, какъ называли его современники, былъ представленъ передъ Узбека. Рядомъ съ нимъ сталъ передъ Ханомъ Георгій, виновникъ смерти родителя его. Гнѣвъ Димитрія вышелъ изъ всѣхъ предѣловъ, когда онъ увидѣлъ Георгія лицомъ къ лицу. Забывъ, что находится въ присутствіи Хана, внѣ себя Димитрій обнажилъ мечъ и пронзилъ врага своего.... Георгій палъ и скончался мгновенно. Тѣло его повезли въ Москву. Архимандритъ Моисей, пріѣхавшій въ Москву на посвященіе въ Архіепископы Новгорода (ибо владыка Давидъ скончался въ 1324 году), видѣлъ тамъ погребеніе Георгія. Митрополитъ Петръ, Епископы: Тверской Варсонофій, Ростовскій Прохоръ, Рязанскій Григорій, и самъ Моисей отпѣвали его въ Успенскомъ соборѣ. Іоаннъ, одинъ оставшійся въ живыхъ изъ сыновъ

Даніила Александровича, неутѣшно плакалъ надъ гробомъ старшаго своего брата (277).

---

(277) Александръ Даніиловичъ скончался въ 1305 г.— Борисъ Даніиловичъ сконч. въ 1320 г. (во Владимірѣ, и положенъ тамъ во храмѣ Богоматери); объ Аѳанасіи, см. прим. 275. — Въ *Новг. Лѣт.* «Поѣха (1325 г.) Владыка Моисей къ Митрополиту, ставиться, на Москву, и привезоша при немъ Князя Великаго Юрія изъ Орды, сына Даніилова, внука Александрова, и погребоша и Митрополитъ Петръ, Архіепископъ Моисей, и Тверскій Епископъ Варсонофій, и Ростовскій Епископъ Прохоръ, Рязанскій Епископъ Григорій, въ субботу 1-я недѣли; и плакася его Князь Иванъ, и *весь народъ, плачемъ великимъ, отъ мала до велика*; убилъ бо и бяше въ Ордѣ Князь Димитрій Михайловичъ, безъ Царева слова. Недобро-же бысть и самому: еже-бо человѣкъ посѣетъ, тоже и пожнетъ.» Слѣдственно: *Георгія не ненавидѣли?* Карамзинъ отвѣчаетъ: «Князь Іоаннъ и *самый* народъ проливалъ *искреннія слезы*, умиленный бѣдственною кончиною Государя, *хотя и не добродѣтельнаго*, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками.» (т. IV, 200) Карамзинъ говоритъ, что Георгій былъ похороненъ въ *Архангельскомъ* соборѣ. Такъ въ *Троицк. Воскресенск.* Лѣтописяхъ; но это несправедливо. Георгій погребенъ въ соборѣ *Успенскомъ*. Его гробница есть *древнѣйшая* изъ Великокняжескихъ, извѣстныхъ намъ гробницъ, находящихся въ Кремлѣ, и *единственная* Княжеская, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ кромѣ Георгія погребены только Митрополиты и Патріархи Московскіе. Вотъ доказательства: Архангельскій соборъ построенъ Ка-

Надѣясь, что у Хана все можно купить золотомъ, Тверскіе Князья, ибо съ Димитріемъ былъ Александръ, оставались въ Ордѣ. Александръ возвратился въ Суздаль черезъ нѣсколько мѣ-

---

литою въ 1333 году, а Успенскій въ самый годъ смерти Георгія. Его могли похоронить въ недостроенномъ храмѣ, ибо и Св. Петръ погребенъ былъ, когда Успенскій соборъ едва только начали воздвигать. При перестройкѣ Архангельскаго собора, въ 1506 — 1508 гг., упоминается подробно въ лѣтописяхъ о перенесеніи въ оный Княжескихъ гробницъ, и о порядкѣ, въ какомъ оныя поставлены (*Стр.* т. II, 280, *Ник.* т. VI, 180) но между ними не было гробницы Георгія. Напротивъ, при перестройкѣ, въ 1472 г., Успенскаго собора, говорится о ней подробно (Стр. т. II, 134, и слѣд.— Ист. Г. Р. т. IV, пр. 101): « Выняша изъ стѣны *церкви Св. Димитрія* мощи Княжи Юріевы Даніловича, Вел. Князя, и вложше въ раку древяну...уготоваша мѣсто въ той-же церкви, въ Великомъ Димитріи, въ стѣнѣ, на той-же сторонѣ, и принесше ихъ на уготованное мѣсто, и положиша тамо. » При новой передѣлкѣ собора въ 1476 г. (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 103): »положиша въ церкви Св. Димитрій въ застѣніе, въ землю, съ мостомъ равно, и *надгробницу* учиниша надъ нимъ. »Но теперь нѣтъ ни *надгробницы*, ни *надписи*. Посему *ни одинъ изъ описателей Кремля* не говоритъ о гробницѣ Георгія. Самъ Карамзинъ почиталъ древнѣйшею въ Кремлѣ Княжескою гробницею—гробницу Калиты. Придѣлъ Св. Димитрія донынѣ существуетъ въ Успенскомъ соборѣ.

сяцевъ. Съ нимъ пріѣхали Монгольскіе *должники* —вѣроятно, заимодавцы его и брата. Немного времени прошло, и получена была страшная вѣсть: Димитрія убили въ Ордѣ по повелѣнію Узбека. Но Александръ, какъ будто въ замѣну сей казни, получилъ отъ Хана достоинство Великаго Князя. Новгородцы признавали власть брата его, по отбытіи Георгія; признали безпрекословно и Александра. Утверждая договоромъ 1327 г. права новаго Великаго Князя, Новгородъ выговаривалъ только свои всегдашнія условія, и присягнулъ Князю «по любви, въ правду, безъ всякаго извѣта (278).»

Не долго поддержались любовь, правда, безъизвѣтство Новгорода, и самое княженіе Александра Михайловича! Не вѣримъ, чтобы въ погибели его не участвовалъ умный, хитрый Князь Іоаннъ Даніиловичъ Московскій. До сихъ поръ, дѣйствуя сначала изъ-за отца, потомъ изъ-за старшаго брата, онъ оказывалъ умъ, мужество, крѣпко стерегъ неприкосновенность Москвы, умѣлъ биться съ врагами, умѣлъ ладить въ Ордѣ. Оставшись одинъ властителемъ Москвы, Іоаннъ *не искалъ* Великаго Княжества, и

---

(278) Договоръ Новгородцевъ, въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I. № 15.—Слово: *должники*, Карамзинъ переводитъ: *Ханскіе пошлинники*.

щѣмъ не навлекалъ на себя преслѣдованій, подобно честолюбивому Георгію. Но дѣйствуя скрытно, Іоаннъ успѣлъ перезвать въ Москву главу Русской Церкви, Митрополита Петра. Старецъ, довольный тихимъ пріютомъ, благословилъ Князя Іоанна, мирнаго, кроткаго по наружности, благотворительнаго къ нищей братіи до того, что онъ всегда носилъ при себѣ сумку, или *Калиту* съ деньгами для раздачи бѣднымъ, и отъ того, какъ говорятъ, прозванъ былъ *Калитою* (279). Повѣствованіе сомнительное, такъ-же какъ и другое, будто Петръ Митрополитъ, рѣшась остаться въ Москвѣ, говорилъ Іоанну: « Воздвигни здѣсь храмъ каменный во имя Богоматери, и прославишься изъ рода въ родъ, паче другихъ Князей; и градъ Москва славенъ будетъ изъ всѣхъ градовъ Русскихъ; прославятся въ немъ сыны и внуки твои; Святители поживутъ въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ; прославится о немъ Богъ,

---

(279) Имя: *Калита*, сдѣлалось отличительнымъ прозваніемъ Іоанна Даніиловича; но едва-ли не выдумано сіе прозвище въ новѣйшія времена, и именно Сочинителемъ *Ядра Россійской Исторіи*. Въ древнихъ памятникахъ о немъ ничего нѣтъ. Не смѣемъ противиться тому, что утвердилось въ повѣрьѣ народномъ, и повторяемъ это странное прозваніе Іоанна.

и мои кости положены въ немъ будутъ (280).»
Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ предположилъ основать церковь во имя Успенія Богоматери, въ Московскомъ Кремлѣ, и въ годъ кончины Георгія, Митрополитъ Петръ заложилъ сей *первый въ Москвѣ каменный храмъ* — столь знаменитый впослѣдствіи *соборъ Успенскій*, 4-го Августа 1326 г., назначивъ и мѣсто гроба своего въ новозаложенной церкви, въ стѣнѣ, близъ алтаря. Онъ отдалъ въ сей храмъ образъ Успенія, имъ самимъ писанный, но не дожилъ до окончанія воздвигаемой церкви. Успенскій соборъ былъ оконченъ на другой годъ, и освященъ Августа 14-го 1327 года, Епископомъ Ростовскимъ Прохоромъ. Добродѣтельный Митрополитъ Петръ скончался 20 Декабря 1326 года. Надъ гробомъ его исцѣлилисъ трое недужныхъ. Современники назвали Петра *первымъ* Митрополитомъ и великимъ Святителемъ и Чудотворцемъ Московскимъ (281).

---

(280) И это утверждено также народнымъ повѣрьемъ, хотя лѣтописи ничего не говорятъ, и слова Митрополита приводятся только въ *Степ. книгѣ* (I, 404). См. прим. 264.—

(281) Успенскій соборъ, построенный Калитою, оставался до 1472 г., когда за ветхостію былъ разобранъ. Кромѣ Успенскаго и Архангельскаго собора, Калита построилъ каменную церковь Св. Іоанна Лѣствичника, въ 1329 г.—На мѣстѣ оной построили

Тихій, кроткій по наружности, Іоаннъ Калита не таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Скрывая дотолѣ свои честолюбивые замыслы, онъ узналъ о безразсудной отвагѣ Александра Тверскаго. Тогда оказался истинный характеръ Іоанна.

Лѣтомъ 1327 года пріѣхалъ въ Тверь посолъ Монгольскій, Шевкалъ, сынъ раззорителя Твери Дюденя. Пріѣзды такихъ пословъ были явленіемъ обыкновеннымъ въ Русскихъ областяхъ. Надобно было дарить ихъ, терпѣть своевольства, обиды ихъ, не рѣдко сопровождаемыя пролитіемъ крови. Можетъ быть, Шевкаловы притѣсненія были въ самомъ дѣлѣ нестерпимы; можетъ быть, Александръ въ самомъ дѣлѣ боялся участи отца и брата, и предчувствовалъ судьбу свою. Какъ-бы то ни было, но онъ началъ внушать Тверитянамъ, что Шевкалъ присланъ отъ Хана убить его и братьевъ, истребить другихъ Князей, испровергнуть Христіанскую вѣру, ввести Магометанство, посадить по городамъ Ордынскихъ Князей. » Богъ да будетъ отмстителемъ крови ве-

---

потомъ *Ивана Великаго*, гдѣ помѣщена и церковь Св. Іоанна. Калита воздвигъ еще церковь *Спаса на бору*, въ 1330 г. (несправедливо почитаемую *древнѣйшею* изъ Кремлевскихъ). Здѣсь учредилъ онъ монастырь, переведенный въ княженіе Іоанна III-го на Крутицы, подъ именемъ *Спаса на новомъ*.

ликаго отца моего Михаила, и брата моего Димитрія, убіенныхъ невинно; да не сотворятъ поганые сего надо мною!» говорилъ онъ (282). Тверитяне взволновались, вооружились.

---

(282) См. выше, прим. 208.—Повторяемъ, что кромѣ мгновенной, вспыльчивости свойственной Русскому характеру, ни чѣмъ не можемъ изъяснить дѣла Александрова. Полагать, что въ самомъ дѣлѣ Шевкалъ былъ присланъ «Князя Александра Михайловича, и его братію, убити, и сѣсти во Твери на княженіе, и иныхъ Князей своихъ посажати по инымъ городамъ по Русскимъ, хотяще привести Христіаны въ бесерменскую вѣру» — была-бы явная несообразность. Тѣмъ удивительнѣе для насъ видѣть, что съ этимъ соглашается Авторъ *Военной Исторіи походовъ Россіянъ* (СПб. 1819 г. т. I, стр. XIX), смотрѣвшій на Исторію Монголовъ гораздо вѣрнѣе Карамзина. Онъ говоритъ, что Узбекъ «принялъ Мугаммеданство, и ревность, свойственная вновь обращенному (слич. Прим. 254), побуждала его распространять повсюду принятое имъ новое исповѣданіе (но религію Мугаммеда принялъ еще Берку, а Менгу-Темиръ совершенно утвердилъ, слѣд. *Узбекъ* не былъ *вновь обращенный*). Онъ (Узбекъ) вознамѣрился посадить на княженіяхъ Россійскихъ Татарскихъ вельможъ ..... отправилъ торжественное посольство къ Вел. Князю *Россійскому* (?) А. М. — Шевкалу приказано было внезапно овладѣть городомъ,» и проч. — Все это опровергается самыми событіями. О характерѣ Узбека, см. далѣе. Впрочемъ, Александръ могъ-бы откупиться и умилостивить Узбека, если-бы не было Калиты.

Александръ повелъ ихъ на Монголовъ, рано утромъ въ 15-й день Августа, 1327 года. Услышавъ о волненіи народномъ, Шевкалъ рѣшился дорого продать жизнь свою. Окруженные отвсюду, Монголы рѣзались съ Тверитянами до самаго вечера, и, побѣжденные ими, укрылись въ Княжескій дворецъ. Александръ велѣлъ зажечь дворецъ; Шевкалъ и остатки дружины его погибли въ пламени.

Надобно было, или поправлять безразсудство униженіемъ, или смѣло отражать погибель, за нимъ слѣдующую. Александръ не дѣлалъ ни того, ни другаго, бездѣйствовалъ, а Іоаннъ Московскій былъ уже въ Ордѣ, и вскорѣ услышали, что онъ идетъ съ воеводами и войсками Монгольскими. Принявъ главное начальство надъ ними, онъ соединился съ Суздальскимъ Княземъ Александромъ, сыномъ Василія, и двинулся къ Твери мстителемъ за оскорбленную честь Ханскую. Александръ не хотѣлъ умереть великодушно, оставилъ подданныхъ на жертву врагамъ, и бѣжалъ. Его не впустили въ Новгородъ; предусмотрительный Іоаннъ прислалъ уже туда своихъ намѣстниковъ (283). Александръ укрыл-

---

(283) Новг. Лѣт. годъ 1327. « Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ, однакожь, *дѣйствуя осторожно*, призвалъ Іоанна Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ,

ся во Псковѣ, гдѣ жители дали ему убѣжище, не смотря на противорѣчіе Новгородцевъ. Братья Александра, Константинъ и Василій, бѣжали въ Ладогу. Тверь, Кашинъ, другіе города и селенія Тверскія, были выжжены, и, не смотря на подчиненность Іоанну, Монголы опустошили даже Торжковскую область. Новгородцы откупились 2000-ми рублей серебра отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Узбекъ утвердилъ Великое Княжество за Іоанномъ (284).

На другой годъ, Іоаннъ снова отправился въ Орду. Съ нимъ былъ Константинъ Тверской, смиренно искавшій милости Іоанна, по возвращеніи своемъ въ Тверь. Подтвердивъ Іоанну Великое Княжество, Узбекъ былъ доволенъ покорностью Константина, и отдалъ ему Тверь,

---

и давъ ему *въ помощь* 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ идти на Александра, » и проч. (Ист. Г. Р. т. IV, 204). Осторожность и умѣренность не были свойствами Узбека. И чего ему было остерегаться? Іоаннъ, нѣтъ сомнѣнія, самъ поѣхалъ въ Орду, и постарался быть выбраннымъ въ мстители Ханскіе, чтобы овладѣть потомъ Великимъ Княжествомъ. Въ Лѣт. сказано прежде: « Иде въ Орду. »

(284) « Приде рать Татарская, и взяша Тверь и Кашинъ, и Новоторжскую волость, и, просто рещи, всю землю Русскую положиша пусту, только Новгородъ ублюде Богъ, » и проч. *Нов. Лѣт.* годъ 1327-й. —Это страшное нашествіе Монголовъ оставалось въ

гдѣ Константинъ началъ княжить, раболѣпствуя Москвѣ. Вмѣстѣ съ другими Князьями, онъ обязался не только не принимать къ себѣ брата Александра, но преслѣдовать его, и представить въ Орду, на судъ Ханскій, если успѣетъ захватить гдѣ либо.

Александръ былъ оставленъ всѣми. Впослѣдствіи увидимъ преслѣдованія, какимъ подвергло несчастнаго сына Михаилова рѣшеніе Ханское, увидимъ великодушное заступленіе Псковитянъ, позднюю рѣшительность Александра — лучше умереть, нежели скитаться въ изгнаніи — и несчастную кончину его. Но всѣ сіи частныя обстоятельства не измѣнили главнаго порядка дѣлъ: *тысяча триста двадцать восьмой годъ* должно почесть началомъ новой политической системы на Руси, и самобытности — сперва Москвы, потомъ всей Руси. Съ сего времени *Іоаннъ Даніиловичъ*, *Князь Московскій*, сдѣлался *Великимъ Княземъ*, первенствующимъ среди Князей Русскихъ, и уже ни что не могло исторгнуть у него и наслѣдниковъ его, ни достоинства великокняжескаго, ни рѣшительнаго перевѣса Москвы надъ всѣми другими городами

памяти народной подъ именемъ рати *Ѳедорчуковой*, *Туралыковой*. Имена Темниковъ, бывшихъ съ Калитою: *Ѳеодоръ Чикъ* (по *Воскр.* Лѣт.—Развѣ ренегатъ: *Ѳедорчукъ?*) *Туралыкъ*, *Сюга*, и проч.—

и областями Русскими. Обладая *Владиміромъ*, *Переяславлемъ*, *Коломною*, *Можайскомъ*, Іоаннъ основалъ пребываніе свое въ родной Москвѣ. Новгородъ посылалъ съ нимъ въ Орду чиновника своего и покорствовалъ ему. Тверь не смѣла ослушаться его. Крамола и покорность безопасили его отъ Орды.

Такъ возстала среди всѣхъ областей Русскихъ *Москва*; окончились распри рода Ярослава Тверскаго съ родомъ Александра Невскаго, и кровавое междоусобіе, въ которомъ погибли Михаилъ, сынъ его, и врагъ Михаила, Георгій. Тверь, возвеличенная Ярославомъ Ярославичемъ (1263 — 1272 гг.), подкрѣпленная дѣтьми его, въ княженія Василія Ярославича и двухъ сыновъ Невскаго (1272 — 1304 гг.), казавшаяся столь твердою при Михаилѣ, и даже при Димитріи и Александрѣ — упала, и не возставала болѣе, хотя долго еще боролась она потомъ съ Москвою и покорилась ей почти послѣдняя (285).

Черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ смерти Да-

---

(285) Въ борьбѣ Михаила, сына Александрова, съ Димитріемъ Донскимъ, явно уже видно было преимущество Москвы, какое пріобрѣла она покорностью Твери съ 1328-го до 1368 года. Паденіе Твери послѣдовало однакожь только при Іоаннѣ III мъ, въ 1485 году, слѣд. черезъ полтораста слишкомъ лѣтъ, когда не было уже слѣдовъ *вольнаго Новгорода*, и оставалась одна Рязань независимою, но—ничтожною.

ніила, изъ *пяти* сыновъ его оставался теперь только *одинъ*, Іоаннъ. Принявъ достоинство *Великаго Князя*, онъ былъ въ лѣтахъ крѣпкаго мужества, самовластенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ. Надежду будущаго составляли для него три сына: *Симеонъ* (преемникъ отца на Великомъ Княжествѣ), *Іоаннъ* (отецъ незабвеннаго Димитрія Донскаго) и *Андрей* (отецъ Владиміра Храбраго, столь памятнаго мужествомъ и добротою сердца). Не забудемъ и того счастливаго обстоятельства, что Іоаннъ Даніиловичъ успѣлъ пріобрѣсть опытность въ дѣлахъ правленія, участвовавъ въ сильныхъ переворотахъ отъ самой кончины Даніила, въ теченіе 25-ти лѣтъ. Замѣтимъ еще, что Провидѣнію угодно было сдѣлать мѣстомъ пребыванія Іоанна именно *Москву*. Съ удивленіемъ разсматриваемъ и удивительное положеніе сего города, находившагося въ средоточіи Русскихъ областей, такъ, что всѣ окрестные областные города кажутся поставленными отъ него въ геометрическомъ размѣрѣ. Какъ чудно все устремлено было къ великой цѣли въ будущемъ (286)!

---

(286) Географическое положеніе Москвы дѣлало ее истиннымъ средоточіемъ Европейской Руси, и не могло лишить сей древней Русской Столицы славы— быть средоточіемъ народной дѣятельности, даже и послѣ перенесенія резиденціи Государей въ С. Петербургъ.

Обратимъ вниманіе на любопытный актъ, который показываетъ характеръ вѣка, и много

Мѣстоположеніе Москвы здорово и пріятно. Недостаетъ только хорошаго водянаго сообщенія. Впослѣдствіи придумано было множество сказокъ о началѣ Москвы. Самое названіе: *Москва*, остается неизъяснимымъ. Вѣроятно, оно произошло отъ *имени рѣки*; но въ *какомъ языкѣ* искать сего имени? Его изъясняли Сарматскимъ, Скиѳскимъ, Турецкимъ языками. Знаемъ, что Москва существовала въ 1147 г. (Ист. Р. Н. т. II, прим. 439); что она называлась еще *Кучково*; что это имя сохранялось долго въ названіи *Кучкова поля*, на которомъ построили потомъ Срѣтенскій монастырь; что вокругъ Москвы жило множество разнородныхъ племенъ (они истребились, но память ихъ донынѣ сохраняется въ именахъ урочищъ: *Берендеево*, *Голяды*, и проч). Ничтожный городокъ Московскій, или Кучково, былъ при Георгіи Всеволодовичѣ удѣломъ сына его Владиміра. и раззоренъ Батыемъ (см. выше, стр. 73). Ярославъ отдалъ его брату Михаилу, убитому Литовцами въ 1248 году (см. выше, стр. 182). Наконецъ онъ достался въ удѣлъ сыну Невскаго, Даніилу. Вотъ все древнѣйшее *Историческое* о Москвѣ. Вначалѣ Москва состояла изъ *Кремля*, и небольшаго посада; около сего посада было нѣсколько селеній отдѣльныхъ: Напрудское, Даниловское, Крутицкое, Семгинское, Сущево, Васильево, и проч.—*Кремль*, обнесенный Калитою дубовыми стѣнами, и занимающій возвышенный берегъ надъ Москвою рѣкою, заключаетъ въ себѣ и донынѣ пространства *не много болѣе 25 десятинъ*: вотъ нива, на которой было посѣяно и созрѣло величіе Руси!

подробностей быта и обстоятельствъ тогдашнихъ. Это *Духовная* грамата Іоанна Даніиловича. Отправляясь въ Орду, въ 1328 году, и оставляя старшаго сына 11-ти, Іоанна 2-хъ лѣтъ, Андрея 1-го года, онъ распорядился наслѣдствомъ, и опредѣлилъ: кому изъ нихъ чѣмъ владѣть изъ недвижимаго и движимаго имѣнія. Такъ ненадежна была судьба Князя Русскаго, идущаго въ Орду! Іоаннъ ожидалъ всего, и, мысля о предпріятіяхъ обширныхъ, готовился въ то-же время на смерть. Представляемъ содержаніе Духовной его (287).

« *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Я, грѣшный, смиренный рабъ Божій *Иванъ*, идя въ Орду, пишу душевную грамату, никѣмъ не понуждаемый, въ полномъ умѣ своемъ, и здоровый. Если Богу угодно будетъ опредѣлить мою кончину, такъ распоряжаюсь я сыновьямъ и Княгинѣ своей:

« Отказываю сыновьямъ моимъ отчину свою *Москву*, и слѣдующимъ образомъ дѣлю ее: даю старшему Семену *Можайскъ*, *Коломну* (слѣдуетъ

---

(287) Прилагаемъ подлинникъ сей *древнѣйшей* Великокняжеской Духовной, въ концѣ тома (*Дополненіе* V). Она помѣщена въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 21 и 22). Духовная сія служила потомъ образцомъ для всѣхъ сего рода актовъ.

исчисленіе селеній, всего 24 (288). При жизни своей далъ я ему: 4 цѣпи золотыя, 2 пояса золотые, 2 чаши золотыя, съ жемчугомъ, 1 блюдцо золотое, съ жемчугомъ и каменьями. Къ тому придалъ я еще 2 *чума* золота большіе (289),

---

(288) Любопытно было-бы сообразить частную топографію Москвы, и ея окрестностей, изъ письменныхъ Историческихъ актовъ, дошедшихъ до насъ, начиная съ Духовной Калиты. Это послужило-бы матеріяломъ для изображенія быта нашихъ предковъ, за пять слишкомъ столѣтій. Вообще, изданное *Собраніе Государственныхъ граматъ и договоровъ*, заключая въ себѣ драгоцѣнныя пособія для отечественной Исторіи, ожидаетъ еще изслѣдователя, подобнаго Лербергу, который разобралъ-бы систематически, и изъяснилъ, все, что можемъ найдти въ нихъ для Исторіи, Географіи, познанія нравовъ и обычаевъ, и самой Лексикографіи, Палеографіи, Сфрагистики Русской. Нельзя не быть благодарными за изданіе Государственныхъ граматъ, но должно примолвить, что ученая критика еще не принималась за нихъ.

(289) *Чумъ*. Карамзинъ полагаетъ, что это значило: *ковшъ*, ссылаясь на слова: *чумакъ*, *чумичъ*, *чумичка* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 325). Но *чумакъ* означаетъ у Малороссіянъ *погонщика воловъ*, а *чумичка* не употребляется въ Русскомъ языкѣ, замѣняемая словомъ: *уполовникъ*. Вспомнимъ, что Даніилу подарилъ Батый *чумъ вина*: вѣроятно, это былъ не *ковшъ*, но мѣхъ, или *кожаный мѣшокъ*, въ какихъ Азійцы держатъ вино. Не означаетъ-ли и здѣсь слово: *тюмъ* — мѣшка съ золотыми деньгами (*два*

а изъ серебряной посуды три блюда серебряныя. — Даю сыну Ивану Звенигородъ, Рузу (слѣдуетъ исчисленіе 21 слободъ и селъ). А изъ золота далъ я сыну своему Ивану 4 цѣпи золотыя, 1 поясъ большой съ жемчугомъ и каменьями, 1 поясъ золотой, съ *капторгами* (290), 1 поясъ сердоликовый, окованный золотомъ, 2 *овкага* золотые (291), 2 чашки круглыя золотыя, 1 блюдо серебряное *Ездниньское* (292) и 2 блюдца поменѣе.—Даю сыну своему Андрею: *Серпуховъ* (слѣдуетъ исчисленіе 20 слободъ и селъ). А изъ золота далъ я сыну своему Ивану 4 цѣпи золотыя, 1 поясъ золотой Фряжскій, съ жемчугомъ и каменьями, 1 поясъ золотой съ крюкомъ, на *гервгатомъ* шелку, 1 поясъ золотой, *Царевскій* (293), 2 чары золотыя, 2 чумка

чума золота большая, т. е. два мѣшечка кожаные съ золотомъ)? Долго сохранялся на Руси обычай, зашивать въ кожаные мѣшечки (или *мошны*) золото, даже серебро; такой мѣшечекъ, сдѣланный въ видѣ пояса, и носимый подъ платьемъ, назывался: *тёрезъ*.

(290) *Капторги*—родъ застежекъ (по Карамзину);

(291) *Овкагъ*. Изъясненіе сего слова послужило-бы къ изъясненію чума.

(292) *Ездниинское*, т. е. сдѣланное въ городѣ *Ездѣ*, находившемся близъ Испагани. См. путешествіе Аѳанасія Тверитянина, въ Соф. Стр. т. II, стр. 162.

(293) Вѣроятно, подарокъ *Царя*, т. е. Хана Золотой Орды. Впрочемъ, вообще всѣхъ Татарскихъ Хановъ называли Царями.

золота меньшіе, а изъ блюдъ 1 блюдо серебряное и 2 малыя.—Даю Княгинѣ своей съ *меньшими дѣтьми:* Сурожикъ (слѣдуетъ исчисленіе 26 селеній и слободъ). Изъ городскихъ волостей даю Княгинѣ своей *осмничье, а тамгою* (294), и иными *волостями городскими* подѣлятся сыновья мои; также и *мытами,* который въ которомъ *уѣздѣ* находится, туда и принадлежитъ; а *медовымъ городскимъ оброкомъ* Васильцева вѣданья подѣлятся сыновья мои (295).—Сколько есть моихъ *бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ*, въ чьей росписи что находится,

---

(294) *Осмничье*—неизвѣстно; вѣроятно, сборъ *восьмины*; но *съ чего? Тамга* (см. прим. 165) значила таможенные, или съ торговли доходы, въ казну Княжескую. Послѣ взятія Пскова Василіемъ, «прислаша съ Москвы гостей *тамгу уставливати*, занеже во Псковѣ *тамга не бывала, безданно торговали.*» Вѣроятно, при семъ сборѣ клали на товары клеймо, т. е. тамгу.

(295) *Волости городскія,* здѣсь значитъ *доходы* городскіе; *мытъ*—пошлины, или сборы съ разныхъ предметовъ; *медовой оброкъ Васильцева вѣданья*, вѣроятно, сборъ съ поселянъ медомъ, коего мѣсто складки было на *Васильцевомъ станѣ* (въ Дух. Іоанна II-го, *Собр. Гос. грам.* т. I, 39—«медъ оброчный Васильцева стану»).—Слово: *Уѣздъ*, существовало, слѣдовательно, съ XIV-го вѣка, но *что* оно тогда значило?

шому и принадлежитъ (296).—Если, по грѣхамъ моимъ, нѣкоторыя изъ сихъ волостей отнимутся Татарами, дѣтямъ и Княгинѣ моей подѣлиться другими волостями въ то мѣсто (уравнять удѣлы изъ остальнаго).—*Численныхъ людей* вѣдаютъ сыновья мои сообща, и наблюдаютъ всѣ за одно (297). — Людьми купленными, означенными въ большомъ свиткѣ, сыновья мои подѣлятся. — Золото Княгини моей, 14 колецъ и ожерелье, даю дочери моей Феминьѣ, а сдѣланныя мною монисто новое, *чело* и *гривну*, отдалъ я ей еще при себѣ (298). — Что *придобылъ* я золота, Богъ мнѣ далъ, и коробочку золотую, отдаю Княгинѣ съ меньшими дѣтьми. — Изъ платья, сыну моему Семену 1 кожухъ червленный, жемчужный, 1 шапка золотая; сыну Ивану 1 кожухъ

---

(296) *Борть*, см. Ист. Р. Н. т. II, прим. 163.— *Бортники и оброчники купленные*, то есть, собственные Княжескіе селяне.

(297) *Численные люди*, т. е. свободные люди, вошедшіе въ *число*, или перепись Татарскую, и платившіе сами за себя поголовно; съ *бортниковъ-же*, т. е. принадлежавшихъ какому либо владѣтелю, подать взносилъ владѣтель ихъ. Татары иногда обращали такихъ людей въ *число*— « Ци имутъ искати Татарове которыхъ волостей, а отоймутся, » и проч.

(298) *Чело* — повязка дѣвичья; *гривна* означала, слѣдовательно, родъ медали, или медальона, какой и донынѣ носятъ дѣвушки простолюдинки.

желтый объяринный, съ жемчугомъ, 1 *коцъ* большой, съ *бармами;* сыну Андрею 1 *бугай* соболій, съ наплечниками, большимъ жемчугомъ и каменьями, 1 скарлатное портище, саженое, съ бармами. Снаряженные нынѣ мною 2 кожуха, съ *аламами* и жемчугомъ (299), даю меньшимъ дѣтямъ, Марьѣ и Ѳедосьѣ, съ ожерельемъ. — Серебряные пояса мои раздать священникамъ; 100 рублей, находящихся у Ески, раздать по церквамъ.—Остальною серебряною посудою подѣлятся сыновья и Княгиня моя.—Остальныя одежды мои раздать всѣмъ Московскимъ священникамъ.— Блюдо большое серебряное, о 4-хъ кольцахъ, отдать Владимірской Богородицѣ.—Приказываю тебѣ, старшій сынъ Семенъ, братью твою младшую, и Княгиню мою, съ меньшими дѣтьми: по Богѣ, ты имъ печальникъ. — Одно стадо свое отдалъ я сыну Семену, другое Ивану; остальными подѣлятся сыновья мои и Княгиня. Свидѣтелями завѣта моего были духовные отцы мои Ефремъ, Ѳеодосій и Священникъ Давидъ. Грамату писалъ Дьякъ *Князя Великаго* Кострома. Кто грамату сію нарушитъ, судитъ ему Богъ.»

---

(299) Въ Бѣлоруссіи доньнѣ *бугаемъ* называютъ родъ длиннаго кафтана. *Аламъ* (по Карамзину) наплечки съ застежками. Не *селамъ-ли*, т. е. одежда изъ пестрой, съ цвѣтами, ткани?

Въ другомъ спискѣ Духовной, Іоаннъ прибавляетъ распоряженія о немногихъ *купленныхъ* имъ селахъ, *опригь Московскихъ* селъ: въ *Новгородѣ*, *Владимірѣ*, *Костромѣ*. Онъ отдаетъ ихъ сыновьямъ Симеону и Іоанну. Одно село Ростовское приказываетъ оставить Борису Воркову, если онъ будетъ служить дѣтямъ его; въ противномъ случаѣ велитъ у него отнять (300). Три села на Киржачи велитъ отдать на поминовеніе души.

Здѣсь замѣчательна, прежде всего, безнадежность судьбы: Іоаннъ, уже *Великій Князь*, ни слова не упоминаетъ о передачѣ Великаго Княжества дѣтямъ. Еще болѣе: онъ не распоряжается даже Переяславлемъ, хотя Переяславль принадлежалъ Москвѣ по завѣщанію Іоанна Димитріевича, отдавшаго оный Даніилу въ 1302-мъ году; не смѣетъ даже упомянуть, какъ говорили потомъ его наслѣдники: «*А дастъ Богъ вынесутъ тебѣ Великое Княженіе.*» Дѣти, вѣроятно, должны были уступить Переяславль избранному отъ Хана Великому Князю, кто-бы онъ ни былъ, ибо Іоаннъ не надѣялся,

---

(300) Переходъ Бояръ отъ одного Князя къ другому былъ, слѣдовательно, свободный, и подтверждался договорами, хотя и причинялъ зло неисчислимое. Замѣчаемъ это, ибо будемъ имѣть случай разсматривать сіе важное обстоятельство.

чтобы имъ можно было удержать его, и, какъ добрый отецъ, не хотѣлъ вовлекать ихъ въ борьбу безполезную. Кромѣ Княжеской печати, серебряной и вызолоченной, съ изображеніями Спасителя и Іоанна Крестителя, у грамяты находится другая: *Монгольская*, свинцовая, съ изображеніемъ Соломоновой печати. Видимъ, что Духовную Іоанна *утвердилъ* какой нибудь *Баскакъ*, или *Посолъ Ханскій* (301).

Какъ-же бѣдна была Русь! Великій Князь входитъ въ мѣлкія подробности о доходахъ небольшихъ своихъ областей; заботится о раздѣлѣ дѣтямъ 80-ти деревень, слободъ и селъ, небогатой движимости: 12 цѣпочекъ, 8 поясовъ, 6 чашекъ, блюдца, 4 чумовъ, 2-хъ овкачей, 14 колецъ, ожерелья, мониста, чела, гривны, коробочки золотыхъ, 9 блюдъ серебряныхъ,

---

(301) См. рисунокъ обѣихъ печатей, въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, стр. 35. — О свинцовой, Издатели прибавляютъ: « *по видимому, Татарская.* » Изображенія, подобныя изображенію на сей печати, см. въ книгѣ Г-на Френа: *Монеты Улуса Джучіева*. Соломоновою печатью называли на Востокѣ изображеніе двухъ трехъ-угольниковъ, положенныхъ одинъ на другой, въ видѣ звѣзды. Сему изображенію приписывали таинственную силу, думая, что такою печатью ознамековалъ Соломонъ свою побѣду надъ злыми демонами, и запечаталъ сосуды, въ которые заключилъ ихъ.

4-хъ кожуховъ дорогихъ, шапки, коца, бугаі и портища! На поминъ души отдаетъ онъ остальное свое серебро, остальное платье. Духовную его свидѣтельствуютъ два монаха, или Архимандрита, и Священникъ; утверждаетъ Монголъ....



ГЛАВА V.

Можно-ли было предполагать, чтобы *одинъ городъ*, безпрерывно угрожаемый Литвою, Датчанами, Ливонскими Рыцарями, подвластный сильному Новгороду, слабый собственными своими силами — *Псковъ*, дерзнулъ быть великодушнѣе Новгородцевъ, Тверитянъ, всѣхъ Князей Русскихъ, и даже родныхъ братьевъ бѣдствующаго Тверскаго Князя! По изумительному порыву добледушія, Псковитяне не только приняли несчастнаго бѣглеца Александра Михайловича, но и крѣпко стали за него, избрали его своимъ Княземъ, не слушали повелѣній ни Великаго Князя, ни самого Хана, изрекшаго смерть Александру и гибель его защитникамъ. Напрасно Новгородскій Владыка Моисей пріѣзжалъ въ Псковъ, съ Тысяцкимъ Аврамомъ и Послами Іоанна. Псковитяне ничего не послушали, и не выдали Александра (302).

На другой годъ, Великій Князь двинулъ ко Пскову рать. Съ нимъ были Князья Тверскіе

---

(302) Вѣроятно, сближеніе съ Литвою ободряло Псковитянъ; впрочемъ *ихъ волею, а не упрямствомъ Александра* было все дѣло. Новгородцы унижались передъ Іоанномъ и Ордою; родные братья Александра, по неволѣ, шли противъ него. *Новг. Лѣт.* годъ 1328.

(брашья Александра Михайловича), Князь Александръ Суздальскій, другіе Князья Русскіе. Самъ Мишрополишъ Ѳеогносшъ прибылъ съ ними въ Новгородъ. Еще разъ послали ко Псковишянамъ, уговаривая ихъ опіступипіься опіъ Александра; говорили Александру: «Иди въ Орду; не погуби Христіанъ гнѣвомъ поганыхъ.» Александръ, съ горесшью, рѣшался исполнишь шребованіе Князей, говоря: «Лучше умерешь мнѣ одному, нежели губишь Христіанство!» Но Псковишяне превосходили его великодушіемъ и мужесшвомъ, не отпускали его, гошовы были за него сражаться и умереть всѣ за одинъ. Неуже-ли сей поступокъ шронулъ Іоанна? По крайней мѣрѣ, онъ подвигалъ дружины ко Пскову шихо, не хошѣлъ битвы, и употребилъ средство дошолѣ неизвѣстное: по его желанію, Митрополитъ послалъ во Псковъ Архипастырское проклятіе и отлученіе отъ Православной Церкви. Псковитяне ужаснулись. Александръ немедленно оставилъ Псковъ, уѣхалъ въ Литву, и Псковскіе Послы явились въ шаборъ Іоанна, просить мира. Исполнивъ требованіе Ханское, Іоаннъ спѣшилъ отдать отчетъ Хану, увѣдомляя его о бѣгствѣ Александра изъ Руси. Онъ возвратился послѣ сего въ Москву, обнадеженный Ханскими милостями, и смѣлѣе принялся за дѣла (303).

---

(303) Александру говорили Новгородцы: «Не погуби Христіанъ отъ поганыхъ; пойди въ Орду.» Князь-же

Немедленно потребовалъ онъ отъ Новгородцевъ новой дани: части серебра, какое собирали они въ отдаленныхъ областяхъ *за Камою*. Новгородцы отказались. Іоаннъ захватилъ Торжекъ, Бѣжецкъ, и *возвергъ гнѣвъ свой на Новгородъ*. Въ это время во Псковѣ былъ уже снова Александръ. Едва снялъ со Псковитянъ проклятіе свое Митрополитъ, едва удалился Іоаннъ отъ предѣловъ Псковскихъ, жители Пскова съ радостью призвали къ себѣ изъ Литвы несчастнаго изгнанника. Зассорясь съ Іоанномъ, Новгородцы хотѣли дружбы Пскова. Новый Владыка ихъ, Василій, явился въ Псковъ, крестилъ тамъ сына Александрова, Михаила, и благословилъ Псковитянъ. Іоаннъ отозвалъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, не воевалъ и не мирился, не отступалъ изъ Торжка и Бѣжецка, отвергнувъ предложеніе Новгородцевъ, присылавшихъ къ нему въ Переяславль съ просьбою: пріѣхать къ нимъ ласково въ Новгородъ, и дать

Александръ, сжалився, восхотѣ пойдти въ Орду, рекъ: «Единъ азъ да умру, нежели Христіанство да изгибнетъ.» Псковичи-жь рекоша ему: «Не ходи въ Орду, и аще что будетъ на тебя, то изомремъ съ тобою во единомъ мѣстѣ.» *Воскр. Лѣт.* т. II, стр. 303. — Псковитяне рѣшительно отвергли Новгородцевъ; хотѣли даже поставить себѣ особаго Епископа. См. далѣе.

миръ. Напрасно и Владыка Василій ѣздилъ къ Іоанну, много молилъ его, и предлагалъ отъ имени Новгорода 500 рублей серебра (304).

Іоаннъ занятъ былъ въ сіе время другимъ важнымъ дѣломъ. Князь Александръ Суздальскій скончался. Есть извѣстія, что Іоаннъ принужденъ былъ уважать сего Князя, по роду старшаго изъ всѣхъ другихъ Князей, ибо Александръ Суздальскій былъ внукъ Андрея Ярославича, какъ Іоаннъ Александра Ярославича. Мы видѣли, что Іоаннъ ничего не распоряжалъ о Великомъ Княжествѣ въ своей духовной: оно безспорно слѣдовало по смерти его Суздальскому Князю. Позволяя ему управлять Владиміромъ и Паво907ложьемъ, Іоаннъ допускалъ даже самовольство. Такъ Александръ вывезъ однажды изъ Владиміра вѣчевой колоколъ въ Суздаль; колоколъ глухо началъ звонить въ Суздали; боясь, что симъ перевозомъ *сгрубилъ Богородицѣ*, при церкви которой висѣлъ колоколъ во Владимірѣ, Александръ поспѣшилъ возвратить свою добычу, и колоколъ снова производилъ прежній ясный звонъ (305). Но по кончинѣ Александра, Іоаннъ ограничилъ власть племянника его Константина Васильевича. Онъ отдалъ тогда одну изъ до-

---

(304) Новг. Лѣт.

(305) Ист. Гос. Росс. т. IV, прим. 302.

черей своихъ за Василья Давыдовича Ярослав-
скаго, другую за Константина Ростовскаго,
сдѣлавшись полновластнымъ въ области его
Князя. «Настало тогда» — пишетъ современ-
никъ — «насилованье многое: Княженіе Великое
Московское досталось Іоанну Даниловичу, а съ
нимъ и Ростовское княженіе пошло къ Москвѣ.
Увы, увы, тогда граду Ростову, паче-же
Князьямъ его! Отъялись у нихъ власть, кня-
женіе, имѣніе, честь, слава, и все прочее! По-
тянули ихъ къ Москвѣ; вышло повелѣніе Іоанна,
и посланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ, какъ
будто нѣкій Воевода, одинъ изъ вельможъ Мо-
сковскихъ Василій, прозвищемъ Кочева, и съ
нимъ другой властитель Миняй. Пришли они
въ Ростовъ, наложили великую нужду на градъ,
и живущихъ въ немъ; гоненіе умножилось до
того, что многіе Ростовцы отдавали Москви-
тамъ имѣнія свои по неволѣ, а сами укоризнен-
ныя раны принимали на тѣла свои, отходя съ
пустыми руками. Не крайнее-ли бѣдствіе: Не
только отдай, что у тебя есть, но и побои
прими, и язвы жалостныя на себѣ носи и тер-
пи! И надобно-ли много разсказывать? Такую
дерзость содѣяли надъ Ростовомъ, что и са-
мого *епарха* градскаго, старѣйшаго Боярина
Ростовскаго, били, и едва жива оставили,
такъ, что всѣ ужаснулись, кто только объ
этомъ слышалъ. И сіе было не только въ Ро-

стовѣ, но и во всѣхъ предѣлахъ и селахъ Ростовскихъ (306).»

Замѣтимъ, что это самовластное управленіе Ростовомъ заставило тогда многихъ бѣжать. Ростовцы переселялись толпами въ Московскія области, гдѣ житье было имъ легче. Въ числѣ такихъ бѣглецовъ находился нѣкто Кириллъ. «Прежде онъ имѣлъ житіе великое въ Ростовской области; былъ Бояриномъ, въ числѣ славныхъ и нарочитыхъ Бояръ, и богатствомъ многимъ обиловалъ. Но на старости обнищалъ онъ и оскудѣлъ. Произошло сіе отъ частыхъ хожденій Княжескихъ въ Орду, частыхъ ратей Татарскихъ на Русь, тяжкихъ даней и выходовъ, великихъ недостатковъ хлѣба, и особливо отъ великой рати Татарской, которая извѣстна подъ именемъ *Өедорчуковой Туралытовой* (307). «Кириллъ поселился въ *Радонежѣ*, съ женою, и дѣтьми: Стефаномъ, Петромъ, *Варөоломеемъ*, и многими ближними. Благочестиво поживъ, Кириллъ и супруга его скончались, и были похоронены въ Хатьковѣ монастырѣ (308). Лишась супруги своей, Стефанъ отрекся отъ міра, и, испросивъ бла-

---

(306) Повѣсть о житіи Св. Сергія, въ *Ник. Лѣт.* (т. IV, стр. 204).

(307) См. прим. 284.

(308) *Радонежъ*, нынѣ село *Городокъ*, въ 12-ти верстахъ отъ Троицко-Сергіевой Лавры. *Хатьковъ*, нынѣ дѣвичій монастырь въ сторону отъ дороги къ Троицкой

гословеніе Митрополита Ѳеогноста, удалился въ ближній лѣсъ. Съ нимъ былъ юноша, братъ его Варѳоломей, издѣтства желавшій пустынножительства и ангельскаго образа. Въ глуши лѣсовъ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, заложили они церковь, во имя Святыя Троицы, въ семи верстахъ отъ гроба отца и матери. Стефанъ удалился потомъ въ Москву, былъ монахомъ, Игуменомъ Богоявленскаго монастыря, духовникомъ Симеона Іоанновича и другомъ Московскаго Митрополита. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ юный сынъ, Боярина Бяконта, также переселенца въ Москву, изъ Чернигова, отрокъ *Элевѳерій*, которому Провидѣніе назначило быть великимъ Святителемъ, Митрополитомъ Московскимъ, и ангеломъ хранителемъ Русскихъ земель: Элевѳерій былъ постриженъ въ Богоявленскомъ монастырѣ рукою Стефана, и получилъ имя *Алексія*.—Братъ Стефана, юноша Варѳоломей, не пошелъ въ Москву, остался въ своей пустынѣ, проходилъ тяжкое поприще пустынножительства, и наконецъ постригся въ своемъ уединеніи: это былъ знаменитый *Игуменъ Сергіи*, поборникъ Руси, совѣт-

Лавры. Сюда обыкновенно заходятъ, прежде всего, богомольцы Московскіе идя въ Лавру, и поклоняются гробамъ родителей чудотворца Сергія.

никъ Князей, предъ которымъ столько вѣковъ преклонялись и преклоняются съ вѣрою цѣлыя поколѣнія. Бѣдная пустынька Варѳоломея обратилась потомъ въ великолѣпную, знаменитую обитель *Троицко-Сергіевскую*. Такъ слава бѣжитъ отъ того, кто ищетъ ее, и влечется за тѣмъ, кто отъ нея бѣжитъ; такъ происшествія малыя ведутъ за собою, невидимымъ путемъ, событія великія (309).

Осмѣлясь на самовластныя дѣйствія въ Суздальскихъ областяхъ, предполагая смирить Новгородскую волю, и страшась Александра, Іоаннъ снова отправился въ Орду, въ 1333 году. На другой годъ по возвращеніи оттуда онъ вдругъ кончилъ миролюбиво нерѣшенную дотолѣ вражду съ Новгородомъ. Владыка Василій пріѣзжалъ къ Митрополиту Ѳеогносту, умолять его о заступленіи, и Іоаннъ согласился на миръ. Онъ «принялъ съ любовію» Новгородскихъ Пословъ, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и потомъ позвалъ къ себѣ въ Москву, *на честь*,

(309) Житіе Св. Алексія Митрополита было описано Питиримомъ, Пермскимъ Епископомъ, въ XV-мъ вѣкѣ (Ст. книга, т I, 445). Родители Св. Алексія пріѣхали въ Москву при Даніилѣ; отъ братьевъ Алексія произошелъ родъ *Плещеевыхъ*. Бяконтъ и супруга его почиваютъ въ Богоявленскомъ Московскомъ монастырѣ.

Владыку Василія, Посадника, Тысяцкаго и нарочитыхъ Бояръ Новгородскихъ. Они были угощаемы, « и видѣли въ Москвѣ много почести. » Открылось тайное намѣреніе Іоанна: онъ *любовно* уговаривалъ Новгородцевъ соединиться на рѣшительное изгнаніе Александра изъ Пскова. Всѣ Князья Русскіе должны были прислать для сего свои дружины (310).

Вѣроятно, предпріятіе Іоанна было слѣдствіемъ опасныхъ для него слуховъ. Нѣсколько лѣтъ оставаясь во Псковѣ, Александръ, не смотря на забвеніе Ханское, на усердіе Псковичей, считалъ пребываніе свое во Псковѣ тяжкимъ изгнаніемъ, и безпрерывно боялся умысловъ Іоанна. « И что будетъ съ дѣтьми моими, если я умру здѣсь? » говорилъ онъ « Ихъ лишатъ наслѣдія! » Рѣшась лучше умереть, нежели томиться тоскою, думая, что и гнѣвъ Ханскій уже умягченъ временемъ, Александръ отважился искать милости въ Ордѣ. Предпріятіе оказалось удачно: сынъ его, Ѳеодоръ, посланный изъ Пскова въ Орду, увѣдомилъ отца, что Ханъ от-

---

(310) Здѣсь оканчивается одна изъ лучшихъ Русскихъ Лѣтописей, *Новгородская* (нап. въ М. 1781 г.). Мы будемъ отселѣ ссылаться подъ именемъ *Новгородской*, на другой списокъ сей Лѣтописи, продолжающійся до 1441 г. и помѣщенный въ *Продолженіи Вивліоѳики* (т. II).

мѣняешъ гнѣвъ свой на него. Услышавъ о шакой радосши для Александра, Іоаннъ немедленно ошправился къ Хану, но ѣздилъ безуспѣшно. Ошпуская Іоанна *съ пожалованіемъ*, Ханъ ошпусшилъ и Ѳеодора Александровича съ милосшію. Зная, чѣмъ должно было купишь немилосшь Александра, Іоаннъ усильно началъ шребовашь ошъ Новгородцевъ серебра, и получивъ ошказъ, послалъ захвашишь его въ Заволочьѣ. Но дружины его были разбишы. Видя, чшо Александръ снова можешъ получишь милосшь Ханскую, Новгородцы послали заключишь союзъ и договоръ защишишельный со Псковомъ. Гордые новыми надеждами своего Князя, Псковишяне ошвѣчали брашьямъ своимъ презрѣніемъ. Напрасно Владыка Василій пріѣзжалъ къ нимъ, спорилъ, даже проклялъ ихъ — Псковъ не уважилъ ни просьбъ, ни проклятій. Къ ужасу Іоанна, Александръ ошправился въ Орду, и вскорѣ услышали о счасшливомъ успѣхѣ его ошважнаго посшупка. Смиренно преклонясь предъ Узбекомъ, Александръ говорилъ ему: « Господинъ вольный Царь! если и много зла сошворилъ я шебѣ, за шо прихожу шеперь пріяшь смершь, или жизнь, какъ Богъ шебя вразумишъ: я на все гошовъ! Когда, по своему Царскому величію, дашь мнѣ милосшь — возблагодарю шебя и Бога; предашь-ли меня смерши — признаю себя досшойнымъ, и се глава моя предъ шобою! »

—Князь Александръ! Смиренною мудростью избавляешь ты себя отъ смерти — отвѣчалъ ему Ханъ, простилъ всѣ прежнія вины Александра, и отдалъ ему родовое его Княжество. Послы Ханскіе пріѣхали съ Александромъ въ Тверь, и возвели его на наслѣдный Престолъ. Константинъ, братъ его, считалъ себя только правителемъ Твери, и уступилъ Престолъ Александру съ покорностію и радостію (311).

Тверь и Псковъ ликовали, видя неожиданное благополучіе Александра. Довольный устройствомъ и обновленіемъ Твери, послѣ *десятилѣтняго* изгнанія, Александръ называлъ Константина *собирателемъ отчизны*, не хотѣлъ слышать о мирѣ съ Іоанномъ, и вошелъ въ союзъ съ Ярославскимъ и Бѣлозерскимъ Князьями, надъ которыми обременительно тяготѣла сила Москвы. Іоаннъ не медлилъ болѣе; отправился въ Орду, со всѣми сыновьями своими; ударилъ челомъ Хану; задарилъ Вельможъ Ханскихъ; не пощадилъ ни клеветъ, ни золота.... *Его думою* миновалось краткое помилованіе Тверскаго Князя. Іоаннъ спокойно возвратился въ Москву. Александра, и Ярославскаго и Бѣлозерскаго Князей, прислали звать въ Орду, *для оправ-*

---

(311) Новг. и Воскр. Лѣт.—Ист. Гос. Росс. т. IV, прим. 300.

данія предъ Ханомъ. Предвидя опасность, Александръ не смѣлъ отрекаться, послалъ только предварительно сына Θеодора. Требовали его самого. Тверитяне, мать, братья не отпускали Александра, плакали, уговаривали, говоря, что Царь гнѣвенъ на него. «Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душѣ-же не могущихъ что сотворити!» отвѣчалъ имъ Александръ. Онъ оставилъ Константина больнаго при смерти; братъ Василій провожалъ его. Печальное предзнаменованіе смутило Тверитянъ: страшная буря зашумѣла на Волгѣ, когда Александрова ладья отчалила отъ берега. Но ни что не поколебало Князя. Простясь на вѣки съ добрымъ братомъ своимъ Василіемъ, Александръ явился въ Орду. Князя Ярославскаго ждалъ на пути отрядъ, посланный для поимки его Іоанномъ, но Князь отбился отъ Москвитянъ, и также предсталъ предъ Узбека (312).

Θеодоръ Александровичъ извѣстилъ отца своего, при самомъ пріѣздѣ его въ Орду, что Ханъ

---

(312) Во всѣхъ Лѣтописяхъ сказано о *думѣ* Калиты, по которой Узбекъ, или вельможи его, призвали и погубили Александра. Къ сожалѣнію, мы должны извлекать извѣстія о великодушной кончинѣ Александра, изъ безобразнаго разсказа *Никон. Лѣт.* (т. III, 166 и слѣд.), гдѣ истина тонетъ во множествѣ нелѣпыхъ прибавокъ!

гнѣвенъ. Отецъ и сынъ обнялись со слезами. Александръ предалъ судьбу свою волѣ Божіей; поднесъ богатые дары Хану, женѣ его, вельможамъ. Прошелъ мѣсяцъ. Ничто не было рѣшено. Но Александръ видѣлъ уже погибель въ зловѣщихъ рѣчахъ друзей своихъ, молился, каялся въ грѣхахъ своему духовнику. Насталъ день *Великомученика Димитрія*; Александръ получилъ вѣрное извѣстіе, что Ханъ опредѣлилъ ему смерть. Имя Святаго напоминало Князю горестную смерть брата Димитрія за 14-ть лѣтъ прежде. Одинъ Князь Московскій погубилъ старшаго брата; другой губилъ младшаго. Еще прошли три мучительные дня. Спасенія не было. Видя наконецъ приближеніе убійцъ, Александръ заплакалъ, помолился Богу, и самъ вышелъ къ нимъ изъ шатра своего на встрѣчу. Ему отрубили голову; съ нимъ вмѣстѣ убили и сына его Ѳеодора, 28 Октября 1339 года. Трупы обоихъ Князей были изрѣзаны въ куски. Бояре Тверскіе, сопутники несчастнаго своего Государя, собрали растерзанные останки его и сына, и повезли въ Русь. Митрополитъ Ѳеогностъ отпѣлъ ихъ во Владимірѣ, и препроводилъ въ Тверь. Тамъ плачъ и рыданіе привѣтствовали несчастныя жертвы замысловъ Іоанна и жестокой несправедливости Узбека. Въ Преображенскомъ Тверскомъ соборѣ стояли теперь *четыре* гробницы—отца, двухъ сыновей и вну-

ка—какъ страшные свидѣтели гибельнаго слова: *близъ Царя близъ смерти* (313)!

Константинъ, снова начавшій княжить въ Твери, не мстилъ за брата, и безмолвно покорился Іоанну. По его повелѣнію, онъ долженъ былъ переслать въ Москву большой колоколъ Тверскаго собора—можетъ быть, въ доказательство особенной покорности (314). Іоаннъ немедленно принялъ рѣшительныя мѣры къ подчиненію другихъ Князей. Безопасный смертію Александра и милостью Ханскою, онъ хотѣлъ присовокупить къ Великому Княжеству *Угличъ*, *Бѣлозерскъ* и *Галичъ*. Романъ Бѣлозерскій, спутникъ Александра Тверскаго въ Орду, умеръ бездѣтенъ; племянники его *продали* Бѣлозерскъ Іоанну. Также *купилъ* онъ *Галичъ* и *Угличъ*, у наслѣдниковъ тамошнихъ Князей (315). Но, вѣроятно, Іоаннъ не успѣлъ утвер-

---

(313) Пословица, донынѣ оставшаяся въ народѣ, подобно другимъ, явно показывающимъ происхожденіе свое во времена Татарскаго владычества, или нашествій и ратей ихъ, какъ-то: «Гдѣ Царь, тамъ и Орда — И у Татарина милости выпросишь — Неволей только Татары берутъ — Послѣ Татаръ убѣжищъ много,» и проч.

(314) Ист. Г. Р. т. IV, 234.

(315) Димитрій Донской пишетъ въ своей духовной: «Благословляю *куплею своего дѣда* Галичемъ — куплею-же дѣда своего Бѣлымъ-озеромъ — куплею-же

дить сего важнаго пріобрѣтенія. Онъ снова поссорился въ это время съ Новгородцами. Не смѣя противиться Москвѣ послѣ погибели Александра Тверскаго, Новогородцы почтительно прислали къ Іоанну обыкновенный выходъ. « Этого мало ! » велѣлъ сказать имъ Іоаннъ. « Дайте мнѣ еще : у меня проситъ Царь. — « Ты цѣловалъ крестъ: держать Новгородъ *по старой пошлинѣ* Новгородской, и по грамотамъ Ярославскимъ ; болѣе не плачивали мы отъ начала міра, и не хотимъ платить. — Такъ отвѣчало Вѣче посланнымъ отъ Іоанна. Онъ велѣлъ Намѣстникамъ своимъ выѣхать изъ Новгорода, и готовился въ походъ, приказывая собираться Князьямъ и дружинамъ (316).

Его остановило повелѣніе Ханское идти и наказать Смоленскъ. Это отвратило опасность отъ Новгорода (впослѣдствіи скажемъ о причинахъ и слѣдствіяхъ похода къ Смоленску). Не оставляя размирья съ Новгородомъ, Іоаннъ дѣятельно продолжалъ приготовленія къ войнѣ,

---

своего дѣда Угличемъ Полемъ» — (*Собр. Гос. граматъ*, т. I, стр. 59). Князья Углицкіе происходили отъ сына Константина Всеволодовича, Владиміра; о Галицкихъ см. прим. 207 ; Бѣлозерскіе были отъ Глѣба Васильковича. Димитрій привелъ въ исполненіе то, что началъ дѣдъ его.

(316) Новг. Лѣт. годъ 1339-й.

и всѣ начатыя имъ предпріятія.... Провидѣнію угодно было предположить иначе: рука Ангела смерти коснулась Іоанна. Почувствовавъ болѣзнь тяжкую, онъ успѣлъ постричься, принять схиму, и 31-го Марта, 1340-го года, скончался, предоставивъ участь Москвы и дѣтей судьбамъ Божіимъ! Онъ *первый* изъ Князей Московскихъ былъ погребенъ въ каменномъ Архангельскомъ соборѣ, который заложенъ по его повелѣнію противъ Успенскаго собора, на площади Московскаго Кремля, въ 1333 году, оконченъ въ одинъ годъ, и освященъ Сентября 20, 1334 года, Митрополитомъ Ѳеогностомъ. Здѣсь потомъ, обширными рядами становились гробы потомковъ Калиты, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій (317).—Старшій сынъ Іоанна,

---

(317) Въ Арх. Соборѣ погребены всѣ Великіе Князья, отъ Калиты до Василія Іоанновича, всѣ Цари Русскіе отъ Іоанна IV-го до Іоанна Алексіевича, Императоръ Петръ II-й, почти всѣ Великокняжескіе и Царскіе братья и дѣти, родъ Владиміра Андреевича, два Царевича Казанскіе, герой Скопинъ Шуйскій. Всѣхъ гробницъ находится въ Архангельскомъ соборѣ, кромѣ мощей Св. Димитрія и Черниговскихъ Чудотворцевъ (см. пр. 139), *пятьдесятъ*, и три *неизвѣстныя* гробницы, безъ надписей. Сюда, послѣ вѣнчанія на царство, приходили и приходятъ Властители Русской земли—поклониться гробамъ предковъ, и какъ будто вспомнить, среди блеска и величія, о тщетѣ земной славы и земныхъ благъ!

Симеонъ, остался послѣ него 23-хъ лѣтъ; среднему, Іоанну, было 14-ть; младшему, Андрею, 13-ть лѣтъ. — Великокняженіе Іоанна Даніиловича продолжалось 12-ть лѣтъ. Московскимъ Княжествомъ правилъ онъ, сперва вмѣстѣ съ братьями, потомъ одинъ, около 25-ти лѣтъ.

Мы не упоминали о частныхъ событіяхъ на сѣверѣ и западѣ Руси, съ самаго начала XIV-го столѣтія, стараясь представить непрерывную связь событій важнѣйшихъ. Частныя происшествія относились къ нимъ непосредственно, хотя и были отдѣльны.

Важнѣе всего изъ событій на западѣ Руси, въ первыя десятилѣтія XIV-го вѣка, было прочное установленіе политической самобытности Литовской земли. Что начали Миндовгъ, Воишелгъ и Тройденъ, то довершилъ *Гедиминъ*. Отселѣ Историческое, достовѣрное бытіе Литвы, какъ государства. Не знаемъ года кончины Тройдена. Ему наслѣдовали дѣти, изъ коихъ Вишенъ, или Буйвидъ, погибъ отъ руки Гедимина. Мужественный, смѣлый воинъ сей, простой рабъ Вишена (конюшій его, какъ говорило преданіе), умѣлъ захватить себѣ власть послѣ смерти своего Князя, покорить племен- Литовскія, соединить ихъ подъ свою руку, и справедливо назваться *первымъ Княземъ Литовскимъ*. Еще нѣсколько времени толпы Литовцевъ, какъ прежде, выбѣгали въ окрестныя страны. Въ 1323-мъ году, они грабили и были разз

биты Новгородцами на Ловати; даже въ 1335 г. Литовцы нападали на Торжковскую волость, и Іоаннъ Даніиловичъ, бывъ тогда въ большомъ ладу съ Новгородцами, велѣлъ преслѣдовать грабителей; городки Литовскіе: Рясна, Осѣченъ, и другіе, были выжжены Рускими. Но сіи наѣзды происходили отъ своеволія разныхъ Князьковъ, еще не совсѣмъ покорныхъ Гедимину. Съ 1315 года Гедиминъ былъ уже единственнымъ и сильнымъ властителемъ земель по Нѣману, Вислѣ, Припети, Днѣпру. Прекративъ разбои Литовскіе, онъ составилъ изъ сихъ дикарей грозныя дружины. Русь не могла мѣшать ему, занятая междоусобіями Москвы, Твери, Новгорода, и крамолою въ Ордѣ. Гедиминъ втѣснился между владѣніями Прусскихъ и Ливонскихъ Рыцарей, до самыхъ береговъ Балтійскаго моря, основалъ пребываніе свое въ Вильнѣ (какъ увѣряютъ, имъ построенной), и жестоко воевалъ съ Рыцарями Тевтонскими, или Прусскими (318).

Но не одно оружіе было для Гедимина средствомъ усилить власть и могущество Литовцевъ. Гедиминъ охотно вступилъ въ сношенія съ Папою, всюду искавшимъ новой добычи Ка-

---

(318) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X. — Дуисбургъ, Chron. Pruss. (изданіе Гарткноха, Іена, 1679 г.) — Новг. Лѣт.

толицизму: онъ соглашался принять Католическую вѣру, если Папа прекратитъ своимъ посредничествомъ кровопролитія его съ Нѣмцами. Обрадованный такимъ предложеніемъ, Папа извѣщалъ Государей въ 1323-мъ и 1324 годахъ, что Гедиминъ, называющій себя *Королемъ Русскимъ* и *Литовскимъ* скоро будетъ принадлежать къ стаду Православныхъ; что онъ вѣруетъ Единому Богу, Отцу, Сыну и Святому Духу. Самъ Гедиминъ увѣрялъ Нѣмецкихъ купцовъ Любека, Ростока и Штетина, что онъ почти Христіанинъ, готовъ креститься, строитъ церкви для Католическихъ монаховъ въ Вильнѣ, и нетерпѣливо ждетъ Пословъ Папы. На печати Гедимина изображенъ былъ человѣкъ, сидящій на престолѣ, съ короною и скипетромъ въ рукахъ, окруженный Ангелами, и надписью: *Печать Гедимина, Божіею милостію Короля Литовскаго и Русскаго.* Нѣмецкіе Рыцари видѣли опасность *присоединенія волка къ стаду овецъ*, и снова разссорились съ Гедиминомъ, увѣряя Папу, что Гедиминовъ обманщикъ, льстецъ, *двуногое животное, нарушитель законовъ, предтеча Антихриста.* Это разгнѣвало Гедимина, и прервало всѣ сближенія его съ Папою. «Не знаю и не хочу знать вашего Папы, вѣрный религіи отцовъ моихъ!» отвѣчалъ Гедиминъ Посламъ Римскимъ, и уже до самой смерти бился съ Рыцарями, и передалъ

ненависть къ нимъ своимъ дѣтямъ (319). Не находя выгодъ въ принятіи Греческой вѣры, Гедиминъ позволялъ однакожъ свободное вѣроисповѣданіе православнымъ, и вмѣшивался въ дѣла церковныя, покровительствуя имъ. Такъ онъ содѣйствовалъ избранію особеннаго Епископа во Псковъ, когда Псковитяне ссорились съ Новгородцами за Александра Тверскаго, желая отдѣлиться отъ нихъ и по Церковному управленію (320).

Ободряя торговлю иноземцевъ и переселенія въ Литву ремесленниковъ и художниковъ, Гедиминъ извлекъ особенныя выгоды изъ брачныхъ союзовъ сыновей и дочерей своихъ. Одна дочь его была выдана за несчастнаго Тверскаго Князя Димитрія Михайловича. Хитрая политика заставила потомъ Гедимина согласиться на родство съ врагомъ Твери, Іоанномъ Даніиловичемъ: Симеонъ Іоанновичъ былъ женатъ

---

(319) Райнальда, Ann. Eccles. т. XV; Дрейера, Spec. juris publ. Lubec. стр. 183 и слѣд.; Лерберга, *Изслѣдованія*, стр. 198, 199.

(320) Новг. Лѣт. годъ 1331-й. Θеогностъ Митрополитъ былъ тогда на Волыни, не согласился на избраніе особаго Владыки Пскову, и поставилъ Архіепископа Новгороду, знаменитаго Владыку Василія. Гедиминъ хотѣлъ захватить его на пути, но Василій счастливо пробрался во свояси.

на Айгустѣ (Анастасіи), второй Гедиминовой дочери. На третьей дочери Гедимина, Альдонѣ, женился сынъ Владислава Локетка, Казиміръ Король Польскій (въ 1325 г.), и тесть отдалъ ему въ приданое плѣнниковъ Польскихъ, бывшихъ въ Литвѣ. Четвертая дочь Гедимина, Марія, была за Болеславомъ, Княземъ Мазовецкимъ (потóмъ Галицкимъ); пятая, Данмила, вышла за Вацлава, Князя Плоцкаго (въ Мазовіи) (321). У Гедимина было *шесть* сыновъ. Онъ хотѣлъ воспользоваться раздоромъ Новгорода съ Москвою въ 1333-мъ году. Наримантъ, второй сынъ его, по повелѣнію отца, прислалъ извѣстить Новгородцевъ, что благодатію Божіею онъ уже Христіанинъ, нареченъ во святомъ крещеніи *Глѣбомъ*, и желаетъ пріѣхать въ Новгородъ, и *поклониться Св. Софіи*. Новгородцы обрадовались, что Богъ *вложилъ столь благую мысль въ сердце Литовскаго Князя*. Они думали найдти въ немъ для Новгорода Довмонта, и видѣвъ еще недавно въ Псковѣ также мужественнаго воителя Литовскаго, Князя Давида, послали звать Нариманта въ Новгородъ. Наримантъ пріѣхалъ, цѣловалъ

---

(321) Дочь Гедимина вышла за Димитрія Тверскаго въ 1320-мъ году. Не это-ли спасло тогда Димитрія отъ гибели, и заставило Георгія Московскаго мириться? — Объ Анастасіи, супругѣ Симеона Гордаго, см. Ист. Р. Н. т. V, прим. 25.

кресть, и Новгородцы, желая защитить себя добрымъ заступникомъ въ безпрерывныхъ ссорахъ и битвахъ съ Шведами, отдали въ вѣчный удѣлъ Нариманту Ладогу, и берега Финскаго залива и Ладожскаго озера, съ городками Орѣховомъ, Корельскимъ и Копорскимъ. Наримантъ оставался въ этомъ удѣлѣ нѣсколько лѣтъ. Но если Гедиминъ надѣялся имѣть въ немъ средство владѣть волею Новгородцевъ, а Новгородцы думали найдти охранителя сѣверныхъ своихъ предѣловъ, то и они и Гедиминъ ошиблись. Наримантъ уѣхалъ въ Литву въ 1338-мъ году, и не хотѣлъ возвращаться въ дикую Карелію, имѣя обширный удѣлъ на Волыни, и не думая помогать честолюбію отца и другихъ братьевъ своихъ (322).

Удѣлъ Нариманта въ Литвѣ составляли земли древняго Пинскаго княжества, завоеванныя Гедиминомъ, послѣ кончины послѣднихъ потомковъ Святополка (323). Сюда, на юго-западъ и югъ, сильно и быстро распространилось при Гедиминѣ владѣніе Литовское. Кажется, что Гедимину принадлежали уже Кіевъ и Черни-

---

(322) Новг. Лѣт. — Пріѣздъ Нариманта былъ въ годъ ссоры Новгородцевъ съ Іоанномъ.

(323) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 175) упоминаетъ о *Князѣ Пинскомъ* Юріи, умершемъ въ 1292 г.; потомъ о Князьяхъ *Степанскихъ* (*Степань* (нынѣ мѣстечко на Горыни), вѣроятно, удѣльныхъ Пинскихъ.

говъ. По крайней мѣрѣ онъ безпрепятственно повелѣвалъ въ областяхъ Днѣпровскихъ, гдѣ смѣшанно скитались толпы Монголовъ, влачили бытіе бѣдные остатки Рускихъ, и кое-гдѣ владѣли еще потомки Олегова рода (324). Галичъ и Волынь не могли противостоять силѣ Гедиминовой. Юрій Львовичъ, *Король Русскій и Князь Владимірскій*, княжилъ надъ соединенными наслѣдіями дяди и отца, до самой своей кончины. Онъ умеръ въ 1316-мъ году. Сыновья его: Андрей и Левъ владѣли послѣ него нераздѣльно. Неизвѣстно, на дочери котораго изъ нихъ женился сынъ Гедимина, Любартъ, получивъ послѣ кончины тестя часть Волынскаго княжества. Андрей и Левъ называли себя въ граматахъ *Герцогами всея земли Русскія, Галиціи и Владимірія;* заключали договоры съ Тевтонскимъ Орденомъ; писали ихъ на варварскомъ Латинскомъ языкѣ, обѣщаясь защищать отъ Монголовъ земли Ордена, *по примѣру предковъ.* Вѣроятно, они старались исполнять свое обѣщаніе, ибо Король Польскій, Владиславъ Локетокъ, извѣщая Папу о кончинѣ сихъ Русскихъ Князей, *хотя и неправославныхъ*, называетъ Андрея и Льва крѣпкою защитою отъ Монголовъ, и изъявляетъ опасеніе, что теперь Монголы будутъ дерзновеннѣе. Грамата Короля Польскаго писа-

(324) См. прим. 205 и 327.

на въ 1324 году, слѣдовательно, въ первую четверть XIV-го столѣтія Гедиминъ могъ уже обладать частію Волыни. Но тамъ оставался еще потомокъ Русскихъ Князей, Георгій, внукъ Юрія Львовича, сынъ или Андрея, или Льва Юрьевича. Нѣсколько дружескихъ грамать и договоровъ его съ Тевтонскимъ Орденомъ дошли до насъ. Они писаны были отъ 1325-го и до 1335-го годовъ, во Владимірѣ и Львовѣ. Георгій увѣряетъ Рыцарей въ мирѣ, дружбѣ, защитѣ отъ Монголовъ, за себя и за Воеводъ Бѣльскаго, Перемышльскаго, Львовскаго и Луцкаго, Тіуна своего и Епископа Θеодора, называя себя *природнымъ Герцогомъ Малыя Руссіи*. Видимъ, что аристократія Галицкая совершенно стѣснила тогда власть Князей; но Георгій еще почитался властителемъ Львова, Владиміра, Бѣльза, Перемышля и Луцка. Съ нимъ исчезло имя *послѣднихъ владѣтельныхъ Князей Русскихъ на Волыни* (325). Вѣроятно, Георгій не оставилъ наслѣдниковъ. Сестра его, Марія, была супругою Тройдена Мазовецкаго, и Болеславъ, сынъ ея, зять Гедимина, овладѣлъ Гали-

---

(325) Грамата Андрея и Льва, въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, пис. 1316 года (Карамзинъ, т. IV, прим. 268. —Письмо Локетка, у Райнальда, т. XV-й. Граматы Георгія въ Кенигсб. Архивѣ (Карамзинъ, т. IV, прим. 276). Георгій называетъ себя: G. Dei gratia natus Dux *totius Russiæ Mrnoris*. Слѣдовательно: съ половины XIV-го вѣка появилось уже имя *Малороссіи*.

чемъ и Волынью, на правахъ ограниченныхъ, обѣщая не притѣснять православной вѣры. Онъ не сдержалъ слова, принялъ Католическую вѣру, тиранствовалъ, и былъ отравленъ. Дѣти Гедимина не успѣли воспользоваться его смертію. Въ Польшѣ воцарился, съ 1333-го года, дѣятельный Казиміръ, сынъ Владислава Локетка, зять Гедимина, и въ 1340-мъ году Галичъ, Львовъ, Перемышль, Теребовль—всѣ мѣста, ознаменованныя столь многими событіями Исторіи Русскаго народа, и дѣлами Володаря, Владимірка, Романа, Мстислава Удалаго и Даніила Романовича, перешли во власть Польши. Въ Краковъ перевезли тогда древнія сокровища Галицкихъ и Волынскихъ Князей, двѣ короны, кресты съ частицами Животворящаго Древа, богатыя сѣдла, сосуды, одежды. Такъ погибли для Руси и перешли къ Польшѣ и Литвѣ Галичъ и Волынь (326).

Оружіемъ и политикою распространяясь на югъ и юго-западъ, Гедиминъ употребилъ войну и религію средствомъ пріобрѣтеній и на сѣверѣ. Позволивъ Нариманту креститься, онъ давалъ согласіе на православное крещеніе дочерей своихъ, выходившихъ за Князей Русскихъ; дочери его, выданныя въ Польшу и Мазовію, принимали въ то-же время вѣру Католическую. Любартъ былъ крещенъ по закону православія,

(326) Карамзинъ, т. IV, прим. 329.

подобно Нариманту. Крестился и третій сынъ Гедиминовъ, славный потомъ *Олгердъ*; Гедиминъ женилъ его на Княжнѣ Витебской. Хотя еще нѣсколько времени послѣ того упоминаются потомки древнихъ Князей Полоцкихъ, но они, вѣроятно, уже служили Гедимину, и только назывались Князьями. И въ Кіевѣ были еще свои Князья Русскіе: Князь *Кіевскій* посланъ былъ отъ Гедимина, захватить на пути Новгородскаго Владыку въ 1331-мъ году, а въ 1326-мъ году, съ братомъ Гедиминовымъ, пріѣхали въ Новгородъ Послами Князья Полоцкій и Минскій, и заключили миръ съ Новгородцами и съ Ливонскими Рыцарями. Полоцкъ былъ проданъ Литвѣ Ливонскими Рыцарями, въ началѣ XIV-го вѣка, и Папа изъявлялъ гнѣвъ свой за продажу Христіанскаго города язычникамъ (327).

Употребляя такимъ образомъ всѣ средства, даже свободу совѣсти, для возвеличенія своей власти, Гедиминъ щадилъ Русь, Польшу, Ливонію, и пользовался только отъ нихъ выгодами, пріобрѣтеніями, союзомъ ихъ. Онъ умѣлъ поладить и съ Монголами, безпрестанно тѣсня ихъ отвсюду изъ Заднѣпрія. Узбекъ не хотѣлъ, или не смѣлъ посылать на Литву своего войска, можетъ быть помня еще бѣдствія Телебуги и

(327) Новг. Лѣт. годы 1331 и 1326-й. О продажѣ Полоцка, см. Нарушевича H. N. P. т. *V*, 11 и 350.

Ногая (328). Потомство назвало ***Великими*** сряду двух Польских Королей, современников Гедимина, но не удостоило сим названием Литовскаго Князя, Государя мудраго, храбраго, основателя Литвы, поставившаго сію полудикую страну, в теченіе 25-ти лѣт, в ряд сильных обществ на сѣверѣ (329). Гедимин жил и умер язычником. За то Рускіе называли его *поганым*, и ставили на ряду с Ханом Монгольским. Но Русскіе Князья могли-бы поучиться у *поганаго Гедимина*, как жить и как умирать. Гедимин был убит при осадѣ Фридбурга, в 1338 году, начав тогда снова воевать с Тевтонскими Рыцарями (330). Он при себѣ еще раздѣлил на удѣлы всѣ свои земли, и сіе дѣленіе показывает обширность Литвы в послѣднее время Гедиминова владычества. Сын его *Монтвид* получил области Керновскія и Слонимскія; *Наримант*

---

(328) Впрочем, должно сообразить характер и дѣла Узбека. См. далѣе.

(329) *Великими* названы были: Казимір, царствовавшій с 1333 до 1370 г. (послѣдній потомок Піаста), и Людовик, преемник его, ум. в 1382 г. — За *что?*

(330) Новг. Лѣт. 1341-й год: « Той-же зимы умре Озбяк, Царь поганый; той-же зимы умре Князь Великій Гидемен, Литовскій, поганый. » По Chr. Pruss. полагается смерть Гедимина в 1328 г., а Нарушевич относит ее к 1338 г. (т. V, стр. 436).

Пинскъ и часть Волыни; *Олгердъ* Витебскъ и Полоцкъ; *Кейстутъ* Самогицію, Троки и Подлѣсье; *Коріатъ* Новгродекъ, Волковійскъ; *Любартъ* остальную Волынь, кромѣ части Польской. Въ раздѣлъ не были включены Кіевъ и Черниговъ: доказательство, что Гедиминъ не успѣлъ еще утвердить ихъ за собою. Младшій сынъ его, *Евнутій*, объявленъ былъ отцъ отца главнымъ правителемъ всей Литвы, и получилъ въ удѣлъ столицу Литовскую, Вильну, пріобрѣтая черезъ то первенство надъ всѣми братьями, и между прочимъ надъ Олгердомъ и Кейстутомъ, храбрыми товарищами отца, искусными предводителями дружинъ Литовскихъ. Дѣло несообразное съ умомъ Гедимина, и объясняемое только безразсудною любовью его къ младшему сыну (331).

Въ Ордѣ царствовалъ долголѣтній Узбекъ, и однимъ годомъ пережилъ Іоанна Даніиловича. Мы излагали отношенія сего Хана къ Руси, въ главныхъ событіяхъ областей Русскихъ. Утвердивъ Михаила Тверскаго въ 1313-мъ году, Узбекъ хотѣлъ наказать Георгія за ослушаніе; но въ 1318-мъ году поставилъ Георгія старшимъ Княземъ, и безчеловѣчно умертвилъ Михаила въ слѣдующемъ году. Онъ предалъ потомъ Георгія,

---

(331) Стриковскій; Даниловичъ, Latopisiec Litwy.

въ 1323-мъ году, сыну Михаилову Димитрію; казнилъ Димитрія за убіеніе Георгія въ 1325-мъ году, но отдалъ брату Димитріеву, Александру, старшинство; въ 1328-мъ году передалъ старшинство Іоанну Московскому; простилъ Александра въ 1338-мъ; вѣроятно отдалъ-бы ему Великое Княжество, если-бы Іоаннъ не умѣлъ перехитрить Тверскаго Князя, и—Александръ, едва прощенный, былъ умерщвленъ въ 1339 году. Что́ сказать послѣ сего о политикѣ Узбека, непостоянной, недальновидной? Видимъ, что онъ былъ избалованный деспотъ, окруженный многочисленнымъ, крамольнымъ, жаднымъ корысти Дворомъ. Довольно было исполнить мгновенную прихоть свирѣпой воли Хана, и дѣла всѣ могли идти по прежнему, если только его горделивая воля была удовлетворена. Симъ объясняются свирѣпыя казни нѣсколькихъ Русскихъ Князей въ Ордѣ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не погибало ихъ столько подъ мечами Ордынскихъ палачей, сколько погибло при Узбекѣ, въ теченіе 20-ти лѣтъ! Кромѣ *Михаила, Димитрія*, *Александра* и *Ѳеодора* Тверскихъ, Узбекъ казнилъ еще въ 1325 году Князя *Александра* Новосильскаго; въ 1327-мъ году, въ Ордѣ казненъ былъ Князь Рязанскій, *Іоаннъ Ярославичъ*. Сыну его, Іоанну Коротополу, отдано было тогда отцовское владѣніе. Въ 1330-мъ году погибъ въ Ордѣ Стародубскій

Князь *Өеодоръ* (правнукъ Іоанна Всеволодовича) (332). За сими казнями слѣдовали иногда милость, иногда раззореніе. Ясно, что воля деспота подчинялась крамолѣ вельможъ. «Кто больше дастъ, тому и Княжество,» явно говорили въ Ордѣ, какъ мы упоминали объ этомъ выше (333). Такъ Югурөа сожалѣлъ, что у него недостаетъ денегъ купить Римъ (334). Посему-то совсѣмъ не прежними самовластными нашествіями, но покупными вспомоществованіями должно почитать приходы Монголовъ съ Михаиломъ (въ 1316 году), съ Георгіемъ (въ 1318 году), съ Іоанномъ въ 1327 году. Монголы шли грабить и наживаться, не думая о правосудіи, или отмщеніи Ханской чести. Потому Новгородцы дерзнули сражаться съ Михаиломъ; Михаилъ бился съ Георгіемъ, не смотря на присутствіе Монголовъ (335). Можемъ заключить, что и число Монголовъ было притомъ не велико. Кромѣ главныхъ походовъ Монгольскихъ,

---

(332) Карамзинъ, т. IV, прим. 258 и 308; Воскрес. Лѣт., Новг. Лѣт. — Князь Стародубскій прозывался *Благовѣрный.*

(333) Прим. 234.

(334) «Городъ продажный! я купилъ-бы тебя, если-бы достало денегъ!» (*Саллюстій*)

(335) Подъ Торжкомъ, въ 1316 г.; при Бортновѣ, 1318 г. — Вспомнимъ дѣла Гедимина. Святославъ Брянскій бился съ Монголами въ 1310 г., и проч.

безпрестанно являлись на Русь *Послы* и *рати* Ордынскія. Главною причиною было то, что Князья Русскіе, спасаясь отъ Баскаковъ и откупщиковъ, стали сами взносить откупы и *выходы* гуртомъ (336). Имъ говорили: *мало*, и посылали изслѣдователей, придавая дружину. Такіе Послы были въ Ростовѣ, въ 1316 году, когда Василій Константиновичъ пріѣхалъ туда изъ Орды, «и много зла сотворили Ростову.» Въ 1318 году, Посолъ *лютый* Кочка, явился въ Костромѣ, казнилъ болѣе 100 человѣкъ, и возвращаясь въ Орду грабилъ Ростовъ, жегъ тамошніе монастыри, и полонилъ людей. Въ 1322 г. Ахмылъ выѣхалъ изъ Орды съ Іоанномъ, и называясь *сильнымъ Посломъ*, разграбилъ Ярославль, «много пакости чинилъ въ Низовской землѣ, и много Христіанъ изсѣкъ.» Кромѣ того являлись бродящіе Послы Монголовъ: Лѣтописцы замѣчаютъ, что въ 1307 г. была *Таирова* рать.—Гдѣ? Неизвѣстно. — Иногда ихъ били и гнали: въ 1319-мъ году, жители Ростова выгнали отъ себя толпу хищниковъ Монгольскихъ (337).

Все это доказываетъ быстрое, безостановочное разрушеніе и паденіе Монгольской силы.

---

(336) Весьма важно было-бы опредѣлить время, въ которое *число* и *откупщики* замѣнились единовременными *выходами* Княжескими въ Орду: это былъ весьма важный шагъ къ измѣненію власти Монгольской.

(337) Воскр., Строевск. Лѣт.

Въ сіе время, когда единственно крамола и прихоть дѣйствовали въ отношеніямъ Монголовъ къ Руси, а политика Гедимина давала ему удобство отбивать у Монголовъ Заднѣпріе, и Генуэзцамъ основываться въ Крыму, удерживаясь тамъ, и не боясь Монголовъ (338), Узбекъ фанатически ревновалъ распространенію Мугаммеданства, велъ безполезныя войны съ Персіею и великолѣпствовалъ въ степяхъ Капчака и долинахъ Придонскихъ и Закавказскихъ— истинное изображеніе гордаго, ничтожнаго деспота, раба страстей и рабовъ своихъ (339)!

---

(338) См. превосходно изложенную Исторію Генуэзскаго владычества въ Крыму, въ *Пут. по Тавридѣ*, И. М. Муравьева-Апостола (Спб. 1823), стр. 217, и слѣд.

(339) Немногихъ такъ славили Поэты, Историки, фанатики Мугаммеданскіе, какъ Узбека. Многіе] Ханы принимали даже потомъ имя его, вмѣсто титула, и назывались *Узбеками* (Абулгази, стр. 457). Между тѣмъ Папа переписывался съ нимъ, и Узбекъ позволялъ ему обращать въ Христіанство, ибо Папа льстилъ ему и величалъ его (см. *Райнальда*, годъ 1338 и 1340-й). Недавно переведено на Англійскій языкъ любопытное путешествіе Ибнъ-Батуты (The Travels of Ibn-Batuta, Лондонъ, 1829 г.) Сей странствователь, объѣхавшій всю Азію, лично видѣлъ Узбека, и съ женою его (дочерью Императора Греческаго) ѣздилъ въ Царьградъ. Онъ описываетъ великолѣпіе, величіе Узбека, его *золотую Орду* и *серебряный* тронъ, пыш-

Удѣльные Князья пользовались удобствомъ пособій Монгольскихъ, подобно Великимъ Князьямъ; раздоры ихъ рѣшались отдѣльными кровопролитіями. Святославъ Брянскій завладѣлъ участкомъ племянника своего Василья Романовича. Василій явился изъ Орды съ Монголами, въ 1310 году. Петръ Митрополитъ былъ тогда въ Брянскѣ, проѣзжая изъ Кіева. Онъ уговаривалъ Святослава бѣжать, или подѣлиться съ Василіемъ; но совѣта его не послушали. « Брянцы положатъ за меня головы, и не выдадутъ меня! » говорилъ Святославъ. Началась битва; Брянцы измѣнили, бросили Княжескіе стяги и бѣжали. Святославъ видѣлъ гибель, не уступалъ, бился, подкрѣпляемый однимъ Дворомъ своимъ, и былъ убитъ. Брянскъ предали опустошенію. Святитель Петръ едва могъ спастись, укрывшись въ одной церк-

---

ность, переходы съ Ордою, и называетъ наконецъ однимъ изъ *семи* великихъ Султановъ міра (такими почиталъ Ибнъ-Батута, кромѣ Узбека, властителей: Турецкаго, Египетскаго, Иранскаго, Бухарскаго, Индійскаго и Китайскаго). Ибнъ-Батута говоритъ о Крымскомъ городѣ *Кирамѣ, Азакѣ, Маджарахѣ* (large and handsome place). Онъ встрѣтилъ Узбека близъ *Пятигорія, или Бештау* (Bish-Tag.). Here we witnessed *a moving city*, with its streets, mosques, and cooking-houses, the smoke of which ascended as they moved along. When however, they halted, all these became stationary, и проч.

ви (340). Въ 1334 году, въ Брянскѣ владѣлъ Князь Димитрій и ссорился съ Смоленскимъ Княземъ Іоанномъ Александровичемъ. Ему помогали Монголы. Князья наконецъ помирились; но Монголамъ не нравился миръ ихъ. По повелѣнію Узбека, Воевода Товлубій посланъ былъ изъ Орды воевать Смоленскъ. Дѣло казалось важнымъ, ибо Московскій Князь получилъ повелѣніе идти на Смоленскъ, и вмѣстѣ съ Монголами наказать ослушника Ханскаго. Іоаннъ не пошелъ самъ, но послалъ Константина Суздальскаго, Константина Ростовскаго, Князей Юрьевскаго, Друцкаго, Ѳоминскаго. Іоаннъ Коротополъ, Князь Рязанскій, соединился съ ними, и по неволѣ принужденъ былъ пристать къ Товлубію Князь Брянскій. Сильное войско это подступило къ Смоленску, грабило селенія, и вдругъ воротилось, простоявъ подъ городомъ нѣсколько дней. Вѣроятно, Смоленскій Князь умѣлъ купить миръ у Товлубія (341).

Междоусобія и самоуправства въ другихъ Русскихъ областяхъ были безпрерывны. Въ

---

(240) Воскр. Лѣт. II, 275.

(341) Стр. Лѣт. годъ 1340-й. Карамзинъ думалъ, что Смоленскій Князь хотѣлъ, *кажется, совершенной независимости* отъ власти Монголовъ (*Ист. Г. Р.* т. IV, 238). Это не естественно, и опровергается сущностью дѣла.

1339-мъ году, Князь Василій, Козельскій, убилъ роднаго дядю, Андрея Мстиславича. Въ 1340-мъ году, въ Брянскѣ, народъ возсталъ на Князя Глѣба, вытащилъ его изъ церкви, гдѣ онъ укрывался, и убилъ на площади. Митрополитъ Ѳеогностъ проѣзжалъ тогда черезъ Брянскъ, и не мôгъ ни остановить убійцъ, ни спасти Глѣба, такъ, какъ безуспѣшно спасалъ Митрополитъ Петръ отца его Святослава (342). Смерть Князя Пронскаго, Александра Михайловича, въ 1340 г., сопровождалась обстоятельствами еще болѣе отвратительными. Александръ повезъ выходъ въ Орду. Іоаннъ Коротополъ, шедшій тогда подъ Смоленскъ съ Товлубіемъ, встрѣтилъ Александра на дорогѣ, ограбилъ его, велѣлъ увезти въ Переяславль Рязанскій и тамъ умертвить. Коротополъ спокойно воротился во свояси отъ Смоленска. Но злодѣйство не осталось безъ мести: сынъ Александра, Ярославъ, выпросивъ въ Ордѣ войско, и Посла Ханскаго Киндяка, въ 1342 году, напалъ на Переяславль Рязанскій, гдѣ находился Коротополъ. Убійца защищался отчаянно, дрался цѣлый день, бѣжалъ, скрывался въ разныхъ мѣстахъ, и былъ убитъ въ слѣдующемъ 1343-мъ году. Киндякъ разграбилъ Переяславль, такъ, что Ярославъ,

---

(342) Воскр. лѣт. II, 310, 311.

объявленный отъ него Рязанскимъ Княземъ, принужденъ былъ поселиться въ Ростиславлѣ. Онъ скончался тамъ въ 1344-мъ году; братъ его, Василій, умеръ въ 1350-мъ году. Тогда овладѣлъ Рязанскимъ княжествомъ сынъ Коротопола, *Олегъ*, достопамятнѣйшій изъ всѣхъ Князей Рязанскихъ, врагъ Димитрія Донскаго, и союзникъ Монголовъ (343).

Заключимъ обозрѣніе наше событіями Новгородскими. Главныя уже намъ извѣстны. Разсматривая ихъ видимъ, что никогда Новгородъ не казался столь важнымъ для всѣхъ Сѣверныхъ областей и Князей Русскихъ. Поступки Новгородцевъ были исполнены сознанія собственнаго достоинства. Замѣтимъ прежде всего, что Новгородцы не принимали уже къ себѣ Князей — брали только намѣстниковъ отъ каждаго Великаго Князя. Далѣе, что не прикосновенность Монголовъ къ Новгороду способствовала умноженію богатствъ его обширными торгами въ Низовыхъ областяхъ, съ Нѣмцами, въ отдаленной Перміи и самой Сибири. Сіи богатства возбуждали всегдашнюю зависть Князей; но Новгородцы умѣли противопоставлять имъ хитрость, смѣлость, и издревле доказывая храбрость и мужество свое, смѣло

(343) Воскр. Лѣт. II, 310, 316. — Карамзинъ, т. IV, прим. 335.

принимались за оружіе, ревностно умирали за благо Новгорода, за Святую Софію, когда не могли кончить переговорами. Только однимъ средствомъ укрощали ихъ Великіе Князья: остановкою хлѣбныхъ подвозовъ и препятствіями торговлѣ. — Новогородцы не признавали власти Михаила, пока не утвердилъ его Ханъ, и и послѣ того требовали на судъ его трусливыхъ намѣстниковъ (въ 1308 г.). Такъ воспротивился Новгородъ самовластію Михаила въ 1312-мъ году, призвалъ къ себѣ Георгія (1314 года). Торжковская битва съ Михаиломъ и Монголами (1316 г.) была для нихъ славнѣе побѣды, ибо показала всю силу мужества ихъ, и заставила Великаго Князя мириться. Не менѣе смѣло приняли они Георгія послѣ битвы при Бортновѣ, дали пріютъ сему изгнаннику, и не отлагались отъ него до самой его погибели. Откупясь отъ раззоренія Монгольскаго въ 1327-мъ году, они отправили Посла своего къ Хану, съ Іоанномъ (341), оспорили притязанія Калиты на Закамское серебро, готовы были мириться съ нимъ, но не унижались; хитро устрашили его потомъ пребываніемъ Александра въ Псковѣ и Нариманта въ Ладогѣ, принудивъ наконецъ на уступку, въ 1334-мъ году. Не устрашаясь силы Московской, Новгородцы отбились въ

---

(341) Новг. Лѣт. годъ 1328-й.

Заволочьѣ, не хотѣли покориться послѣ торжества Іоаннова надъ всѣми другими (въ 1339 г.), и готовы были выдерживать битву, не уступая излишнимъ требованіямъ Москвы.

Поддерживая такой смѣлый характеръ въ главныхъ дѣлахъ, Новгородцы не стыдили себя и въ мѣлкихъ распряхъ съ Шведами, Ливоніею, и другими сосѣдями. Въ 1310 мъ году построена была ими крѣпость близъ Кексгольма. Въ 1311-мъ году дружины ихъ раззорили городъ Ванай, близъ нынѣшняго Тавастбурга въ Финляндіи. Шведы заплатили за сей набѣгъ въ 1313 году, нечаянно взявъ и испепеливъ Ладогу, а въ 1314 году, Карельцы перерѣзали стражу Карельскаго городка, и передали его Шведамъ. Новгородцы успѣли снова изгнать Шведовъ, и отмстили измѣну Карельскихъ туземцевъ. Въ смутное время, 1317 г., Шведы ограбили купцовъ Новгородскихъ на Ладожскомъ озерѣ, и на другой годъ дружины Новгородскія сожгли Або. Въ 1322-мъ году, Георгій прибылъ въ Новгородъ, рѣшась на важное предпріятіе: взять Выборгъ, съ 1293 года называвшійся оплотомъ Шведской Финляндіи. Предпріятіе оказалось неудачно, хотя цѣлый мѣсяцъ стояли подъ городомъ дружины, и 6-ю таранами били въ стѣны. Шведы тогда-же безуспѣшно осаждали Карельскій городокъ; Георгій, принужденный оставаться въ Новгородѣ, ходилъ съ Новгород-

цами, въ 1323 году, и заложилъ крѣпость въ Ладожскомъ истокѣ Невы, на кругломъ, продолговатомъ островѣ, названномъ отъ этого *Орѣшкомъ* (345). Сюда пріѣхали къ Георгію Послы Шведскаго Короля. Обѣ стороны хотѣли спокойствія, и заключили вѣчный миръ. Договоръ тогдашній сохранился, и показываетъ намъ предѣлы Новгородскихъ владѣній за Невою, отъ Финскаго залива къ Ладожскому озеру. Обезопасивъ договоромъ водяной путь изъ Балтійскаго моря, Новгородцы дополнили его въ 1326 году. Положено было включить въ миръ и Норвегію, куда не рѣдко заходили удальцы Новгородскіе, и за которую Папа просилъ Швецію вступиться (346). Миръ нарушенъ былъ въ 1337-мъ году со стороны Шведовъ. Выборгскій начальникъ, Стенъ, принялъ въ Выборгъ Кареловъ, которые разграбили Новгородскихъ купцовъ въ Карельскомъ городкѣ. Напрасно Посадникъ и Новгородскія дружины стали въ 1338 г. подъ Орѣховымъ, посылали въ Выборгъ, и просили удовлетворенія. Шведы отвѣчали гра-

---

(345) Шведы, получивъ потомъ сіе мѣсто во владѣніе, назвали его *Нетеборгомъ*; Петръ переименовалъ его *Шлиссельбургомъ* (Городъ ключъ), давая знать, что онъ пріобрѣтаетъ въ немъ *ключъ* къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ.

(346) Лербергъ, *Изслѣдованія*, стр. 186 и слѣд. — Карамзинъ, т. IV, прим. 310, 311.

бежами въ Обонежьѣ; изгономъ опять сожгли *Ладогу*, и хотѣли развоевать Вотскую область; но здѣсь встрѣтили и прогнали ихъ Копорцы. *Молодцы* Новгородскіе пошли къ Выборгу, жгли и раззоряли Шведскую область. Зимою пріѣхали Послы отъ Шведскаго Короля, увѣдомляя, что *Стенъ Воевода подѣялъ все то о своемъ умѣ*, безъ Королевской воли. Орѣховскій договоръ былъ возобновленъ, и подтвержденъ посольствомъ Новгородскимъ въ Швецію (347). — Послѣ Орѣховскаго мира, Новогородцы управлялись съ Устюгомъ. Тамошніе жители ограбили купцовъ Новгородскихъ, возвращавшихся изъ отдаленной Югорской земли (въ 1323 г.). На другой годъ, Георгій съ дружинами взялъ Устюгъ на щитъ, и Князья Устюжскіе молили его о мирѣ. Впрочемъ, Устюжане возобновили грабежи въ 1329 году; Новгородцы мстили имъ раззореніемъ Устюжны и Бѣлоозера въ 1340 году, вѣроятно, за подобныя-же насильства (348).

---

(347) Новг. Лѣт. годъ 1338-й.

(348) Новг. Лѣтоп. — Карамзинъ полагалъ, что Устюгъ принадлежалъ Князьямъ Ростовскимъ, и что Устюжскіе Князья были только ихъ намѣстники (т. IV, 199, и прим. 201). Но изъ всѣхъ соображеній выходитъ, что сей городъ, построенный въ отдаленной области, нѣкогда принадлежавшей Великому Княжеству Владимірскому (Ист. Р. Н. т. III, 274), былъ въ сіе время только зависимъ отъ него, но состав-

Новгородъ не участвовалъ въ ссорѣ Псковитянъ съ Эстляндцами, въ 1322 году. Въ мирное время, Эстляндцы перерѣзали торговцевъ и звѣроловов Псковскихъ на Наровѣ и на Чудскомъ озерѣ. Псковитяне призвали къ себѣ храбраго Литовскаго Князя Давида, и раззорили Эстляндію до самаго Ревеля. Нѣмецкій лѣтописецъ съ ужасомъ говоритъ о безчеловѣчіи, какимъ сопровождался сей походъ (349). На другой годъ, многочисленное войско Рыцарей три дня стояло подъ Псковомъ, воротилось во свояси, и черезъ два мѣсяца явилось снова, со всякими осадными орудіями. Псковъ осадили усильно, разбивали стѣны таранами, убили Посадника. Тщетно Псковитяне посылали къ Новгородцамъ. Ихъ опять спасло мужество союзника ихъ Давида. Князь Евстафій, намѣстникъ Изборскій, напалъ на обозы и занялъ вниманіе осаждающихъ; Давидъ пришелъ между тѣмъ, и внезапно началъ битву, когда осажденные

лялъ на сѣверѣ притонъ вольнаго народонаселенія, подобный Вятскимъ городамъ. См. въ началѣ VI-го тома Ист. Р. Н. изображеніе сего особеннаго рода гражданскаго быта, который образовался послѣ нашествія Монголовъ, и составлялъ на югѣ обширныя области *Казацкія*, а на сѣверѣ удалую вольницу сѣверныхъ областей.

(349) Псковск. Лѣтоп. (въ рукописи). Дуисбургъ, Chron. Pruss. стр. 394.

въ тоже время выступили изъ города. Рыцари были разбиты совершенно, и поспѣшили заключить миръ, *на всей Псковской волѣ*. Евстафій, вѣроятно такъ-же Литовскій Князь, какъ и Давидъ, долго послѣ того былъ защитникомъ Изборска, Довмонтомъ сего города. Въ 1328 году Изборскъ укрѣпили каменною стѣною. Вѣроятно, важность защиты посредствомъ Литовцевъ ободряла Псковитянъ, и побудила ихъ оказывать смѣлую защиту Александру, въ теченіе десяти лѣтъ пребыванія его во Псковѣ (350).

Новгородъ не былъ свободенъ отъ внутреннихъ смятеній. Согласные въ защитѣ отчизны, Новгородцы безпрерывно ссорились между собою на Вѣчѣ. Неизбѣжное неудобство народнаго правленія! Въ 1332 году, крамольники отняли Посадничество у Өедора Ахмыла, и отдали Захарію Михайлову, разграбивъ дворъ гражданина Судакова и села брата его Ксенофонта. Но въ томъ-же году Захарія былъ смѣненъ. Въ 1335 году, Софійская и Торговая стороны вооружились одна противъ другой, и хотѣли сражаться. Къ счастію, сильнымъ льдомъ разломало Волховскій мостъ и разлучило противниковъ; они помирились. Въ 1337 году, народъ возсталъ на Вѣчѣ противъ Юрьевскаго Архимандрита Іосифа, «наважденіемъ дьявольскимъ,»

---

(350) Псковск. Лѣт. — См. выше.

говоритъ лѣтописецъ, «и думой старого Архимандрита Лаврентія,» прибавляетъ другой (361). Іосифа заперли въ церкви Св. Николая, и стерегли его, какъ преступника, цѣлую ночь. Но «кто подъ другимъ яму копаетъ, тотъ самъ упадетъ въ нее», говорили современники, когда Іосифъ оправдался, а Лаврентія обвинили. На другой годъ Лаврентій умеръ, и соперникъ заступилъ его мѣсто.

Страшные пожары опустошали Новгородъ и другіе Русскіе города нѣсколько разъ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка. Въ 1311 г. въ Новгородѣ сгорѣло 38 дворовъ на Яневой улицѣ; черезъ мѣсяцъ, отъ Развожей улицы сгорѣлъ весь Неровскій Конецъ: однѣхъ церквей выгорѣло 42. Въ несчастный годъ сей былъ и третій пожаръ: во время страшной бури сгорѣли торговые ряды, 13-ть церквей и Нѣмецкая кирха. Въ 1326 г. сгорѣла Боянова улица, половина Рогатицы, половина Славковой улицы и одна церковь. Въ 1329 г. пожаръ опустошилъ Плотницкій конецъ; потомъ улицы Ильину и Лубяницу, съ 2-мя церквами. Но ужасный пожаръ Новгородскій 1340-го года остался надолго въ памяти народной. Началось съ Развожей улицы, и выгорѣлъ Неровскій Конецъ; при сильномъ вихрѣ, огонь ки-

(351) Новгор. лѣтописи (нап. въ М. 1781 г., и въ *Продолженіи Росс. Вивл.* т. II.

нуло въ Кремль: тамъ сгорѣли Архіепископскій домъ, соборная церковь Св. Софіи; потомъ выгорѣлъ Людинъ Конецъ, вся Софійская сторона, и даже сгорѣлъ Волховскій мостъ. Не успѣвали выносить иконъ изъ церквей, и что выносили, пламень обхватывалъ и губилъ.«Мы думали, что насталъ уже часъ нашей кончины»— говоритъ Лѣтописецъ. Бѣдствіе умножали грабители, пользовавшіеся общимъ несчастіемъ. Сильные пожары опустошили въ 1335 г. Витебскъ и Вологду; въ 1336 г. сгорѣлъ Псковскій посадъ; въ 1337 г. выгорѣлъ Торопецъ, а въ годъ страшнаго пожара Новгородскаго сгорѣлъ Смоленскъ (въ 1340 г.).—Московскій Кремль былъ опустошенъ пожаромъ въ 1331-мъ году. Въ пожарѣ 1337 года сгорѣли всѣ Московскіе посады; однѣхъ церквей разрушилось 18-ть. Ужаснымъ дождемъ послѣ того затопило Московское пожарище; имѣніе, вынесенное въ погреба и на дворы, погибло и было разнесено водою. Іоаннъ возобновилъ Кремль, и, въ 1339-мъ году, обнесъ его крѣпкими дубовыми стѣнами.

Замѣчая знаменія и примѣты, Лѣтописцы передали намъ память о затмѣніи 1321 года, когда «солнце сдѣлалось не болѣе молодаго мѣсяца двухъ дней, и по единомъ часѣ снова наполнилось», и о трехъ-часовомъ «помраченіи солнца» въ 1331-мъ году. Новгородцевъ обрадовало чудо, въ Августѣ 1339 года: у иконы Богоматери,

въ церкви Лазаря, во время вечерни, потекли слезы. На другой день собралось туда все Новгородское Духовенство, торжественно, въ облаченіяхъ, съ крестами, и при безчисленномъ множествѣ народа молилось и благодарило Бога.

Современники сохранили намъ извѣстія и о разныхъ бѣдствіяхъ естественныхъ, ужасавшихъ Русскую землю. Въ 1309 г., говорятъ они, «бысть казнь отъ Бога:» появилось множество мышей; съѣли онѣ хлѣбъ на поляхъ; сдѣлался голодъ, моръ, скотскій падежъ. «Недостатокъ запасовъ произвелъ наконецъ въ Псковскихъ и Новгородскихъ областяхъ грабежи въ 1314 году (зобница хлѣба продавалась тогда во Псковѣ по 5-ти гривенъ). Псковитяне поймали и казнили болѣе 50-ти человѣкъ разбойниковъ. Въ семъ-же году въ Твери свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Въ 1332 году проливные дожди погубили всюду обиліе; сжатый хлѣбъ проросъ въ копнахъ; голодъ и недостатокъ, отъ сего происшедшіе, остались въ памяти народной подъ именемъ *рослой ржи.*—Въ 1338-мъ году, въ Волховѣ было сильное полноводье: «вода велика, яко-же не бысть таковая николи-же, и снесе великаго моста 10-ть городень; тогда-же и Жилотужскій мостъ снесе, и сотворися зло велико.» Дѣятельный Владыка Василій утѣшалъ Новгородцевъ; на свое иждивеніе возобновилъ онъ мостъ, и самъ, своими руками, началъ

рабошу, «много добра сошворивъ Христіанамъ.» Предки наши услаждались въ бѣдствіяхъ надеждою, что Богъ посылаешъ имъ наказаніе за грѣхи, и что покаяніе отвращаетъ бѣды. Съ горестію говорили они объ ожесточеніи злыхъ, и предвѣщали имъ муку вѣчную; съ любовью благословляли добрыхъ и благодѣтельныхъ, прибавляя къ преданіямъ объ нихъ чудеса и знаменія. Такъ о Владыкѣ Василіи была молва въ Новгородѣ, что когда поставилъ его Митрополитъ Ѳеогностъ на Архіепископію Новгородскую — явилось знаменіе на небесахъ: надъ церковью спала свѣтлая звѣзда. Исчисляя труды и благодѣянія его, Лѣтописцы прибавляютъ: «Дай ему Богъ, и Святая Софія Премудрость Божія, отпущеніе грѣховъ, въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ, со всѣми дѣтьми его, съ Новгородцами (352).

---

(352) Спр. Новг., Псковск., Воскрес., Архант., и примѣчанія къ IV-му т. Ист. Г. Р., гдѣ выписки изъ разныхъ списковъ лѣтописей.

Конецъ четвертаго тома.

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ IV-му ТОМУ

ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

I.

Повѣсть умильная о нашествіи злочестиваго царя Батыя на Русскую землю.

Хощу рещи, о друзи и братіе! повѣсть, яже не точію человѣки, но и безсловесные скоты и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачъ, и глаголаніе: *горе* и *увы!* Но паче, кто можетъ словомъ представити на сущихъ тогда Христіанъ изліянную чашу *пелыни* Божія суда, или серпъ онъ, его-же Пророкъ видѣ, пожинаяй и искореняяй все нещадно, или мечъ, иже не точію обезчадствовати могій, но съ чады и родившихъ пожинаяй немилостивно! И кто можетъ словомъ представити, Христе милостивый! постигшая тогда злая Христіанскій родъ, за умноженіе грѣхъ нашихъ — глаголю, безбожнаго Батыя нашествіе на Русскую землю (*)!

— Пріидоша отъ Восточныя страны, зимѣ, на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожніи Татарове съ Царемъ Батыемъ, и пришедше сташа первѣе станомъ по Онузѣ, и взяша ю; и оттолѣ послаша Послы своя, жену чародѣицу и

(*) Сіе начало взято изъ *Костромской Лѣтописи*. Слѣдующее за тѣмъ выписано все изъ *Софійскаго временника*, изд. П. М. Строевымъ.

два мужа съ нею, ко Князем Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: въ Князехъ, и въ людехъ и въ конехъ, въ бѣлыхъ, въ вороныхъ, въ бурыхъ, въ рыжихъ, въ пѣгихъ. Князи-же Рязанстіи, Юрій Ингоровичъ, братъ его Олегъ Ингоровичъ, и Муромские и Пронскіе, не пустячи къ городомъ, сташа противу, выѣхавъ въ Воронежъ, и рекоша Князи: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ.» И оттолѣ пустиша ихъ къ Юріевя въ Володиміръ; и начаша воевати землю Рязанскую, и плѣниша ю до Пронска; а изъ Володиміра пустиша ихъ отъ *Нухлѣвъ* Татары въ Воронежъ. Послаша-же Князи Рязанстіи ко Князю Юрію Володимірскому, просяще-же себѣ помощи, или самому пойдти; Князь-же Юрій самъ не пойде, ни послуша Князей Рязанскихъ мольбы, но восхотѣ самъ особь брань сотворити. Но уже бяше Божію гнѣву не противитися, яко же речено бысть древле Інсусу Навину Господемъ, егда веде я Господь на землю Обѣтованную: «тогда,» рече, «азъ послю на ня преже васъ недоумѣніе и грозу, и страхъ, и трепетъ.» Тако же и преже сихъ отъ насъ Господь силу отня, а недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша (*). Тогда иноплеменницы

(*) См. далѣе вставку и перемѣну въ разсказѣ о взятіи Рязани, изъ *Костромской Лѣтописи*, статья 1.

оступиша градъ Рязань, Декабря въ 16-й, и острогомъ оградиша; Князь-же Рязанскій затворися въ градѣ съ людьми. Татарове-же взяша градъ Рязань, того-же мѣсяца въ 21-е, и пожгоша весь, и Князя Юрія убиша, и Княгиню его, а иныхъ емше мужъ, жены и дѣти, чернци и черници и Іереи, овыхъ разсѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху, и во огнь вмешаху; иные имающе вязаху; и черницамъ, и попадьямъ, и женамъ добрымъ, и дѣвицамъ, предъ матерьми и сестрами, поруганія много чиняху (а Епископа ублюде Богъ, отъѣха прочь въ той годъ, когда рать оступила градъ). Многи-же святыя церкви огневи предаша, а монастыреве и села пожгоша, и имѣніе немало обою страну взяша, и потомъ поидоша на Коломну. И кто, братіе, о семъ не поплачется, кто ся насъ осталъ живыхъ, како ону нужную и горькую смерть подъяша; да и мы то видѣвше устрашилися быхомъ, и грѣховъ своихъ плакалися, съ воздыханіемъ день и нощь, пекущеся не о имѣніи, ни о ненависти братни! Тое-же зимы пойде Всеволодъ, сынъ Юріевъ, внукъ Всеволожъ, и Князь Романъ Ингоровичъ, съ своими вои, изъ Володиміра противу Татарамъ; Князь-же Юрій Володимірскій посла Еремѣя Глѣбовича въ сторожѣхъ воеводою, и сняся со Всеволодомъ и съ Романомъ. И оступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крѣпко, и бѣ сѣча велика, и

прогнаша ихъ къ *надолбамъ*, и шу убиша Князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремѣя, и иныхъ много мужей побиша, а Всеволодъ въ малѣ дружинѣ прибѣжа въ Володиміръ. А Татарове поидоша къ Москвѣ, и взяша Москву, и воеводу убиша Филипа Нянка, за правовѣрную вѣру Христіанскую, и Князя Володиміра руками яша, сына Юріева, а люди избиша, отъ старецъ и до младенецъ, и много имѣнія взяша и отыдоша. Тое-же зимы выѣха Князь Юрій изъ Володиміра, урядивъ сыны своя въ свое мѣсто, Всеволода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ сыновцы своими, съ Василькомъ, и со Всеволодомъ, и съ Володиміромъ, и ста на Сити станомъ, ждучи къ себѣ братью свою, Князя Ярослава и Святослава съ полки. И нача Князь Юрій Всеволодичъ полки совокупляти противу Татаромъ, а Жирославу Михайловичу приказа воеводство въ дружинѣ своей. Тогда пріидоша множество кровопроліицъ Христіанскихъ, безъ числа, аки прузи, къ Володиміру, мѣсяца Февраля въ 3-й день, во вторникъ, прежде мясопуста за недѣлю, а Володимірци затворишася во градѣ со Всеволодомъ и Мстиславомъ; а воевода бѣ у нихъ Петръ Осладуковичъ. Володимірцамъ-же не отворяющимся, Татарове-же пріѣхаша къ Золотымъ воротамъ, водящи съ собою Княжича Володиміра Юріевича, и начаша впрашати: « Великій Князь Юрій есть-ли въ

городѣ?» Володимірци пустиша по стрѣлѣ на Татары; Татарове противу пустиша тако-же по стрѣлѣ на городъ, и на Златыя врата; и посемъ рекоша Володимірцамъ Татарове: «Не стрѣляйте.« Они-же престаша стрѣляти, и прійдоша близъ ко вратамъ, и показаша имъ Володиміра, и рекоша Татарове Володимірцамъ: «знаете-ли Княжича вашего?»Бѣ бо унылъ лицемъ, и изнемоглъ бѣдою отъ нужа. Всеволодъ-же и Мстиславъ, стояста на Златыхъ воротехъ, познаста брата своего Володимера. О умиленное брата видѣніе и слезъ достойно! Всеволодъ-же и Мстиславъ, съ Бояры своими, и вси гражане, плакахуся, зряще Володиміра; Татарове-же отступиша отъ Золотыхъ воротъ, и объѣхаша весь градъ, и станы сташа предъ Златыми вороты, яко зрѣемо, и много множество вой около всего града. Всеволодъ-же и Мстиславъ сжалистася, брата дѣля своего Володиміра, и рекоша всей дружинѣ, и Петру воеводѣ: «Братіе! луче ны есть умрети предъ Златыми враты, за Святую Богородицу и за православную вѣру, неже въ воли ихъ быти!» Воевода-же Петръ Ослатинъ, и оба Князя, рекоста: «Си вся наведе Богъ на ны грѣхъ ради нашихъ!» Яко-же Пророкъ глаголетъ: нѣсть человѣку мудрости, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви; се створися зло въ Суздальской земли велико, яко-же тако во зло отъ

крещенія не бывало, яко-же бысть нынѣ; но тамъ то оставимъ, на преднее возвратимся. Татарове-же станы своя урядивъ около града Володиміра, а сами шедше взяша градъ Суздаль, и святую церковь Богородичу разграбиша, а дворъ Княжъ огнемъ пожгоша; а что людей, старые и молодые, черицы и черницы, и слѣпые, и хромые, и глухіе, тѣхъ всѣхъ изсѣкоша; а прочіе люди, и жены, и дѣти, босые, безкровенные (взяша), издыхающимъ имъ отъ мраза; и бѣ тогда видѣти трепетъ велій злѣ: то все множество полона сведоша въ станы своя (*). А сами пріидоша къ Володиміру въ субботу Мясопустную, и начаша лѣсы и пороки ставити, отъ утра и до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города. И бысть наутріе, увидѣвъ Князь Всеволодъ и Владыка Митрофанъ, яко уже взяту быти граду, и внидоша въ церковь Святую Богородичу, и стригошася вси въ Ангельскій образъ отъ Владыки Митрофана. И приступиша къ городу, въ недѣлю Мясопустную, по заутрени, безбожніи Татарове, Февраля въ 7-й день, и зайдоша отъ Златыхъ воротъ, у Святаго Спаса, и внидоша по примету въ градъ чрезъ стѣну, а сюду отъ сѣверныя сто-

---

(*) См. Дополненіе, изъ *Костромской Лѣтописи*, о сохраненіи Богородицкаго монастыря въ Суздалѣ, *статья* 2.

роны, отъ Лыбеди, ко Иринннымъ воротамъ, а отсюду, отъ Клязмы, къ Волжскимъ воротамъ, и тако взяша вскорѣ градъ до обѣда Новый, и запалиша огнемъ. Бѣжа-же Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людіе въ Печерній городъ; а Епископъ Митрофанъ, и Княгиня Юріева, съ дщерію, и съ снохами, и со внучаты, и прочія Княгини, и множество Бояръ, и людей, затворишася въ церкви Святыя Богородицы въ палатахъ, и тамо огнемъ безъ милости запалиша. Помоли-же ся боголюбивый Епископъ Митрофанъ, глаголя: « Господи Боже силъ, Свѣтодавче, сѣдяй на Херувимехъ, и научивый Іосифа, и укрѣпивый Давыда Пророка на Голіаѳа, воздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку твою невидимую, и пріими съ миромъ души рабъ твоихъ! » Татарове-же отбивше и отвориша двери церковныя, и наволочивше лѣса около церкви и въ церковь, и зажгоша, и издохошася отъ великаго зноя вся сущая ту люди; иніи-же огнемъ скончашася, а иныхъ оружіемъ до конца предаша смерти; а святую церковь разграбиша, и чудную икону самыя Богоматери одраша. И пойдоша на Великаго Князя Юрія оттолѣ; овіи-же идоша къ Ростову, а иніи къ Ярославлю, а иніи на Волгу, и на Городецъ, и тѣ поплѣниша все по Волзѣ и до Галича Володимірскаго; а иніи идоша къ Переяславлю, и тотъ градъ взяша;

отполѣ всю ту страну и городы поплѣниша мнози: Юрьевъ, Димитровъ, Волокъ, Тверь (ту-же и сына Ярославля убиша), и до Торжка нѣсть мѣста гдѣ не воеваша; а на всей Ростовской и Суздальской землѣ взяша городовъ 14-ть, опричь свободъ (слободъ) и погостовъ, въ одинъ мѣсяцъ Февраль. Кончавающуся лѣту 45-му приде вѣсть великому Князю Юрію, яко «Володиміръ взятъ, и церковь Соборная, и Епископъ, и Княгиня, съ дѣтьми и снохами, и со внучаты, огнемъ скончашася, а старѣйшая сына твоя, Всеволодъ съ братомъ, въ Новомъ городѣ убіена быста, а люди избывшіе къ тебѣ идутъ.» Онъ-же си слышавъ, возопи гласомъ веліимъ, съ плачемъ и съ слезами, по правовѣрной вѣрѣ Христіанстей, паче и о церкви, и Епископа ради, и людей (бяше бо милостивъ), нежели себѣ, ни жены, ни дѣтей; и восклицаше изъ глубины сердца, съ воздыханіемъ, глаголаше: «Господи! се-ли годѣ бысть твоему милосердію?» Новый бысть Іовъ терпѣніемъ и вѣрою, еже къ Богу. И сице ему молящуся со слезами, и иное много въ тузѣ си глаголаше; «Охъ мнѣ, Владыко! нынѣ-же что ради остахъ азъ единъ (*)!

(*) См. Дополненіе изъ *Костромской Лѣтописи*, о битвѣ Евпатія съ Татарами, и пріѣздѣ въ Рязань Князя Ингваря, статьи 3-я и 4-я.

Князь-же Юрій посла Дорожа въ *просоки*, въ 3-хъ мужъ, и прибѣжа Дорожъ, рече: «А уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» То-же слышавъ Князь Юрій, всѣдъ на конь свой, съ братомъ своимъ Святославомъ, и съ сыновци своими, съ Василькомъ Константиновичемъ, и со Всеволодомъ и Володиміромъ, и съ мужи своими, и пойдоша противу поганыхъ. И нача Князь полки ставити около себѣ, и се внезапу приспѣша Татарове на Сить, противу Князю Юрію; Князь-же Юрій отложивъ всю печаль, и пойде къ нимъ, и соступишася обоихъ полци, и бысть сѣча зла и велика, и побѣгоша предъ иноплеменники, и ту убіенъ бысть Великій Князь Юрій Всеволодичъ, на рѣцѣ на Сити, и вой его много побиша. А Василька Константиновича руками яша, и ведоша въ станы своя съ великою нужею, и дошедше Рѣнскаго лѣса, и сташа станы ту, и нудиша Василька много проклятіи, безбожные Татарове въ поганской быти воли ихъ, и воевати съ ними. Онъ-же не повинуяся обычаю ихъ никако-же, не покорися беззаконію ихъ, ни брашна, ни питія ихъ не прія, но сице противу имъ глаголаше: «О глухое царство и скверненное! никако-же меня отлучите отъ Христіанскія вѣры; аще и въ велице бѣдѣ есмь вельми, но се ми Богъ наведе, грѣхъ моихъ ради; Богу како отвѣтъ дасте, занеже многи есте безъ правды побѣдили

души, ихъ-же ради мучити вы имать Богъ въ безконечные вѣки, истяжетъ бо Господь души тѣхъ, ихъ-же есте погубили!» Они-же скрежеташа нань зубы своими, желающе насытитися крови его. Бѣ бо лице его уныло отъ многаго томленія отъ поганыхъ, и весь разливаяшеся слезами, поминая преже сотворенные грѣхи; и тако возведъ очи своя на небо, и рече: «Господи! ты вѣси вся тайная сердца моего, и вся моя мысли, и сице годѣ бысть твоему милосердію!» И второе помолися, глаголя: «Господи Іисусе Христе, помогавый мнѣ многажды! избави мя отъ плотоядецъ сихъ, Господи Вседержителю и нерукотворенный Царю, спаси любящихъ тя! Прощеніе еже азъ прошу, дайже ми; помози Христіанамъ, и спаси раба твоего, и чада моя Бориса и Глѣба, и отца моего Епископа Кирилла, и жену мою Марію.!» И паки третіе помолися, глаголя: «Благодарю тя, Господи, Боже мой! кую похвальную память свою вижу, яко благая моя память желѣзомъ погибаетъ, и тонко ми тѣло увядаетъ!» И прочее въ мысли сердца своего тайно воздыхаше, и моляшеся Богу: «Господи Іисусе Христе, Вседержителю! пріими духъ мой, да и азъ почію въ славѣ твоей!» И се рекъ, и ту абіе убіенъ бысть. Си злоба ключися мѣсяца Марта въ 4-й день, въ четвергъ четвертыя недѣли Поста. Блаженный-же Епископъ Кириллъ, иде съ Бѣла-

озера (тамо избывъ ратныхъ), пріиде на мѣсто, гдѣ Великаго Князя Юрія убили, и обрѣте тѣло его; вземше-же тѣло его, и принесе въ Ростовъ, и пѣвъ надъ нимъ обычная пѣнія, съ Игумены, и съ Попы, и клирошаны, со многимъ плачемъ положиша и во гробъ, въ церкви Святыя Богородицы. Васильку-же убіенну, и поверженну на лѣсѣ, и видѣ етера (нѣкая) жена вѣрна, и повѣда мужу богобоязниву, и взяша тѣло его, и плащаницею обвивъ, и положиша и въ скровеннемъ мѣстѣ; и увѣдавше-же се Епископъ Кириллъ, и Княгиня Василькова, пославше взяша тѣло его. Яко понесоша въ градъ Ростовъ, и многое множество народа изыдоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше таковаго утѣшенія. Видяще-же, возлюбленніи, сію суету житія человѣча, иже вчера славою украшенъ, и гордяся въ Боярехъ, а нынѣ персть и прахъ вмалѣ является, и вскорѣ погибаетъ, помянемъ своя грѣхи и покаемся. Плачъ-же бысть многъ народа правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, отходящимъ и печальнымъ великое утѣшеніе, омраченнымъ звѣзду свѣтоносну зашедшу; на весь бо священскій чинъ отверзты имуще очи сердечны, и ко всѣмъ церковникомъ, и къ нищимъ, и печальнымъ, яко возлюбленный бяше отецъ; паче и на милостыню, поминая слово Господне, глаголюще: блажени милостивіи, яко тіи помило-

вани будушъ. Соломонъ глаголешъ: милосшынею и вѣрою грѣхи очищаюшся. Тѣмъ-же не погрѣши надежа, его-же просяше у Бога Господа: спаси любящихъ шя! Сего-бо блаженнаго Василька причше Богъ смерши Андреевѣ, кровію мученическою омывъ своя согрѣшенія, съ ошцемъ своимъ Георгіемъ и съ брашомъ своимъ; се-бо чудно есшь: и по смерши совокупилъ Богъ шѣлеса ихъ. И принесоша Василька, и положиша и въ церкви Свяшыя Богородицы, идѣ-же маши его лежишъ; не бѣ слышаши пѣнія во мнозѣ плачѣ. Бѣже Василько лицемъ красенъ, очима свѣшелъ, и грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловѣхъ *вазнивъ*, сердцемъ легокъ; а кшо ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, шой за его любовь никако-же не можаше у иного Князя быши и служиши, излише-бо слуги своя любляше; мужесшво и умъ въ немъ живяше; правда-же и исшина съ нимъ ходисша, бѣ-бо всему хишръ, и посѣде въ добрыхъ денехъ на ошнѣ сшолѣ и дѣднѣ. И шогда-же принесоша главу Великаго Князя Юрія, и вложиша ю въ гробъ къ его шѣлу. Но не преда-же насъ до конца имени Твоего ради: шако шіи скончашася судомъ Божіимъ, яко-же слышасше, а инымъ-же Княземъ Богъ повеле жиши человѣколюбіемъ своимъ въ Русской земли, Хрисшіанскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла вѣра Хрисшіанская; гониша поганіи по нихъ, и не обрѣшоша и,

Богъ избави ихъ отъ руку иноплеменники: благочестиваго и правовѣрнаго Князя Ярослава, и съ правовѣрными его сынами; бѣ-бо у него сыновъ шесть: Александръ, Андрей, Константинъ, Аѳанасій, Данило, Михайло; Святославъ, съ сыномъ Дмитріемъ, и Иванъ Всеволодичъ, и Василій, и Володимiръ Константиновичъ, и Васильковича два, и сіи вси сохранены быша молитвами Святыя Богородицы. Оттолѣ пріидоша окаянніи Измаильтяне, оступиша городъ Торжокъ, на сборъ по Ѳедоровѣ недѣли, и бишася пороки по двѣ недѣли, и изнемогоша людіе въ городѣ, а изъ Новагорода не бысть имъ помочи (но уже кой-же сталъ себѣ въ недоумѣніи и страсѣ); и тако поганіи взяша градъ Торжокъ, и изсѣкоша вся, отъ мужеска полу и до женска, и Іерейскій чинъ, и черноризскій, и все изообнажено и поругано, бѣдною и нужною смертію предаша душа своя Господеви, мѣсяца Марта въ 5-й день, на средохристіе; ту-же убіени быша Иванко Посадникъ Новгородскій, Якимъ Влунковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михайло Моисеевичъ. Тогда-же гнашеся безбожніи отъ Торжка *Серегерскимъ* путемъ, ловны до Игнача Креста, и вси людіе сѣкущи, аки траву, за сто верстъ до Новагорода не дошли; Новгородъ-же заступи святая Софія, соборная Апостольская церковь, и святый великій преподобный Кириллъ, Архіепи-

скопъ Александрійскій, и святыхъ правовѣрныхъ Архіепископовъ молитва, и благовѣрныхъ Князей, и правовѣрныхъ черноризецъ и Iерейскаго собора. Да кто, отцы, и братія, и дѣти, видѣвше Божіе попущеніе се на всей Русской земли, и не плачется? Батый-же отселѣ воротися, и пріиде къ городу Козельску, будущу въ немъ Князю младу, именемъ Василію. Увѣдавше-же окаяннія, яко умъ крѣпкодушевенъ людіе имѣютъ въ городѣ, словами лестными невозможно есть пріяти града; Козляне-же совѣтъ сотвориша: не вдатися Батыеви; рекоша къ себѣ: « Аще Князь нашъ младъ есть; но положимъ животъ свой занъ, и здѣ славу сего свѣта пріемши, и тамо небесные вѣнцы отъ Христа Бога пріимемъ. » Татаромъ-же біющимся у града, пріяти хотящимъ, разбившимъ стѣны градныя, и взыдоша на валъ; Козляне-же ножи рѣзахуся съ ними; совѣтъ-же сотвориша изыйдти изъ града противу имъ на полки ратные, и исшедше изъ града, и изсѣкоша *праща* ихъ (самострѣлы?), нападше на полки ихъ, и убиша отъ Татаръ 4,000, а сами избіени-же быша. Батый-же взя градъ Козелескъ и изби, не пощаде и до отрочатъ, сосущихъ млеко; а о Князи Василіи невѣдомо есть; иніи глаголаху, яко въ крови утонулъ есть, понеже убо бѣ младъ. Оттолѣ-же въ Татарехъ не смѣяху рещи: *градъ Козелескъ*; но звахутъ я: *злый градъ*, понеже бяшетъ

билися у града того по семь недѣль, и убиша отъ Татаръ три сыны Темничи; Татарове искахуть ихъ, и не обрѣтоша и въ множествѣ трупія мертвыхъ. Батыеви-же вземшу Козелескъ, и пойде въ землю Половецкую.

Нача Батый посылати на грады Рускіе. Посланніе-же Батыевы, пришедше въ Русь, взяша градъ Переяславль, и церковь Архангела Михаила сокрушиша, и Епископа Симеона убиша, и люди вся сущая въ градѣ, овыхъ избиша, а иныхъ плѣниша, а сосуды церковные безчисленные, златые и сребряные, и драгокаменные взяша. А иную рать посла на Черниговъ; пришедши-же посланніи оступиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ; слышавше Князь Мстиславъ Глѣбовичъ нападеніе иноплеменныхъ на градъ, и пріиде на ня съ своими вои, и бившимся имъ крѣпко (лютъ-бо бой имъ бысть у Чернигова), и оже и тараны на ны поставиша, и меташа нань каменіемъ въ полтора перестрѣла, а камень яко-же можаху четыре мужи подняти. И побѣженъ бысть Мстиславъ, и множество отъ вой его избіено бысть, и градъ взяша и запалиша огнемъ, а Епископа оставиша жива, и ведоша въ Глуховъ; а оттолѣ пріидоша къ Кіеву съ миромъ, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володиміромъ, и съ Даніиломъ (?).

Менгу-Канови-же пришедшу сглядати Кіева, и ставшу ему на оной странѣ рѣки Днѣпра, у

градка Песочнаго, и видѣвъ градъ, и удивися красотѣ его и величеству его; и присла послы своя къ Михаилу, и къ горожанамъ, хотя прельстити ихъ, и не послушаша его. Потомъ Михаилъ бѣжа по сыну своемъ предъ Татары въ Угры; а Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ Смоленскаго, сѣде въ Кіевѣ. Даніилъ-же ѣха нань, и ятъ его, и дасть Кіевъ въ руцѣ Дмитрови, обдержати противу иноплеменныхъ языкъ, безбожныхъ Татаръ. Въ то-же лѣто пріиде Батый къ Кіеву въ силѣ тяжцѣй, много множество силы его, и окружи градъ, и оступи сила Татарская, и бысть градъ въ обдержаніи велице; и бѣ Батый у града, и вся сила его безбожная обсѣдаху градъ, и не бѣ слышати во градѣ глаголюща другъ къ другу въ скрыпаній тѣлегъ его, и множествѣ ревенія велблюдъ его, и ржанія отъ гласа коннаго стадъ его, и бѣ исполнена земля Русская ратныхъ. И яша отъ нихъ Татарина, именемъ Торвула, и той исповѣда всю силу безбожнаго Батыя; а се бяху его братія, сильніи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бюрюй, Кайданъ, Бечякъ, и Менгуй, и Кююкъ (иже вратися, о смерти увѣдавъ Кановѣ, и бысть Канъ, не отъ роду его, но бѣ воевода его первый), Себѣдяй Богатуръ, и Бурундай, и Бастырь, иже взяша Болгарскую землю и Суздальскую, и иныхъ воеводъ много, ихъ-же не писахомъ здѣ. Постави-же Батый пороки къ го-

роду, подлѣ врата Лядская (ту-бо бѣяху дебри); пороком-же біющимъ день и нощь безпрестани, и выбиша стѣны; и ту бѣ видѣти ломъ копейный, щитомъ скепаніе, и стрѣлы омрачиша свѣтъ. Побѣжденымъ бывшимъ горожанамъ, и Дмитрови ранену бывшу, и взыдоша Татарове на стѣны, и сѣдоша того дени и до нощи; гражане-же создаша другій градъ, около Святыя Богородицы. На утріе-же пріидоша на ня, и бѣ сѣча велика межи има; людемъ-же инымъ взбѣгшимъ на комары церковныя съ товары своими, и отъ тягости людей повалишася комары, и стѣны церковныя съ ними, и пріятъ бысть градъ безбожными на Николинъ день. Дмитра-же изведоша язвена, и не убиша его, мужества ради. Батыю-же вземшу градъ Кіевъ, и слышавшу ему о Даніилѣ, яко въ Угрехъ есть, и пойде самъ къ Володиміру, и пріиде къ городу Колодяжену, и поставивъ пороковъ дванадесятъ, и не може проразити стѣнъ городныхъ, и нача перемолвливати люди; они-же, послушавше злаго совѣта его, предашася, и сами избіени быша. Оттолѣ-же пріиде къ Каменцу, граду Изяславлю, и взя его; и видѣвъ-же Кременецъ, градъ Даніиловъ, и не возможе взяти его (бѣ-бо крѣпокъ вельми), и отыде отъ него. И пріиде къ Володиміру, и взя его копіемъ, изби вся, не пощаде ни единаго-же; тако-же и градъ Галичъ взя Волынскій, и иныхъ градовъ

Русскихъ много взя, имъ-же и числа нѣсть (*). Дмитрови-же, Кіевскому Тысячскому Даніилову, рекшу Батыеви: «Не мози *стряпати*, въ земли сей долго; время ти уже идти на Угры; аще-ли стряпаеши, земля та есть сильна, сберутся на ты, и не впустятъ тя въ землю свою» (про то-же рече ему, видѣ землю гибнущу Русскую отъ нечестиваго). Батый-же послуша совѣта Дмитрова, и иде въ Угры. Король-же Бела, и Коломанъ, срѣтоша Батыя у Солоныя рѣки, и бившимся обоимъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрове; Татарове-же гнашася по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по побѣдѣ три лѣта, и воеваша до Володавы и по озерамъ, возвратишася въ землю свою, много зла сотвориша Христіанамъ (**).

(*) См. Дополненіе изъ *Костромской Лѣтописи*: Легенда о защищеніи Смоленска Меркуріемъ, *статья* 5.

(**) См. Дополненіе изъ *Костромской Лѣтописи*, эпилогъ Умильной повѣсти, *статья* 6-я.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПЕРЕМѢНЫ

ИЗЪ КОСТРОМСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

1. *Нашествіе на Рязань.*

Услышавъ Князь Великій Георгій Ингоревичъ, что нѣтъ ему помощи отъ Великаго Князя Георгія Всеволодича Владимірскаго, и вскорѣ посла по братію свою, по Князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по Князя Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по Всеволода Пронскаго, и по прочіе Князи, и по Князя Ольга Краснаго. И начаша совѣщавати, яко нечестиваго подобаетъ дары утоляти. И посла сына своего, Князя Ѳеодора Георгіевича, къ нечестивому Царю Батыю, съ дары, и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Князь-же Ѳеодоръ пріиде къ Батыю на Воронежъ, съ дары и моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли: безбожный-же Царь Батый, льстивъ и немилостивъ, дары прія, и охабися лестію, что не воевати Рязанскія земли, и ярясь и хвалясь воевати Русскую землю. И нача просити у Рязанскихъ Князей дщерей и сестръ себѣ на ложе. И нѣкіи отъ вельможъ Рязанскихъ, завистію *насочи* безбожному Царю Батыю на

Князя Θеодора Георгіевича Рязанскаго, яко имѣетъ у себя Княгиню отъ Царскаго рода, а лѣпотою красна зѣло. Царь-же Батый, лукавъ сый и немилосердъ, въ невѣріи своемъ порѣваемъ, и въ похоти плоти, рече Князю Θеодору Георгіевичу: «Даждь ми, Княже, видѣти жены твоея красоты.» Благовѣрный-же Князь Θеодоръ посмѣявся, и рече: «Не подобно есть намъ, Христіанамъ, къ тебѣ, нечестивому Царю, водити жены своя на блудъ; аще преодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши.» Безбожный-же Царь Батый разъярився, и повелѣ благовѣрнаго Князя Θеодора Георгіевича убити вскорѣ, и иныхъ многихъ.

По нѣколицѣхъ-же днехъ убіенія его, благовѣрная Княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцѣмъ *храмѣ* своемъ, и держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное чадо свое, Князя Ивана Θеодоровича *Постника*, и поглядающи ласковаго и любимаго своего супруга, благовѣрнаго Князя Θеодора Георгіевича, да видитъ его въ радости, когда пріидетъ отъ нечестиваго Царя Батыя. И абіе, вмѣсто радости, услыша таковые смертоносные глаголы, яко сожитель ея, благовѣрный Князь Θеодоръ Георгіевичъ, любви ея ради и красоты, отъ Батыя убіенъ бысть. И абіе наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего, и съ сыномъ своимъ, со Княземъ Иваномъ, на среду земли,

и заразися до смерти. И оттолѣ прозвася мѣсто то: *заразъ*, зане-же *заразися* ту Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ (*). Слышавъ-же Князь Великій Георгій Ингоревичъ убіеніе возлюбленнаго сына своего Князя Ѳеодора, и иныхъ Князей и нарочитыхъ людей многое побіеніе отъ нечестиваго Батыя, и начаша плакатися жалостно, съ Великою Княгинею, и съ братіею своею. И начаша съ братіею своею, и съ прочими тѣми Князи, совокупляти войско. И учредиша полки, и рече къ братіи своей: «Господія моя, милая братія! аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, то злыхъ-ли не потерпимъ? Лучше намъ смертію животъ купити, нежели въ поганой вѣрѣ быти. Се убо братъ вашъ напередъ васъ испивъ чашу смертную за святыя Божія церкви, и за вѣру Христіанскую, и за свое отечество.» И поидоша въ Соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, молящеся со слезами. И даде послѣднее цѣлованіе Кня-

---

(*) К. Ѳ. Калайдовичъ говоритъ (*Письма объ Арх. изслѣд. въ Ряз. губ.* стр. 71), что разсказъ о смерти Евпраксіи взятъ списателемъ *Костромской Лѣтописи* (въ XVII вѣкѣ, къ которому сія Лѣтопись относится) изъ Макаріевой *Минеи-Четіи*, начала XVI-го вѣка. Слѣдовательно: Лѣтописатель *не выдумалъ* сей разсказъ. Любопытно: гдѣ взялъ онъ другія подробности, и что служило источникомъ Макарію?

сынѣ Агрепинѣ Ростиславичѣ. И пріимъ благословеніе отъ Епископа, и отъ всего священнаго собора. И поидоша противъ нечестиваго царя Батыя. И срѣтоша его близъ предѣлъ Рязанскихъ... И нападоша на поганыхъ, и начаша битися крѣпко и мужественно. И бысть сѣча ужасна, и многія Батыевы сильнія полци падоша. Но обаче Батыевѣ силѣ велице сущи зѣло, яко единому Рязанцу битися со стомъ Татаромъ, и тако побіено бысть Рязанское воинство, и благовѣрный Великій Князь Георгій Игоревичъ, и братія его, Князь Давидъ Муромскій, и Князь Глѣбъ Коломенскій, и Князь Всеволодъ Пронскій, и иные Князи, и мѣстные воеводы, и вси удальцы Рязанскіе, вси купно умроша, и ни единъ отъ нихъ вспять возвратися, единаго Князя Олга Краснаго жива яша, изнемогшаго отъ великихъ ранъ. Видѣвъ-же его Царь Батый просиа вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити; Князь-же Олегъ Игоревичь нарече его безбожна, и врага Христіянскаго: окаянный-же Батый разъярився, и повелѣ вскорѣ Князя Олга ножи на части раздробити. И видѣ силы своея много побіенны, и разъярися зѣло, и нача Рязанскую землю воевати, и повеле бити, и сѣщи, и жещи безъ милости: и градъ Пронскъ, и Бѣлградъ, и Ижеславецъ разори до основанія, и вся люди безъ милости изсѣкоша. И течаше кровь Христіан-

ская, яко рѣка сильная за грѣхи наша. И пойдоша ко граду Рязани, и обступиша градъ, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево воинство примѣняющеся, а гражане истомишася, и мнози побіени быша и уранены. А въ шестый день рано пріидоша поганіи ко граду, овіи со огни, а иніи съ топоры, а иніи съ пороки, и съ *токмаги*, и съ лѣствицами; и взяша градъ Рязань, мѣсяца Декабря въ 21 день; и пріидоша въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы; и великую Княгиню Агриппину, матерь Великаго Князя, и съ снохами, и съ прочими Княгинями, изсѣкоша, и священническій и мнишескій чинъ огню предаша; жены-жъ, и инокини, и дѣвицы оскверняху предъ всѣмъ народомъ; и церкви и монастыри пожгоша; и люди вся изсѣкоша, мужи и жены и чада; и не бѣ стонущаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадехъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаще. Сія вся найдоша грѣхъ ради нашихъ. Епископа-жъ тогда не бысть во градѣ; Татарове-жь все узорочье и богатство Рязанское и *Черниговское* взяша, и градъ сожгоша, и пойдоша къ Коломнѣ.

2. *Сохраненіе Богородицкаго монастыря въ Суздалѣ.*

Точію сохрани Господь Богъ преславнымъ образомъ дѣвичь монастырь Положенія Ризы Пре-

[illegible] ческое
[illegible] енная Өео
[illegible] Великаго К
[illegible] , на
[illegible] покры
[illegible] , моли
[illegible] йскую г
[illegible] , и въ и
[illegible] , и посѣчен
[illegible] безбожны
[illegible] , празомъ и г
[illegible]

[illegible] *Татарами.*

[illegible] стояще станы,
[illegible] земли в
[illegible] , и мечи [illegible].
[illegible] Русских
[illegible] , въ Черн
[illegible] Игоревичемъ;
[illegible] зловѣрна
[illegible] малою др
[illegible] въ земл
[illegible], грады ра
[illegible], и люд
[illegible] въ водѣ и
[illegible], воскрич
[illegible] сердцем
[illegible] дружины, що

чію 1700 человѣкъ, которые Богомъ соблюдены быша внѣ града; и погнаша во слѣдъ безбожнаго Царя Батыя, хотяще мстити кровь Христіанскую, и угнаша его въ земли Суздальской. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сѣщи безъ милости, и смятошась полки Татарскіе, Татарове-жъ сташа яко піяны, или неистовы. Евпатій-же тако ихъ біяше нещадно, яко и мечи его притупитась, и емля Татарскіе мечи, сѣчаше ихъ, Татарскіе полки проѣзжая; они-же мняще, яко мертвіи возсташа, яко и самому Батыю Царю возбоятись. И едва поимаша отъ полка Евпатіева пять человѣкъ воинскихъ, утрудившихся и изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ Батыю. Онъ-же вопроси ихъ: «Коея вѣры есте, и коея земли, что мнѣ зло творите?» Они же рѣша: «Вѣры есмя Христіанскія, а рабы есмя Великаго Князя Георгія Ингоровича Рязанскаго, а полку Евпатіева Коловратова; посланы есмя тебя, Царя сильнаго, почтити, и честно проводити.» Царь-же удивися отвѣту ихъ и мудрости, и посла на Евпатія шурина своего *Хоздоврула*, и съ нимъ многіе полки Татарскіе. Хоздовруль-же похвались Батыю Царю, хотя Евпатія жива яти, и къ нему привести. И ступишася полки; Евпатіе-же, исполинъ сый силою, наѣха на Хоздоврула богатыря, и разсѣче его на полы до сѣдла, и нача сѣщи силу Татарскую, и мно-

гихъ богатырей и Татаръ побивъ, овы на полы пресѣкая, а иные до сѣдла крояше. И возвѣстиша сія Батыю; онъ-же, слышавъ сія, *оскорбися* по шуринѣ своемъ, и повеле навести на Евпатія множество *пороковъ* (?), и начаша бити по немъ, и едва убиша крѣпкорукаго и дерзосердаго, и львояростнаго Евпатія, и принесоша его мертва ко Царю Батыю. Онъ-же видѣвъ его, и дивися со Князи своими храбрости его и мужеству; и повелѣ тѣло его отдати оставшей дружинѣ его, которые на томъ бою поиманы, и повеле ихъ отпустити, и ничимъ-же вредити.

4 *Пріѣздъ въ Рязань Князя Ингваря.*

Князь-же Ингорь Ингоревичъ въ то время былъ въ Черниговѣ, у брата своего у Князя Михаила Всеволодича Черниговскаго; тамо-бо соблюде его Богъ отъ злаго отметника и отъ врага христіанскаго Батыя. И въ то время пріиде во градъ Рязань, и видѣ Рязань, и прочіе грады разоренны и позженны, и видѣ матерь свою, и снохи своя, и прочая сродники своя, и всѣхъ людей множество побито, и градъ разоренъ, и церкви пожжены, и инокини и дѣвицы осквернены и побиты, и плакася зѣло, плачемъ веліимъ, и едва отдохну душа его въ немъ. И повелѣ матерь свою, Великую Княгиню Агриппину Ростиславну, и снохи своя, погреб-

сши со псальмы и пѣсньми Пресвишеромъ, которыхъ Богъ соблюде, самъ сшоя и плачась жалосшно. И очисши градъ, и церкви освяши; и собрашася къ нему мало людей, и даде имъ малое ушѣшеніе, и плачась безпресшани, поминая машерь свою, и брашію, и родъ свой, яко вси вскорѣ погибоша. Пошомъ-же пойде Князь Ингорь Ингоревичъ по брашію свою, идѣ-же побишы ошъ нечесшиваго Царя Башыя; и видѣ брашію свою, и многи Князи мѣсшные, и боляре, и воеводы, и все воинсшво Рязанское побіенно, лежаще на землѣ пусшѣ, на шравѣ ковылѣ, снѣгомъ и льдомъ померзше, никимъ-же брегомо, шочію ошъ звѣрей шѣлеса ихъ снѣдаемы, и ошъ множесшва пшицъ расшерзаемы; вси уже купно лежаще мершвіи, едину чашу смершную пиша. Видѣвъ-же сія Князь Ингорь Ингоревичъ, и воскрича горькимъ и великимъ гласомъ, яко шруба, распаляясь, и въ перси біяся, и ударяяся о землю; слезы-же его, яко сшруя шечаху, и жалосшная словеса проглашаше. И нача разбираши шрупія мершвыхъ, и обрѣше брашію свою Ингоревичевъ, Великаго Князя Георгія Рязанскаго, и Князя Давида Муромскаго, и Князя Глѣба Коломенскаго, и иныхъ многихъ бояръ, и воеводъ, и ближнихъ и знаемыхъ; и принесе ихъ во градъ Рязань, и похраняше чесшно, со псальмы и пѣсньми; а иныхъ собираше, и на пусшѣ мѣсшѣ погреба-

ше, съ погребашельными пѣсньми. Пошо̀мъ-же пойде Князь Ингорь Ингоревичъ ко граду Пронску, и собра раздробленные уды браша своего, благовѣрнаго Князя Ольга Ингоревича Краснаго и принесе его во градъ Рязань, и положи его съ Великимъ Княземъ Георгіемъ во единой рацѣ; а Князя Давида, да Князя Глѣба близъ гроба ихъ, въ другой рацѣ. И по семъ пойде Князь Ингорь Ингоревичъ на рѣку на Воронежъ, и взя шѣло блаженнаго Князя Ѳеодора Георгіевича Рязанскаго, и принесе его въ его область, къ великому чудошворцу Николѣ Ко̀рсунскому, и его благовѣрную Княгиню Евпраксію, и сына ихъ Князя Ивана Ѳеодоровича Посшника, погребе чесшно, и положи ихъ во едино мѣсшо. И посшавиша надъ ними шри кресшы каменны, и ошъ сея вины зовешся великій чудошворецъ Николай *Заразскій*, яко шу благовѣрная Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ Княземъ Иваномъ, сама себя зарази. Сей убо Князь Великій Юрій Ингоревичъ Рязанскій, съ брашіею, рода Владиміра Свяшославича, сродницы Бориса и Глѣба, внучаша-же Великаго Князя Свяшослава Олеговича Черниговскаго. И бяху родомъ хрисшолюбивы, и благочесшивы, и милосшивы, и во всѣхъ добрыхъ дѣлехъ исправлены быша, и мученически скончашася. И по нихъ сѣде на сшолѣ ошца своего, Великаго Князя Ингоря Свяшославича, Князь Ингорь Ингоревичъ, нареченный

во свяшомъ крещеніи *Козьма;* и обнови землю Рязанскую, церкви постави, и монасшыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость оставшимъ православнымъ Христіанамъ, избывшимъ отъ нечестиваго Царя Батыя.

5. *Легенда о защищеніи Смоленска Св. Меркуріемъ.*

Покуси же ся прійдти тайно и на богоспасаемый градъ Смоленскъ, съ крѣпкимъ своимъ исполиномъ, и съ сыномъ его, и со всѣмъ своимъ воинствомъ, хотя и тому такожъ зло сотворити, якоже и прочимъ градамъ Русскимъ, хотя нощію напасти нань.

Въ ту-же нощь, крѣпкая заступница граду Смоленску, паче-же и всему роду христіанскому, Пречистая Богородица спасе градъ свой образомъ сицевымъ: явися сама во святей своей церкви пономарю, глаголющи отъ святыя своея Иконы, и рече ему: «Иди вскорѣ къ рабу моему Меркурію на подоліе, на оно мѣсто,» и дворъ сказа ему: бѣ бо во градѣ, «и рцы ему, яко Госпожа зоветъ тя. Тамо-же шедъ, нескоро ко двору приходи, но тихо, ни толцы во врата; но его-же обрящеши среди двора стояща, и рцы ному тако, тихо зовущи: Меркуріе! иди отсюду скоро; Госпожа зоветъ тя во

всемъ швоемъ воинскомъ подобіи.» — Пономарь-же иде скоро на посланное мѣсто; и пріиде ко двору тому, и обрѣте святаго Меркурія стояща среди двора, и воздѣюща руцѣ на небо, готова, вооруженна во всемъ воинскомъ подобіи, и мечемъ опоясана: бѣ-бо явлено свыше ему о подвизѣ, и о побѣдѣ, и прежъ пономарева пришествія. Егда услыша Меркуріе пономаря, ступающа ко двору, постонавъ легко, яко объявляше ему себя. Пономарь-же ста предъ враты, и изрекъ ему тихо, яко-же Госпожа повелѣ ему. Меркуріе-же, отверзъ врата, изыде, и иде на гору съ пономаремъ. И пришедъ въ церковь Богородичну, и обрѣтоша въ церкви свѣщу, горящу предъ самою святою тою Иконою, отъ нея-же изыде гласъ пономарю. Меркуріе-же, падъ предъ святымъ ея образомъ, моляшесь, съ великимъ захлипаніемъ слезнымъ. И паки вторицею возгласи сама святая Богородича Икона, глаголя Меркурію: «Угодниче мой, Меркуріе! азъ на сіе отъ Римскихъ *пазухъ* призвахъ тя здѣ; азъ нынѣ посылаю тя оградити домъ мой, иже идетъ окаянный мучитель втайнѣ, въ сію нощь хощетъ напасти на градъ мой всею ратью своею, гордяся, и со исполиномъ своимъ, и съ сыномъ его. Азъ-же не стерпѣхъ гордости его, и не презрѣхъ града моего, близъ погибели суща; но умолихъ о немъ Сына моего и Бога, еже избавити его отъ лютаго

варварскаго плѣненія. Ты-же въ часъ сей изыди скоро изъ града на Долгій мостъ, ту-бо окаянный Христоборецъ рать свою уготовалъ, возносяся суетою на градъ мой. Возвѣщаю-же ти и о сихъ, яже хотятъ тебѣ быти: ту-бо, силою Сына моего и Бога, и моею помощію, побѣдиши крѣпкаго исполина; азъ-бо сама буду ту съ тобою, помогающи ти. Да и о семъ тебѣ вѣдомо буди, яко и самого воспятятъ тя на оно мѣсто предъ градъ, и ту вѣнчаешись своею кровію, и вѣнецъ побѣды отъ Христа Бога пріимеши.» Сія-же слышавъ Меркуріе отъ самыя тоя Иконы Пресвятыя Богородицы, падъ предъ Святымъ ея Образомъ, обливаяся многими слезами, и радощами себя обложивъ о побѣдѣ, паче-же о пріятіи неплѣннаго вѣнца и жизни вѣчныя. И отшедъ скоро, всѣдъ на конь, изыде изъ града, никому-же вѣдущу, ни Святителю тоя церкви, ни держателю градскому, ни иному кому, паче-же ни стражу градскихъ вратъ, како пройде врата. Тако-жъ и про окаяннаго Батыя никто-же вѣдаше, гдѣ есть онъ. Святый-же Меркуріе пріиде на повелѣнное ему мѣсто, на Долгій мостъ, и знаменася святымъ знаменіемъ непобѣдимаго и животворящаго Креста Христова, и въ молитвѣ призывая на помощь крѣпкую Заступницу всего рода Христіанскаго, Пречистую Богородицу, чая совершенія реченнаго отъ нея. И обнаживъ свой мечъ,

вниде въ полкъ злочестивыхъ варваръ, и обрѣтѣ крѣпкаго того исполина, и уби его, яко худа и немощ ю обложенна, и иныхъ многое множество отъ полку поганыхъ посѣче. Та-же зарямъ бывшимъ, возсташа злiи тiи ратницы, и обрѣтоша о себѣ велико чудо: видѣша-бо, яко крѣпкiй исполинъ ихъ убiенъ бысть, и иныхъ множество полковъ своихъ тѣлеса мертвы, и ни тако окаяннiи оставшись отъ зломыслiя своего, или *болма* хотящей Богородицѣ прославити угодника своего Меркурiя, и пойдоша ратницы ко граду. Святому-же Меркурiю въ то время отшедшу на оно мѣсто, идѣ-же прiятъ непобѣдимый вѣнецъ, и ту стоя, и моляшеся Христу Богу и Пречистей его Матери, о побѣдѣ, и о спасенiи града, и о своемъ скончанiи, и о прiятiи мученическаго вѣнца и нетлѣнныя жизни. И абiе, по молитвѣ, бысть ему гласъ: « Рабе мой, Меркурiе! дерзай; будетъ ти, еже просилъ еси, и градъ свой соблюду невредимъ отъ варваръ до конца вѣка; тебѣ-же самого, раба моего, положатъ мощи въ церкви моей во градѣ. » Святому-же стоящу противу ратныхъ въ велице дерзновенiи, и тако прiидоша злiи ратницы на то мѣсто, идѣ-же Святой стояше. Святой-же побѣди ихъ множество, а инiи посрамишася, и бѣгу яшася, глаголюще: « О горе и люто есть братися, яко зримъ молнiеносныхъ мужей, поборающихъ, и насъ немилостивно по-

сѣкающихъ! Страшнѣе-же сего видѣхомъ ту жену красну, превелику и солнцеобразну сущу, яко мертвыхъ противу насъ возставляющу!» Святый-же Меркуріе, по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, по суду Божію поклони главу свою, и пришедъ варваринъ лютъ, или сынъ того исполина, уби Святаго Меркурія мечемъ, и ту блаженный пріятъ кончину о Господѣ. Самъ-же окаянный варваринъ устрашився и побѣжа вспять. Злочестивый-же Царь Батый болии того не смѣ ко граду приближитися, и побѣжа отъ Долгаго моста, посрамленъ отъ Госпожи Богородицы, дивнѣйшія нашея Заступницы. Святый-же Меркурій вземъ самъ отсѣченную главу свою, и ко граду принесе, и предъ всѣми проглагола отсѣченною своею главою, повѣдая побѣду и заступленіе, содѣявшееся отъ Госпожи Богородицы. Гражане-жъ вси стекошася на сіе преславное чудо; слышаще бо дивное заступленіе Пресвятыя Богородицы о градѣ своемъ, паче-же и видяще за градомъ множество варваръ посѣченно. Святый-же Меркурій, исповѣда бывшее, возляже. Гражане-же святаго Меркурія тѣло вземше съ великою честію, и принесоша въ церковь Пресвятыя Богородицы, и погребоша честно со псальмы и пѣсньми, напреди клироса шуяго, на единой странѣ отъ Красныхъ вратъ. Посемъ-же непомнозе, явися святый Меркуріе тому-жъ пономарю, глаголя: «Повѣдай граж-

момъ, да обѣсятъ оружіе мое, и щитъ, и копіе надъ гробомъ моимъ, да егда будетъ кое притуженіе граду, и тогда износятъ его, прославляюще Христа Бога, и того рождшую Богоматерь, крѣпкую заступницу града сего, и мене, смиреннаго раба Божія Меркурія, поминающе, да подастъ имъ Господь побѣду отъ оружія сего.» И тако обѣсиша оружія надъ гробомъ его, яко-же самъ Святый повелѣ, и даже и *доднесь* видима есть всѣми. Бѣ-же сей святый Меркурій родомъ Римлянинъ, вѣрою благочестивъ, Греческаго закона, отъ рода славна; ту-бо бѣ заѣхалъ въ юнѣ возрастѣ, службу дѣя, и служаше Самодержцу града того Смоленска, или, паче рещи, яко-бы позванъ оттуду на послуженіе преславнаго чудеся Пресвятыя Богородицы, еже о спасеніи града. Бѣ-же по благочестіи великъ поборникъ и ревнитель истиненъ, проходя дѣвственное житіе.

6. *Эпилогъ умильной повѣсти о нашествіи Батыя.*

Увы мнѣ! сія убо злая содѣяшась на насъ Божіимъ попущеніемъ и великимъ его гнѣвомъ, за не-же умножишася беззаконія велія, сребролюбная зависть, междоусобныя брани и мерзская нечистота блудная, естественная и чрезъестественная, и волхвованныя коби, и иные грѣси;

и сего ради таковая лютая бѣда пріиде на вся страны православныхъ Христіанъ, по Пророка Давида слову: «Браздами и уздою востягнеши челюсти неприближающимся къ тебѣ, Господи!» Великія убо церкви опустѣша, яко и дивіи звѣріе въ нихъ плодишась; градомъ-же и монастыремъ раззореніе и пожженіе; священникомъ-же и всѣмъ сановитымъ тяжки узы бяху на хребтехъ, и нужныя смерти; честнѣйшимъ-же инокомъ и инокинямъ лютое и немилостивное закланіе; всѣмъ-же православнымъ Христіанамъ тяжкое ярмо поганское имущимъ на шеяхъ. И не токмо сіе едино, но и младенца ссущая отторгающе отъ пазухъ и нѣдръ матернихъ, и о землю и о стѣны ударяху, и на полы пресѣкаху и оружіи прободаху. Скверняху-жъ и чистоты дѣвство, юныхъ дѣвъ растлѣваху, и брачныхъ женъ разлучающе отъ мужей, и честнѣйшія невѣсты Христовы, инокини, блудомъ оскверняху. И мнози тогда отъ православныхъ сами ся порѣзываху, и въ воду вметахуся, и смерти пріимаху, дабы не осквернитися отъ поганыхъ, видяще-бо лютое ихъ скверненіе, и немилостивное безчеловѣчіе, елико творяху руганіе и немилосердіе окаянніи надъ православными. Главными убо власы вмѣсто вязаху, аки скоты, и остны бодуще поганяху. И убо достойна есть плача страсть жителей земель тѣхъ, подвизающа на рыданіе человѣколюбивыхъ,

языкъ-бо не можетъ вѣщати, ни уста исповѣдати тоя бѣды, превосхожаше-бо Вивлеемскаго многостонаннаго рыданія: тамо-бо едини младенцы закалахуся убійственными дланьми; здѣ-же престарѣвшіеся, и сѣдіи, и цвѣтущіе юноши, и жены благообразныя, и чистозрачныя отроковицы и младенцы вкупѣ раздробляхуся. Аще-бо и Давидъ о Іерусалимѣ глаголетъ, во Псалмѣ, сѣтуя: « Боже! пріидоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою, и раззориша Іерусалима, » и прочая. И та убо страсть велика, но сія тмами больши, понеже не едину церковь оскверниша, но тысящами и тмами сугубо. Но въ той убо древней, сѣни служаху, и на требу животная закалаху; въ нашихъ-же Христіанскихъ церквахъ истинѣ служаху, и самого Животворящаго Агнца, Сына Божія, пожираху. А не единъ градъ раззориша, но многія земли, Рязанскую, и Владимірскую, и Нижегородскую, и Галицкую, и Ростовскую, и Тверскую, и полъ-Новогородскія, и Кіевскую, и Черниговскую, и Волынскую, и Подольскую, и Угорскую, въ нихъ-же великіе, господственные самодержавныхъ грады, и со окрестными ихъ градовы, и странами, и властьми. По всѣмъ тѣмъ землямъ проліяша поганіи кровь Христіанскую, яко воду. Положиша убо трупія рабъ Божіихъ, священниковъ, въ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ

иноковъ и инокинь звѣремъ и чадомъ земнымъ. И не бѣ погребающихъ всѣхъ православныхъ Христіанъ, и не бѣ о нихъ приношенія, ни молитвы: не бѣ-бо церквей, ни священниковъ, ни кадила, ни мѣста, еже-бы кому и гдѣ принести ко Господу Богу жертву спасенную о душахъ ихъ, зане-же за многое согрѣшеніе преданы бѣхомъ Царю законопреступну, неправедну, и лукавнѣйшу паче всея земли, и поганому, и немилостивому языку варварскому. Сице убо тѣ великія земли, и градове, и власти многочеловѣчныя въ поле запустѣнія положены быша. И быша гробове всемертвенные, и смертная врата, и многозіяющая адова утроба всепріемница; рыданіе бѣ повсюду и плачъ велегласенъ; горы убо и холмы плѣненнымъ и малооставшимъ плачущимъ сопротивъ возглашаху; рѣки-же волнами сопремшумяху; садовныя-же древеса, и вся боры и дубравы, вмѣсто рыданія и плача, вѣтвьми повѣвающе, умильно проглашающе, и вмѣсто слезъ листвіе отъ себѣ спущаху. Но и общая наша мати, земля, якоже и плотская чадолюбица мати, восплакася, жереломъ великимъ стонящи, маніемъ глаголющи: «Сынове, сынове Русти! почто ходисте предъ Господомъ Богомъ, сотворшимъ васъ, въ похотехъ сердецъ вашихъ! Или не слышасте Пророка Господня, глаголюща сице: «Аще хощете, и послушаете мене, благая зем-

ная снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружіе васъ поясшъ—усша-бо Господня глаголаша сія. «Чада мои! Чада мои! прогнѣвавше и Господа своего, и моего Творца и Бога: вижу васъ ошъ моея пазухи ошшоргаемыхъ, въ поганскія руки немилосшивно впадша, праведнымъ судомъ Божіимъ, и иго рабошно имуще на плещахъ вашихъ. Азъ уже къ шому осшаюсь шщи васъ, чадъ своихъ любимыхъ, бывшихъ мнѣ; къ шому убо бѣдная вдова быхъ и безчадна! Но кое первое сѣшую и плачу? Мужа-ли, или любимыхъ моихъ чадъ? Вдовсшво-бо мое есшь опусшѣніе многихъ градовъ, и чесшныхъ монасшырей, и свяшыхъ церквей; лишеніе-же чадъ, учишелей, и священникъ, и власшелей, и прочаго народа. Къ шому уже не шерплю жалосши моея и люшыя сея бѣды; но возопію ко общему Творцу, Господу Богу, умильнымъ гласомъ: Боже, содѣшелю всѣхъ, сошворивый вся своимъ пречисшымъ хошѣніемъ! презри нынѣ беззаконіе людей сихъ; помилуй ихъ, Милосерде! и ушоли праведный свой гнѣвъ, возврапи плѣненные ихъ во своя, да мя вшорицею наслѣдяшъ повелѣніемъ швоимъ, Господи! яко Ты еси единъ Богъ безгрѣшенъ, милуяй грѣшныхъ, и прощаяй кающихся!»

Мы-же, Православніи, прочишающіе Умильную Повѣсшь сію, и послушающіе ея, да глаголемъ

изъ глубины сердца: О Владыко Христе, Царю вѣкомъ и содѣтелю твари, не хотяй грѣшникомъ смерти! избави ны отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваръ, и отъ прочихъ иноплеменныхъ, и укрѣпи на нихъ православныхъ *Царей* нашихъ, и укроти въ насъ сущая междоусобныя брани, и *церковные раздоры,* и всему православному Христіанству полезная устрой, да въ мирѣ и въ тишинѣ славимъ тя, истиннаго Христа Бога нашего, славимаго въ Троицѣ! Сущихъ-же отецъ и братій нашихъ, во всякомъ возрастѣ скончавшихся въ то лютое варварское плѣненіе, избави отъ вѣчныя муки, и покой ихъ со всѣми отъ вѣка угодившими тебѣ, яко твои суть судове неиспытанни, и путіе твои неизслѣдованны, и твое есть царство непремѣнно, и держава неприкладна, и тебѣ подобаетъ всякая слава, и честь, и держава, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ, аминь.

II.

СКАЗАНІЕ
О
КНЯЗѢ АЛЕКСАНДРѢ ЯРОСЛАВИЧѢ.

(*Извлеченное изъ Софійской Лѣтописи* (*).

О велицемъ Князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ, кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитномъ Царя Александра Македонскаго, подобникѣ Царю *Алевхысу* храброму (?), сице бысть повѣсть о немъ, ему-же Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, а уговзи ему Богъ дни, и чести въ славу его.

О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ худый, и грѣшный, и малосмысленный, покушаюся написати *житіе Святаго и Великаго Князя Александра*

(*) Въ *Софійской* Лѣтописи (Т. I. Стр. 249—274) такъ явно и грубо перемѣшано поэтическое *Сказаніе* объ Александрѣ съ выписками *Историческими*, что намъ слѣдовало только отдѣлить вставки изъ Лѣтописей, и текстъ *Сказанія* является теперь въ стройной полнотѣ. Означаемъ здѣсь всѣ мѣста, гдѣ мы отдѣлили вставки.

Ярославича, внука Великаго Князя Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидѣцъ есмь возраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко-же Приточникъ рече: въ злохитру душу не внидетъ мудрость; на высокихъ-бо краяхъ есть, посреди-же стезь стояще, при вратѣхъ сильныхъ пресѣдитъ. Аще грубъ есмъ умомъ, но молитвою святыя Богородицы, и поспѣшеніемъ Святаго Великаго Князя Александра, начатокъ положу.

Сей бѣ Князь Великій Александръ Богомъ рожденъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче-же и кротка, Великаго Князя Ярослава Всеволодича, и отъ матери святыя великія Княгини Θеодосіи. Яко-же рече Исаія Пророкъ: « Тако глаголетъ Господь: Князи азъ учиняю, священни-бо суть; азъ вожу я. Во истину: безъ Божія повелѣнія не бѣ княженія его; и возрастъ его паче иныхъ человѣкъ; гласъ его, яко труба въ народѣ; лицо-же его бѣ, яко Іосифа Прекраснаго, еже бѣ поставилъ его Египетскій Царь втораго Царя въ Египтѣ; сила-же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсона; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость-же, яко Царя Римскаго Веспасіана, еже бѣ плѣнилъ всю землю Іудейску; иногда-же исполчився къ граду Антипату приступити, и вышедше гра-

жане побѣдиша полки его; онъ-же вста единъ, возврати силу ихъ ко вратамъ граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, рече: « Остависте мя единого!» Тако-же и сей Великій Князь Александръ Ярославичъ бѣ побѣждая вездѣ, а не побѣдимъ николи-же.

Сего ради пріиде нѣкто отъ Западныя страны, еже нарицаются *Слуги Божія*, оттолѣ пріиде, хотя видѣти дивный возрастъ. Яко-же древле Царица Южская приходи ко Царю Соломону, хотя слышати премудрость его; тако-же и сей, именемъ Андреяшъ, видѣвъ Великаго Князя Александра Ярославича, возвратися къ своимъ, и рече: « Проходихъ многи страны и языки, не видѣхъ такого, ни въ Царяхъ Царя, ни въ Князяхъ Князя. » Се-же слышавъ Король части Римскія, отъ полунощныя страны, таковое мужество Великаго Князя Александра Ярославича, и помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а Великій Новгородъ плѣнити, и вся грады ихъ и люди Словенскіе къ себѣ въ работу створити, и рече:« »Пойду, и плѣню землю Великаго Князя Александра Ярославича!» И собра силу велику, Местеры и Бискупы свои, и Свея, и Мурманы, и Сумь, и Емь; наполни корабли мнози зѣло полковъ своихъ, и подвижеся въ силѣ велице, пыхая духомъ ратнымъ; и пріиде въ рѣку Неву,

и сташа усть Ижеры, шатаяся безуміемъ своимъ, хотя воспріяти Ладогу, прочее-же реку и Новгородъ, и всю Новогородскую область. Но еще преблагій, премилостивый человѣколюбецъ Богъ ублюде ны, и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ Божія повелѣнія. Пріиде-бо вѣсть тогда, яко Свеи идутъ къ Ладозѣ; и въ то время присла Король послы, загордѣвся, къ Великому Князю Александру Ярославичу въ Новгородъ, а рекъ тако: «Аще можеши противити ми ся, то се есмь здѣ уже, и плѣню землю твою.» Великій-же Князь Александръ Ярославичъ, слышавъ словеса ихъ, и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь святыя Софіи, паде на колѣну предъ алтаремъ, и нача молитися со слезами святей Софіи, поминая исправленія родитель своихъ, и глаголя: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный, сотворивый небо и землю, и поставивый предѣлы языкомъ, и жити повелѣвый не преступая въ чужая части!» И въспріимъ Псаломскую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною; пріими оружіе и щитъ, возстани въ помощь мнѣ!» И кончавъ молитву, всталъ, и поклонися Архіепископу; Архіепископъ-же Спиридонъ Новогородскій благослови его, и отпусти съ миромъ, и Новгородцевъ. Великій-же Князь Александръ идя изъ церкви, и нача крѣпити воя

Здѣ-же явишася въ полку Великаго Князя Александра Ярославича шесть мужъ храбрыхъ, иже съ нимъ крѣпко мужствоваху. Первый именемъ *Гаврілло Алексичъ*, сей-бо наѣха на шнеку, и видѣ Королевича мчаща подъ руки, и изъѣха за ними, по досцѣ, до самого корабля, по ней-же схождаше: и втекоша въ корабль предъ нимъ, и паки обратившеся свергоша его съ доски, и съ конемъ, въ море; Божіею-же волею отполѣ изыде невреженъ, и паки наѣха, бися крѣпко съ самимъ воеводою посредѣ полку ихъ, и ту убіенъ бысть воевода ихъ Спиридонъ, и Бискупъ ихъ убіенъ бысть ту-же. Второй, Новгородецъ, именемъ *Сбыславъ Якуновичъ*; сей-же наѣхавъ, многажды біяшеся единымъ топоромъ, не имѣя страха въ сердце, нѣсколько отъ руки его паде, и подивишася силѣ его и храбрости. Третій-же, *Яковъ Полочанинъ*, ловчій бѣ у Князя; си наѣхавъ на полкъ съ мечемъ, и мужствовавъ крѣпко, и похвали его Князь. Четвертый-же, Новгородецъ, именемъ *Миша*; си-же пѣшъ, съ дружиною своею, натече и погуби Римлянъ три корабли. Пятый-же, отъ молодыхъ его нѣкто, именемъ *Сава*; сій-же наѣхавъ великій шатеръ златоверхій, подсѣче столпъ ему; шатеръ-же падеся; полци-же Великаго Князя Александра Ярославича, видѣша паденіе шатра, возрадовашася. Шестый-же, отъ слугъ его, именемъ *Ратмиръ*; си бися пѣшъ, и оступиша его мнози

Римляне, и паде отъ многихъ ранъ, и тако скончася. Си-же вся слышахъ отъ господина своего Князя Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи. Бысть-же въ то время чудо дивно, яко въ древняя дени при Іезекіи Царѣ, егда пріиде Сеннахиримъ, Царь Ассирійскій, на Іерусалимъ, хотя плѣнити Свяшый градъ; и внезапу пріиде Ангелъ Господень, и изби отъ полка Ассирійска сто и восемдесятъ и пять тысящь; и вставше утро, и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; тако-же и при побѣдѣ Великаго Князя Александра Ярославича, егда побѣди Короля, объ-онъ полъ рѣки Ижеры, идѣ-же и не бѣ проходно полку Великаго Князя Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избіенныхъ отъ Ангелъ Божіихъ, обрѣтохомъ много трупія избіенныхъ, мертвыхъ лежаще. Остатокъ-же ихъ побѣже посрамленни, а трупія-же мертвыхъ своихъ наметаша при корабля великихъ воеводъ, и потопишася вси на морѣ, а прочимъ ископаша ямы, и вметаша въ ня безчисленно, а иніи мнози язвени быша, и тое нощи побѣгоша. Новогородцевъ-же ту паде: Константинъ Луготиничъ, Юря Тапинящиничъ, Намѣстъ Дрочило Нездиловъ, сынъ кожевниковъ, а всѣхъ 20-ть мужь паде и съ Ладожаны, или меньше, то Богъ вѣстъ. Великій-же Князь Александръ Ярославичъ, съ Новогородцы, возвратися съ великою

побѣдою, и пріиде въ Новгородъ, сохр вси Богомъ и Святою Софіею, хваля и славя Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь (*).

По побѣдѣ-же Великаго Князя Александра Ярославича, яко побѣди Короля, въ третіе лѣто, въ зимнее время, бѣ собрашася Нѣмцы съ сея стороны, и пріидоша на Псковъ, и Псковскіе полки побѣдиша, и Намѣстниковъ своихъ посадиша на Псковѣ. Се-же слышавъ Князь Великій Александръ, вельми оскорбѣ за кровь Христіанскую, и не умедливъ ни мало, но разгорѣвся духомъ, и своею ревностію по Святей Троицѣ, и по святей Софіи, и поимъ съ собою брата своего, и вся воя своя, и пріиде къ Новугороду, и поклонися святей Софіи, съ мольбою и съ плачемъ.

Пойде Великій Князь Александръ, съ братомъ своимъ Андреемъ, и съ Новогородцы, и съ Низовци, на Нѣмецкую землю въ силѣ велицѣй, да не хвалятся рекуще: «Укоримъ Словенскій

(*) Слѣдуетъ вставка изъ *Новгородской Лѣтописи* (стр. 133—135), о нападеніи Нѣмцовъ на Псковъ, ссорѣ Александра съ Новогородцами, отъѣздѣ его, мирѣ, пріѣздѣ и походѣ на Копорье. Сочинитель *Сказанія* выпускаетъ все это непріятное повѣствованіе, и объясняетъ причину похода по своему, какъ видимъ далѣе.

языкъ,» нежели себѣ, «уже-бо бяшетъ взятъ градъ Псковъ, и Тіуны ихъ посажены во градѣ. Великій-же Князь Александръ зая всѣ пути до Пскова, и изгони градъ, и изымавъ Нѣмцы и Чудь, и Намѣстники Нѣмецкіе исковавъ, поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна, а землю ихъ позжже и повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче. Они-же, гордіи, совокупившеся, и рѣша: «Пойдемъ, погубимъ Великаго Князя Александра, и имемъ его руками!» И егда-же приближашися, почудишася стражіе Великаго Князя Александра силѣ Нѣмецкой; самъ-же Великій Князь Александръ Ярославичъ поклонися святей Тройцѣ, и пойде на землю Нѣмецкую, хотя мстити кровь Христіанскую. Бѣ-бо зима въ то время, яко-же бысть на земли ихъ, и пусти вся полки своя въ зажитія, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ разгонѣ; и убиша ту Домаша, брата Посаднику, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ Великому Князю въ полки. Се-же слышавъ Местеръ, изыде противу имъ со всѣми Бискупы своими, и со всѣмъ множествомъ языка ихъ, и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помощію Королевою, и снидоша на озеро, глаголемо: Чудское. Великій-же Князь Александръ Ярославичъ вспятися на озеро; Нѣмцы-же и Чудь пойдоша по нихъ; Князь Великій постави полки на озерѣ Чудскомъ, на Уз-

мени, у Воронія Камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився, пойде на нихъ; наступиша-же озеро Чудское, бысть-же обоихъ множество вельми. Отецъ-же его, Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ, прислалъ бѣ ему на помощь брата его меньшаго, Князя Андрея, со множествомъ вой своихъ. Тако-бо бяше у Князя Великаго Александра множество храбрыхъ, яко-же древле у Давида Царя, сильніи и крѣпціи; тако-же воя Великаго Князя Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца аки львомъ, и рекоша: «О Княже нашъ честный и драгій! нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя!» Великій-же Князь Александръ вздѣвъ руцѣ на небо, и рече: «Суди Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива! Помози ми, Господи, яко-же древле Моисееви на Амалика, и прадѣду моему, Великому Князю Ярославу, на окаяннаго Святополка!» Бѣ-бо тогда день субботный, солнцу всходящу, и ступишася обои полци; Нѣмцы-же и Чудь пробишася свиніею сквозь полки, и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чуди, и трускъ отъ копей ломленія, и звукъ отъ мечнаго сѣченія, яко-же морю померзшу двигнутися и не бѣ видѣти льду, покрыло-бо есть все кровію. Се-же слышахъ отъ самого видца, рече ми, яко видѣхъ полки Божія на воздусѣ, пришедши на помощь Великому Князю Александру Ярославичу. И побѣдивъ силою Божіею, и Святыя Со-

ѳіи, и святою мученика Бориса и Глѣба, ею-же ради кровь свою проліяша; и даша ратніи плещa своя, и сѣчахуть я, гоняще аки по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на семь верстъ по леду, до Суболичскаго озера; и паде Нѣмецъ 500, а Чуди безчисленное множество, а руками няша Нѣмецъ пятдесятъ мужъ нарочитыхъ воеводъ, и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопи, а иніи, злѣ язвени, отбѣгоша. Бысть-же бой сій Апрѣля въ 5-е на Похвалу Святыя Богородицы, на память Святаго мученика Клавдія; здѣ-же прослави Богъ Великаго Князя Александра предъ всѣми полки, яко Іисуса Навина у Іерихона. Се-же рекли Нѣмцы: имемъ Великаго Князя Александра руками; и сѣхъ ему предастъ Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда-же Возвратившу-же ся Великому Князю Александру съ славною побѣдою, бяше-бо полона много въ полку его, ведяхуть-бо я подлѣ конь, иже именуются *Ритори* (рыцари) и яко-же приближися Великій Князь Александръ къ граду Искову, и срѣтоша его со кресты Игумены и Попове, въ ризахъ, и народъ многъ предъ градомъ, и поюще славу Господеви и Великому Князю Александру Ярославичу: пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменники, и вѣрному Князю нашему пособль оружіемъ крестнымъ свободити градъ Псковъ отъ иноязычныхъ, и отъ ино-

племенникъ, рукою Великаго Князя Александра Ярославича.—О невѣгласіи Псковичи! аще забудеше и до правнучатъ Великаго Князя Александра Ярославича, уподобитеся Жидамъ, ихъ-же препита Господь въ пустыни крастельми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы Египетскія Моисеомъ; се-же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его Великихъ Князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ а не пріимете его, или не почтите его, наречетеся вторая Жидова! И нача имя слыти Великаго Князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго и до моря Понтскаго, и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратскихъ, объ ону страну моря Варяжскаго, и горъ Аравитскихъ, даже и до Рима великаго; распространи бо ся имя его предъ тмы тмами, и предъ тысящи тысящами. И тако пріиде къ Новугороду съ великою побѣдою. Того-же лѣта прислаша Нѣмцы съ поклономъ, безъ Князя, въ Новгородъ, а рекучи: «Что есмя зашли мечемъ Псковъ, Водь, Лугу, Латыголу, и мы ся того всего отступаемъ; а что есмя изымали въ полонъ мужей вашихъ, а тѣми ся размѣнимъ, мы вашихъ пустимъ»—и умиришася, а полонъ весь отпустиша обоихъ. Въ то-же время умножишася языка Литовскаго, и начаша пакостити въ области

Великаго Князя Александра; онъ-же выѣздя, нача ихъ избивати. Единою-же ему ключися выѣхати, и побѣди семь ратей, и множество воеводъ изби, а иныхъ руками изымаша; слуги-же его, ругающеся имъ, начаша ихъ вязати конемъ къ хвосту, и ведоша съ собою безбожныхъ Литву. Начаша-же потомъ блюстися имени его (*).

Яко-же бо по первомъ взятіи Батыевѣ, Великій Князь Ярославъ Всеволодичъ обнови землю Суздальскую, церкви очистивъ отъ трупія мертвыхъ, и кости ихъ сохранивъ, многи пришельцы утѣшивъ, и множество людей собравъ. Поганымъ-же силу дѣюще на Христіаны, того ради себя не пощаде, и иде въ Орду, великую и пагубную землю Татарскую, и много пострада за землю Русскую, обаженъ бысть Ѳеодоромъ Яруновичемъ Царю, и мнози дети претерпѣвъ. Тое-же осени, мѣсяца Сентября въ 30-й день,

---

(*) Слѣдуетъ выписка изъ *Новгородской Лѣтописи*, о призывѣ Ярослава въ Орду, чудѣ на гробницѣ Княгини во Псковѣ, кончинѣ Княгини Ѳеодосіи, нападеніи Литвы, преслѣдованій оной Александромъ (стр. 136—138). Потомъ вставлено отдѣльное повѣствованіе о убіеніи въ Ордѣ Михаила Черниговскаго. Сочинитель *Сказанія* совершенно по своему разсказываетъ о смерти Ярослава, и началѣ Княженія Александра, какъ это видно изъ текста *Сказанія*.

преставися Великій Князь Ярославъ Всеволодичъ въ Ордѣ, нужною смертію. Яко-же Святое Писаніе глаголетъ: « Да кто положитъ душу свою за други своя, » сій-же Великій Князь положи душу свою за вся люди земли Русскія, и причте его Господь ко избранному своему стаду, зане-же бяше милостивъ ко всякому, требующимъ невозбранно даяше. Тако-же Великій Князь Александръ, сынъ его, не остави пути отца своего, посылая ко Царю, въ Орду, за люди своя, иже плѣнени быша отъ безбожныхъ Татаръ, и много злата и сребра издава на плѣнницехъ, искупая отъ безбожныхъ Татаръ, избавляя ихъ отъ бѣдъ и напастей. Въ то-же время нѣкто Царь со Восточныя страны, силенъ, присла послы своя къ Великому Князю Александру, а рекучи тако: « Мнѣ покорилъ Богъ многи языки; ты-ли единъ не хощеши покоритися державѣ моей? Но аще хощеши соблюсти нынѣ землю свою, пріиди ко мнѣ, узриши честь и славу царства моего. » По умертвіи-же отца своего, Великій Князь Александръ пріиде въ Володимірь въ силѣ тяжцѣ, и бысть грозенъ пріѣздъ его; пройде-же вѣсть и до устья Волги, и начаша жены Моавитскія полошати дѣти своя, а рекучи: « Молчи! Великій Князь Александръ ѣдетъ! » И пойде Великій Князь Александръ въ Орду ко Царю, и благослови его Епископъ Кириллъ, и пріиде ко Царю; видѣ-же его

Царь Батый, и подивися, и рече вельможамъ своимъ: «Воистину повѣдаша, яко нѣсть подобна сему Князю» — и почти его Царь многими дары, и отпусти съ великою честію на Русь (*).

Того-же лѣта пріиде Неврюй, и Хотія, и Алабуга храбрый, на землю Суздальскую, со многими вои и силою Татарскою, на Великаго Князя Андрея Ярославича. По преставленіи-бо Великаго Князя Ярослава, Великое княженіе Володимірское даша сынови его, Князю Андрею. Бысть въ канунъ Боришу дени, безбожніи Татарове подъ Володиміромъ бродиша Клязьму, и пойдоша къ граду Переяславлю, таящеся; на утріе-же, на Боришъ день, срѣте ихъ Великій Князь Андрей съ своими полки, и сразишася обои полцы, и бысть сѣча велика; гнѣвомъ-же Божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ, погаными побѣжены быша. Великій-же Князь Андрей едва убѣжа, и пріѣха въ Великій Новгородъ; Новгородцы-же его не пріяша; онъ-же ѣха ко Пскову, и тамо бысть немного, ожидая-бо бѣ своея Княгини; пріѣха-же къ нему его Княгиня; великій-же Князь Андрей пріѣха въ Нѣмецкій го-

---

(*) Слѣдуетъ вставка о возвращеніи Александра изъ Орды, взятая изъ *Новгородской Лѣтописи* (хотя въ въ *Сказаніи* это уже описано); потомъ о пріѣздѣ Митрополита Кирилла въ Новгородъ (стр. 138, 139).

родъ Колывань, и съ Княгинею. Остави-же ту Княгиню, а самъ ступи за море въ Свейскую землю; Местеръ-же Свейскій срѣте его, и пріи его съ честію; онъ-же посла по Княгиню въ Колывань, и пріѣде къ нему его Княгиня; бысть время нѣколико въ Свейской земли, послѣди-же на рати убіенъ бысть отъ Нѣмецъ. Безбожніи-же Татарове плѣниша градъ Переяславль, и оттолѣ-же возвратишася въ страны своя. По плѣненіи-же Неврюевѣ, Великій Князь Александръ церкви воздвигнувъ, и градъ людій исполнивъ, разбѣгшаяся люди собра въ домы своя. Добрѣ-бо рече о таковыхъ Давидъ Пророкъ: «Во отецъ своихъ мѣсто быша сынове ихъ.» Исаія-бо рече: «Князь благъ въ странахъ не сбирая богатства,» и не презря кровь праведничу, сиротѣ и вдовицѣ вправду судя, милостилюбецъ, а не златолюбецъ, благъ домочадцемъ своимъ, а внѣшнимъ своимъ отъ страны и приходящимъ отъ страны кормитель; на таковые Богъ призираетъ. И распространи Богъ землю его, и богатство, и славу, и удолжи Богъ лѣта ему. Нѣкогда-же присла къ нему послы Папа, изъ великаго Рима; послы-же рѣша Великому Князю Александру: «Тако молвитъ Папа нашъ: слышахомъ тя, Княже, честна и дивна, и велика земля твоя; сего ради прислахомъ ти отъ двоюнадесяти Кардиналу два хитрѣйшіе, Галда и Гемонта, да послушаеши ученія нашего.» Великій-же Князь Алек-

еандръ, сдумавъ съ мудрецы своими, и списавъ къ нему отъ Адама и до Потопа, а отъ Потопа и до раздѣленія языкъ, а отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до проитія Израилева сквозе Чермное море, а отъ Исхода сыновъ Израилевъ до умертвія Давида Царя, а отъ начала Царства Соломона до Августа Царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до Страсти, и до Воскресенія Его, а отъ Воскресенія Его, и на небеса вшествія, и до царствія Великаго Константина и до перваго Собора, и до седьмаго Собора, «си вся свѣдаемъ добре, а отъ васъ ученія не пріимаемъ.» Они-же возвратишася во свояси. Умножи-же Богъ живота Великому Князю Александру; бѣ-бо любя чинъ церковный, священники, Митрополиты, Епископы чтяше, яко самого Христа, и вся Христіаны любяше (*),

---

(*) Слѣдуетъ вставка изъ *Новгородской Лѣтописи*, о приходѣ въ Псковъ Ярослава Ярославича, княженіи его въ Новгородѣ, гнѣвѣ Александра на Новгородъ, спорѣ за Посадника Ананію, и событіяхъ съ 1256-го года до самой кончины Александра. Все это такъ неблагопріятно похваламъ Александру, что Сочинитель *Сказанія* рѣшительно ни о чемъ этомъ не упоминаетъ. Списатель *Софійской Лѣтописи* не смѣлъ скрыть событій; но чтобы согласить ихъ съ содержаніемъ *Сказанія*, онъ перемѣняетъ всѣ досадительныя слова *Новгородской Лѣтописи*; какъ-то, вмѣсто:

Горе тебѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего, Великаго Князя Александра Ярославича! Како не испадеша зѣница твоя, вкупѣ со слезами! Како-ли не разсѣдеся сердце твое отъ многія туги! Отца-бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина аще-бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ. Пострада Богови крѣпко. Митрополитъ-же Кириллъ глагола людемъ: «Чада моя милая! разумѣйте, яко зайде солнце земли Русской! И іереи, и діяконы, и черноризцы, нищіи, богатіи, и вси людіе мнозіи вопіяху, глаголюще: «Уже погибаемъ!» Святое-же тѣло его несоша къ граду Володиміру; Митрополитъ-же Кириллъ, съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ-же Князи и Бояре, и весь родъ, маліи и велиціи, срѣтоша его у Боголюбова, съ свѣщами и кандилы; отъ множества народа изгнѣтахуся людіе, хотяще прикоснутися честнему тѣлу его; бысть же плачъ велій, и кричаніе, и туга, яко-же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися. Положиша-же его въ Володимірѣ, въ церкви въ Роже-

---

бысть-же въ вящшихъ *совѣтѣ золѣ, како побити меньшіе,* Князя ввести на *своей* воли» — поставлено: «бысть-же въ вящшихъ *совѣтѣ благѣ*, какъ *побѣдити* меньшіе, а *Великаго* Князя ввести на *всей его* волѣ,» и проч.—И въ XIII-мъ вѣкѣ уже умѣли такъ передѣлывать!

ствѣ Святыя Богородицы, мѣсяца Ноября въ 23-й день, на память святаго Амфилохія. Бысть тогда чудо дивно, и памяти достоино: егдаже вложиша тѣло святое его въ раку икономъже Савастіанъ Митрополита Кирилла приступль, и хотя разняти руку его, да вложитъ Митрополитъ грамату душевную; онъ-же самъ, яко живъ сущи, распростеръ руку свою, и взя грамату отъ руки Митрополита; пріятъ-же всѣхъ ужасъ великъ, едва отъ раки отступиша. Се-же бысть проповѣдано всѣмъ отъ Кирилла Митрополита, и отъ иконома его Савастіана. Се-же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущу, привезену отъ дальнихъ мѣстъ, во время зимы. Тако прослави Богъ угодника своего, иже много труждшеся, за землю Русскую, и за Новгородъ, и за Псковъ, и за все Великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру.

III.

АКТЫ,

касательно сношенiй Папы съ Монголами.

I. Письмо Папы Iннокентiя IV-го къ Монгольскому Хану, посланное съ Плано-Карпини, въ 1246 году.

Innocentius cet. Regi et populo Tartarorum. Cum non solum homines, verum etiam animalia irrationalia; nec non ipsa mundialia elementa machinæ quadam naturæ fœderis sint unione coniuncta, exemplo supernorum spirituum, quorum agmina universorum conditor perpetua pacifici ordinis stabilitate distinxit; mirari non immerito cogimur vehementer, quod vos, sicut audivimus, multas tam Christianorum, quam aliorum regiones ingressi, horribili eos desolatione vastatis, et adhuc continuo furore depopulatrices manus ad ulteriores extendere non cessantes, soluto cognationis vinculo naturalis, nec sexui, nec ætati parcendo, in omnes indifferenter animadversionis gladio desævitis. Nos igitur pacifici Regis exemplo cunctos in unitate pacis sub Dei timore cupientes, universitatem

vestram monemus, rogamus, et hortamur attente, quatenus ab impugnationibus hujusmodi, et maxime Christianorum penitus desistentes, super tot et tantis offensis divinæ maiestatis iram, quam ipsarum exacerbatione vos non est dubium graviter provocasse, per condignæ satisfactionem poenitentiæ complacetis: nec ex eo sumere debetis audaciam amplius sæviendi, quod in alios potentiæ vestræ furente mucrone omnipotens Deus diversas ante faciem vestram substerni permisit hactenus nationes: qui nonnunquam superbos in hoc sæculo corripere ad tempus ideo prætermittit, ut si humiliari neglexerint per se ipsos, eorum nequitiam et punire temporaliter non postponat, et nihilominus in factum gravius ulciscatur. Et ecce dilectum filium fratrem Ioannem, et socius ejus latores præsentium, viros religione conspicuos, honestate decoros, et sacræ scripturæ scientia præditos, ad vos proprer hoc duximus destinandos, quod divina reverentia, imo potius nos in ipsos benigne recipiatis, et honorifice pertractetis, fidem iis super iis, quæ vobis ex parte nostra dixerint, adhibendo, et cum ipsis super prædictis, et specialiter de iis, quæ ad pacem pertinent, tractatum fructuosum habentes, nobis quid vos ad gentium exterminium moverit aldarum, et quid ulterius intendatis per eosdem Fratres plenarie intimetis, providendo ipsis in eundo, et redeundo de securo conductore, et

aliis nesessariis, ut ad præsentiam nostram tute valeant remeare. Memoratos autem Fratres, quos tamquam diu sub observantio regulari probatos, et plane Scripturis sacri instructos inter alios præelegimus, quia utiliores vobis fore credidimus, tamquam saluatoris nostri humilitatem sectantes, ad vos duximus transmittendos, et si putassemus quod fructuosiores et gratiores vobis existerent, vel aliquos Ecclesiarum Prælatos ad vos, aut potentes alios misissemus. Datum Lugd. III, nonas Martii anno II.

Иннокентій, и пр., Хану и народу Татарскому.

Когда не токмо люди, но и неразумныя животныя, и даже стихіи міра, какъ-бы нѣкіимъ естественнымъ орудіемъ, сопряжены единствомъ союза, по примѣру вышнихъ духовъ, коихъ сонмы Творецъ всяческихъ раздѣлилъ вѣчнымъ постоянствомъ мирнаго устава; то мы по справедливости должны очень удивляться, что вы, какъ мы слышали, нападая на многія, какъ Христіянскія, такъ и другія земли, раззоряете ихъ ужаснымъ опустошеніемъ, и не преставая еще въ своемъ неистовствѣ простирать хищныя руки на дальнѣйшіе предѣлы, расторгнувъ узелъ естественнаго сродства, ни щадя ни пола, ни возраста, всѣхъ безъ различія предаете мечу. Того ради,

мы, по примѣру миролюбиваго государя, желая соединить всѣхъ единствомъ мира, въ страхѣ Божіемъ, всѣхъ васъ убѣждаемъ, просимъ и увѣщаваемъ, дабы совершенно прекратія сіи нападенія, а паче гоненія на Христіанъ, потщились достойными плодами покаянія умилостивить гнѣвъ, который, безъ сомнѣнія, тяжко навлекли вы на себя столь многими и великими оскорбленіями величія Божія. Да не возрастаетъ дерзость ваша отъ того, что всемогущій Богъ попустилъ донынѣ могуществу вашего оружія низложить разные народы: часто въ сей жизни оставляетъ Онъ до времени карать гордыхъ, дабы, если они не смирятся сами, неукоснительно наказать за ихъ нечестіе въ сей жизни, и еще съ большею строгостію. Для сего мы посылаемъ къ вамъ возлюбленнаго сына своего, брата Іоанна, съ его сотрудникомъ, мужей славныхъ благочестіемъ, честностію, и свѣдущихъ въ Священномъ Писаніи, коихъ, ради страха Божія, примите, какъ-бы насъ самихъ, благосклонно и съ честію, вѣря имъ во всемъ томъ, что съ нашей стороны вамъ будетъ сказано, и вступивъ съ ними въ полезные переговоры обо всемъ вышеозначенномъ, а паче о томъ, что касается до мира, что побудило васъ къ истребленію народовъ, и что еще предпринять замышляете. Все сіе откройте намъ чрезъ оныхъ братьевъ подробно, снабдивъ ихъ на пути,

туда и обратно, надежнымъ проводникомъ и всѣмъ нужнымъ, дабы они безопасно возвратились къ намъ. Помянутыхъ-же братьевъ, яко испытанныхъ продолжительнымъ искусомъ, и имѣющихъ въ Священномъ Писаніи обширныя свѣдѣнія, мы избрали преимущественно передъ прочими, ибо почитали ихъ для васъ полезнѣйшими, и рѣшились къ вамъ отправить ихъ, подражая смиренію Спасителя нашего, и если-бы мы знали другихъ еще полезнѣйшихъ и угоднѣйшихъ вамъ, то послали-бы къ вамъ, или нѣкоторыхъ прелатовъ церковныхъ, или иныхъ уполномоченныхъ. *Дано въ Ліонѣ, 9-го Марта II-го года.*

---

2. *Письмо Хана Байджу къ Папѣ и приложеніе выписки изъ завѣтовъ Чингисъ-Хана.* (1247 года).

ПИСЬМО (*).

Dispositione divina ipsius Cham transmissum Baiothnoy verbum.

Papa istud scias.

Tui nuncii venerunt, et tuas litteras ad nos detulerunt. Tui nuncij magna verba dixerunt: nes-

---

(*) Асцелинъ называетъ Байджу *Байотноемъ*, и говоритъ, въ началѣ письма: Exemplum autem litteræ,

cimus utrum uniunxeris eis ita loqui, aut à semetipsis dixerunt. Et in litteris taliter scripseras: homines multos occiditis, interimitis et perditis. Præceptum Dei stabile, et statutum ejus, qui totius faciem orbis continet, ad nos sic est: quicunque statutum audierint, super propriam terram, aquam et patrimonium sedeant, et ei, qui faciem totius orbis continet, virtutem tradant. Quicunque autem præceptum et statutum non audierint, sed aliter fecerint, illi deleantur et perdantur. Nunc super hoc istud statutum et præceptum ad vos transmittimus. Si vultis super terram nostram, aquam et patrimonium sedere, oportet ut tu, Papa, ipse in propria persona ad nos venias, et ad eum, qui faciem totius terræ continet, accedas, et si tu præceptum Dei stabile, et illius, qui faciem totius terræ continet, non audieris, illud nos nescimus, Deus scit. Oportet ut antequam venias, nuncios præmittas, et nobis significes, si venis aut non, si velis nobiscum componere, aut inimicus esse, et responsionem præcepti citò ad nos transmittas. Istud præceptum per manus Aybeg et Sargis missimus, mense Julii 20, die Lunationis, in territorio Sitiens castri scripsimus.

---

quæ à Baiothnoy ad Dominum Papam missa est, hoc est (Грамата-же, которую Байотной послалъ къ Папѣ, была написана такъ:). —

ПРИЛОЖЕНІЕ (*).

Per præceptum Dei vivi, Chingischam, filius Dei dulcis et venerabilis, dicit: qui a Deus excelsus super omnia, ipse Deus immortalis, et super terram Chingischam solus dominus. Volumus istud ad audientium omnium in omnem locum pervenire, provinciis nobis obedientibus, et provinciis nostris rebellantibus. Oportet igitur te, ô Baiothnoy, ut excites eos, et notifices eis, quia hoc est mandatum Dei vivi et immortalis. Incessanter quoque innotescas ejus super hoc petitionem tuam, et innotescas in omni loco hoc meum mandatum, ubicunque nuncius poterit devenire. Et quicunque contradixerit tibi, venabitur, et terra ipsius vastabitur. Et certifico te, quòd quicunque non audierit hoc meum mandatum, erit surdus. Et quicunque viderit hoc meum mandatum, et non fecerit, erit cæcus. Et quicunque fecerit secundum istud meum judicium, cognoscens pacem, et non facit eam, erit claudus. Hæc mea ordi-

---

(*) Слова Асцелина: Hoc autem est exemplar litterarum Cham ad Baiothnoy, quas ipsi Tartari vocant *litteras Dei* (Вотъ и Ханская къ Байотною грамата, которую Татары называютъ *граматою Божіею*). Il faut sans doute attribuer, du moins en partie, говоритъ Оссонъ (Hist. des Mongols, Ч. II, стр. 484), les incohérences de la seconde des deux pièces, que Baïdjou fit remettre aux missionnaires, à l'ignorance des interprètes qui l'ont dictée.

natio perveniat ad noticiam cujuslibet ignorantis et scientis. Quicunque ergo audierit, et observare neglexerit, destruetur, perdetur et morietur. Manifestes igitur istud, ô Baiothnoy. Et quicunque voluerit utilitatem domus suæ, et prosecutus istud fuerit, et voluerit nobis servire, salvabitur et honorabitur, et quicunque audire istud contra dixerit, secundum voluntatem tuam faciens, eos corripere studeas.

ПИСЬМО.

Божественнымъ расположеніемъ Хана, посылается слово Байотноево.

Вѣдай это, Папа.

Послы твои пришли, и грамату твою намъ принесли. Послы твои говорили дерзкія слова: не знаемъ, ты-ли велѣлъ имъ говорить такъ, или они говорили сами отъ себя. А въ граматѣ пишешь ты, что мы многихъ людей убиваемъ, истребляемъ и погубляемъ. Непреложная заповѣдь Божія, и установленіе Того, кто сохраняетъ лице всея земли, таковы: слышащій установленіе, да сидитъ на собственной землѣ, водѣ и отчинѣ, и отдастъ силу тому, кто сохраняетъ лицо всея земли. Кто-же, не внимая заповѣди и установленію, будетъ дѣлать противное, да истребится и погибнетъ. Теперь

посылаемъ мы вамъ это установленіе и эту заповѣдь. Если вы хотите сидѣть на нашей землѣ, водѣ и отчинѣ, то, ты, Папа, приходи къ намъ самолично, и предстань предъ Того, кто сохраняетъ лицо всея земли. Если-же ты не послушаешь непреложной заповѣди Божіей, и Того, кто сохраняетъ лицо всея земли, то мы не знаемъ, что̀ изъ этого будетъ: Богъ вѣстъ. Но прежде нежели ты придешь, пришли пословъ возвѣстить намъ: придешь-ли ты, или нѣтъ? Хочешь-ли жить съ нами согласно, или быть врагомъ? И на сіе повелѣніе пришли намъ скорѣе отвѣтъ. Повелѣніе это посылаемъ мы черезъ руки Айбега и Саргиса. Писано мѣсяца Іюля, 20-го дня луны, въ области замка Ситіенса.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Повелѣніемъ Бога живаго, Чингисъ-Ханъ, сынъ Божій, кроткій и почтенный, говоритъ:

«Какъ Богъ, превознесенный надъ всѣмъ, есть безсмертенъ, такъ на землѣ властвуетъ одинъ Чингисъ-Ханъ.

«Хотимъ, да слова сіи достигнутъ до услышанія всѣхъ и всюду, въ областяхъ намъ повинующихся, и въ областяхъ намъ сопротивляющихся.

«По сему ты, Байошной, да внушишь и возвѣстишь имъ, что таково есть повелѣніе Бога живаго и безсмертнаго; да объявишь немедленно то, о чемъ ты просилъ, и сіе велѣніе мое во всѣхъ мѣстахъ, куда только можетъ дойдти посолъ.

«И если кто будетъ прекословить тебѣ, тотъ, да продастся, и земля его, да опустошится.

«И возвѣщаю тебѣ: кто не услышитъ сего моего велѣнія, тотъ будетъ глухъ, и кто увидя оное не станетъ повиноваться, тотъ будетъ слѣпъ, а кто будетъ исполнять сей судъ мой, тотъ познаетъ миръ; кто-же не будетъ выполнять онаго, тотъ будетъ хромъ.

«Сіе мое постановленіе, да достигнетъ до свѣдѣнія каждаго, невѣжды и ученаго.

«И такъ, кто услышитъ это, и не станетъ выполнять, тотъ, да истребится, погибнетъ и умретъ.

«Объяви-же оное Байошной. И кто восхощетъ блага дома своего, и будетъ сохранять оное, и желаетъ служить намъ, тотъ, да будетъ охраняемъ и чествуемъ. А кто услыша оное, будетъ прекословить, того карай, какъ разсудишь за благо.»

IV.

ОБРАЗЦЫ ОХРАНИТЕЛЬНЫХЪ ГРАМАТЪ,

даванныхъ Ханами золотой Орды Русскому Духовенству.

Грамата Менгу-Темира Митрополиту Кириллу.

Вышняго Бога силою и вышнія Троицы волею, *Менгу-Темирово* слово *людскимъ баскакамъ*, и *Княземъ*, и *полководнымъ Князем*, и *даньщикамъ*, *и писцамъ*, *и мимоѣздящимъ посламъ*, и *сокольникамъ*, и *пардусникамъ*, *и бураложникомъ*, и всѣмъ *пошлинникамъ*. Чингій Царь, потомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя граматы Русскимъ Митрополитамъ и церковнымъ людемъ, тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари по тому-жъ пути пожаловали Поповъ, и Чернцовъ и всѣхъ Богадѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ за насъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ; и не надобе имъ *дань*, и *тамга*, и *поплужное*, ни *ямъ*, ни *подводы*, ни *война*, ни *кормъ*; и какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ граматъ *неизынагивая*, потому-жъ жа-

лусмъ: во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая Царева пошлина, ни Царицына, ни Князей, ни рядцевъ, ни дороги, ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ, ни которые доходы; или, что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мѣльницы, зимовища, лѣтовища, да не замаютъ ихъ, а что будетъ взяли, и они отдадутъ *безпосульно*. А что церковные люди: мастеры, сокольницы, пардусницы, или которые слуги и работницы, и кто ни будетъ ихъ людей, тѣхъ, да не замаютъ ни на что, ни на работу, ни на сторожу; или, что въ законѣ ихъ, иконы и книги, или иное что, по чему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ — да не клянутъ насъ, но въ покоѣ молятся за насъ. А кто вѣру ихъ похулитъ, или ругается, тотъ ни чѣмъ не извинится, и умретъ злою смертію. А Попове единъ хлѣбъ ядуще, и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ, или сынъ, и тѣ потому-жъ пожалованы будутъ; аще-ли отъ нихъ отдѣлилися, и изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать. А Попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ, Бога молятъ стояще и насъ благословляюще; аще-ли кто иметъ неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ, или иные люди иметъ къ себѣ прінмати, хотя Богови молитися, и въ томъ и такъ что будетъ. Молвя сему Митрополиту, грамату сію

дали есмя; и сію грамашу видяще и слышаще, попове и чернцы ни дани, ни иного чего не дають; а кто возметъ, баскацы наши, и Княжіе писцы, и поплужницы, и шаможницы, и они по велицей язѣ не извинется, и смертію да умретъ. Тако молвя, ярлыкъ данъ *Заячьего лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4-е ветха, на Телы* писано.

---

2. *Грамата Узбека Митрополиту Петру.*

Вышняго и безсмертнаго Бога силою, и волею, и величествомъ, и милостію Его многою, *Азбяково* слово всѣмъ нашимъ *Княземъ* великимъ, и середнимъ, и нижнимъ, и сильнымъ *воеводамъ*, и вельможамъ, и Княземъ нашимъ *удѣльнымъ*, и *дорогамъ* славнымъ, и *польскимъ* Княземъ высокимъ и нижнимъ, и *книжникамъ*, и *уставодержальникамъ*, и *учительнымъ людскимъ повѣстникамъ*, и *сбирателямъ*, и *баскакамъ*, и *посламъ* нашимъ, и *гонцамъ*, и *даньщикамъ*, и *писцамъ*, и *мимоѣздящимъ посламъ*, и *ловцамъ* нашимъ, и *сокольникамъ*, и *пардусникамъ*, и всѣмъ людямъ, высокихъ и нижнимъ, малымъ и великимъ нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто-же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей, и

церковныхъ его; да никто-же взимаетъ ни стяжаній, ни именій, ни людей; а знаетъ Петръ Митрополитъ вправду, и право судитъ и управляетъ люди своя вправду, въ чемъ нибудь, и въ разбоѣ, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлехъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ; да вси покаряются и повинуются Митрополиту вся его церковные причты, первымъ изъ начала законамъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и *дефтерямъ*; да не вступаются въ Церковное и Митрополиче никто-же, за неже то Божіе все суть; а кто вступится, а нашъ *ярлыкъ*, и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ ходитъ, да правымъ путемъ пребываетъ и тѣшится; да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся своя церковная управляетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая дѣяти, и управляти; а намъ въ то не вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ Княземъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто-же ничѣмъ въ Церковныя и въ Митрополичьи, ни въ городы ихъ, ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ,

ни въ улусы ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни въ ограды ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада; но вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенныя, старые, отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ, да не будетъ ничто-же переччинено, или порушено, или кѣмъ изобижено; да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безо всякія *голки*; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя. И мы-бо тако-же управляемъ и жалуемъ, яко-же и прежніе Цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ, а мы потому-жъ пути тѣми-жъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ; а мы Божія брежемъ, а даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу повиненъ, а гнѣвъ Божій на него-же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью, да то видя и иные въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши баскаки, и таможники, даньщики, поборщики, писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви Митрополичи; ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены, вся его люди и вся стяжанія его, какъ

ярлыкъ имѣетъ; и Архимандриты, и Игумены и Попы, и вся причты церковные ничѣмъ, никто да не будетъ изобиженъ; дань-ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди, тамга-ли, поплужное-ли, ямъ-ли, мытъ-ли, мостовщина-ли, война-ли, ловитва-ли коя ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, а отъ соборныя церкви, и отъ Петра Митрополита ничтоже да не взимаетъ, и отъ ихъ людей, и отъ всего его причта, тѣ-бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто-бъ того и прежь насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? То всѣ вѣдаютъ. И мы, Богу моляся, по первыхъ Царей граматамъ, граматы имъ давали жаловальные, а не изыначивали ни въ чемъ: какъ то было прежъ насъ, такъ молвя и наше слово уставило по первому пути, которая дань наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, и коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ Царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни есть и кто ни буди, да не взимаютъ, да не просятъ ничто-же; а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ треттицею; аще будетъ взяли за нужу великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смот-

ришъ. А что будутъ церковные люди: ремесленицы кои, или писцы, или каменные здатели, или древяные, или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши никто не вступаются, и на наше дѣло да не емлютъ ихъ; и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши, да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ у нихъ ихъ дѣльныхъ орудій, да не отнимаютъ ничего-же. А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничѣмъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ; а кто учнетъ вѣру хулити, или осужати, и тотъ человѣкъ не извинится ничимъ-же, и умретъ злою смертію. А что попы, и діяконы ихъ, единъ хлѣбъ ѣдятъ, и во единомъ домѣ живутъ, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ потому-жь пути наше жалованье; ожъ кто будетъ отъ нихъ не выступилъ (выступилъ?), а Митрополиту не служитъ, а живетъ (о) себѣ, тотъ именемъ поповскимъ да не отымается, но даетъ дань. А попы, и діяконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ, и правою мыслію; а кто учнетъ неправымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, тотъ грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ попъ, или діяконъ, или причетникъ церковный, или людинъ, кто ни

буди, отткуду ни есть, Митрополиту похотятъ служити, и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. Такъ слово наше учинило. И дали есмя Петру Митрополиту грамату сію, крѣпости ему для, да сію грамату видяще и слышаще, вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушны ему будутъ, по ихъ закону, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ; да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ Царствѣ; а кто вступится въ церковное и въ Митрополиче, и на того будетъ гнѣвъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничѣмъ-же, и умретъ злою казнью. Такъ ярлыкъ данъ, такъ молвя слово наше учинило, таковою крѣпостію утвердило, *Заячьего лѣта, осенняго перваго мѣсяца, 4-го ветха, на Поліихъ писана и дана.*

V.

ДУХОВНАЯ ГРАМАТА

Князя Іоанна Даніиловича Калиты, при отъѣздѣ его въ Орду, въ 1328 году.

Во имя Отца, и Сына, и святаго Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ, пишу душевную грамату, идя въ Орду, ни кѣмъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что разгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сынамъ своимъ и Княгини своей. Приказываю сынамъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ раздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большему Семену: *Можаескъ*, *Коломну*, со всѣми Коломенскими волостьми, *Городенку*, *Мѣзыню*, *Пѣсочну*, *Похряне*, *Устьмерьску*, *Брошевую*, *Гвоздну*, *Иваны* деревни, *Маковець*, *Лѣвичинъ*, *Скулневъ*, *Каневъ*, *Гжелю*, *Горѣтову*, *Горки*, село *Астафьевское*, село на *Сѣверьсцѣ* въ Похрянскомъ уѣздѣ, село *Константиновское*, село *Орининское*, село *Островское*, село *Копотенское*, сельцо *Микульское*, село *Малаховское*, село *Напрудское* у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 цѣпи золоты, 3 пояса золоты, 2 чаши зо-

лоты съ жемчуги, блюдцо золото съ жемчугомъ, съ каменьемъ; а къ тому еще далъ есмь ему 2 *чума* золота большая; а изъ судовъ изъ серебряныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрена. А се даю сыну своему Ивану: *Звенигородъ*, *Кремичну*, *Рузу*, *Ѳоминское*, *Суходоль*, *Великую* свободу, *Замошскую* свободу, *Угожь*, *Ростовцы*, *Окатьева* свободка, *Скирминовское*, *Тростна*, *Нѣгуча*; а села: село *Рюховское*, село *Каменичское*, село *Рузское*, село *Бѣлжинское*, село *Максимовское*, село *Андреевское*, село *Вяземское*, село *Домонтовское*, село въ *Замошской свободѣ*, село *Семцинское*. А изъ золота, далъ есмь сыну своему Ивану: 4 цѣпи золоты, поясъ большой съ жемчугомъ, съ каменьемъ, поясъ золотъ съ каппоргами, поясъ сердониченъ, золотомъ окованъ, 2 *овкача* золота, 2 чашки круглыя золоты, блюдо серебряно Езднинское, 2 блюдци меньшія. А се далъ есмь сыну своему Андрею: *Лопастну*, *Сѣверску*, *Нарунижское*, *Серпуховъ*, *Нѣвнг*, *Темну*, *Голичичи*, *Щитовъ*, *Перемышль*, *Растовецъ*, *Тухачевъ*; а се села: село *Талежское*, село *Серпуховское*, село *Колбасинское*, село *Нарское*, село *Перемышльское*, село *Битяговское*, село *Трифоновское*, село *Ясиновское*, село *Коломнинское*, село *Ногатинское*. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрею: 4 цѣпи золоты, поясъ золотъ Фрязскій съ жемчугомъ, съ каменьемъ; поясъ золотъ съ крюкомъ, на червчатѣ шелку, поясъ золотъ

Царевскій, 2 чары золоты, 2 *чумка* золота меньшая ; а изъ блюдъ : блюдо серебряно, а два малыя. А се даю Княгини своей, съ меньшими дѣтьми: *Сурожикъ* , *Мушкину горy* , *Радонежское* , *Бѣли* , *Воря* , *Черноголовль* , на Вори свободка *Софроньевская* , *Вохна*, *Дѣйково* , *Раменье* , *Данилищева* свободка , *Машевъ*, *Сѣлна* , *Гуслица* , *Раменье* , что было за Княгинею ; а села : село *Михайловское* , село *Луцинское* , село *у озера* , село *Радонежское*, село *Дѣйгунинское* , село *Тыловское Ротожъ* , село *Протасьевское*, село *Аристовское* , село *Лопастенское* , село *Михайловское* на Яузѣ, 2 села *Коломенскія*. А изъ городскихъ волостей даю Княгини своей *осмничее* ; а *тамгою* и иными волостьми городскими подѣлятся сынове мои ; тако-же и мыты , которые въ которомъ уѣздѣ , то тому ; а *оброкомъ медовымъ городскимъ* Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои. А что моихъ *бортниковъ* и *оброчниковъ* купленныхъ , которые въ которой росписи , то того. А по моимъ грѣхомъ, ци имутъ искати Татарове которыхъ волостеи , и отоимутся, вамъ , сыномъ моимъ , и Княгини моей , подѣлити вы ся опять тѣми волостьми на то мѣсто. А *численые* люди , а тѣ вѣдають сынове мои собча , а блюдутъ все съ одиного ; а что мои *люди купленные* въ великомъ свертцѣ , а тыми ся подѣлятъ сынове мои. А что золото Княгини моея Еленино , а то есмь далъ дочери

своей Θетиньѣ: 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковалъ; а *чело* и *гривну*, то есмь далъ при себѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ Княгинѣ своей, съ меньшими дѣтьми. А изъ портъ изъ моихъ: сыну моему *Семену* кожухъ червленый жемчужный, шапка золотая; а *Ивану* сыну моему кожухъ желтая обьярь, съ жемчугомъ, коцъ великій съ бармами; *Андрею* сыну моему бугай соболій съ наплечки, съ великимъ жемчугомъ, съ каменьемъ, скорлатное портище сажено съ бармами. А что есть нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ *аламы*, съ жемчугомъ, а то есмь далъ меньшимъ дѣтямъ своимъ, Марьи-же Θедосьи, ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то раздадятъ по попьямъ. А что мое 100 рублей у Ески, а то раздадятъ по церквамъ. А что ся остало изъ моихъ судовъ изъ серебряныхъ, а тѣмъ подѣлятся сынове мои, и Княгиня моя. А что ся останетъ моихъ портъ, а то раздадятъ по всѣмъ попьямъ, и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное о 4 кольца, а то есмь далъ святей Богородицѣ Володимірской. А приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братью твою молодшую, и Княгиню свою, съ меньшими дѣтьви: по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ. А что есмь далъ сыну своему Семену стадцо, а другое Ивану, а иными стады моими подѣлятся

сынове мои и Княгиня моя. А на се послуси: отецъ мой душевный *Ефремъ*, отецъ мой душевный *Өеодосій*, отецъ мой душевный попъ *Давидъ*. А грамату писалъ Дьякъ Князя Великаго *Кострома*. А кто сю грамату порушитъ, судитъ ему Богъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Стран.

Стран.

Страи.

Стран.

Стран.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Справ.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ IV-му тому

Исторіи Русскаго народа.

ВЪ БАХМУТѢ.

Его Благородіе, Петръ Ивановичъ Война.

ВЪ ВЕЛИКИХЪ ЛУКАХЪ.

Великолуцкій помѣщикъ, Губернскій Секретарь, Иванъ. . . Еремѣевъ.

ВЪ ГАЛИЧѢ.

Его Благородіе, Николай Александровичъ Готовцевъ.

ВЪ ДЕРБЕНТѢ.

Штабсъ-Капитанъ, Куринскаго пѣхотнаго полка, Иванъ Петровичъ Жуковъ.

ВЪ ДЕРПТѢ.

Его Благородіе, Петръ Ивановичъ Прейсъ.

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЛѢ.

Маіоръ, Василій. . . . Синельниковъ.

ВЪ КИШИНЕВѢ.

Подполковн. и Командиръ № 3-го роты 19-й Артиллерійской бригады Борисъ. . . . Зашлеръ.

ВЪ КІЕВѢ.

Степанъ Ивановичъ Литовъ.

ВЪ КАЛУГѢ.

Купецъ, Карней Мироновичъ Богдановъ.

ВЪ КУПЯНСКѢ.

Прапорщикъ Конно-Артилл. № 15-го роты, Василій Николаевичъ Левшинъ.

ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

Купеческій сынъ, Өеластъ. . . . Пяшовъ.

ВЪ СЛОНИМѢ.

Инженеръ-Капитанъ, Илья Ивановичъ Вавиловъ.

ВЪ ТУЛѢ.

Степанъ Ивановичъ Титовъ. 2 экз.

ВЪ ТОРОПЦѢ.

Его Благородіе, Петръ Григорьевичъ Пащенко.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Генералъ. . . . Шабельскій.

Коллежскій Совѣтникъ, Графъ Иванъ Яковлевичъ де Парта.

Священникъ, Константинъ Өедоровичъ Битинскій.

ВЪ ШУѢ.

Шуйскій 2-й гильдіи купецъ, Петръ Меөодіевичъ Гарѣлинъ.

ВЪ м. ШКЛОВѢ.

Шуйскій купеческій братъ, Владиміръ Александровичъ Борисовъ.

